

Революционное движение 1848-9 гг. в Италии, Австро-Венгрии и Германии. С некоторым анализом предыдущих тридцати трех лет

К. Эдмунд Морис

THE
REVOLUTIONARY MOVEMENT
OF 1848-9
IN ITALY, AUSTRIA-HUNGARY, AND
GERMANY.
WITH SOME EXAMINATION OF THE PREVIOUS
THIRTY-THREE YEARS.

BY
C. EDMUND MAURICE,
AUTHOR OF "THE LIVES OF ENGLISH POPULAR LEADERS IN
THE MIDDLE AGES."

WITH AN ENGRAVED FRONTISPIECE AND OTHER ILLUSTRATIONS.

Электронная книга проекта Гутенберга о революционном движении 1848-9 годов в Италии, Австро-Венгрии и Германии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Революционное движение 1848-9 гг. в Италии, австро-Венгрии и Германии

Автор: К. Эдмунд Морис

Дата выхода: 26 апреля 2012 [Электронная книга №39540]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Генри Флауэром, Одесситкой Пейдж Тернер и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Библиотечным проектом Google Books (<http://books.google.com>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1848-9 ГОДОВ В ИТАЛИИ, АВСТРО-ВЕНГРИИ И ГЕРМАНИИ" ***

Электронный текст подготовлен Генри Флауэром, Одесситкой Пейдж Тернер и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных библиотечным проектом Google Books (<http://books.google.com>)

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через проект библиотеки Google Books. Видеть <http://books.google.com/books?vid=Qo4MAAAAYAAJ&id>

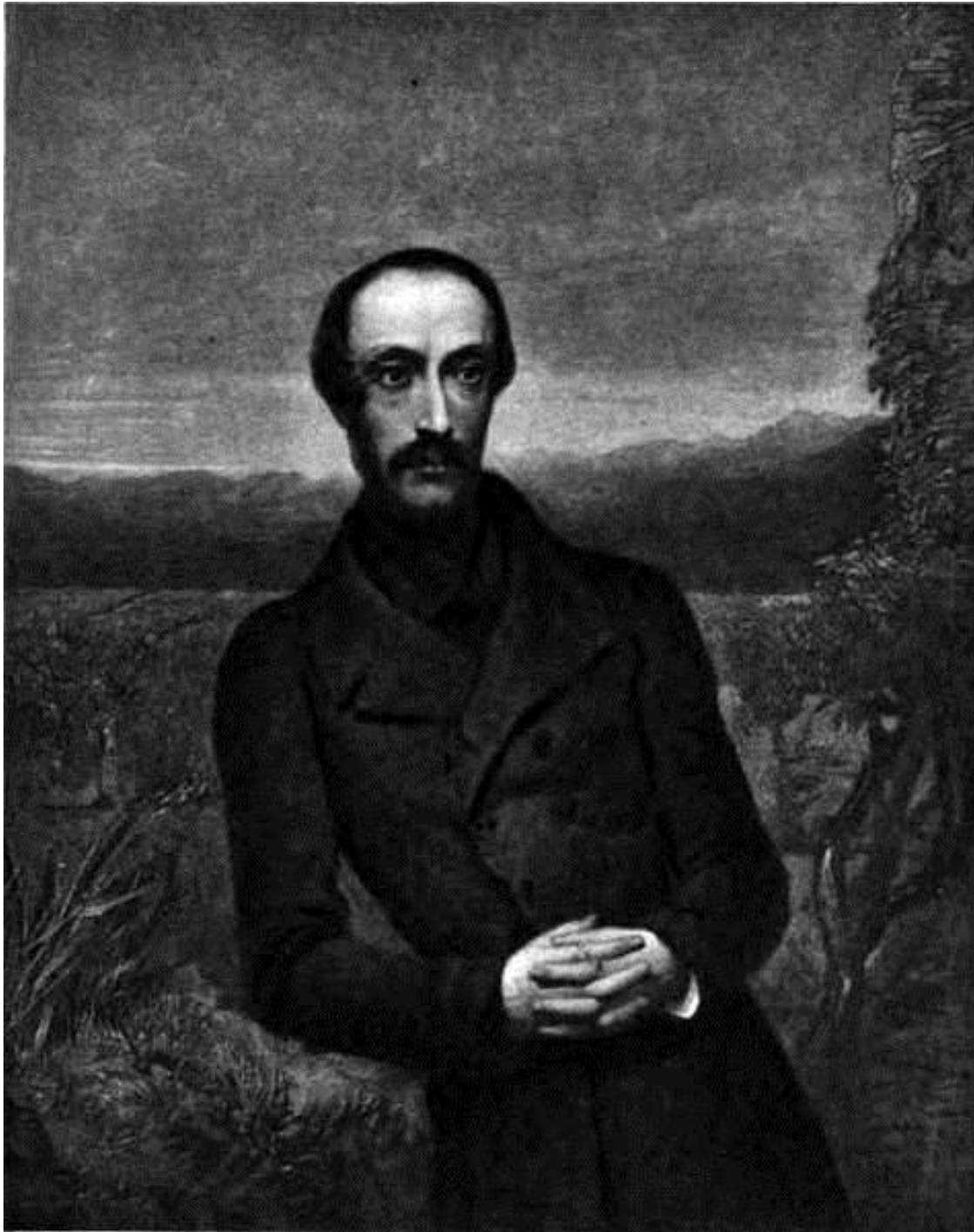
РЕВОЛЮЦИИ 1848-9гг.

Es reden und träumen die Menschen viel
Von bessern künftigen Tagen:
Nach einem glücklichen, goldenen Ziel
Sieht man sie rennen und jagen.

Die Welt wird alt, und wird wieder jung;
Doch der Mensch hofft immer Verbesserung.

* * * * *

Es ist kein leerer schmeichelnder Wahn,
Erzeugt im Gehirne des Thoren.
Im Herzen kündigt es laut sich an:
Zu was Besserm sind wir geboren;
Und was die innere Stimme spricht,
Das täuscht die hoffende Seele nicht.
Schiller.

Giuseppe Mazzini.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1848-9 гг. В ИТАЛИИ, АВСТРО-ВЕНГРИИ И ГЕРМАНИИ

С НЕКОТОРЫМ АНАЛИЗОМ ПРЕДЫДУЩИХ ТРИДЦАТИ ТРЕХ ЛЕТ.

К. ЭДМУНД МОРИС,
АВТОР КНИГИ "ЖИЗНЬ АНГЛИЙСКИХ ПОПУЛЯРНЫХ ЛИДЕРОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА".

С ВЫГРАВИРОВАННЫМ ФРОНТИСПИСОМ И ДРУГИМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

Нью-Йорк: СЫНОВЬЯ Дж. П. ПАТНЭМА

Лондон: ДЖОРДЖ БЕЛЛ И СЫНОВЬЯ

1887.

[Право на перевод зарезервировано.]

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЧИЗВИК ПРЕСС": К. УИТТИНГЕМ И КОМПАНИЯ, ТУКС КОРТ,
ЧАНСЕРИ ЛЕЙН.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Следующая книга - результат многолетней работы. Ее цель - показать связи, которые связывали воедино различные движения в Германии, Италии и Австрийской империи в 1848-9 годах. Сколько бы книг ни было написано о различных этапах этой борьбы, я не знаю ни одной попытки связать их воедино. Насколько авантюрна эта попытка, я с болью осознаю, и тем не менее мне довелось узнать, что за эту задачу взялся и отказался от нее по крайней мере один писатель, обладающий многими качествами, на которые я не могу претендовать. Я имею в виду моего друга доктора Юджина Освальда, который самым щедрым образом помог мне в выполнении работы, на которую у него не было времени. Но я могу сказать без высокомерия, что какой бы недостаточной ни была моя история с точки зрения знаний и способностей, которые продемонстрировал бы доктор Освальд, а также с точки зрения той реалистичности, которую его личное участие в важном восстании в Бадене позволило бы ему придать описаниям; все же у меня, по крайней мере, не возникнет соблазна какой-либо односторонней оценки заслуг различных рас, вовлеченных в борьбу, соблазна, от которого вряд ли смог бы избежать самый

искренний немец. Моя единственная опасность в этом вопросе заключалась бы в том, что я мог бы поддаваться искушению слишком благосклонно отзываться о *всех* движениях этих различных рас; видя, что во время моих исследований в городах, затронутых этими движениями, я получил самую чрезвычайную вежливость и радушие от немцев и богемцев, мадьяр и секлеров, саксонцев и румын, сербов, хорватов и итальянцев; и я не чувствую ничего, кроме боли от любого слова критики, произнесенного мной на этих страницах, которое может затронуть восприимчивость любой из этих рас.

Следует, конечно, отметить, что я опустил в этой истории какие-либо сведения о Французской революции. Мои доводы в пользу этого были приведены в начале седьмой главы. Но я могу добавить к тому, что я там сказал, что я давно ощущал непропорциональное значение, которое многие люди придавали Французской революции 1848 года с точки зрения ее непосредственного влияния на Европу. Из Палермо, а не из Парижа, пришел первый революционный взрыв. Из Пресбурга, а не из Парижа, пришло известие, которое отстранило Меттерниха от власти и придало революции европейский характер. В этих обстоятельствах мне пришла в голову идея рассказать историю европейской революции, не затрагивая ее французской части, за исключением самых незначительных моментов; так, чтобы изучающие этот период могли справедливо оценить другие влияния, которые привели к этим великим результатам, не ослепленные великолепием, которым, кажется, всегда обладает для изучающего революцию все, что делается в Париже.

Еще одна особенность моей книги также нуждается в некотором объяснении. Я, насколько это возможно, избегал ссылок на авторитетные источники в примечаниях. Такие ссылки только беспокоят обычного читателя, в то время как студенту, я думаю, больше поможет список авторитетных источников, который я прилагаю к этому предисловию.

Теперь мне остается только поблагодарить тех друзей, которые помогали мне в моей работе. Что касается немецкой части Революции, то я получил большую помощь от любезного одолжения "Новой рейнской газеты" покойного доктора Карла Маркса. Что касается специальной баденской части, то я получил помощь не только от доктора Освальда, но и от доктора Карла Блинда, который одолжил мне брошюры, недоступные иным способом. Что касается богемной части повествования, то я многим обязан любезной помощи доктора Габлера, мистера Напрстека, графа Лео Туна младшего и доктора Ригера. За намеки на венскую борьбу я благодарен доктору фон Франклу, известному поэту революции, а также доктору Фриджунгу. За некоторые общие намеки по славянскому вопросу я в большом долгу перед бароном Хелфертом; и свой долг перед доктором Хербстом я признал в записке. За общую венгерскую информацию я благодарен мистеру Пульски, мисс Тулмин Смит, генералу Клапке, моему доброму другу профессору Фельмери из Клаузенбурга, доктору Линднеру, мистеру Ковачу, мистеру Ковари, мистеру Борошу из того же города и мистеру Сабо, ныне библиотекаря Клаузенбургского университета, в прошлом выдающемся офицеру армии генерала Бема; также мистеру Фекете, мистеру Шандору и профессору Кончу из Мароша Вазархели; и последнее, но не менее важное, мистеру Педжету, автору книги "Венгрия и Трансильвания." За особые намеки по саксонскому вопросу я в долгу, среди прочих, перед доктором Тойчем, профессором Сенцем и покойным "обергеспаном" Германштадта, герром фон Бреннербергом, потерю которого для округа я хорошо понимаю, поскольку недельное знакомство позволило

мне оценить исключительную справедливость его ума, а также его неизменную доброту; в то время как за информацию с румынской точки зрения я благодарен мистеру Баррицу. Информацией по сербским вопросам я обязан главным образом г-ну Политу, и г-ну Хаджичу из Нойзаца, и г-ну Босковичу из Белграда, за знакомство с которыми я должен поблагодарить покойного сербского министра в Англии г-на Миятовича. Того же человека, который меня представил, я должен поблагодарить за доброту, проявленную ко мне мистером Матковичу из Аграма. В последнем упомянутом городе я также получил полезную информацию и помощь от г-на Субека и библиотекаря Южно-Славянской академии.

За помощь в работе с итальянцами я должен поблагодарить моего старого друга мадам Вентури, синьора Эрнесто Натана, синьора Кардинали, синьора Берти, профессора Виллари, синьора Гвасталлу, профессора Аурелио Саффи (бывшего триумвира Рима), синьора Галли, доктора Сакки, синдика Гоито, библиотекаря Библиотеки Брера в Милане и моего друга синьора Пицци.—За различного рода помощь я должен поблагодарить мисс Веджвуд, мисс Ирби, доктора Брандла и мистера Гарнетта из Британского музея.

Я также должен поблагодарить мистера Дизи за доброту, разрешившую сделать копию его фотографии Кошута для включения в мою книгу. Этой услугой, наряду с другой помощью, я обязан моему другу мистеру Б. Гунзту.

Содержание.

	СТРАНИЦА
Власти консультировались с	XI
Главными расами австрийской империи	XVII
таблицей дат	XIX
Глава I. Триумф деспотизма	1
" II. Первые попытки конституционализма	19
" III. Вера и закон против деспотизма	52
" IV. Язык и ученость против деспотизма	88
" V. Деспотизм отступает перед конституционализмом	117
" VI. Первые предвестники бури"	168
" VII. Падение деспотизма	216
" VIII. Борьба рас	275
" IX. Революция распадается на отдельные части	334
" X. Последние усилия конституционализма	401
" XI. Смертельная борьба за свободу	431
Индекс	497

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Джузеппе Мадзини		<i>Фронтиспис.</i>	
Кошут Лайос	<i>встретится лицом к лицу со страницей</i>		84
Роберта Блюма	"		224
Il Vascello, Rome	"		483

ПРОКОНСУЛЬТИРОВАЛИСЬ С ВЛАСТЯМИ.

Всеобщая история.

Мемуары Меттерниха.

Menzel's Geschichte der letzten vierzig Jahre.

ГЕРМАНИЯ.

Всеобщая история Германии.

Арндт, Жизнь.

Blum, Life of.

Görres, Life of.

Marx, Neue Rheinische Zeitung.

Пертес, "Жизнь".

Штайн, "Жизнь" профессора Сили.

Stenographischer Bericht des deutschen Vor Parlaments zu Frankfort.

---- des Fünfziger Ausschusses.

---- der deutschen Constituirenden Versammlung.

Zimmermann Deutsche Revolution.

ПРУССИЯ.

Humboldt Brief-Wechsel mit einem Jungen Freunde.

--- Письма Варнгагену фон Энзе.

Schmalz Berichtigung einer Stelle in der Bredow-Venturinischen Chronik für das Jahr 1808.

BADEN.

Gerr (Аманд) Rückblick auf die Badische Revolution (from La Ligue des Peuples).

La Liberté de Penser (журнал, содержащий брошюры и т.п. о Баденской революции).

Morel Der März-Aufstand und Die Badische Revolution.

Struve (Gustav) Geschichte der Volks Erhebungen in Baden.

" (Amalie) Erinnerungen, &c.

SCHLESWIG-HOLSTEIN.

Adressen an eine hohe deutsche Versammlung, &c., von Kiel.

Bunsen. Мемуары о конституционных правах герцогств.

Дройзен. Политика Дании в отношении герцогств.

SWITZERLAND.

Der Untergang des Sonderbundes.

Австрия.

Всеобщая история.

Хелферт. Geschichte Oesterreichs.

Спрингер. Geschichte Oesterreichs seit der Wiener Frieden, 1809.

Pillersdorf. Rückblick auf die politische Bewegung in Oesterreich.

ВЕНА.

Дандер. Denkschrift über die Wiener October Revolution.

Grüner. Geschichte der October Revolution.

Reschauer. Das Jahr 1848.

Reichstag's Gallerie, &c.

Verhandlungen des Oesterreichischen Landtages 1848.

Violand. Die Sociale Geschichte der Revolution in Oesterreich.

Wiener Boten.

BOHEMIA.

Müller. Die merkwürdigsten Tage Prags in der Pfingst-Woche des Jahres 1848.

Памети (Брошюры, прокламации и др., в архивах Праги).

Schöpf. Volks Bewegung in Prag.

Ständische Verhältnisse des Königreichs Böhmen.

Стайлз. Австрия в 1848-9 годах.

Томайн. Das Böhmisches Staatsrecht.

GALICIA.

Ausschlüsse über die jungsten Ereignisse in Polen.
Красински. Panslavismus und Germanismus.
Кроликовский. Mémoire sur l'Etat de Cracovie, 1840.
Zaleski. Die Pölnische Frage.

Венгрия.

Всеобщая история.

Beschwerden and Klagen der Slaven in Ungarn, 1843.
Böhmisch-Slavische Helden in der Panslavismus.
Дик, Жизнь.
Гергей. Моя жизнь и действия в Венгрии.
Ирби (Мисс). Через Карпаты.
Кларка. Воспоминания о войне за независимость в Венгрии.
Кошут, Мемуары Э. О. С. из "Истории Венгрии"
Ковари (Ласло) Окманитар аз, 1848-9. (Эта книга, хотя и написана на венгерском языке, содержит некоторые важные документы на немецком, которыми я смог воспользоваться.)
Mailath (Count Johann) Geschichte von Oesterreich.
" Der Ungarische Reichstag in 1830.
Пейджет. Венгрия и Трансильвания.
Пульски. Meine Zeit mein Leben.
" (Мадам). Воспоминания венгерской леди.
Смит (Тулмин). Параллели между Конституцией и конституционной историей Англии и Венгрии.
Szechenyi (Vortrag über) Ludwig Fezstory.
Zur Geschichte des Ungarischen Freiheits-Kampfes Autentische Berichte.

ХОРВАТИЯ И СЛАВОНИЯ.

Aktenstücke zur Geschichte des Croatisch Slavonischen Landtages, by Pejaković.
Agramer Zeitung, 1843-8.
Deutsche Viertels-Jahr-Schrift (article called Mittheilungen aus Serbien).
Le Duc. La Croatie et la Confédération Italienne.
Serbes de Hongrie, &c.
Verhandlungen des Agramer Landtags in October, 1845.
Другие брошюры по хорватскому вопросу.

ТРАНСИЛЬВАНИЯ.

Bem. Feldzug in Siebenbürgen, by Czetz.
Бонар. Трансильвания, ее продукты и люди.
Deutsche Worte, a magazine.
Фриденфельс, Йозеф Бедеус фон Шарберг.

Клаузенбург, Собрание документов в библиотеке им.
Lauriani. Die Romänen der Oesterreichischer Monarchie.
Марош Вазархели, Коллекция барона Апора из.
Рот. Der Sprach-Kampf in Siebenbürgen.
Scharberg. Die Verfassung Siebenbürgens.
Unterhaltungen aus der Gegenwart.
Vereinigung Siebenbürgens mit Ungarn vom Standpunkte der Sachsischen Nation beleuchtet.
Zieglaue. Die Reform-Bewegung in Siebenbürgen.

ИТАЛИЯ

Всеобщая история.

Альфиери. Opere. Автобиография.
Bianchi (Nicomede), Storia della politica Austriaca rispetto ai Sovrani ed ai Governi Italiani dell'anno
1791, al Maggio del 1857.
Coppi. Annali d'Italia.
Д'Амато. Panteon dei Martiri della libertà Italiana.
Фарини. Стато Романо (на самом деле включает большую часть других частей).
Foscolo (Ugo) Scritte politiche inedite. Jacopo Ortis.
---- Lettera a Conte Verri.
---- Lettera a Conte di Ficquelmont.
---- (Vita di). Pecchio.
Галленга. Италия в 1848 году.
Винченцо Джоберти (биография В. Г. в "И современных итальянцев"). Del Primato Morale e Civile
degli Italiani.
Gualterio. Gli Ultimi Rivolgimenti Italiani.
---- Delle Negative date dal Conte Solaro della Margherita.
Ла Конкордия (статья опубликована в Генуе).
La Farina. Storia dell'Italia dopo il Settembre del 1847.
Манцони (Алессандро). Cenni Sulla vita Sua.
Политический сборник Дженовези (памфлеты, песни и т.п., изданные в Генуе и имеющие
отношение к революции).
Мадзини, "Жизнь и сочинения" (перевод Э. А. В.).
Паницци, "Письмо ад", "Di uomini illustri" и др.
Раналли. Итальянская история с 1846 по 1853 год.

ЛОМБАРДИЯ И ВЕНЕЦИЯ.

Андриян. Mémoires d'un prisonnier d'Etat.
Anfossi (Francesco). Память Суллы кампании Ломбардии 1848 года.
Библиотека Брера (Милан), Коллекции карикатур, брошюр и воззваний В.
Cantù (Cesare). Издания и жизни Монти и Парини.
Casati. Nuove rivelazioni su i fatti di Milano nel 1847-8.

Cattaneo. Dell'Insurrezione di Milano.

" Archivio Triennale.

Дандоло. Итальянские добровольцы и ломбардская стрелковая бригада.
Миланская газета, 1848.

Манин, Документы и аутентичные публикации.

Quadro politico di Milano (сборник брошюр и др.).

Ведови (Тимолеоне). Собор Святого Георгия и Бельфиоре.

НЕАПОЛЬ И Сицилия.

Colletta. История Неаполя (перевод).

Ruggiero Settimo. Per Gabriele Colonna.

ПЬЕМОНТ.

Автобиография Бальбо (Чезаре).

" Speranze d'Italia.

Брофферио. Storia di Piemonte.

" I miei Tempi.

Solaro della Margherita, Vita di per Biginelli.

" Историко-политический меморандум.

" Avvedimenti Politici.

РИМСКИЕ ГОСУДАРСТВА.

Арто. Vie de Pie 7.

" Vie de Pie 8.

Balleydier. Storia della Rivoluzione di Roma.

Beghelli. La Repubblica Romana del 1849.

Brasini. L'8 Agosto 1848, Bologna.

" La Resistenza di Bologna nelle otto Giornate di Maggio, 1849.

D'Azeglio (Massimo) Degli ultimi casi di Romagna.

" Correspondance Politique.

Мониторио Романо, 1848 и 1849гг.

Орсини. Мемуары.

Пазолини (Мемуары), переведенные его сыном.

Protocollo della Repubblica Romana.

Repubblica Italiana del 1849 (anonymous clerical).

Rossi (Pellegrino). Жизнь за Рагги (включая другие заметки о нем).

Torre (Federico). История памяти французского интервента (незакончена).

ТОСКАНА.

Guerrazzi (Domenico) Apologia della Vita Politica. (Его романы также следует прочитать, чтобы оценить его влияние.)

ГЛАВНЫЕ РАСЫ АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

Венгрия.

Мађьяры, правящая раса; встречаются в большинстве частей королевства, но в основном в северных частях. Полу-турецкая раса (неарийская). Различные вероучения; кальвинизм - наиболее отличительный (*т.е.* тот, который больше всего связан с расовой борьбой). Главный город, Буда-Пеш.

Хорваты, обитают в основном в Хорватии, но иногда в Славонии и Далмации. Вероисповедание - римско-католическое; славянская раса; главный город - Аграм.

Саксы, обитающие на юго-востоке Трансильвании. Вероисповедание, в основном лютеранское; раса - немецкая; главный город - Херманштадт.

Сербы, обитающие в основном в Славонии, но также в Банате, Бачке и в меньшем количестве в других частях Венгрии. Вероисповедание - греческая церковь; раса - славянская; главные города - Нойзац и Карловиц.

Словаки, обитающие в Северной Венгрии. Вероисповедание - лютеране; раса - славянская.

Секлер, найденный на северо-востоке Трансильвании. Вероисповедания разные; раса такая же, как у мађьяр; главный город - Марош Васархей.

Румынский, или *валлакский*, во всех частях Трансильвании и нескольких в Банате. Вероисповедание, греческая церковь; раса, смешанная с дакийской и итальянской; главный город Блазендорф.

Итальянцы, обитающие в Далмации и Истрии.

Западная Австрия.

Немцы, встречающиеся повсюду, но главным образом в эрцгерцогстве. Вероисповедание, в основном римско-католическое; главный город - Вена.

Словенцы, обитающие в Крае, Каринтии и Штирии. Раса, славянская.

Чехив Богемии, Моравии и Силезии. Вероисповедание, в основном римско-католическое; раса - славянская; главный город - Прага.

Galicia.

Поляки, встречаются во всех частях света. Вероисповедание - римско-католическое; раса - славянская; главный город - Лемберг.

Русины. Вероисповедание - греческая церковь; раса - славянская.

ТАБЛИЦА ДАТ.

1846.	Апрель	25.	Карл Альберт бросает вызов Австрии по поводу налога на соль.
	15	.	Избрание Пия IX.
	Июль	8.	Король Дании утверждает свое право на поглощение Шлезвиг-Гольштейна.
	"	16.	Амнистия Пия IX.
1847.	Января	3.	Ландтаг созван в Берлин.
	Июль	5 июля.	Папа предоставляет Риму гражданскую гвардию.
	"	14.	Заговор клерикалов в Риме подавлен.
	"	16.	Австрийская оккупация Феррары.
	"	20.	Сейм Швейцарии постановляет распустить Зондербунд.
	Сентябрь	1 сентября.	Неудачное восстание в Мессине.
	"	12.	Встреча южногерманских либералов в Оффенбурге.
	"	29.	Меттерних официально выражает свое одобрение Зондербунду.
	Ноябрь.	4.	В Пеште рассмотрено предложение о налогообложении дворян.
	"	24.	Войска швейцарского сейма занимают Люцерн.
	9 декабря	.	Назари выдвигает свое предложение о реформе в Милане.
	"	16.	Соглашение об эвакуации австрийских войск из Феррары.
	"	27.	Чичеруаккио просит папу вступить в Итальянскую лигу.
		.	Беспорядки среди курящих в Милане.
1848	2 и 3		
год.	января	12.	Начинается восстание на Сицилии.
	"	19.	Арест Манина и Томмазо в Венеции.
	"	29.	Конституция Неаполитании принята.
	Февраль.	4.	Леопольд Тосканский обещает Конституцию.
	"	12.	Папа назначает первых мирских священников.
	"	22.	В Ломбардии объявлено военное положение.
	"	27.	Митинг в Мангейме с требованием к парламенту Германии.
	Март.	2.	Вторая палата Бадена требует отмены Карлсбадских декретов. Падение министерства в Баварии.
	"	3.	Речь Кошута в Пресбурге.

"	11.	Первая встреча в "Венцельсбаде" в Праге.
"	13.	Восстание в Вене. Петиция рабочих в Берлине. Дарование Либерального министерства королем Саксонии.
"	15.	Отречение Меттерниха.
"	16.	Студенческое восстание в Пеште. Восстание в Берлине. Дарование Конституции Папой Римским.
"	17.	Встреча сербов в Пеше.
"	С 18 по 22.	Пять дней в Милане.
"	22.	Восстание в Венеции.
"	23.	Манин избран президентом Венецианской республики. Джеллачич объявил Бан Хорватии. Карл Альберт объявляет войну Австрии.
"	25.	Открывается Прусская ассамблея.
"	26.	Король Неаполя, свергнутый сицилийцами.
"	31.	Заседание парламента во Франкфурте.
Апрель	2 апреля.	Бундестаг отменяет Карлсбадские указы.
"	4.	Бундестаг уполномочивает Пруссию действовать от имени Германии в Шлезвиг-Гольштейне.
"	8.	Первая битва при Гойто.
"	11.	Палацкий отказывается присоединиться к Комитету пятидесяти во Франкфурте.
"	16.	Первое баденское восстание.
"	29.	Папская резолюция против итальянской войны.
Мая	1.	Славян созвали на встречу в Праге.
"	3.	Сформировано министерство Мамиани.
"	13.	Встреча сербов в Карловице. Временное правительство в Милане выступает за объединение.
"	15.	Coup d'état in Naples. Второе восстание в Вене. Встреча румын в Блазендорфе.
"	18.	Первое заседание Учредительного собрания во Франкфурте. Бегство австрийского императора в Иннсбрук.
"	28.	Битва при Куртатоне.
"	29.	Неудавшийся бунт в Милане. Завершение голосования за объединение.
"	30.	Славянский конгресс в Праге. Роспуск парламента Трансильвании. Сдача Пескьеры Шарлю Альберту.
Июнь	2 июня.	Первая встреча мадьяр и румын.

"	3. В Богемии сформировано	отдельное временное правительство.
"	11.	Нападение Грабовского на Карловица. Падение Виченцы.
"	с 12 по 18.	Восстание в Праге.
"	19.	Фердинанд объявляет Джелласича предателем.
"	29.	Еллачича сделали диктатором хорваты. Эрцгерцог Иоанн избран администратором Германской империи.
Июль	4 июля.	Венеция соглашается на слияние с Пьемонтом.
"	22.	Кошут поддерживает голосование за отправку войск против итальянцев.
5 августа	.	Капитуляция Милана.
"	8.	Изгнание австрийцев из Болоньи.
"	11.	Восстановление диктатуры Манина в Венеции.
"	26.	Подписано Мальменское перемирие.
"	31.	Отмена феодальных повинностей в Вене.
Сентябрь.	5.	Ассамблея Франкфурта осуждает перемирие в Мальме.
"	9.	Джеллачич пересекает реку Драв.
"	11.	Митинг румын в знак протеста против венгерской воинской повинности.
"	16.	Ассамблея Франкфурта отменяет свое голосование по поводу перемирия в Мальме.
"	18.	Эмиграция во Франкфурте.
"	21.	"Путч Струве".
"	25.	Официальное назначение Ламберга в Буда-Пеш.
"	28.	Убийство Ламберга.
3 октября	.	Еллачич объявлен диктатором Венгрии.
"	6.	Убийство Латура.
"	7.	Хорватская армия сдается венграм. Фердинанд летит в Иннсбрук.
"	8.	Кошут угрожает смертью тем, кто не вывесит венгерский флаг.
"	10.	Ауэрсберг и Джеллачич объединяют усилия.
"	11.	Чешские депутаты встречаются в Праге.
"	18.	Обращение Пучнера к трансильванцам.
"	21.	Венгерские войска пересекают австрийскую границу.
"	22.	Первое заседание парламента Кремля.

	"	30. Battle of Schwechat.
1849	Nov.	1. Windischgrätz enters Vienna.
	"	9. Выстрел Блюма.
	"	15. Убийство Росси. Прусское собрание голосует за то, чтобы больше не платить налоги.
	"	24. Бегство Папы Римского.
	"	28. Прусское собрание решает покинуть Берлин. Кавеньяк объявляет о предполагаемой экспедиции в Рим.
	2 декабря	. Отречение Фердинанда от престола.
	"	5. Окончательный роспуск прусского парламента.
	"	13. Обращение из Форли с просьбой созвать Учредительное собрание.
	"	18. Франкфуртский парламент отменяет феодальные повинности.
	"	31. Венгерский комитет обороны отступает в Дебрецен.
год.	Январь.	11. Парламент Франкфурта голосует за исключение Австрии из состава Германии.
	"	22. Гергей отправляет декларацию Вайзена в Виндишграц.
	Февраль.	1. Саксонцы обращаются за помощью к русским.
	"	6. Повторная оккупация Феррары австрийскими войсками.
	"	8. Бегство великого герцога из Тосканы.
	"	9. Провозглашение Римской республики.
	"	19. Гергея заменил Дембинский.
	"	21. Объявление о том, что австрийцы перешли реку По.
	"	26. Открытие прусского парламента.
	Март.	7. Роспуск парламента Кремье.
	"	11. Захват Германштадта Бемом.
	"	12. Карл Альберт объявляет войну Австрии.
	"	20. Официальное объявление новой конституции Австрии.
	"	23. Битва при Новаре. Отречение Карла Альберта.
	"	28. Парламент Франкфурта принимает решение предложить корону Германии королю Пруссии.
	"	29. Мадзини, Саффи и Армеллини стали Триумвирами.
	Апрель	1. Взятие Брешии Хайнаном.
	"	3. Король Пруссии отказывается от короны Германии.

"	14.	Провозглашение независимости Венгрии.
"	17.	Заключительное заседание парламента Сицилии.
"	24.	Французы прибывают в Чивита-Веккью.
"	25.	Повторная оккупация Пешта венграми.
"	27.	Роспуск прусского парламента.
Май	14 мая.	Начало третьего Баденского восстания. Король Пруссии отзывает прусских депутатов из Франкфуртского парламента.
"	15.	Неаполитанцы захватывают Палермо.
"	20.	Болонья захвачена австрийцами.
"	26.	Предложения Лессепса приняты триумвирами.
"	30.	Парламент Франкфурта постановляет перенести заседание в Штутгарт.
"	31.	Удино отвергает Конвенцию Лессепса.
Июнь	4 июня.	Заявление России о предполагаемом вторжении в Венгрию.
"	13.	Восстание Ледрю Роллена в Париже.
"	17.	Первая победа русских в Трансильвании.
"	18.	Окончательный роспуск немецкого парламента.
"	19.	Австрийцы захватывают Анкону.
"	30.	Римское собрание решает уступить. Пруссаки окружают Раштатт, который является центром баденского движения.
Июль	3 июля.	Французы входят в Рим.
"	15.	Папская власть восстановлена.
"	28.	Смерть Чарльза Альберта. Венгерский сейм распускается сам.
5 августа	.	Взятие русскими Германштадта.
"	11.	Гергея сделали диктатором. Кошут прилетает из Венгрии.
"	13.	Гергей сдается в Вилагосе.
"	28.	Австрийцы входят в Венецию.
Сентябрь	26 сентября.	Клапка сдает Коморн.

ГЛАВА I.

ТОРЖЕСТВО ДЕСПОТИЗМА. 1815-1819гг.

Состояние Европы в 1815 году.—Позиция Меттерниха.—Характер Александра Российского.—Отношение Меттерниха к религии.—Madame de Krüdener.—Священный

союз.—Устремления немцев.—Steinv. Metternich.—Schmalz's pamphlet.—Рейнская провинция.—Арндт и Геррес.—Малые государства Германии.—Württemberg.—Weimar.—Демонстрация в Йене.—The Burschenschaft.—Вартбургская демонстрация.—Убийство Коцебу.—Карлсбадские декреты.—Заключительный акт Вены. —Триумф Меттерниха.

В 1814 году Наполеон Бонапарт перестал править Европой, и после очень короткого междуцарствия вместо него воцарился Клемент Меттерних. Со времени падения Стадиона и распада Австрии в 1809 году этот государственный деятель оказывал главное влияние на австрийские дела; и благодаря своей искусной дипломатии император получил возможность играть в Европе роль, которая, хотя и не была ни почетной, ни достойной, была в высшей степени рассчитана на то, чтобы позволить этому принцу занять ведущее положение в политике, когда другие державы были истощены войной и не знали, что за этим последует. Но Франциск Австрийский, хотя и был согласен с Меттернихом, на самом деле был его рукой, а не головой; и таким образом, хитрый министр легко принял на себя реальное руководство Европой, притворяясь смиренным слугой австрийского императора.

Система нового правителя напоминала систему Наполеона своим презрением к правам людей и наций; но ее предстояло приукрасить видимостью законности, кажущимся уважением к правам королей и решимостью сохранить мир и избежать драматических сенсаций, что сделало ее желанной в Европе после восемнадцати лет почти непрекращающихся войн или слухов о войнах. Когда он оглядывал страны, попавшие под его власть, созерцание существующего состояния Европы, казалось, сулило новому монарху довольно успешное правление. Франция была удовлетворена сохранением Эльзаса и Лотарингии, а также ощущением того, что из центра революции она теперь превратилась в краеугольный камень легитимности. Поначалу казалось, что Англия внесла свой вклад в дело свободы, пообещав независимость Генуе и гарантировав Сицилийскую конституцию; но с помощью Каслри, которого Меттерних охарактеризовал как "честного и просвещенного государственного деятеля", австрийскому правительству удалось убедить англичан согласиться спокойно наблюдать, как Генуя будет поглощена Королевством Сардиния, а Англо-сицилийская конституция будет уничтожена Фердинандом Неаполитанским; и английское рвение к независимости было счастливо переключено с поддержки конституций и гражданских свобод на борьбу за независимость. первенство самой презренной марионетки Наполеона, короля Саксонии.

Король Пруссии, которому в 1813 году, казалось, грозила опасность стать поборником народных прав и свободы Германии, теперь, со свойственной ему слабостью, склонился на сторону деспотизма; и любое раздражение, которое он мог испытывать из-за противодействия его притязаниям на Саксонию, было устранено уступкой Рейнской провинции.

Среди мелких государей Европы только король Сардинии и папа римский проявляли какие-либо признаки восстания против нового правителя Европы. Первый возражал против продолжающейся оккупации Александрии австрийскими войсками, в то время как представители папы римского даже выразили протест против того расплывчатого и опасного пункта Венского мирного договора, который давал Австрии право оккупировать Феррару.

Но, с другой стороны, король Сардинии проявил больше рвения, чем любой другой правитель Италии, в восстановлении старого феодального и абсолютистского режима, свергнутого французами. И хотя кардинал Консальви, главный советник папы римского, в настоящее время проводил полулиберальную политику, можно было пока считать, что он всего лишь создал работоспособное правительство в Риме. А папа римский, похищенный Наполеоном, вряд ли стал бы оказывать серьезное сопротивление человеку, который, по его собственному мнению, был свергнувшим Наполеона.

Однако существовали две трудности, которые, казалось, могли помешать процветанию правления Меттерниха. Таков был характер Александра I Российского и устремления немецкой нации.

Александр, действительно, если иногда и раздражал Меттерниха, то, очевидно, доставлял ему немалое удовольствие и тот вид удовольствия, который каждый человек находит в подходящем предмете для проявления своих особых талантов. Ибо Александр был в высшей степени человеком, которым можно было управлять. Восторженный, мечтательный и тщеславный; то одержимый планами завоеваний, то стремящийся к развитию некоего идеала свободы, то наполненный каким-то запутанным религиозным мистицизмом; то стремящийся разделить мир с Наполеоном, то стремящийся восстановить независимость Польши; то прислушивающийся к призывам Меттерниха к своим страхам, то к более благородным и либеральным предложениям Штейна и Поццо ди Борго;^[1] последователен только в одном желании сыграть впечатляющую и мелодраматичную роль в европейских делах.

Но каким бы забавным ни был Александр для Меттерниха, существовали обстоятельства, связанные с состоянием Европы, которые могли сделать его слабую любовь к показухе столь же опасной для политики Меттерниха, сколь и более решительного противника. По Европе все еще были разбросаны следы старых стремлений к свободе, которые впервые были зажжены Французской революцией и вновь пробуждены восстанием против Наполеона. Оставляя в стороне, на данный момент, лидеров немецкой мысли, были люди, которые надеялись, что даже Наполеон может дать свободу Польше; были испанские народные лидеры, восставшие за независимость своей страны; лангобарды, заседавшие в Ассамблее Североальпийской республики; карбонарии в Неаполе, которые сражались под командованием Мюрата и которые одно время получали некоторую поддержку даже от своего нынешнего короля. Если российский царь поставит себя во главе подобной комбинации, последствия для Европы действительно могут быть серьезными.

Но звезды на своем пути благоприятствовали Меттерниху, и сила, которую он считал почти такой же опасной, как характер Александра, оказалась средством привлечь царя на сторону деспотизма.

Нет ничего более характерного для Меттерниха и его системы, чем его отношение к любому виду религиозного чувства. Можно было бы предположить, что антирелигиозный дух, проявившийся в самый ожесточенный период Французской революции и, в значительной степени, также в карьере Наполеона, побудил бы реставраторов старой системы апеллировать как к клерикальным чувствам, так и к религиозному чувству как к наиболее надежному оплоту законного деспотизма. Меттерних был гораздо мудрее. Он знал, несмотря на случайные

обстоятельства, которые соединили атеизм с более ожесточенными формами якобинства, что со времен Моисея до времен Джорджа Вашингтона религиозное чувство постоянно было огромной силой на стороне свободы; и хотя он мог пытаться верить, что только ему одному было вменено в вину падение Наполеона, все же он не мог не осознавать, что многие все еще воображали, что народные восстания в Испании и Германии способствовали достижению этой цели, и что в обоих этих случаях элемент религиозного чувства помог усилить народный энтузиазм. Он также чувствовал, что, как бы сильно духовенство ни превращалось временами в орудие деспотизма, оно действительно представляло духовную силу, которая могла стать опасной для тех, кто полагался на мощь армий, традиции земных царей или уловки дипломатов. Поэтому, как бы ему ни не нравилась уравнительная и освободительная часть политики Иосифа II, Меттерних разделял враждебность этого князя к власти духовенства.

И Меттерних был склонен сдерживать религиозный энтузиазм не только из политических соображений. Как и многие аристократы своего времени, он попал под влияние французских философов восемнадцатого века; его жесткий и циничный дух легко перенял влияние их учения; и ему не составило труда приправить вольтерианство легкой примесью респектабельного ортодоксального торизма.

Метод, с помощью которого он достиг этой цели, следует изложить его собственными словами: "Я читаю каждый день одну или две главы Библии. Каждый день я открываю для себя новые красоты и падаю ниц перед этой замечательной книгой; в то время как в двадцать лет мне было трудно не думать, что семья Лота недостойна спасения, Ной недостойн жить, Саул - великий преступник, а Давид - ужасный человек. В двадцать лет я пытался понять Апокалипсис; теперь я уверен, что никогда его не пойму. В возрасте двадцати лет глубокий и продолжительный поиск в Священных Книгах сделал меня атеистом на манер Аламбера и Лаланда или христианином на манер Шатобриана. Теперь я верю и не критикую. Привыкший заниматься великими моральными вопросами, чего я не достиг или чему не позволил осуществиться, прежде чем дошел до того, что папа и мой кюре умоляли меня принять от них самое портативное издание Библии? Смело ли с моей стороны утверждать наверняка, что среди тысячи индивидуумов, выбранных из числа людей, из которых состоит народ, найдутся, благодаря своим интеллектуальным способностям, образованию или возрасту, очень немногие, кто достиг той точки, где нахожусь я?"

Это изложение его позиции взято из письма, написанного с целью выразить протест российскому послу по поводу покровительства, оказываемого императором Александром библейским обществам. Но насколько больше такой настрой заставил бы его с отвращением взирать на религиозное возбуждение, которое проявлялось даже в Австрийском герцогстве!

И, по правде говоря, люди с гораздо более глубокими религиозными чувствами, чем Меттерних, вполне могли быть недовольны влиянием человека, который был главной движущей силой этого возбуждения.

Баронесса де Крюденер, в прошлом одна из самых веселых парижских светских дам, которую, по крайней мере, подозревали в не слишком щепетильном поведении, прошла через процесс, который Карлайл так убедительно описывает в своем очерке об Игнатии Лойоле. Она заменила волнения мира волнениями религии и теперь проповедовала и пророчествовала о тысячелетии добрых дел, которое наступит в другом мире, для тех, кто откажется от некоторых наиболее банальных развлечений настоящего. Беспокойство, которое она производила в умах людей,

особенно встревожило Меттерниха; и, возможно, трудно доказать, под каким влиянием она была вынуждена уехать в Россию и там вступила в контакт с легковозбудимым царем.

Под ее влиянием Александр составил манифест, из которого следовало, что, хотя все люди были братьями, короли были отцами своих народов; Россия, Австрия и Пруссия были разными ветвями одного христианского народа, который не признавал никого, кроме Высшего правителя; и они должны были объединиться, чтобы навязать христианские принципы народам Европы. Когда проект этой прокламации был впервые представлен Меттерниху, он был настолько чужд его образу мыслей, что он мог отнестись к нему только с презрением; и Фридрих Вильгельм Прусский был единственным правителем, который отнесся к нему с хотя бы некоторым одобрением. Но при всем своем презрении у Меттерниха хватило ума увидеть, что пиетизм Александра Российского теперь был обращен в русло, которое можно было использовать для укрепления собственной системы правления Меттерниха; и таким образом, после того, как он побудил Александра, во многом против его воли, видоизменять первоначальный проект, Меттерних заложил основу Священного союза.

Но все еще оставался тревожный вопрос о чаяниях германской нации; и поначалу казалось вероятным, что они сосредоточены в человеке гораздо более высокого типа и гораздо более твердой решимости, чем Александр. Это был барон фон Штейн, который, смещенный с поста Наполеоном, был в изгнании центром притяжения для всех тех, кто трудился во имя свободы Германии. В свое время он высказался в пользу создания немецкого парламента. Но Меттерниху гениально удалось противопоставить ему местные настроения небольших немецких государств; и вместо настоящего парламента, к которому стремился Штайн, возникло то любопытное устройство для сдерживания национального развития, которое называется Германский бунд.

В его состав входили тридцать девять членов, представителей всех различных правительств Германии. Утверждалось, что его целью является сохранение внешней и внутренней безопасности Германии, а также независимости и неприкосновенности ее отдельных государств. Если и требовалось внести какие-либо изменения в основные законы, то это могло быть сделано только единогласным голосованием. В каждом штате Бунда должна была быть введена та или иная форма Конституции; должны были быть приняты меры в отношении свободы прессы, и Бунд также должен был учитывать вопрос о торговле и сношениях между различными штатами. Все члены Бундестага должны были защищать Германию и каждое отдельное государство от любого нападения. Расплывчатость и расплывчатость этих положений позволила Меттерниху так управлять бундестагом, что он победил цели Штайна и его друзей и постепенно использовал это слабо организованное Собрание в качестве эффективного двигателя деспотизма.

Но на самом деле Штайн был плохо приспособлен для того, чтобы сколь-нибудь эффективно представлять народные настроения. Его позицию не совсем легко объяснить. В какой-то степени он верил в Людей, особенно *в немецкий* народ. Иными словами, он верил в способность этого народа *чувствовать* справедливо и благородно; и до тех пор, пока это чувство выражалось в форме призыва к своим правителям направлять и править справедливо, он, как никто другой, стремился, чтобы этот призыв был услышан. Ему также нравилось ощущение компактного воплощения этого чувства в каком-либо учреждении, представляющем единство нации. Но идеи, связанные с народным представительством в английском

понимании, вызывали у него мало симпатии. То, что народ или его представители должны *рассуждать* или действовать независимо от своих суверенов, было политической концепцией, которая вызывала у него крайнее отвращение.

Короче говоря, антагонизм Штейна к Меттерниху был таким же сильным, как у самого продвинутого демократа; но это было не столько противостояние поборника свободы поборнику деспотизма, сколько противостояние честного человека негодяю. Меттерних писал в своих Мемуарах, когда он впервые вступил в должность в 1809 году: "Со дня подписания мира мы должны ограничить нашу систему лавированием, поворотами и лестью. Только так мы сможем сохранить свое существование до дня всеобщего освобождения". Этой политике последовательно следовали. Уход Эндрю Хофера после тирольского восстания 1809 года, внебрачный брак Марии Луизы, союз с Наполеоном, подавление всех народных усилий сбросить французское иго, своевременное отступление от дела Наполеона - достаточно скоро, чтобы придать важность союзу Австрии с Пруссией, Россией и Англией, достаточно поздно, чтобы предотвратить любую опасность поражения и несчастий; эти действия определили характер политики Меттерниха и вызвали отвращение Штейна.

Как подобные искусства отталкивали его от Меттерниха, так и Штейна привлекали к Арндту, Шлейермахеру и Штеффенсу общая любовь к честности и общая способность к самопожертвованию; но, тем не менее, он смотрел на них в значительной степени как на мечтателей и теоретиков; и этот недостаток симпатии к ним рос по мере того, как народное движение принимало более независимую форму, пока, наконец, поборник парламентского правления, освободитель прусских крестьян, вождь немецкого народа в борьбе против Наполеона, полностью не отошел от них. политической жизни из-за отсутствия симпатий ко всем партиям.

Но не к одному Штейну обращались немцы в 1813 году за помощью и ободрением в своей борьбе против Наполеона. В то время народ нашел других благородных лидеров и помнил их. Король Пруссии, к своему стыду, тоже помнил их. Он прекрасно осознавал, что сыграл очень печальную роль в начале борьбы и что вместо того, чтобы повести за собой свой народ, он был крайне неохотно поставлен им в положение поборника свободы. Следовательно, Фридрих Вильгельм III действовал не просто из страха перед политическими последствиями конституционного движения, а исходя из более личных чувств. стремился забыть события 1813 года.

Но если король хотел оставить в стороне неприятные факты, его льстецы были склонны пойти гораздо дальше и отрицать их. Человек по имени Шмальц, которого справедливо или ошибочно обвиняли в том, что он действовал в 1808 году вместе с Шарнхорстом в продвижении Тугендбунда,^[2] и в том, что он писал о народных собраниях в демократическом ключе, теперь написал брошюру, чтобы оправдаться против этих обвинений.

Исходя из этой личной точки зрения, он продолжал утверждать, что все, что было полезным в движении 1813 года, исходило непосредственно от короля; что предприятия, подобные тому, с помощью которого Шилль пытался поднять пруссаков на действительно народную борьбу против французов, были совершенной ошибкой; что политические союзы ничего не сделали для возбуждения народа; что союз между Пруссией и Францией в 1812 году спас Европу; и что немецкий народ не проявлял никакого желания сбросить иго Наполеона, пока король не дал слово в феврале 1813 года.

Эта брошюра сразу же вызвала бурю негодования. Нибур и Шлейермахер оба написали ответы на него, и по сохраняющейся популярности короля был нанесен тяжелый удар, когда выяснилось, что он сдерживал оппозицию и даже удостоил Шмальца особой честью. Главный очаг недовольства находился во вновь приобретенной Рейнской провинции. Король Пруссии, действительно, надеялся, что основав университет в Бонне, назначив Арндта профессором истории, а Герреса, бывшего редактора "Рейнского меркурия", директором отдела общественного образования, он сможет привлечь на свою сторону народные настроения в провинции.

Но Арндт и Геррес были людьми, которых нельзя заставить замолчать ни благосклонностью, ни страхом. Геррес выразил протест королю за награждение Шмальца орденом и организовал петиции о приведении в исполнение пункта Венского мирного договора, который позволял Бунду созывать трибуналы различных провинций. Арндт повторил свое требование отмены крепостного права в его собственной провинции Рюген, выступал за крестьянскую собственность и, прежде всего, за парламентское правление в Германии.

Чувство недовольства, которое помогали поддерживать эти брошюры, еще больше усилилось в Рейнской провинции из-за растущего ощущения, что Фридрих Вильгельм пытается подавить местные традиции и местную независимость с помощью прусских чиновников.

Столь горькими были антипруссские чувства, вызванные этим поведением, что к австрийскому императору, как противнику пруссализации Германии, на время пробудилась симпатия; и Меттерних, путешествуя в 1817 году по этой провинции, заметил, что это "без сомнения, та часть Европы, где императора любят больше всего, *даже больше, чем в нашей собственной стране*".

Но то, что правитель Европы мог извлечь из этого случайного результата немецкого недовольства, было лишь мимолетным удовлетворением. Он уже начал понимать, что его противодействие единству Германии и последовавшая за этим попытка выдать себя за защитника отдельных государств не способствовали укреплению деспотической системы, которую любила его душа.

Штайн выступал против приема небольших немецких государств на Венский конгресс, без сомнения, считая, что таким образом единство Германии будет лучше достигнуто, и, весьма вероятно, не доверяя Баварии и Вюртембергу, как бывшим союзникам Наполеона. Меттерних с помощью Талейрана пресек эту попытку исключения и добился приема Баварии и Вюртемберга в Конгресс. Но теперь он обнаружил, что сами эти Состояния были шипами в его боку.

Их возмущали попытки Меттерниха диктовать им свои внутренние дела; и, хотя король Баварии мог ограничиться туманными фразами о свободе, король Вюртемберга действительно пошел на то, чтобы даровать Конституцию. Если бы этот король прожил намного дольше, Меттерних, возможно, смог бы возродить против него воспоминание о его прежнем союзе с Наполеоном. Но когда после его смерти в 1816 году новый король Вюртемберга, подлинный немецкий патриот, продолжил вопреки своей знати отстаивать Конституцию своего отца, эта надежда была утрачена, и южногерманские государства до последнего, с большей или меньшей последовательностью, оставались препятствием на пути к завершенности системы Меттерниха.

Но краткое описание трудностей, с которыми столкнулся Меттерних в Германии, еще не завершено. Правитель другого небольшого княжества, герцог Веймарский, воспользовался, подобно королю Вюртемберга, разрешением даровать своему народу Конституцию; и был более заметен, чем даже король Вюртемберга, поощряя свободу дискуссий в своих владениях. Эта любовь к свободе в Веймаре, как и в большинстве стран Европы, была связана с университетской жизнью и, таким образом, нашла свой центр в знаменитом Йенском университете; и 18 июня 1816 года студенты университета встретились, чтобы отпраздновать годовщину битвы при Лейпциге. Там, к великой тревоге властей, они публично сожгли брошюру Шмальца и еще одну, написанную драматургом Коцебу, который, как считалось, отвратил Александра Российского от дела свободы и теперь действует как его орудие и шпион.

Начальник рейнской полиции, без сомнения, сознававший волнения в своей провинции, сделал герцогу Веймарскому замечание за допущение подобных беспорядков.

Это противодействие усилило движение, которое оно было призвано остановить. Ян, основавший гимнастические школы, которые во время войны быстро превратились в места военных упражнений для патриотически настроенных немцев, теперь выступил с инициативой организовать Burschenschaft, общество, в которое должны были войти все патриотически настроенные студенты Германии. Меттерних и его друзья были всерьез встревожены продвижением оппозиции, но события, казалось, снова работали в его пользу; и энтузиазм студентов, плохо управляемый, вскоре должен был послужить оправданием для удара, который на время обеспечил победу поборникам абсолютизма.

Стремление к свободе, кажется, всегда связано с любовью к символизму; и движение за реформы, естественно, привело к возрождению симпатий к более ранним реформаторам. Движимые этими чувствами, студенты Лейпцига и других немецких университетов собрались в Вартбурге в 1817 году, чтобы возродить память о свидетельстве Лютера о свободе мысли; и они воспользовались случаем, чтобы выразить протест против тирании своего времени.

Очевидно, энтузиазм австрийского императора не распространился на Саксонию; поскольку жезл австрийского капрала был одним из первых предметов, брошенных в костер, который разожгли студенты; в то время как неприязнь к Пруссии была символизирована сожжением пары прусских военных жилетов, а ненависть к тирании, царившей в небольших государствах, нашла выход в сожжении гессенской косички. Демонстрация вызвала сильное неодобрение среди более строгих последователей Меттерниха, но Штайн и другие протестовали против любых попыток помешать студентам на их собрании.

В следующем году Буршеншафт, который Ян хотел создать, начал обретать форму, что любой ценой усилило тревогу сторонников мира. Меттерних оказался на высоте положения и хвастался, что стал моральной силой в Европе, которая оставит после себя пустоту, когда исчезнет. В марте 1819 года произошло событие, которое, наконец, дало этой "моральной силе" успех, который на тот момент казался прочным.

Людвиг Занд, молодой человек, учившийся сначала в Эрлангене, а затем в Йене, 23 марта 1819 года пришел в дом Коцебу в Мангейме и ударил его ножом в сердце.

Было сказано, правда или ложь, что с Песком была найдена бумага, в которой говорилось, что он действовал с разрешения Университета ... Говорили также, что Песок сыграл заметную роль в праздновании Вартбурга. С логикой, обычной для паникеров, Меттерних легко смог вывести

из этих фактов вывод о том, что университеты, предоставленные самим себе, должны превратиться в школы подстрекательства к мятежу и убийству.

Герцог Веймарский, проявив, пожалуй, больше мужества, чем такта, предвосхитил замыслы Меттерниха, провозгласив свободу мысли и преподавания в университетах как наилучшую гарантию достижения истины.

Это заявление еще больше укрепило позиции Меттерниха. Отказавшись от позиции, которую он занял на Венском конгрессе, защитника малых государств Германии, он обратился к королю Пруссии за помощью, чтобы принудить герцога Веймарского и немецкие университеты.

Фридрих Вильгельм, несмотря на свою поддержку Шмальца, все еще испытывал некоторые угрызения совести. В мае 1815 года он публично пообещал Пруссии Конституцию; Штайн и Гумбольдт страстно желали, чтобы он выполнил это обещание, и даже менее щепетильный Харденберг считал, что рано или поздно оно должно быть выполнено.

Но Меттерних убеждал короля, что он позволил опасным принципам вырасти в Пруссии; что его королевство было центром заговора против мира и порядка в Германии и что, если он однажды признает представительное правительство, другие державы будут вынуждены оставить его на произвол судьбы.

Король, уже встревоженный ходом событий, был легко уговорен Меттернихом отказаться от предложения, в котором, казалось, не было ничего хорошего, кроме обязанности сдерживать свое слово. Арндт был лишен профессорского звания и предстал перед комиссией по обвинению в участии в республиканском заговоре; Ян был арестован, а Геррес бежал из страны, чтобы позже вновь появиться в Баварии в качестве поборника ультрамонтанства против пагубного влияния Пруссии.

Затем Меттерних перешел к своему мастерскому удару. Он созвал конференцию в Карлсбаде, чтобы сокрушить революционный дух университетов. Была назначена комиссия из пяти членов, под руководством которой в каждом университете должен был находиться чиновник, направляющий умы и исследования студентов к обоснованным политическим выводам. Каждое правительство Германии обязывалось уволить любого преподавателя, которого комиссия сочтет опасным; и если какое-либо правительство будет сопротивляться, комиссия заставит это сделать. Ни одно правительство никогда не должно было принять преподавателя, исключенного таким образом из какого-либо другого университета. Ни одна газета объемом менее двадцати страниц не должна была выходить без разрешения Правления, назначенного для этой цели, и каждое государство Германии должно было отвечать перед Бундом за содержание своих газет. Редактору запрещенной газеты должно было быть, *ipso facto*, запрещено создавать другую газету в течение пяти лет в любом штате Бунда; и должен был быть создан центральный совет для расследования демагогических заговоров.

Эти декреты кажутся достаточно сокрушительным двигателем деспотизма; но все еще оставалось небольшое препятствие, которое нужно было устранить с пути Меттерниха. 13-я статья Венского мирного договора предполагала принятие Конституций разными правительствами Германии; и, как бы расплывчато это ни было сформулировано, и Меттерних, и Фрэнсис сочли этот пункт препятствием на их пути.

Поэтому, как только были приняты Карлсбадские декреты, Меттерних вновь созвал различные штаты Германии для обсуждения улучшения этого пункта. Представители Баварии и Вюртемберга протестовали против этого вмешательства в независимость отдельных государств; и, хотя представитель Пруссии неизменно поддерживал Меттерниха, необходимо было сделать некоторую уступку по форме противникам его политики.

Поэтому было решено, что никакие Конституции не должны препятствовать князьям Германии ни в осуществлении их власти, ни в исполнении их обязанностей как членов Бунда. С помощью этого простого приема Меттерних смог без сопротивления принять императорский тон, который соответствовал его положению. Запись в его мемуарах, естественно, отмечает этот высший момент триумфа. "Я рассказал своим двадцати пяти друзьям, - говорит он, - чего мы хотим и чего не хотим; это признание вызвало всеобщее одобрение, и каждый утверждал, что никогда не хотел большего или меньшего, да и вообще ничего другого".

Таким образом, Меттерних был признан бесспорным правителем Германии и, на данный момент, Европы.

ГЛАВА II. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА, 1820-1832гг.

Влияние наполеоновских войн на чувства итальянцев.—Австрийские обещания и выступления в Ломбардии.—Винченцо Монти.—Ugo Foscolo.—Алессандро Манцони.—Федерико Конфалоньери.—Позиция Сардинии.—Отношения Сардинии с Австрией.—Реакция при Викторе Эммануиле.—Фердинанд I. Неаполитанский.—Карбонарии.—Восстание в Испании.—Конституция Испании.—Неаполитанское восстание.—Гульельмо Пепе.—Конференция в Троппау.—Палермо и Конституция 1812 года.—Разногласия в лагере либералов.—Позиция Фердинанда.—Движение в Пьемонте.—Санта—Роза.—Чарльз Альберт.—"Вольева и не вольева." — Восстание студентов.—Восстание в Пьемонте и причины его провала.—Реакция в Италии.—Первый мученик.—Греческое восстание.—Александр Российский.—Джордж Каннинг.—Распад Священного союза.—Движения 1830-31 гг.—Франкфуртские декреты.—Второй триумф Меттерниха.

Из всех стран Европы ни одна так сильно не пострадала от наполеоновских войн, как Италия, как во благо, так и во зло; и ни в одной части Италии следы этих войн не были так очевидны, как в Ломбардии. Хотя оседлая свобода была неизвестна там с тех пор, как города Ломбардской лиги попали под власть своих мелких тиранов; хотя любое чувство, даже национальной независимости, должно было исчезнуть с шестнадцатого века; все же, по-видимому, лангобарды не осознавали в полной мере истинную нищету положения завоеванной страны, ощущение абсолютно чуждого правления, пока в Утрехтском мире 1713 года не было заменено австрийское правление на правление испанцев. Испанская тирания, какой бы жестокой она ни была, была смягчена по отношению к итальянцам чувством расовой общности и схожести языка; а готовность завоевателей вступать в браки с побежденными вселяла надежду на окончательное слияние рас. Но при германском правлении не было таких модификаций зла завоевания. Новые правители держались в стороне от итальянцев, и последним ежеминутно напоминали, что они не просто рабы, а рабы чужого и несимпатичного хозяина.

Когда итальянец во главе французской армии предложил лангобардам освобождение от немецкого владычества; когда он организовал их в отдельный легион и выказывал им особое доверие на протяжении всех своих войн; когда он учредил правительство Цизальпийской республики и представил их изумленным взорам видение объединенной Италии, было естественно, что такие призывы должны были пробудить надежды на новую жизнь и более гордое положение в советах Европы.

Это правда, что их уверенность претерпела ужасные потрясения. Ужасное предательство Мирного договора в Кампо-Формио, манипулирование Конституцией Североальпийской республики, постепенные изменения, которые имели тенденцию включить ее во Французскую империю; для лангобардов это были довольно четкие признаки того, чего они могли в конечном итоге ожидать от своего так называемого освободителя.

Однако, несмотря на все эти акты насилия и предательства, Наполеон все еще придерживался идеи об отдельном королевстве Италия, если не в настоящем, то в недалеком будущем. Если Наполеон подведет их, Эжен Богарне может воплотить в жизнь идеал, над которым насмехался его отчим; если Эжен Богарне окажется лжецом, король Неаполя Иоахим может привести их к свободе.

И затем, что самое замечательное из всего! было объявлено, что австриец, в свою очередь, может стать освободителем. В 1809 году эрцгерцог Иоанн пообещал итальянцам от имени императора Франциска "конституцию, основанную на природе вещей, и границы, недоступные никакому иностранному правлению. Европа хорошо знает, - продолжал эрцгерцог, - что слово этого принца священно и что оно столь же неизменно, сколь и чисто. Это Небеса говорят его устами".

Генерал Нюджент, командующий австрийскими войсками, позже подкрепил это провозглашение столь же решительными обещаниями независимости Италии, и уже 26 апреля 1814 года лорд Уильям Бентинк, создатель Сицилийской конституции 1812 года, добавил свои гарантии свободы, процветания и независимости Италии.

Таким образом, итальянцы питали некоторые надежды на справедливость со стороны европейских держав. Они были потрясены Венским конгрессом; и лангобарды испытали новый шок, когда обнаружили, насколько нереальными были даже кажущиеся уступки, сделанные этим Конгрессом. Центральная конгрегация Ломбардии, которая не имела права инициировать реформы и вряд ли позволяла высказывать жалобы, была единственным воплощением принципа независимости Италии; и "граница, гарантированная от иностранцев", не могла исключить не только австрийских солдат из гарнизонов Ломбардии, но даже австрийских судей из ее трибуналов и австрийских профессоров из ее университетов; тайные трибуналы судили ломбардцев, которые были арестованы неизвестно за что; налоги, совершенно непропорциональные размерам Ломбардии, истощали страну в пользу других частей империи; и полиция шел по стопам самых выдающихся граждан.

Ломбардия не могла быть уверена даже в своих собственных сыновьях. Самые мудрые лангобарды вполне могли бы быть сбиты с толку быстрой сменой правительства, произошедшей за короткий промежуток в восемнадцать лет. Они видели, как австрийская тирания уступила место Цизальпийской республике; они прошли несколько запутанных этапов от республиканского правления под деспотизмом Наполеона, деспотизмом, который, в свою

очередь, уступил место более свободному правлению Эжена Богарне; и, наконец, они были свидетелями свержения Богарне и восстановления австрийского правления в более сокрушительной форме, чем раньше.

Такие перемены поколебали не только их политические суждения, но и их представление о добре и зле. Когда гениальные люди, такие как поэт Винченцо Монти, могли начать свою литературную карьеру с яростной поэмы против Франции, продолжить ее песнями, восхваляющими французских завоевателей как защитников свободы, затем написать хвалебные речи империи Наполеона и, наконец, присоединиться к открытию библиотеки, которая должна была стать средством примирения итальянцев с их австрийскими завоевателями, едва ли можно удивляться, что люди с более низким интеллектом оказались одинаково готовыми поклоняться каждому новому правителю, когда он приходил к власти, и попирали память павших героев.

Человек более благородного типа, чем Монти, выразил, возможно, даже более ясно, чувство отчаяния, которое, казалось, должно было стать лейтмотивом итальянских чувств. Уго Фосколо с самого своего рождения был воплощением запутанного состояния Италии того периода. Он родился в 1778 году на острове Занте, в то время колонии Венецианской республики, в условиях крайнего беззакония. Оттуда его отправили учиться в Падую, и таким образом он повзрослел в период тех постоянных перемен в Ломбардии, которые озаменовали период борьбы с Францией. Одно время он подумывал о том, чтобы стать священником, но вскоре посвятил себя литературе.

Единственными образцами для итальянских драматургов того периода были произведения Витторио Альфиери, чьи чувства и литературный вкус заставляли его придерживаться, насколько это было возможно, старых классических традиций. В возрасте девятнадцати лет Фосколо выбрал в качестве своего первого сюжета для драмы "ужасную историю Фиеста"; но хотя это произведение было встречено бурными аплодисментами, его литературная карьера на некоторое время была прервана Кампо-Формийским договором.

Его политические убеждения, по-видимому, уже сильно сформировались, поскольку он был вынужден покинуть Венецию, спасаясь от преследований нового правительства. Однако создание Североальпийской республики возродило его надежды, и он поспешил в Милан, чтобы приобщиться к новой жизни. Там он познакомился с двумя ведущими поэтами того времени, Винченцо Монти и Джузеппе Парини. От первого он получил несколько намеков на стиль; от второго он извлек более благородный урок ненависти к коррупции и раболепию. Но растущая тирания Наполеона, осознание непостоянства его собственных соотечественников и отвращение к правлению австрийцев породили в Фосколо горький оттенок цинизма и отчаяния.

Именно в таком душевном состоянии он увлекся "романом о Вертере" Гете; и на его основе он создал странную рапсодическую историю Якопо Ортиса, в которой герой, разочаровавшийся в любви и политике, находит убежище, подобно Вертеру, в самоубийстве. Но в то время как немецкий роман был всего лишь выражением мимолетного чувства, которое автору доставляло удовольствие облекать в художественную форму, итальянская история была преднамеренным выражением самого постоянного душевного состояния Фосколо и была принята как воплощение чувств многих других ломбардских юношей.

Фосколо, после борьбы за независимость Италии против австрийского вторжения 1815 года, с отвращением уехал в Англию; но некоторые из тех, кто с радостью принял бы его как товарища по работе, все еще оставались в Ломбардии и пытались сформировать ядро свободной итальянской мысли.

Из них самым замечательным был Алессандро Манцони, наиболее известный иностранцам как автор книги "Я обещаю спасение". Влияние Манцони более широко ощущалось в Италии в более поздний период; но присутствие такого человека среди ломбардских патриотов 1816-20 годов - слишком примечательный факт, чтобы пройти мимо внимания. Он, как и многие другие молодые дворяне, пережил фазу скептицизма восемнадцатого века. Но в 1808 году его привлекла красивая протестантка, которая после замужества с Манцони перешла в римский католицизм и в конце концов привела своего мужа к принятию той же веры. Многие из его старых товарищей осуждали его обращение, а некоторые даже приписывали это злым побуждениям. Но вскоре они обнаружили, что его новая вера отнюдь не ослабила его итальянских чувств, а наоборот, в каком-то смысле смягчила их. Жесткий классицизм, моду на который установил Альфиери и от которого Фосколо не мог избавиться, был противен Манцони, который мечтал стать священным поэтом Италии и которого Гете признавал "христианином без фанатизма, католиком без лицемерия".

Манцони не любил Эжена Богарне за то, что тот хотел унаследовать свой титул на королевство Италия от Александра Русского; но он сочувствовал попытке Мюрата и был готов действовать вместе с теми лангобардами, которые хотели пробудить итальянские чувства в литературе и политике.

Но хотя такие люди, как Фосколо и Манцони, имели более широкое и глубокое влияние во всех частях Италии, человеком, который больше всего вызывал надежды лангобардов и страх и ненависть Меттерниха в тот период, был человек, чье имя сейчас мало кто помнит за пределами его собственной страны. Это был граф Федерико Конфалоньери. Он, как и многие лучшие люди своей страны, испытывал равное отвращение к французским и австрийским правителям; и, когда в 1814 году итальянский сенат внес предложение обеспечить от союзников независимое королевство Италия, которым управлял бы Эжен Богарне, Конфалоньери возглавил протест против этого предложения. Австрийские шпионы воспользовались случаем, чтобы поднять бунт против Сената, и во время этого беспорядка Прина, один из министров, был схвачен толпой и убит, несмотря на возмущенный протест Конфалоньери.

Сенат бежал, и новое Временное правительство Ломбардии отправило Конфалоньери в Париж умолять о создании независимого королевства Ломбардия. Его призыв, однако, был напрасен, и, когда австрийцы восстановили свое господство, Конфалоньери был изгнан из Милана. Вскоре, однако, он вернулся и посвятил себя всестороннему развитию ресурсов своей страны. В Лондоне и Париже он изучал принцип взаимного обучения; с этой целью он основал школы в Ломбардии. Ему удалось построить первый пароход в Милане, ввести газовое освещение и поощрять всевозможные усовершенствования, как художественные, так и промышленные.

Но его великой работой было собрать вокруг себя в литературных и политических целях великих писателей Ломбардии; и он основал журнал под названием "Il Conciliatore", материалы в который присылали поэт Сильвио Пеллико, историки Сисмонди и Ботта, Манцони и Фосколо и, среди прочих, некий ломбардский изгнанник, которому впоследствии суждено было снискать короткую и печальную известность в истории Италии, Пеллегрини Росси. Таким образом, как

великий дворянин, поощряющий материальный рост своей страны, как центр литературного движения и, прежде всего, как известный поборник свободы, Конфалоньери приковывал к себе внимание всех, кто его знал.

Но, как бы ни ревностно ни относилась эта небольшая группа лангобардов к прогрессу и свободе своей страны, никто из них не предполагал, что Ломбардия сможет сбросить иго Австрии без помощи других держав. Поэтому вопрос заключался в том, к кому им следует обратиться за помощью.

У их ближайшего соседа, короля Сардинии, были особые основания для обиды на австрийского императора, помимо традиции неприязни, которую он унаследовал от Виктора Амадея. У этого несчастного короля были причины сожалеть о той выдающейся роли, которую он сыграл в противостоянии Французской Республике в 1796 году. Ибо он обнаружил, что Франциск Австрийский при каждом удобном случае стремился воспользоваться слабостью своего союзника. Когда французы сильно потеснили Савойю, австрийцы потребовали, чтобы в обмен на любую помощь, которую они могли бы оказать королю Сардинии, он уступил им часть территории в Ломбардии, которая была закреплена за ним недавними договорами. Виктор Амадей пытался сопротивляться этому предложению, пока мог; но под давлением английских дипломатов он был вынужден согласиться с тем, что, если в ходе войны у Австрии будут отняты какие-либо земли, он компенсирует австрийцам часть территории, которую они потребовали.

В 1815 году Виктор Эммануил обнаружил, что союз с Австрией обошелся ему так же дорого, как и его предшественнику в 1796 году. Ибо даже в последней отчаянной борьбе с Наполеоном австрийцы требовали, чтобы союзный договор между Австрией и Сардинией содержал пункт о разрушении укреплений Алессандрии; а на Венском конгрессе они попытались отобрать у Виктора Эммануила округ Новара. С помощью Александра Российского эти интриги были разгромлены; но австрийцы в отместку предприняли все возможные задержки при эвакуации Пьемонта; и когда они, наконец, покинули его в 1816 году, они разрушили крепость за пределами Алессандрии. При таких обстоятельствах было вполне естественно, что король Сардинии затаил горькую обиду на Австрийский дом.

Но, с другой стороны, были серьезные основания сомневаться в том, что Виктора Эммануила можно было убедить возглавить любую войну, в которой ощущался привкус революции. Ибо, как бы враждебно он ни относился к притязаниям Австрии, новоиспеченный король еще сильнее возмущался изменениями, которые были внесены во время французской оккупации. После своего восстановления в должности в 1814 году он одним решительным актом отменил все законы, принятые в Пьемонте с 1800 года; первородство, аристократические привилегии, церковные трибуналы, пытки, тайная инквизиция - все это было восстановлено. Даже в университетах ученые люди были смещены, как, вероятно, дружественные французам, и их заменили люди, не имевшие никаких притязаний, кроме своего социального положения. Была введена система шпионажа, по меньшей мере такая же инквизиторская и унижительная, как у Меттерниха, и вскоре выяснилось, что для поддержания этой системы необходимо пожертвовать национальным достоинством и обратиться к великому мастеру в искусстве тирании. Так получилось, что австрийские офицеры были выбраны для управления полицией в Турине.

В двух важных отношениях правительство Виктора Эммануила было даже хуже, чем правительство Австрии. Клерикальная несправедливость и угнетение были так же неприятны

Франциску и Меттерниху, как и Иосифу и Леопольду; в то время как в Пьемонте, напротив, монахам была позволена вольность, которая быстро превратилась в новый источник зла. Другое отличие заключалось в том, что, какими бы тираническими и несправедливыми ни были австрийские суды в делах, затрагивающих политические вопросы, они были совершенно чисты в делах между людьми, не связанных с политикой; тогда как в Пьемонте судебные решения продавались тому, кто больше заплатит.

При таких обстоятельствах взоры поборников итальянской свободы, естественно, обратились к тому королевству, из которого были сделаны последние попытки сохранить единство Италии.

Неаполь внес очень большой вклад в тех, кто погиб за дело свободы в более ранних сражениях, и даже до этого времени произвел на свет по крайней мере одного человека, оставившего свой след в науках, которые, как правило, способствовали хорошему управлению. Гаэтано Филанджиери был одним из самых выдающихся писателей по праву и политической экономии и в какой-то период приобрел большое влияние на Фердинанда I Неаполитанского. Сам Фердинанд, хотя и был чрезвычайно слаб и при определенных обстоятельствах способен на жестокость, не был человеком с привычно жестоким характером и даже не обладал таким деспотическим темпераментом, как Виктор Эммануил Сардинский.

Но, как и большинство государей Италии, он оказался вынужден все больше и больше полагаться на Австрию в восстановлении своей власти. Он назначил австрийского генерала Нюджента главой своей армии, и центральный совет вмешался в свободы, установившиеся в Неаполе. Его отказ выполнить обещания свободы, которые он дал в трудное время, естественно, настроил против него народ, в то время как воспоминания о Мюрате пробудили в них желание новых усилий во имя свободы.

Но великим союзником, которого Неаполь предоставил в то время делу свободы, было Общество карбонариев. Связанный смутными традициями с некоторыми обществами прошлого, карбонаризм приобрел свою первую отчетливую политическую форму в 1811 году, когда в Неаполе правил Мюрат. В 1814 году, когда Мюрат проявил признаки деспотического духа, она передала свою верность королю Фердинанду, правившему тогда только на Сицилии. Когда Фердинанд был восстановлен на неаполитанском троне, он счел карбонаризм опасным элементом в своем королевстве и начал преследовать членов Общества. Это, однако, не лишило карбонариев их монархических симпатий; они просто перенесли их с Фердинанда на его сына Франциска, который, оказав помощь в установлении Конституции 1812 года на Сицилии, как предполагалось, был предан делу свободы.

Неопределенные разговоры о равенстве и более определенное требование независимости Италии составляли программу карбонариев. Но Общество было окружено различными символами впечатляющего характера, а его правила поддерживались тайной и строгой дисциплиной. Было очевидно, что в каком-то смысле она соответствовала потребностям времени, поскольку быстро распространилась из Неаполя в другие части Италии и пустила корни как в Ломбардии, так и в Пьемонте. В Ломбардии это быстро привлекло внимание австрийской полиции, и в 1818 году было произведено несколько арестов; но такие попытки лишь усилили рост движения, и вскоре карбонаризм появился в Испании.

В последней стране предательство Конституционного дела было, пожалуй, более подлым, чем в любой другой части Европы.

За исключением Фридриха Вильгельма Прусского, ни один государь не был так обязан рвению своего народа в борьбе с Наполеоном, как Фердинанд Испанский. В 1812 году, прежде чем он был восстановлен на троне, он был вынужден даровать своему народу Конституцию, которую, получив полную власть, он отменил; и любой, кто осмеливался говорить о свободе, был сослан или заключен в тюрьму. Среди тех, кто был вынужден бежать из страны, был Рафаэль дель Риго, который одним из первых поднялся на стороне Фердинанда против Наполеона. С помощью карбонариев ему удалось установить отношения со многими недовольными солдатами испанской армии; и в январе 1820 года он внезапно появился в Кадисе и провозгласил Конституцию 1812 года.

Его успех был быстрым, и Фердинанд был вынужден еще раз поклясться соблюдать Конституцию.

Эта первая Конституция, провозглашенная после падения Наполеона, была примечательна своим демократическим характером. Парламент должен был иметь право принимать законы совместно с королем, и если они принимали закон трижды, король терял право накладывать на него вето. Министры должны были нести ответственность перед парламентом. Должна была быть обеспечена свобода печати, а Государственный совет должен был консультировать короля по вопросам мира или войны и заключения международных договоров. В то же время нация должна была запретить исповедовать любую религию, кроме римско-католической.

Новость быстро распространилась по Неаполю; ибо не только существовала постоянная связь между карбонариями Испании и Неаполя, но даже служебный долг требовал скорейшего общения, поскольку Фердинанд Неаполитанский был следующим наследником испанского престола, и поэтому считалось, что эта Конституция будет обязательной для него. Карбонарии были готовы к чрезвычайной ситуации, и в то время как некоторые из них в городе Неаполе требовали уступок, наиболее революционные районы Калабрии и Салерно уже подняли открытое восстание. Фердинанду удалось арестовать некоторых лидеров в городе, но вскоре он обнаружил, что мятежный дух распространился даже среди генералов его армии. Офицер за офицером выступали за Конституцию; и даже те, кто не был готов пойти на этот шаг, были заподозрены своими товарищами и относились с подозрением к ним. Гульельмо Пепе, известный как сторонник предыдущего движения Мурата, и одно время приговоренный к смертной казни за свое несогласие с правлением бурбонов, был отмечен карбонариями как их лидер. Сначала он не решался присоединиться к ним, и Наджент даже выбрал его возглавить королевские войска против повстанцев; но Фердинанд не доверял ему и воспротивился его назначению, и Пепе в конце концов был вынужден принять руководство революцией. 5 июля он собрал вокруг себя большую группу офицеров и солдат и повел их в Неаполь; и Фердинанд, обнаружив, что ему не на кого положиться, сдался повстанцам и согласился на назначение временной хунты (состоящей в значительной степени из прежних сторонников Мурата) и поклялся принять испанскую конституцию.

Меттерних был сильно поражен полнотой этой народной победы. Он был убежден, что с таким народом, как неаполитанцы, кровь будет литься рекой; и он был встревожен, обнаружив, что ведущие карбонарии были людьми с высоким характером. Он сразу же предположил, что Александр Русский стоит у истоков заговора, и решил еще раз обратиться к нему на сторону порядка. Но этот непостоянный принц, похоже, так и не возобновил всерьез борьбу за либерализм в Европе после смерти Коцебу; и хотя он, возможно, иногда желал поиграть с карбонариями и,

возможно, был польщен их обращением к нему, он гораздо больше стремился претворить в жизнь те принципы, которым его научил мистер^{ме} де Крюденер, запрещавшие королям сохранять верность тем подданным, которым они даровали свободы. Поэтому он с готовностью согласился приехать в Троппау, чтобы обдумать наилучшие способы подавления неаполитанского восстания.

Тем временем между карбонариями и старыми последователями Мюрата возникли подозрения, и отсутствие организованности в их войсках, казалось, обрекало восстание на провал.

Но еще более роковой причиной раскола была позиция Сицилии. Известие о провозглашении Конституции Испании поначалу было встречено там с одобрением; но дворяне Палермо бережно хранили воспоминания о том коротком периоде независимости, когда Фердинанд, изгнанный из Неаполя, правил Сицилией как отдельным королевством; сицилийская конституция 1812 года, которая приветствовалась дворянами Палермо, как более аристократическая по своему характеру, чем Конституция Испании, была приемлема для всех палермцев как символ независимости Сицилии. Таким образом, в Палермо был поднят крик о "Конституции 1812 года" в противовес крику об "испанской конституции".

Неаполитанский интриган по имени Населли сделал все возможное, чтобы раздуть пламя этого раскола; возникли беспорядки; и по Неаполю распространилась весть, что сицилийцы были врагами Неаполя и выступали против конституции Испании. Палермитяне, со своей стороны, апеллировали к королю памятью о старой верности, которую сицилийцы проявили к нему, когда он был в изгнании. Король и некоторые другие могли бы откликнуться на этот призыв; и генерал Флорестано Пепе, посланный для подавления восстания, в конце концов уступил сицилийцам право всенародного голосования выбирать между двумя Конституциями. Но неаполитанская гордость была возбуждена; поднялся крик, что король отказывается от важной части королевства и тем самым нарушает Конституцию.

Тем временем, однако, стало ясно, что предпочтение палермитян Конституции 1812 года разделялось не всем народом Сицилии. Мессина, а за ней и другие города восстали в защиту испанской конституции; и пока неаполитанцы готовили новые силы для подавления восстания в Палермо, палермитяне посылали свои войска против Мессины.

Во время этой неразберихи пришло известие, что представители Держав на Лайбахском конгрессе призвали к мирному вмешательству, но в то же время посоветовали неаполитанцам внести изменения в свою Конституцию.

В этих обстоятельствах известие о том, что король намеревается отправиться в Лайбах, вызвало серьезную тревогу. Фердинанд, чтобы успокоить эту тревогу, заявил парламенту, что, что бы ни случилось, он будет защищать фундаментальные принципы Конституции, свободу прессы, равенство перед законом, исключительное право представителей голосовать за налоги, независимость судебной власти и ответственное министерство. Эта речь, вместо того чтобы успокоить страхи народа, вызвала новую тревогу; ибо казалось, что король уже обдумывает *некоторые* изменения в правительстве; и народ заявил, что они могут позволить ему уйти в отставку только в том случае, если он отправится защищать испанскую конституцию. Но Фердинанд искренне заверил их, что он не имел в виду ничего против Конституции и что,

если он не сможет защитить права народа и короны своими словами в Лайбахе, он вернется, чтобы защищать их своим мечом.

Герцог Асколи, старый друг и доверенное лицо короля, наедине попросил его дать более конкретные указания; и Фердинанд убедил его попытаться сохранить мир, но, если это будет необходимо, готовиться к войне. С такими обещаниями Фердинанд в январе 1821 года уехал из Неаполя в Лайбах.

Тем временем деятельность карбонариев распространялась в Пьемонте; и рядом с ними возникли другие секты аналогичного характера и с более определенными целями. В отличие от неаполитанцев, у пьемонтских либералов не было французских политических традиций, которые могли бы их поощрять или препятствовать им. Хотя Савойский дом был французским по своему происхождению, как правители, так и народ оказывали решительное сопротивление агрессии Французской Республики. Их представления о свободе были заимствованы не из Франции, а от их собственного поэта Витторио Альфиери; и эти идеи были усилены любовью к независимости, которую они развили в борьбе против Франции и которая теперь была полностью направлена против Австрии.

Восстания в Испании и Неаполе привлекли симпатии пьемонтцев; ходили даже слухи, что сам Виктор Эммануил I. сказал, что, если его народ потребует Конституции, он ее даст. Предполагалось, что его министр, Просперо Бальбо, ранее служивший при Наполеоне, имел либеральные наклонности.

Но хотя все эти обстоятельства имели тенденцию связывать стремление к свободе в умах пьемонтцев с поддержкой монархических принципов, и хотя отсутствие какого-либо интереса к политическим делам со стороны крестьянства или ремесленников препятствовало какой-либо сильной демократической организации, все же было необходимо, чтобы движение было успешным, чтобы был какой-нибудь лидер, который не боялся революционных мер. Таким человеком был Санторре ди Санта-Роза, офицер, сражавшийся в королевской гвардии против французов, а теперь ставший майором пехоты в Турине. Его симпатии были не только монархическими, но в некоторых отношениях даже аристократическими; и когда Испанская конституция была впервые провозглашена, он был склонен предпочесть какую-нибудь другую конституцию, подобную Конституции Сицилии, или даже хартию, которая была дарована Франции. Но, обладая острой проницательностью, он быстро понял, что Испанская конституция стала лозунгом, который был полностью понятен народу, и что любой новый призыв только вызовет раскол.

Замыслы Санта-Розы также не ограничивались рамками его собственного штата. Он знал, что никакая борьба за свободу Пьемонта не может быть успешной, если она не направлена на то, чтобы сбросить иго Австрии; и что этого можно добиться только объединившись с другими государствами, которые стонали под тем же гнетом. Патриоты Ломбардии были достаточно готовы действовать вместе с пьемонтцами, поскольку Конфалоньери уже поддерживал связь с неаполитанцами и другими итальянскими либералами и был готов предоставить оружие для восстания.

Но все еще требовался руководитель, которого следовало поставить во главе движения, если оно хотело сохранить хоть какую-то видимость монархического конституционализма.

Какие бы случайные замечания ни отпускал Виктор Эммануил, вскоре стало очевидно, что *он* был настроен противостоять конституционному движению, и он даже начал усиливать охрану своего дворца. Карл Феликс, его брат, следующий наследник престола, был известен как еще более суровый поборник деспотизма, чем сам король; и именно при этих обстоятельствах взоры либералов Пьемонта впервые обратились к главе младшей ветви Савойского дома, Карлу Альберту, принцу Кариньяно.

Он воспитывался как простой гражданин в государственной школе и особенно привлек к себе внимание благосклонностью, которую он проявил к Альберто Ноте, которого сделал своим секретарем. Нота был писателем, который поставил перед собой цель восстановить национальный театр комиксов в Пьемонте, который своими либеральными принципами вызвал подозрение придворных Виктора Эммануила и который в конце концов был изгнан из Турина.

Но, хотя благосклонность, проявленная Шарлем Альбером к Ноте, была фактом в жизни принца, который больше всего произвел впечатление на пьемонтцев, на него уже оказали влияние другие факторы; поскольку он также учился в Париже у аббата, который внушил ему отвращение к Французской революции. Ему было всего двадцать три, и он все еще колебался, стоит ли брать уроки у этих соперничающих учителей.

Но прежде чем Санта Роза и его друзья смогли осуществить свои планы, первый знак протеста против тирании в Турине был подан из другого квартала. Хотя стремление к свободе еще не проникло в беднейшие классы Италии, и хотя руководство этими движениями естественным образом перешло в руки людей благородного происхождения, таких как Конфалоньери и Санта-Роза, все же в государстве был другой класс, который уже был полон новых идей и которому в конечном итоге предстояло сыграть важную роль связующего звена между более умными членами аристократии и все еще молчаливыми классами общества. Студентам университетов Германии, Австрии и Италии со времени собрания в Йене в 1816 году до падения Венеции в августе 1849 года предстояло занять такое положение в великих движениях того времени, которое существенно повлияло на характер этих движений, как добрых, так и злых.

Участие туринских студентов в пьемонтском восстании 1821 года носило определенный характер мальчишеской резвости. 11 января несколько студентов университета появились в театре в Турине в красных шапочках. Полиция немедленно арестовала их. Но их товарищи встали на их защиту и потребовали, чтобы их судил университетский трибунал. В этом требовании они надеялись, что профессора поддержат их; но ректор колледжа был против этого движения, а профессора не желали вмешиваться. После этого студенты взяли дело в свои руки, отобрали ключи от университета у привратника, поставили охрану у всех входов, защитили два главных входа бланками и таблицами, разобрали тротуары и зарешетили окна. Затем они отправили двух делегатов к графу Бальбо, умоляя его освободить их товарищей или передать их властям Университета.

Представители провинциальных колледжей пришли на помощь туринским студентам; и вид солдат, которых вызвали для подавления их восстания, только подтолкнул их к более решительному сопротивлению.

Делегаты быстро вернулись, за ними последовал сам граф Бальбо, который пообещал защищать студентов перед Виктором Эммануилом, если они тем временем будут вести себя тихо. Поэтому студенты согласились подождать дальнейших известий, но солдаты остались

стоять лагерем за пределами университета. Внезапно внимание солдат привлекли какие-то мальчишки, выходившие из школы; и, раздраженные, вероятно, какой-то мальчишеской шалостью, они напали на детей со штыками. Студенты, возмущенные этим зрелищем, забросали камнями солдат, которые после этого атаковали баррикады университета, и последовала всеобщая резня.

Известие об этой резне вызвало самое яростное возмущение в Турине и имело тенденцию раздувать растущее революционное чувство. Чарльз Альберт специально посетил больницы, чтобы утешить тех, кто был ранен солдатами.

Но тем временем события на Лайбахском конгрессе встревожили любителей свободы. Король Неаполя под всевозможными предлогами пытался усыпить бдительность хунты у себя дома; но вскоре стало известно, что Державы решили отменить неаполитанскую конституцию, и в феврале 1822 года их войска выступили в поход на Неаполь. Пьемонтские либералы были полны решимости протестовать против этого нарушения национальной независимости; и их опасения еще больше усилились из-за слухов о том, что Австрия возобновляет свои требования о сдаче пьемонтских крепостей. Эти слухи были особенно распространены в Алессандрии, которая познала унижение австрийской оккупации; и Виктор Эммануил тщетно пытался убедить алессандрийцев в необоснованности этой паники.

6 марта Санта—Роза и его друзья отправились к Чарльзу Альберту и попросили его встать во главе движения; и именно сейчас Санта-Роза узнал характер человека, с которым ему пришлось иметь дело, и записал то высказывание, которое подытожило всю жизнь этого несчастного принца - "Вольева и не вольева" (Он хотел и не хотел). 6 марта, говорит один писатель, "Я не знаю, *согласился* ли Чарльз Альберт, но он определенно *согласился* с предложениями Санта-Розы".

Подъем был назначен на 8-е число, но 7-го Чарльз Альберт передумал и пожелал отложить движение. Санта-Роза и его друзья снова призвали его действовать вместе с ними, но не сказали, в какой день должно было вспыхнуть восстание.

Действительно, нельзя было терять времени, ибо уже возникли подозрения относительно замыслов либералов и производились аресты. Таким образом, 10 марта граф Пальма захватил цитадель Алессандрии и провозгласил Испанскую конституцию. Почти в то же время капитан Ферреро занял маленький городок Сан-Сальварио и развернул итальянский флаг в церкви. Студенты и солдаты с готовностью присоединились к повстанцам, и как короля, так и министров в Турине охватила паника. От Властей Лайбаха пришел приказ, что Виктор Эммануил должен выступить в Алессанрию, и Бальбо призвал всех верных солдат вернуться в Асти.

Но Санта-Роза был так же тверд в своих намерениях, как роялисты были в нерешительности. Конституция Испании была провозглашена в крепости Турин, и солдаты, посланные атаковать народ, обратились в бегство после нескольких выстрелов; Карл Альберт представлял королю пожелания народа; и в ночь на 14 марта Виктор Эммануил отрекся от престола в пользу своего брата Карла Феликса, назначив Карла Альберта регентом в Турине. На следующий день Карл Альберт в качестве регента поклялся принять испанскую конституцию.

Но вскоре стало очевидно, что один энергичный человек не может добиться успеха революции, когда ему приходится зависеть от дворянства, многие из которых были раболепными поклонниками Австрии, и от регента, который "хотел и не хотел". На должности в новой администрации были назначены люди, которые не имели никаких прав на свою должность, кроме своего ранга. Лидеры в Александрии подозревали лидеров в Турине, в то время как надежды убедить Карла Альберта объявить войну Австрии становились все слабее и слабее.

Тем временем новый король Карл Феликс проживал в Модене под защитой великого герцога Франциск IV. Моденский показал себя самым явным тираном из всех правителей Италии, в то время как его расточительность и безразличие к благополучию своего народа поразили даже Меттерниха. Его родство с Савойским домом поначалу заставило его посочувствовать Виктору Эммануилу в его раздражении высокомерием Австрии; но те же самые отношения теперь заставили его надеяться, что он может унаследовать трон вместо Карла Альберта, если последний оскорбит правящие силы. Поэтому он с готовностью поддержал Карла Феликса в его протесте против действий нового регента.

Шарль Феликс, со своей стороны, был человеком более грубого и ограниченного характера, чем Виктор Эммануил, и не обладал тем чувством национального достоинства, которое иногда мешало деспотическим наклонностям его брата. Поэтому, когда он направил из Модены донос на новое правительство, он не постеснялся добавить, что, если порядок вскоре не будет восстановлен, его августейшие союзники придут ему на помощь. В том же письме он приказал Чарльзу Альберту отправиться в Новару и поступить в распоряжение Делла Торре. "По этому я узнаю, - сказал Шарль Феликс, - являетесь ли вы по-прежнему принцем Савойского дома или перестали им быть". Карл Альберт скрыл это письмо от своих министров и после нескольких дней колебаний тайно бежал в Новару.

Слабые чиновники Турина сразу же отказались бы от этого дела; но, вопреки их мнению, Санта-Роза опубликовала прокламацию, в которой объявлялось, что король находится в плену у врага и что он, как министр Карла Альберта, призвал их соблюдать Конституцию и объявить войну Австрии. Один или два генерала бежали в Делла Торре, в Новару; но в то же время генуэзцы восстали во имя испанской конституции. Делла Торре от имени короля отправил приказ в Санта-Розу сложить свои полномочия. Санта-Роза отказалась признать короля, пока он оставался в чужой стране, и направила войска против Новары.

Но тем временем пришло известие, что генерал Пепе тщетно пытался собрать свои силы для защиты неаполитанской конституции; что его отряды были рассеяны при первой атаке австрийцев; и что австрийцы, подавив свободу Неаполя, продвигаются на север. В этой связи российский посол обратился к хунте с просьбой внести изменения в Конституцию Испании. Некоторые министры были склонны согласиться, но Санта-Роза знал, что потерять испанскую конституцию - значит потерять лозунг Революции; и, без сомнения, он чувствовал унижительность уступки иностранному послу. Поэтому он отклонил это предложение и снова направил войска против Делла Торре, который теперь готовился выступить на Турин.

Полковнику Реджису, лидеру конституционных сил, удалось достичь Новары до того, как Делла Торре начал свое наступление. Армии встретились за пределами города, но в разгар сражения пришло известие, что австрийцы переправились через Тичино и вступают в страну. Реджис и Ферреро храбро сражались; но противостоявшие им двойные силы были слишком велики; и хотя они один или два раза отразили австрийскую атаку, недостаток дисциплины у пьемонтских

солдат в сочетании с превосходящими силами противника привел к сокрушительному поражению. Санта-Роза, обнаружив невозможность защитить Турин, отступил сначала в Алессандрию, а затем в Геную; но люди, на которых он полагался, потеряли мужество и надежду; и он и те из его друзей, которым посчастливилось добраться до Генуи, вскоре были вынуждены снова покинуть ее и бежать из Италии, большинство из них, чтобы сражаться в чужих странах за свободу, которую они потеряли дома.

Реакция разразилась с величайшей яростью. В Пьемонте система шпионажа возобновилась с удвоенной силой. Университет был закрыт. Под влиянием фаворитизма и в отсутствие какого-либо свободного выражения общественного мнения коррупция в судах возродилась, и иезуиты, потерявшие власть во время Либерального междуцарствия, быстро восстановили ее. В Неаполе австрийцы, порекомендовав Фердинанду проявить мягкость, уступили его требованиям о праве наказывать; и сознание своего бесчестного положения, по-видимому, пробудило в нем дикость, которой он ранее не проявлял; в то время как присутствие австрийских войск привело страну в состояние периодических восстаний.

Лорд Уильям Бентинк попытался выразить протест в английской палате общин против повторного лишения Сицилии независимости; но Каслри отклонил это предложение, и Сицилия вернулась под власть Неаполитанцев.

Меттерних особенно посвятил себя наведению порядка в Ломбардии. Он учредил Сельский совет в Вене для надзора за делами в этой провинции, чтобы еще больше подавить любую местную независимость. В то же время в Милане был сформирован специальный комитет для расследования заговора. Несколько ведущих заговорщиков были арестованы. Один из них пытался спасти своих друзей, признав свою собственную вину, но это признание было использовано полицией как новая улика. Конфалоньери убеждали спастись бегством; но он ответил: "Я не отступлю перед лицом бури, которой я хочу противостоять. Пусть Бог сделает со мной все, что угодно!" Вскоре после этого его арестовали, и после того, как в течение почти двух лет его держали в сомнении относительно своей судьбы, он был приговорен к смертной казни. Его дело вызвало сочувствие даже в Вене, где императрица ходатайствовала за его жизнь; и наконец, после долгих упрасиваний его приговор был заменен пожизненным заключением в крепости Шпильберг. Там Меттерних тщетно пытался добиться от него предательства его товарищей по заговору. Но хитрый государственный деятель мало что знал о результате такого обращения. Один из тех, кто подвергся тюремному заключению примерно в то же время, описывает влияние Конфалоньери, сравнивая его с главой австрийской полиции в Ломбардии. "Конфалоньери и Сальватти, казалось, представляли в глазах миланцев ангела Свободы и демона рабства, стремящихся не столько к успеху своих соответствующих целей, сколько к триумфу своих индивидуальных личностей. О Конфалоньери молились честные люди, люди с чувствительными сердцами, которые видели в нем несчастное преследуемое существо, которого невзгоды облекли во весь блеск преданности и мужества".

Этот отрывок поразительно демонстрирует тот благородный, но нелогичный народный инстинкт, который так часто путает героя и мученика с простой жертвой несправедливого угнетения. Конфалоньери, несомненно, организовал восстание, и его арест и заключение в тюрьму вполне могли быть оправданы обычными правами на самооборону, которые существуют у любого правительства. И все же инстинкт ужаса и жалости к этому заточению имел под собой истину, более глубокую, чем логика. При господствовавшей тогда системе правления тюрьма

или эшафот были естественным местом для таких людей; но, к сожалению, восторжествовала система правления, которая логически требовала заключения Конфалоньери и триумфа Меттерниха. И то, что он привлек внимание общественности к этому факту и дал делу итальянского единства первого выдающегося мученика, было признаком глубокого безрассудства последнего. Истории о тюремном заключении Конфалоньери передавались из уст в уста и сохранялись как трогательные воспоминания. Рассказывалось, например, о том, как, когда его навестила жена, он пытался сохранить подушку, на которую капали ее слезы, и как охранники настояли на том, чтобы забрать ее у него; как его друзья разработали план его побега, а он отказался воспользоваться им, потому что его товарищи по заключению не смогли бы сбежать вместе с ним; и, наконец, о постоянном давлении, которое оказывалось на него с целью заставить раскрыть секреты его товарищей по заговору, и о его упорном отказе купить здоровье и свободу их предательством.

Поражение, которое потерпел деспотизм в результате заключения Конфалоньери в тюрьму и еще более в результате преследований, станет впоследствии очевидным. В настоящее время Меттерних мог думать, что он победил в Ломбардии; но в других местах он не мог быть уверен в победе, поскольку в это время до него дошли два безошибочных предупреждения о том, что ему больше не позволят спокойно править в Европе.

Даже на том самом Лайбахском конгрессе, на котором удалось сокрушить независимость Неаполя, вопрос о Греции, который не мог быть решен так легко, встал перед Державами и сильно озадачил ум Меттерниха. Пиетистские измышления Александра можно было бы использовать для защиты прав римско-католических королей, но его нельзя было убедить в том, что принципы христианской религии оправдывают его поддержку тирании турок над христианским населением. Он действительно покинул валахского лидера Александра Ипсиланти, когда обнаружил, что восстание в Валахии произошло одновременно с восстаниями в Неаполе и Пьемонте; но греков не так-то легко было убедить в том, что их покровитель, русский царь, покинул их дело.

Гетерии Валахии и Греции проделали ту же работу, которую карбонарии выполнили в Испании и Италии; и 4 апреля 1821 года греки внезапно восстали в Патрах и вырезали все турецкое население. Через три месяца южная часть Греции была свободна, и к январю 1822 года было сформировано Временное правительство во главе с Александром Маврокордатосом.

Религиозные чувства, античные настроения и отвращение к варварскому правлению турок в сочетании вызвали в Европе такое сочувствие, которым Меттерних не мог позволить себе пренебречь. Он признал право Александра Российского сочувствовать грекам как на основании христианских чувств, так и под предлогом прав, предоставленных предыдущими договорами с Турцией; и он даже предпринял дипломатическое вмешательство, чтобы добиться от Порты уступок своим христианским подданным.

Но, хотя Меттерних и чувствовал опасность прецедента, который могла бы создать даже такая уступка революционному духу, он все же верил, что путем своевременного компромисса и разумной дипломатии сможет вернуть Александра к более здравым принципам. Влияние Капод'Истрии действительно было антагонистической силой при Санкт-Петербургском дворе; но, с другой стороны, Татищев, министр-соперник при русском дворе, по-видимому, был простым инструментом Меттерниха, и его можно было эффективно использовать в интересах Австрии.

По мнению Меттерниха, эта дипломатия сработала настолько успешно, что 31 мая 1822 года он с ликованием пишет в своих мемуарах, что "сломав дело Петра Великого, укрепил Порту против России и заменил русское влияние в Восточной Европе австрийским и английским". Так он писал в мае; в августе того же года "этот честный и просвещенный государственный деятель", лорд Лондондерри, покончил с собой. Затем Джордж Каннинг стал министром иностранных дел и поспешил разрубить узел, связавший интересы Австрии с интересами Англии.

Изменение политики Англии вскоре стало очевидным. Несомненно, в этой стране постепенно росло чувство неприязни к Меттерниху. Ее представители держались в стороне даже от Лайбахского конгресса; и когда в 1822 году Державы снова встретились в Вероне, чтобы поддержать французский кабинет в их попытке восстановить Фердинанда Испанского, Англия решительно протестовала против работы Конгресса. Этот протест также не остался бесплодным. За вторжением французов в Испанию последовало признание Англией независимости испанских колоний; и когда абсолютистское движение угрожало распространиться на Португалию, Каннинг направил войска для защиты свободы и независимости этой страны.

Забавно отметить рост сознания Меттернихом важности возникшего противника. "Прекрасный век, - пишет он вначале, - для такого рода людей; для дураков, которые выдают себя за интеллектуалов, но на самом деле пусты; для моральных слабаков, которые всегда готовы пригрозить кулаками на расстоянии, когда есть хорошая возможность".

Но в следующем году он пишет: "Натура Каннинга очень примечательна. Несмотря на всю его непроницаемость, гениальность, которой он, несомненно, обладает и в которой я никогда не сомневался, никогда не затуманивается. Он, конечно, очень неудобный противник; но у меня были противники и поопаснее, и не он в первую очередь заставляет меня думать о нем". И в 1824 году он удовлетворительно для себя резюмирует эту трудность следующими словами: "Что меня раздражает в англичанах, так это то, что все они слегка сумасшедшие. Это зло, которое нужно терпеливо переносить, не слишком обращая внимания на его смехотворную сторону".

Эта вспышка безумия со стороны Англии, естественно, толкнула Меттерниха обратно в объятия России; и эта перемена стала для него более благоприятной, когда в 1825 году умер непостоянный Александр и его сменил суровый деспот Николай.

Казалось также, что восстание греков примерно в то же время может закончиться успехом турок. Ибрагим, египетский паша, пришел на помощь султану и нес все перед собой. Марко Ботзарис, главный военачальник греков, был убит в бою; а в 1826 году гарнизон Мессолонги взорвал свою крепость и самих себя, чтобы не сдаться египетским войскам.

Но Меттерних вскоре обнаружил, что, какие бы возражения Николай ни имел против революции в других странах, он чувствовал себя таким же обязанным защищать греков, как и Александр до него; и в августе 1827 года Николай согласился с предложением Каннинга о том, чтобы Англия, Франция и Россия послали флот в Наваринский залив для обеспечения перемирия между греками и турками. Затем последовало знаменитое сражение, которое Веллингтон впоследствии описал как "это неприятное событие". Это убедило даже Меттерниха в том, что результаты греческого восстания должны быть признаны Державами и, возможно, даже закреплены силой. Последовала война с Россией 1828 года, и Меттерниху пришлось признать, что европейский союз 1814-15 годов практически распался.

Но хотя влияние греческого восстания на ослабление шансов системы Меттерниха, безусловно, было важным, вскоре стали возникать сомнения в том, что изменения будут постоянными. Англия, действительно, несмотря на смерть Каннинга и короткое правление Веллингтона, была, очевидно, безнадежно потеряна для дела деспотизма. Но революционные движения 1830-31 годов, казалось, оставили гораздо меньше следов свободы в Европе, чем предыдущие восстания 1820-22 годов. Июльская монархия Луи-Филиппа вскоре была вынуждена стать консервативной, а бельгийская революция, казалось, имела мало связи с другими движениями Европы. Польское восстание и его внезапный крах только привлекли Николая на сторону деспотизма. Предательство Франциска Моденского Чиро Менотти на время уничтожило склонность верить в революционных князей. Восстание в Болонье, вынудившее австрийцев к вмешательству, укрепило их власть над папством и даже позволило Меттерниху дешево выдавать себя за советника реформ, которые из уважения к независимости папства он не стал проводить в жизнь.

Но его величайший триумф из всех был в Германии. Там были провозглашены Конституции Баварии, Вюртемберга и Саксонии; и Меттерних решил дополнить Карлсбадские декреты еще более сокрушительным актом. Итак, на Федеральном сейме 1832 года было решено, что немецкий принц *обязан* "как член Конфедерации отклонять петиции, направленные на усиление власти Сословий в ущерб власти Суверена", и далее, "что внутреннее законодательство государств, входящих в Германскую конфедерацию, ни в коем случае не должно наносить ущерба целям Конфедерации".

Таким образом, Меттерних снова восторжествовал; но это было в последний раз. Две силы совершенно разного толка уже пришли в движение, чтобы свести на нет дело его жизни. Два человека собирались пересечь его путь, очень непохожие друг на друга по моральному уровню, широте симпатий и средствам, имевшимся в их распоряжении, но схожие в той способности достучаться до сердца народа, из-за отсутствия которой лидеры предыдущих либеральных движений потерпели неудачу в достижении своих целей. Этими людьми были Джузеппе Мадзини и Луи Кошут.

ГЛАВА III. ВЕРА И ЗАКОН ПРОТИВ ДЕСПОТИЗМА. 1825-1840гг.

Тоскана при Фоссомброни.— "Мондо ва да се".—Антология.—Романтизм против классицизма.—Доменико Геррацци.—Джузеппе Мадзини.—Его ранняя карьера.—Его опыт карбонаро.—Его планы в крепости Савона.—Его первое изгнание.—Луи Филипп и итальянские революционеры.—Крах восстания 1831 года.—Восшествие на престол Шарля Альберта.—Вера итальянцев в него.—Письмо Мадзини.—Положение Шарля Альбера.—Второе изгнание Мадзини.—Его влияние.—La Giovine Italia.—Ее враги и друзья.—Жестокости Карла Альберта.—Экспедиция в Савойю.—Менц и Меттерних против Мадзини.—Особое положение Венгрии.—Правительство графства.—Германизация дворян.—Сейм 1825 года.—Сечени.—Мадыарский язык.—Материальные реформы.—Меттерних и Сечени.—Весселени.—Трансильванский сейм.—Польша и Венгрия.—Крепостное право в Венгрии.—Урбариум.—Фрэнсис Дик.—Весселени в Пресбурге.—Луи

Кошут.—Его персонаж.—Его первая работа.—Арест Кошута и Весселеньи.—Протест.—Поражение Меттерниха.

В то время как Пьемонт и Неаполь колебались между революцией и деспотизмом; в то время как правительство пап неуклонно становилось все более тираническим и несправедливым; и в то время как правители Пармы, Лукки и Модены оставались (несмотря на случайные проявления обратного) простыми орудиями Австрии, правительство Тосканы сохраняло свой особый характер.

Энергичная программа реформ, представленная Леопольдом I. когда правительство впервые перешло в руки Австрийского дома, не получила дальнейшего развития у его преемников. Но традиция легкой либеральности была сохранена как при Фердинанде III. , так и при Леопольде II. Фоссомброни, главный министр Тосканы, избрал своим девизом "Il mondo va da se" (мир идет сам по себе); и, таким образом, в Тоскане продолжала преобладать определенная свобода мысли и самовыражения, которую вряд ли можно было найти в других частях Италии.

Это могло бы вызвать тревогу австрийского правительства и других итальянских князей, поскольку осужденные ими заговорщики укрылись в Тоскане. Но два обстоятельства защитили эту свободу. Тот факт, что правитель Тосканы был членом Австрийского дома, казалось, исключал для него шанс когда-либо стать лидером чисто итальянского движения; и Меттерних, возможно, не сожалел о возможности показать противникам Австрии, что австрийский принц может быть самым популярным правителем в Италии. Во-вторых, Фоссомброни, будучи таким покладистым во внутренних делах, сохранял достойную независимость во внешних; а Фердинанду и Леопольду хватило духа основателя династии, чтобы поддержать усилия своего министра.

Таким образом, когда австрийские официальные лица послали Фердинанду список карбонариев в Тоскане с просьбой наказать их, он просто сжег список; и когда после смерти Фердинанда в 1824 году австрийский министр потребовал, чтобы о восшествии на престол Леопольда не сообщалось публично до тех пор, пока условия уведомления не будут одобрены Австрией, Фоссомброни сразу же объявил о воцарении Леопольда как о единственном ответе на это наглое требование. Наконец, в 1831 году, когда австрийцы попирали свободы Болоньи, Фоссомброни предотвратил расширение их агрессии в Италии вторжением в Тоскану.

Таким образом, здесь было естественно, что мысль об Италии, независимо от того, приняла ли она литературную или политическую форму, нашла свое наиболее свободное выражение. Conciliatore Манцони и Конфалоньери был подавлен в Ломбардии, но его деятельность была возрождена флорентийским журналом под названием "Antologia". Влияние Манцони значительно усилилось здесь среди литераторов, которые связывали борьбу между старым классицизмом Альфиери и более свободным и оригинальным письмом, которому было дано название романтизм, с борьбой за более свободную жизнь в Италии против традиций прошлого.

Писателем, привлечшим наибольшее внимание и чье имя стало наиболее широко известно среди представителей романтической школы, был Доменико Геррацци. Возможно, англичанину немного трудно понять привлекательность романов этого автора; но итальянский писатель объясняет это так: "Необычность его форм и жгучий характер его стиля, само противоречие принципам, которые ощущаются в его произведениях, придавали Геррацци вид чего-то

экстраординарного, что поразило воображение, уже возбужденное несчастьями и горем". Более того, возможно, Геррацци более определенно, чем большинство этих писателей, связывал литературное движение с политическим; и даже в Тоскане он стал объектом некоторой тревоги из-за своего стремления к итальянской свободе.

Он, естественно, собрал вокруг себя группу молодых людей более решительного типа, чем обычные авторы "Антологии"; и поэтому именно ему было адресовано предложение возродить в Ливорно генуэзский журнал, который только что был запрещен правительством Сардинии. Предложение, вероятно, было сделано Геррацци в первую очередь молодым и полным энтузиазма ливорнцем по имени Карло Бини; но главным инициатором предприятия был молодой генуэзец в возрасте от двадцати до тридцати лет.

Этот юноша был известен главным образом тем, что недавно отправил во "Antologia" во Флоренции статью о Данте, которая была ими отвергнута, но впоследствии была включена в другую газету. Среди его университетских сверстников новоприбывший уже вызвал энтузиазм, который еще не был понят внешним миром. Таково было первое появление Джузеппе Мадзини на публике.

Под влиянием очень серьезной и замечательной матери он рано заинтересовался делом свободы Италии, и свое первое впечатление о важности этого дела он получил из интервью с одним из изгнанников, который собирался покинуть Италию из-за своего участия в борьбе 1821 года.

Отец предназначал Мадзини для профессии юриста; но он уже тогда проявил решительное предпочтение литературе и политике; и еще во время учебы в университете на него оказал влияние мрачный роман Якопо Ортиса. Но, хотя эта странная книга углубила его сочувствие к несчастьям его страны, скептицизм и отчаяние, которые были ее лейтмотивом, не смогли долго удерживать его в рабстве. На него, как и на все величайшие умы Италии, Данте вскоре оказал сильное влияние; и хотя он глубоко восхищался "Божественной комедией", он почерпнул из "Монархии" тот мистический энтузиазм по отношению к Риму и ту веру в теологическую основу политических принципов, которые так сильно повлияли на его дальнейшую карьеру.

Журнал, который Мадзини с помощью Геррацци основал в Ливорно, назывался "Ливорнский индикатор". Вскоре это стало настолько тревожным даже для мягкого тосканского правительства, что после нескольких предупреждений было подавлено.

На данный момент лишенный возможности литературного выражения своей веры, Мадзини обратился к более непосредственным политическим действиям. Он чувствовал, что его долгом было использовать все существующие механизмы, которые он мог найти, для продолжения борьбы за свободу Италии; и поэтому он присоединился к карбонариям. Сама формула клятвы, которая была дана ему при вступлении в это Общество, казалось, наводила на мысль о неадекватности этого органа для пробуждения веры в народе. Ибо вместо того, чтобы говорить о работе, которую необходимо проделать для свободы или единства Италии, слова присяги просто требовали безоговорочного подчинения Приказу. Дух Мадзини в равной степени восставал против этого рабства и против торжественных шутовских выходок, с помощью которых правители Ордена пытались внушить тем, кто присоединялся к нему, ощущение его важности.^[3] Его раздражение бесполезностью и тиранией карбонариев вызвало у него суровый упрек некоторых из их лидеров.

Июльское восстание 1830 года во Франции пробудило новые надежды у Мадзини, как и у других итальянцев; но прежде чем он смог присоединиться к какому-либо активному движению, он был арестован в Генуе и вскоре после этого без суда заключен в крепость Савона. Объяснение, данное отцу Мадзини губернатором Генуи причин этого ареста, дает поразительную картину деспотизма того времени. Губернатор сказал, что Джузеппе был талантливым молодым человеком, очень любившим одинокие ночные прогулки и обычно хранившим молчание о предмете своих размышлений; и что правительство не любило талантливых молодых людей, предмет размышлений которых был ему неизвестен. Настоящей причиной ареста была связь Мадзини с карбонариями, которую предал мнимый член Общества, который, однако, отказался публично поддержать свое обвинение.

Именно во время этого заключения Мадзини пришел к выводу, что Общество карбонариев не смогло достичь цели, ради которой оно было основано, и что на его месте требуется какая-то новая организация. Пока он обдумывал цели, которые такая организация должна была бы поставить перед собой, в его голове возникла идея итальянского единства. Неудача местных усилий 1821 и 1831 годов была вызвана отсутствием совместных действий между различными итальянскими государствами; и мистический энтузиазм по отношению к Риму послужил поэтическим аргументом в пользу практического вывода, который он сделал из этих неудач. Хотя предательство Карла Альберта и Франциска Моденского также вызвало у Мадзини глубоко укоренившееся недоверие к королям и склонило его к мысли, что республика необходима для решения трудностей его страны, он был готов, как вскоре выяснится, принять любого лидера или форму правления, которые должны были обеспечить единство Италии. Анархию он ненавидел всем сердцем. Ему совершенно не нравилась французская доктрина прав человека; и он желал утвердить власть, когда она будет установлена законным путем.

Но большое различие между Мадзини и другими политическими лидерами его времени заключалось в том, что его целью было не просто установить форму правления, но и вселить в народ веру. Единство Италии было для него не просто политическим соглашением, но осуществлением Божьего правления над миром, развитием более благородной и лучшей жизни.

Это повлияло на его отношение к вопросу как об отношении классов друг к другу, так и об отношении Италии к остальной Европе. Хотя он взывал к трудящимся Италии с эффектом, которого не добивался ни один предыдущий политик, он никогда не взывал к ним на основании чисто эгоистических интересов; ибо он чувствовал, что особые мотивы улучшения их положения всегда должны быть подчинены общему благосостоянию нации. И поразительным доказательством того, до какой степени эта сторона его учения завладела его последователями, является тот факт, что на демонстрации в его память в Генуе в 1882 году среди знамен, которые несли участники процессии и на которых были написаны цитаты из его работ, было одно, на котором были написаны слова "Боритесь не против буржуазии, а против эгоизма, где бы он ни произрастал, как под блузой рабочего, так и под пальто капиталиста".

Италия тоже должна была помочь возрождению Европы, но не так, как Французская Республика, просто установив иностранную тиранию, называющую себя республиканской, вместо местных королей. Патриотизм для Мадзини не был тем жестким и узким понятием, каким он стал в умах слишком многих лидеров революции. Народы должны были помогать друг другу в

развитии своей национальной жизни по-своему и уважать национальные притязания друг друга так же, как они требовали уважения к своим собственным.[4]

После долгих проволочек Мадзини был оправдан по предъявленному ему обвинению, против него не было представлено никаких доказательств. Вслед за этим губернатор Генуи обратился к Карлу Феликсу с просьбой отменить решение судей и осудить Мадзини. Король согласился, и Мадзини было приказано выбирать между изгнанием из Италии и поселением в одном из маленьких городков в центре Пьемонта. Он полагал, что первая альтернатива предоставит ему более свободный простор для действий, и он отплыл во Францию.

Надежды итальянских изгнанников были пробуждены, во-первых, Июльской революцией во Франции, а во-вторых, восстаниями в Модене и Болонье. Генерал Реджис, сыгравший такую важную роль в пьемонтском восстании 1821 года, вместе с другими изгнанниками организовывал экспедицию, состоящую из итальянцев и французов, чтобы отправиться на помощь повстанцам, которые все еще держались в Болонье.

Но надежды повстанцев были обречены на разочарование. Луи Филипп, поиграв с ними некоторое время, пришел к тому же мудрому выводу о революции, который он впоследствии объявил в отношении войны, а именно, что говорить о помощи революции и помогать Революции - это две разные вещи.[5] Как только экспедиция была в пути, был отдан приказ покинуть ее, и для приведения приказа в исполнение был отправлен отряд кавалерии. Некоторые отказались от этой попытки; но Мадзини и несколько друзей бежали на Корсику, которая все еще чувствовала себя итальянской, хотя и управлялась французами; и там они надеялись организовать экспедицию на помощь болонцам.

Однако болонцы, хотя и были достаточно доблестны в своей борьбе, не желали посвящать себя более широкой программе, чем защита своего собственного государства. Поэтому они отказались посылать на Корсику деньги, необходимые для экспедиционного корпуса. Австрийцы вскоре после этого вступили на папскую территорию; и когда они подавили восстание, жители во многих случаях приветствовали их как защиту от жестокостей папских войск.

Только два других момента в восстании заслуживают внимания. Один из них заключался в том, что при капитуляции Анконы Теренцио Мамиани, уже известный как писатель-философ, отказался подписать условия капитуляции и, следовательно, был вынужден отправиться в изгнание. Другая заключалась в том, что, в то время как представители папы проявляли себя, как правило, совершенно безрассудно, нарушая условия, на которых была осуществлена капитуляция городов, один из них с честью отличился тем, что сдержал свое слово. Это был губернатор Имола Джованни Мастаи Ферретти, впоследствии Пий IX.

Однако это движение, несмотря на его разрозненный и разрозненный характер, привлекло внимание в Пьемонте, и несколько ведущих пьемонтских либералов решили оказать давление на Карла Феликса с целью дарования Конституции. Из этих либералов наиболее примечательными были Анджело Брофферио, будущий историк Пьемонта; Аугусто Анфосси, впоследствии сыгравший столь блестящую роль в спасении Милана от Австрии; и Джакомо Дурандо, чья книга об итальянской национальности впоследствии заняла почетное место среди произведений, всколыхнувших итальянские чувства. Однако заговор был раскрыт; лидеры

движения были арестованы; и, пока заключенные все еще ожидали суда, Карл Феликс умер, и Карл Альберт унаследовал трон.

В период между провалом восстания 1821 года и его восшествием на престол единственным важным общественным деянием Шарля Альберта была его служба во Французской армии, которая подавляла свободы Испании. И все же, несмотря на этот акт враждебности делу либералов и несмотря на воспоминания о его предыдущем дезертирстве в 1821 году, либералы все еще надеялись, что он станет их защитником.

Этот факт требует большего объяснения, чем простое желание итальянских реформаторов выбрать какого-нибудь короля, который возглавил бы их борьбу против Австрии. После предательства Франциска Моденского ни один либерал не ожидал, что он вернется к делу, от которого отказался; и когда Франциск Неаполитанский сменил Фердинанда I. ни одна из мимолетных надежд, которые раньше указывали на него как на возможного поборника конституции, не смогла спасти его от ненависти, которую заслуживала его тирания.

Последующая история Италии также не должна вводить нас в заблуждение относительно теории о том, что в традициях королевства Сардиния было что-то особенное, что должно было побудить либералов возложить свои надежды на правителя этой страны. Виктор Амадей Сардинский был первым из союзников Австрии в войне против Французской Республики; и хотя между агрессивным Австрийским домом и правителями маленькой монархии постоянно возникали причины для раздражения, они не были такого рода, чтобы привлечь симпатии какой-либо большой группы либералов за пределами Пьемонта. Единственное движение за единство Италии, предшествовавшее движению 1821 года, исходило из Неаполя; если, конечно, Эжен Богарне не предполагал, что Ломбардия станет центром подобной попытки.

Принимая во внимание все эти моменты, мы должны прийти к выводу, что в личном характере Карла Альберта было нечто такое, что почти невольно привлекло внимание итальянских либералов; и никакие свидетельства обратного не могли заставить их усомниться в том, что в глубине души он стремился к свободе и единству Италии, чего не испытывал ни один предыдущий итальянский правитель.

Возможно, величайшим доказательством этого странного очарования было то, что Мадзини, каким бы республиканцем он ни был, все же счел за благо уступить сильным чувствам итальянских либералов и дать Шарлю Альберу еще один шанс сыграть роль лидера.

Поэтому Мадзини направил новому королю письмо, в котором обратил его внимание на энтузиазм, с которым было встречено его восшествие на престол. "В Италии нет ни одного сердца, чей пульс не участился бы при известии о вашем восшествии на престол. В Европе нет ни одного глаза, которое не было бы обращено к вашим первым шагам в карьере, которая теперь перед вами открыта". Он сказал ему, что итальянцы готовы поверить, что его оставление их дела было простым результатом обстоятельств; и что, получив наконец свободу действовать в соответствии со своими собственными склонностями, новый король выполнит обещания, которые он впервые дал как принц. Он предупредил его, что система террора только спровоцирует репрессии; и что система частичных уступок не только не удовлетворит желания народа, но будет иметь произвольный и капризный характер, который усилит существующее раздражение. "Людей больше нельзя успокоить несколькими уступками. Они добиваются

признания тех прав человечества, в которых им веками отказывали. Они требуют законов и свободы, независимости и объединения. Разделенные, расчлененные и угнетенные, у них нет ни имени, ни страны. Они слышали, как иностранцы клеймили их как нацию илотов. Они видели, как свободные люди посещали их страну и объявляли ее землей мертвых. Они осушили чашу рабства до дна, но поклялись никогда больше не наполнять ее". Затем Мадзини призывает Карла Альберта более определенно встать во главе движения за независимость Италии и стать королем объединенной Италии. Письмо завершается такими словами: "Сир, я сказал вам правду. Люди свободы ждут вашего ответа в ваших делах. Каким бы ни был этот ответ, будьте уверены, что потомки назовут вас либо величайшим из людей, либо последним из итальянских тиранов. Выбирайте сами".

Прежде чем мы рассмотрим ответ Чарльза Альберта, мы должны еще раз вспомнить его позицию. Он взошел на трон в самый разгар заговора против своего предшественника и едва ли был в состоянии осознать, каковы были намерения заговорщиков по отношению к нему самому. Герцог Моденский, который замыслил отстранить его от престолонаследия (предложение, довольно подробно обсуждавшееся на Лайбахском конгрессе), только что вернул себе герцогство с помощью Австрии и, без сомнения, жадными глазами следил за любым неверным шагом, который мог сделать его соперник. Шарль Альберт, при всех своих либеральных симпатиях, гордился тем, что был принцем Савойского дома; и он был окружен придворными Карла Феликса, которые, должно быть, убедили его, что достоинство и независимость этого Дома могут быть сохранены только противодействием движению за реформы.

Было также еще одно влияние, о котором никогда не следует забывать при оценке трудностей Чарльза Альберта. Он был убежденным католиком в то время, когда связь между почитанием Папы Римского и Церковью была, возможно, теснее, чем это было в большинство предыдущих периодов истории папства. Банальная тирания Льва XII. и Пия VIII. это еще не полностью развеяло ореол, который героическая позиция первых дней правления Пия VII окружала папство; и представляется весьма вероятным, что самый загадочный поступок в жизни Карла Альберта - его участие во французском вторжении в Испанию - был в значительной степени вызван тем сильным религиозным чувством, которое столь своеобразным образом окружало королей Испании. Человек, находящийся под влиянием подобных настроений, не мог не заметить, что самые энергичные и решительные из повстанцев 1831 года направили свои атаки против папства; и ему вполне могло показаться, что письмо, призывавшее его выступить против австрийских восстановителей папской власти, было высказыванием врага религии страны.

Но факт заключался в том, как впоследствии признался Мадзини, что любой король, который должен был взяться за работу, которую он предложил Карлу Альберту, должен был обладать одновременно "гением, наполеоновской энергией и высочайшими добродетелями. Гениальность, чтобы постичь идею предприятия и условия победы; энергия, не для того, чтобы противостоять его опасностям — ибо для гениального человека они были бы немногочисленны и кратковременны, — но для того, чтобы осмелиться разом порвать со всеми узами семьи или союза, а также с привычками и потребностями любого существования, отличного и удаленного от существования людей, и выпутаться как из паутины дипломатии, так и из советов злых или трусливых советников; добродетель, достаточная для добровольного отказа по крайней мере от части своей действительной власти; ибо только избавив их от рабства, человек может обрести свободу. людей можно побудить к битве и самопожертвованию".

Если такие качества требовались от любого правителя, вступающего в должность, то что же должно было требоваться от того, кому приходилось бороться с Властью, которая десять лет назад помогла подавить чаяния его народа и которая как раз тогда триумфально правила в центре Италии? За эту задачу мог бы взяться гениальный человек; Чарльз Альберт был всего лишь человеком, который "хотел и не хотел". Но если Шарль Альбер отказался прислушаться к призыву Мадзини, у него не было иного выбора, кроме как протестовать против этого; и он сделал это, сослав Мадзини под страхом тюремного заключения, если тот вернется в Италию.

Тем не менее, письмо произвело свое действие на нацию. Требование единства Италии было открыто и определенно выдвинуто как благо, за которое итальянцы должны бороться, а не даровано иностранным завоевателем. Внимание итальянской молодежи сразу же привлек автор письма, и тем не менее он был изгнанником. О личном обаянии, которое он оказывал даже на случайных наблюдателей, можно судить по следующему письму, которое, по-видимому, относится к этому периоду. Это было написано одним из его товарищей по изгнанию, описывающим его первую встречу с Мадзини на стрелковом полигоне в Марселе.

"Я спустился под землю и, оглядевшись, увидел молодого человека, который, опершись на винтовку, наблюдал за стрелками и ждал своей очереди. Его рост составлял около 5 футов 8 дюймов. высокий, изящно сложенный; он был одет в черный генуэзский бархат и большую республиканскую шляпу; его длинные вьющиеся черные волосы, ниспадавшие на плечи, необычайная свежесть его чистого оливкового цвета лица, точеная утонченность правильных и красивых черт, дополнявшихся его очень юным видом, а также мягкость и открытость выражения, сделали бы его внешность почти чересчур женственной, если бы не его благородный лоб, сила твердости и решительности, которые смешивались с веселостью и миловидностью в ярких вспышках его темных глаз и в переменчивом выражении его лица. рот вместе с его маленькими и красивыми усами и бородой. В целом, в то время он был самым красивым *существом*, мужчиной или женщиной, которых я когда-либо видел, и с тех пор я не видел равного ему. Я читал то, что он опубликовал; я слышал о том, что он сделал и выстрадал, и в тот момент, когда я увидел его, я *понял*, что это не мог быть никто иной, как Джозеф Мадзини".

Именно под такой эгидой было основано Общество молодой Италии. Общий ход принципов этого Общества уже был достаточно обозначен в рассказе о размышлениях Мадзини в крепости Савона. Это должно было сделать Италию свободной, объединенной, республиканской, признающей долг перед Богом и человеком основой национальной жизни, а не просто утверждение прав. Но важным моментом, отличавшим его от всех других обществ, предшествовавших ему, было то, что вместо того, чтобы полагаться на таинственное воздействие символов и силу нескольких лидеров побудить основную массу итальянцев слепо подчиняться их приказам, оно открыто провозгласило свое кредо перед всем миром и даже в уставе ассоциации изложило все аргументы, на которых основывало защиту особых целей, которые отстаивало. И эти принципы должны были далее проповедоваться в журнале, который должен был называться, как и Общество, "*Giovine Italia*".

Но, выдвигая определенно республиканскую программу, Мадзини никогда не впадал во французскую ошибку, полагая, что группа людей, монополизирующих власть в своих руках, может, просто называя себя республиканцами, сделать правительство нации республиканским. Хотя он всецело надеялся с помощью образования побудить итальянцев принять республиканское правительство, он был вполне готов признать возможность провала этой

попытки и принять последствия как последовательный демократ. Об этом отчетливо говорится в первом плане "Молодой Италии".

"Разъясняя до наступления часа действий, какими шагами итальянцы должны достичь своей цели, поднимая свой флаг в глазах Италии и призывая всех тех, кто считает его флагом национального возрождения, сплотиться под его лоскутами, ассоциация не стремится заменить этот флаг знаменем будущей нации".

"Когда однажды сама нация станет свободной и сможет воспользоваться тем правом на суверенитет, которое принадлежит только ей, она поднимет свое собственное знамя и заявит о своей почитаемой и неоспоримой воле в отношении принципа и основного закона своего существования".

Каким бы обильным ни было презрение и искажение Мадзини и его доктрин, два года с 1831 по 1833 год принесли Обществу Молодой Италии огромное количество сторонников; и революционное движение в других странах приобрело организованность и определенность цели благодаря этой модели. Тем временем правительство Луи Филиппа становилось все более и более определенно приверженным делу реакции, и французы распространяли всевозможную клевету против Общества Молодой Италии. Теория о том, что это Общество обязалось истреблять всех, кто не подчинялся его приказам, была поддержана приписыванием его действиям любого случайного насилия, которое могло иметь место на улицах Парижа; и хотя Мадзини несколько лет спустя привлек одного из этих клеветников к ответственности за диффамацию и вынудил его полностью отречься от своих слов в суде, клевета была слишком удобной, чтобы позволить ей так легко распространиться.

С другой стороны, люди более старого типа революционеров, которые черпали свои идеи из первой Французской республики, а впоследствии надеялись найти их реализацию в методах карбонариев, возражали против Мадзини как "слишком мягкого и немецкого" в своих идеях.

Но, тем не менее, некоторые из тех, кто впоследствии был известен другими способами, выступили с предложением внести свой вклад в Журнал Молодой Италии. Среди них можно упомянуть историка Сисмонди и будущего оппонента Мадзини, Абате Винченцо Джоберти. К 1833 году Общество основало центры в Ломбардии, Генуе, Тоскане и Папской области и было решено предпринять попытку вторжения в Савойю.

Ибо, несмотря на обещания Шарля Альберта провести реформы в правительстве, судебные преследования за заговор 1831 года велись с удвоенной строгостью, и тюрьмы некоторых главных городов Пьемонта были заполнены людьми, во многих случаях арестованными по малейшему подозрению, которым угрожали смертью, если они не раскроют секреты своих соучастников-заговорщиков. Такая жестокость использовалась для вымогательства признаний в том, что Якопо Руффини, молодой друг Мадзини, покончил с собой в тюрьме из страха, что его вынудят предать своих друзей.

Известие об этих действиях ускорило стремление итальянцев вторгнуться в Савойю, и они пожелали сотрудничать с людьми из других стран. Среди них было мало тех, от кого они ожидали такого большого сочувствия, как от поляков. Неспособные организовать успешные восстания в своей собственной стране, поляки были рассеяны по Европе, являясь революционным элементом в каждой стране, где их можно было найти. Они, как и итальянцы, сначала ожидали сочувствия от июльской монархии во Франции. Они тоже были горько

разочарованы. Но это не помешало им сохранить центр в Париже; и многие из тех, кто тщетно боролся в 1830 году за свободу Польши, вернулись в Париж, чтобы узнать там, что еще можно было сделать.

Среди них был человек по имени Раморино, савоярец по происхождению, который участвовал в качестве генерала в польской войне 1830 года. Роль, которую он сыграл в том восстании, была очень смутно известна большинству итальянцев, организовывавших новую экспедицию; но одного факта, что он был лидером в войне за свободу, было достаточно, чтобы заставить их желать его помощи. Мадзини узнал от польских эмигрантов общее мнение о Раморино тех, кто знал факты восстания 1830 года. Он обнаружил, что репутация, которой пользовался Раморино в тот период, была очень низкой как с точки зрения надежности, так и с точки зрения военных способностей; и он выступил против его избрания руководителем экспедиции в Савойю. Единственным результатом противостояния стало обвинение Мадзини в личных амбициях.

Экспедиция уже была ослаблена противодействием одного из тех фанатичных революционеров, которые ранее обвиняли Мадзини в излишней мягкости и немецкости его идей. Этот человек, носивший почетное имя Буонаротти, жаловался на членов экспедиции за то, что они допускали к руководящим постам в ней людей благородного звания и некоторого состояния, и ему удалось оторвать от движения значительную часть его сторонников. Поэтому Мадзини понял, что при таких обстоятельствах потеря друзей Раморино подорвала бы шансы экспедиции; и, чувствуя, что любое дальнейшее противодействие только вызовет раскол, он согласился действовать вместе с Раморино.

Новый лидер вскоре проявил свой истинный характер, задерживая экспедицию как можно дольше; но в феврале 1834 года он уступил давлению Мадзини и начал поход. К несчастью, по дороге Мадзини заболел лихорадкой, и Раморино, убедившись, что это препятствие на пути его предательства устранено, приказал распустить колонны и ускакал.

Неудача этой первой экспедиции Молодой Италии вызвала немало насмешек. Но Меттерних, во всяком случае, судил более верно. В апреле 1833 года он написал начальнику своих шпионов в Ломбардии, чтобы предостеречь его от роста новой революционной партии, и особенно против адвоката Мадзини, одного из самых опасных людей фракции; и он велел ему раздобыть экземпляры журнала под названием "Итальянская джовинда", а также два экземпляра брошюры Мадзини о партизанской войне. Менц, шпион, о котором идет речь, хотя и считал, что "Журнал молодой Италии" теряет позиции, все же считал, что это самая опасная из газет, которые распространялись в Ломбардии.

Эта просьба Меттерниха действительно была высказана за несколько месяцев до фактического вторжения в Савойю, и Менц, без сомнения, начал думать, что после этой неудачи власть Мадзини придет в упадок; но вполне очевидно, что Меттерних не разделял этого заблуждения и пристально следил за новым лидером. Также даже Менц не верил, что простых репрессий теперь будет достаточно, чтобы завоевать симпатии лангобардов к Австрии, и он предложил направить интеллектуальное рвение недовольных лангобардов в выгодное для государства русло, предложив премии за решение вопросов в различных отраслях человеческого знания. Из числа лауреатов этих премий, по его мнению, могли бы быть выбраны профессора, инспекторы и директора учебных заведений, а также могло бы поощряться сочинение стихов и картин, "тематика и даже цвет" которых должны были диктоваться правительством.^[6]

Далее он предложил, чтобы с этой целью в Ломбардии была основана Академия поэзии под абсолютным руководством австрийского правительства, которое должно следить за тем, чтобы нация принимала участие в интеллектуальном движении "с правильными взглядами, и чтобы эти произведения воображения, несущие на себе отпечаток тенденции, полезной для благосостояния общества, в свою очередь, очень благоприятно воздействовали на общественный дух".

Далее, поскольку "Цирк был во времена римлян тайным средством государства для подчинения людей правительству" ... поэтому "австрийскому правительству следует выделить очень щедрую субсидию театру Ла Скала (в Милане); но было бы также желательно, чтобы оно пошло на некоторые жертвы для провинциальных театров". В Отчете также предлагается внести несколько изменений в австрийский кодекс, несколько снизить таможенные пошлины и ослабить ограничения на выдачу паспортов. Таковы были средства, с помощью которых доверенный слуга Меттерниха надеялся противодействовать влиянию Мадзини и Молодой Италии.

Но тем временем в стране, сильно отличающейся от Италии как по своим обстоятельствам, так и по характеру народа, росла другая форма оппозиции власти Меттерниха.

В то время как во всех других странах Европы Меттерних с подозрением относился к любому подходу к самоуправлению и пытался подавить его силой или дипломатией, и он, и Франциск признавали, что в Венгрии были причины поддерживать и даже поощрять конституционные чувства.

Ибо здесь конституционные права не опирались ни на какую революционную основу; во всяком случае, ни на одну революцию нового времени. Они не были связаны с теми национальными устремлениями, которые вызывали у Меттерниха такую тревогу в движениях в Италии и Германии. Здесь пока не было желания перераспределять страну в соответствии с народными чаяниями; все права основывались на четко определенных законах, переданных из далекого прошлого, и во многих случаях эти права были предметом мирного договора между предыдущими правителями страны и Австрийским домом. Франциск настолько сильно это почувствовал, что однажды даже обратился к венгерскому сейму за сочувствием в отношении революционных методов либеральных лидеров других стран.

Но, действительно, если бы свобода венгров зависела, как и свобода других наций, от утверждения власти центрального парламента, они могли бы быть раздавлены, как и другие народы; ибо с 1813 по 1825 год в Венгрии не заседал ни один сейм. Но вся сила венгерской свободы заключалась в организации земских собраний, которые мадьяры, вероятно, унаследовали от покоренных славян. Правительство не могло обеспечивать соблюдение своих законов иначе, как через окружных чиновников, все из которых, за одним исключением, избирались землевладельцами округа. Этот единственный правительственный чиновник был обязан раз в год созывать собрание знати и духовенства графства. Там обсуждались нужды и недовольства округа, и представителям округа в пресбургском сейме были разосланы распоряжения внести законопроекты для устранения этих недостатков.

Эти собрания графств могли повышать налоги и набирать солдат; и они не только обладали правом, но и пользовались им, отказываясь подчиняться приказам самого короля, если после обсуждения такие приказы оказывались незаконными.

На выборах в графства все свободные землевладельцы Венгрии имели право голоса; а на выборах в небольшие деревни избирательное право было еще шире. Избиратели в деревнях выбирали не только законодателей, но и судей по своим сельским делам. Несвободные крестьяне действительно часто подвергались угнетению; города находились в отсталом состоянии в том, что касается самоуправления; но все же эта система организации графств обеспечивала более широкое распространение всеобщего интереса к политическим делам, чем в любой другой стране Европы.

В то же время в Венгрии были элементы, которые могли дать Меттерниху некоторую надежду на то, что он сможет истощить силы венгерской свободы. Мадыарскую знать все больше и больше тянуло в Вену, и процесс германизации был настолько эффективным, что многие дворяне почти забыли свой собственный язык. Таким образом, хотя мадыарская аристократия чаще выступала в качестве поборников независимости, чем дворяне любой другой страны Европы, они постепенно отдалялись от основной массы народа и поглощались рядами австрийского официоза. Но когда Испанская революция 1820 года начала будоражить умы людей, дискуссии в собраниях венгерских графств приобрели более широкий размах, и Франциску были сделаны замечания, которым он не смог долго сопротивляться. Действительно, поначалу он не осознавал всей силы оппозиции и в 1822 году попытался обложить венгров новыми налогами без созыва сейма. Но эта попытка провалилась, и в 1825 году Пресбургский сейм был созван еще раз.

Некоторым из тех, кто впоследствии сыграл заметную роль в борьбе 1848 года, действительно казалось, что эта диета мало что дала; и как будто она была еще менее удовлетворительной, чем ее предшественница 1791 года. Но по этому случаю было положено начало движению, которое, хотя, возможно, и содержало в себе семена будущих недоразумений и даже гражданской войны, все же с самого начала было столь благородным по своим намерениям, насколько это было необходимо для благополучия Венгрии; и, если бы оно осуществлялось в духе его первого лидера, могло бы со временем принести все благословения, которые с тех пор были предоставлены Венгрии, без каких-либо ужасных разногласий и горечи, которые мешают этим благословениям произвести их полное действие.

Лидером этого нового движения был граф Стефан Сечени, представитель одной из знатных семей Венгрии. Его отец занимал должность при Венском дворе, но был опечален процессом денационализации, который происходил среди венгерской знати.

Граф Стефан рано научился сочувствовать стремлению Венгрии к восстановлению жизни. Он видел, что отъезд знати из Венгрии в Вену привел к неправильному управлению их поместьями, росту злобного класса ростовщиков и разделению между аристократией и остальной нацией.

Отказ от мадыарского языка был, в его глазах, великим источником всякого зла; и сейм 1825 года предоставил ему первую возможность протестовать против этого. В то время как венгерские дворяне говорили по-немецки в частном порядке, они использовали латынь в управлении государственными делами; и Сечени, в знак протеста против этой практики, говорил на мадыарском языке, выдвигая вопрос в Палате магнатов.

Но прежде чем ужесточить диету, он привел гораздо более веское доказательство своего рвения к родному языку. 3 ноября 1825 года он предложил в Палате магнатов выделить годовой доход в размере 60 000 гульденов на основание Общества содействия изучению мадыарского

языка. Его примеру с большим или меньшим рвением последовали другие дворяне, и в 1827 году Королевским указом была учреждена Венгерская академия.

Движение, которое возбудил Сечени, находилось под угрозой быть выставленным на посмеище некоторыми из его сторонников, поскольку граф Десевфи фактически предлагал принять закон, запрещающий брак любой венгерской девушке, не знающей своего родного языка; но этому воспротивились как слишком строгой мере.

Но хотя Сечени выступал против этих безумных планов своих сторонников, он, тем не менее, был готов использовать все возможные приманки для достижения своей главной цели - возвращения венгерской знати в их страну. В качестве одного из таких средств он организовал скачки в Пеште и основал союз по дрессировке лошадей. Он также пропагандировал материальные преимущества Венгрии, введя пароходство по Дунаю.

Работой, которой он уделял больше всего внимания, было возведение подвесного моста, соединяющего Пеш с Будой. Энтузиазм Сечени в этом вопросе многим казался смехотворно непропорциональным ожидаемому результату; но факт заключался в том, что он намеревался этой работой нанести первый удар по этой великой несправедливости - освобождению венгерской знати от налогов. Если бы ему удалось убедить магнатов согласиться с тем, что бремя стольважного национального предприятия должно частично лечь на них, они могли бы впоследствии согласиться на более справедливое распределение всего бремени государства.

Однако, в то время как Сечени трудился над развитием венгерской национальной жизни и был готов пожертвовать личным комфортом и любыми несправедливыми привилегиями своего ордена ради этой цели, он оставался, по сути, консервативным мадьярским магнатом. Он не только уклонялся от любого движения за конституционную реформу, но даже надеялся достичь своих целей при сочувствии австрийского правительства.

На самом деле дело было не в том, что ему не хватало смелости или склонности прямо высказывать свое мнение в частной беседе. Он смело заявил, что "обещания короля не выполняются, что закон всегда объясняется в пользу короля в ущерб народу; и, говоря откровенно, дела прямо сейчас выглядят так, как будто Конституция отменяется". И в том же разговоре он еще больше уязвил Меттерниха, предположив этому государственному деятелю, что его высокое положение может помешать ему увидеть некоторые вещи.

Однако не только оскорбленное тщеславие раздражало правителя Европы против Сечени. Меттерних, по-видимому, всегда отдавал предпочтение основательным людям среди своих противников. Он мог ненавидеть их и желать сокрушить; но что его радовало, так это то, что он понимал логику их позиции и, как он предполагал, их мотивы. Умеренные и конституционные либералы всегда были для него загадкой. Но когда такой человек, как Сечени, действительно думал, что может работать с ним, подрывая централизацию, которая была сутью его планов, и апеллируя к той позитивной форме патриотизма, которую Меттерних намеревался искоренить, столь непоследовательная позиция выводила принца за рамки обычной вежливости.

Воспользовавшись своим высоким положением и молодостью Сечени, он сказал ему, что тот человек, погубленный тщеславием и честолюбием, спросил его, действительно ли он может признаться своим друзьям в добрых чувствах к австрийскому правительству, которые он

выразил Меттерниху; и, когда Сечени признал трудности такого курса, "Тогда, - сказал Меттерних, - вы должны быть предателем либо по отношению ко мне, либо по отношению к вашим друзьям, то есть к самому себе".

Но если позиция Сечени была непонятна Меттерниху, ему было гораздо легче понять другого дворянина, который выступил чуть позже и сыграл другую, но едва ли менее важную роль. Это был Николай Весселеньи, потомок дворянской семьи, которая постоянно противостояла как королю, так и народу. Отец Николая был вспыльчивым, властным человеком, который позволял себе частную вражду и с презрением боролся за особые привилегии знати. Его сын унаследовал весь семейный пыл и ту же любовь к оппозиции, но обстоятельства того времени направили ее в более здоровое русло.

Однако до сих пор весселенцы играли главную роль не в Пресбурге, а на сейме, который заседал в Клаузенбурге, в Трансильвании. Обстоятельства и организация этой своеобразной провинции будут более естественно рассмотрены в связи с движениями, возникшими несколькими годами позже. В настоящее время важно помнить в связи с позицией Весселеньи, что австрийское правительство допускало необычную степень свободы в трансильванском сейме в надежде тем самым ослабить те более широкие венгерские настроения, которые собрались вокруг центрального сейма в Пресбурге. Когда в 1830 году были созваны венгерский и трансильванский сеймы и император потребовал новых рекрутов для армии, Дом магнатов в Трансильвании под руководством Весселеньи оказал более смелую и решительную оппозицию, чем Дом магнатов в Пресбурге. В центральном сейме, действительно, главная оппозиция императору исходила от Нижней палаты, и знать была склонна уступить требованиям Франциска. Но Весселеньи, с его великолепной осанкой и великолепным голосом, вызвал гораздо более опасную оппозицию в Трансильвании; и правительство в Вене начало выделять его как своего самого опасного противника.

Но тем временем в Венгрии на передний план выдвигались новые вопросы, и они выдвигали новых лидеров. Польское восстание 1830 года вызвало в Венгрии больше сочувствия, чем, вероятно, в какой-либо другой стране Европы; и тогда была установлена связь между двумя нациями, которая оказала немалое влияние на последующую историю Венгрии.

Более мудрые люди среди венгерских лидеров увидели большой недостаток, который омрачал всю борьбу за свободу в Польше. Каковы бы ни были устремления польских патриотов 1791 года, несомненно то, что, когда Польша пала перед интригами России и Пруссии, новая конституция не успела вызвать лучших чувств между дворянами и крестьянами; и польское крестьянство с недоверием и подозрительностью смотрело на движения за свободу, начатые их угнетателями.

Венгерские реформаторы понимали, что, если они хотят превратить свободы Венгрии в реальность, они должны распространить их как на крепостных, так и на дворян. Несмотря на атмосферу свободы дискуссий, которую окружали Окружные собрания Венгрии, в то время из тринадцати миллионов венгров насчитывалось около одиннадцати миллионов крепостных. Им не разрешалось покупать ни акра земли, которую они обрабатывали; они платили всю десятину духовенству и большую часть налогов государству, помимо различных платежей натурой своим землевладельцам; их труд мог быть принудительным с помощью палки; в то время как для удовлетворения своих жалоб они были обязаны, в первую очередь, обратиться в Суд, в котором председательствовал их землевладелец.

Правление Марии Терезии и Иосифа II, смягчая пагубное положение крепостного, научило его обращаться за помощью к Венскому двору, а не к Пресбургскому сейму.

Эдикт Марии Терезии, называемый Урбариум, предоставлял крестьянину право покидать землю, когда ему заблагорассудится, или оставаться, если ему захочется, при соблюдении определенных условий; и этим актом ему разрешалось завещать пользование своей землей своим потомкам. Кроме того, было предоставлено право обжаловать решение его домовладельца в официальном суде в Буде, известном как Statthalthalterei. Тем же законом был определен труд, который должно было выполнять крестьянство, вместо того чтобы быть предоставленным воле господина, как это было до сих пор.

Реформы Иосифа II. это, как и большинство его попыток, было слишком энергичным, чтобы продлиться долго; но он сделал достаточно, чтобы укрепить в умах угнетенных венгерских крестьян желание смотреть на императора как на своего освободителя. Таким образом, удовлетворение требований гуманности имело тенденцию ослаблять конституционную свободу.

Горькие чувства между дворянами и крестьянами наиболее болезненно проявились в 1831 году, когда крестьянство объяснило вспышку холеры в Венгрии отравлением колодцев дворянами. Последовали аграрные восстания, и более пятидесяти крестьян были повешены без суда.

Таково было настроение, когда сейм 1832 года собрался в Пресбурге. Если бы лидер движения за аграрную реформу был простым поборником конституционализма, работа по сближению крестьян и дворянства, возможно, была бы более сложной. Но, к счастью, работа попала в руки человека, который, хотя и не был лишен ораторских способностей, был гораздо менее популярным лидером, чем вдумчивым и гуманным исследователем событий. Это был Фрэнсис Дик, которому тогда было тридцать лет, он, как и многие лидеры того времени, готовился к адвокатуре и уже был известен как спикер Ассамблеи округа Зала. Он не принадлежал к утонченному, культурному типу Сеченьи; не обладал он и властной фигурой и львиным голосом Весселеньи. У него была широкая и крепкая фигура, круглое лицо с чувством юмора, а глаза искрились весельем. И все же он был не лишен глубокого оттенка меланхолии. Он был человеком, который внушал всем, кто оказывался рядом с ним, чувство полного доверия к его честности и непоколебимости цели; и это чувство, хотя и отличалось от энтузиазма, который одинаково вызывают высочайший гений и просто популярные дары, было именно той формой уверенности, которая была необходима Дику, чтобы позволить ему выполнять особую работу, которая стояла перед ним.

Вопрос о реформе Урбариума он сразу же поставил по-своему. Помимо вышеупомянутых бедствий крестьянства, они постоянно подвергались всевозможным мелким тираниям. Туристы по всей стране могли конфисковывать их лошадей, и на них размещались солдаты. Дик требовал распространения на крестьян права покупки земли и большей безопасности личности и имущества.

Но вскоре стало очевидно, что, какие бы исключения ни были из этого правила, венгерские магнаты не были готовы отказаться от своих привилегий. Пунктом, на котором реформаторы особенно настаивали в новом Урбариуме, был пункт, позволяющий крестьянину освободиться от своих феодальных повинностей по юридическому соглашению с землевладельцем.

Тринадцать раз Нижняя палата парламента принимала этот пункт; тринадцать раз Палата

магнатов отклоняла его; и когда, наконец, эта палата согласилась принять его, император наложил на него вето.

Теперь реформаторы имели полное право призывать народ признать их своими защитниками как против знати, так и против суверена. Но чтобы предотвратить это признание, правительство запретило любую публикацию результатов дебатов.

Весселеньи столкнулся с этой трудностью в трансильванском сейме, создав собственную частную прессу, с помощью которой он распространил отчет о заседании. Это настолько встревожило правительство, что оно распустило Трансильванский сейм и установило в этой провинции абсолютного правителя. Затем Весселеньи перенес свое красноречие в Палату магнатов Пресбурга, где он обрушился с гневом на правительство за противодействие свободам крестьянства, осудив их следующими словами: "Правительство высасывает костный мозг из девяти миллионов человек (*т.е.* крестьянства); оно не позволит нам, дворянам, улучшить их положение законодательными средствами; но, сохраняя их в их нынешнем состоянии, оно только ждет своего часа, чтобы настроить их против нас. Тогда он выйдет вперед, чтобы спасти нас. Но горе нам! Из свободных мы превратимся в рабов".

Но работа, которую Весселеньи наполовину выполнил для Трансильвании, должна была быть выполнена для Венгрии более тщательно человеком, который постепенно становился известным. Это был Луи Кошут, о котором можно сказать, что он больше, чем кто-либо другой в Европе, был автором революции 1848 года. Он был на несколько лет старше Фрэнсиса Дика и, как и он, получил юридическое образование. В рамках своей профессии он был назначен арбитром между несколькими богатыми владельцами и их иждивенцами. На этом посту он завоевал доверие многих крестьян, а также смог оказать им помощь во время холеры.

Он обладал быстрой и обостренной чувствительностью, которая была источником многих его недостатков и добродетелей. Любопытной иллюстрацией этого качества является его отказ от занятий спортом на природе после прочтения отрывка из персидского поэта о долге человечества перед всеми живыми существами. Без сомнения, именно этой чувствительности он был обязан в значительной степени тем несравненным красноречием, которое должно было стать столь мощным двигателем в войне за независимость. Это было связано также с острым государственным инстинктом, который позволял ему так часто улавливать подходящий момент для определенных действий; и который, будь он соединен с более широкой симпатией, более крепкими нервами и более щепетильной совестью, мог бы сделать его карьеру столь же полезной, сколь и блестящей.

КОШУТ ЛАЙОС.

Именно этот инстинкт позволил ему увидеть в этот кризис, что для Венгрии ничего нельзя изменить до тех пор, пока работа, проделанная в сейме, не станет лучше известна основной массе народа. Частное издательство, которое он сейчас основал, возможно, было подсказано

ему попыткой Весселени в Трансильвании; но его работа велась с изобретательностью и находчивостью, которые были полностью присущи Кошуту. Правительство было настолько встревожено этим изданием, что хотело приобрести его у него, но везде, где печатали, он распространял письменную переписку. Он также не ограничивал свои репортажи дебатами в пресбургском сейме, поскольку распространял также отчеты о собраниях графства.

Граф Палатин, верховный правитель Венгрии, пытался воспрепятствовать этой работе; но чиновники графства отказались санкционировать этот запрет и, таким образом, лишили его юридической силы.

Теперь правительство окончательно встрепелось; и в мае 1837 года Кошуту предъявили обвинение в государственной измене, арестовали и продержали два года в тюрьме без какого-либо суда.

Но каким бы великим ни было возмущение, вызванное этим арестом, оно было ничем по сравнению с той бурей, которую вызвало судебное преследование и тюремное заключение Весселени. Правительство выделило его во время трансильванских дебатов как врага, которого следует ударить при первой возможности. За публикацией трансильванских отчетов очень быстро последовало бы судебное преследование, если бы он не сбежал в Северную Венгрию; но его речь против правительства в Пресбургском сейме дала новую возможность для нападок.

Энтузиазм, вызванный его видным положением, впечатляющими манерами и высоким званием, был усилен в Трансильвании чрезвычайной личной добротой, которую он проявил по отношению к своим крестьянам; и один из них прошел пешком весь путь от трансильванского поместья Весселени до Вены, чтобы ходатайствовать от своего имени и от имени сотни своих односельчан о возвращении им их землевладельца.

Если бы Франциск все еще находился на троне, вполне возможно, что Меттерних оказал бы дальнейшее сопротивление народным требованиям. Но Франциск умер в 1835 году, за год до закрытия сейма. Его преемник Фердинанд, хотя и был слишком слаб, главным образом по физическим причинам, чтобы самостоятельно противостоять Меттерниху, был добрым, покладистым человеком, не лишенным чувства, что даже короли должны подчиняться закону.

Но независимо от того, были ли в этом виноваты Меттерних или Фердинанд, уступки короля были сделаны нерешительно и неохотно, что лишило их благодати и сделало поражение более очевидным как для победителей, так и для зрителей.

Был назначен более популярный канцлер Венгрии Антон Майлат; еще один член той же семьи был назначен верховным судьей; и примерно в то же время был восстановлен парламент Трансильвании. Надеясь, что теперь ему удалось успокоить народные настроения, Меттерних в 1839 году созвал Пресбургский сейм и потребовал четыре миллиона флоринов и тридцать восемь тысяч рекрутов.

Но члены Ассамблеи были проинструктированы своими избирателями выступать против любых требований правительства до тех пор, пока Весселени, Кошут и члены клуба, которые были арестованы в то же время, не будут освобождены. И в то время как Дик по-прежнему возглавлял оппозицию в Нижней палате, граф Луи Баттьяни выступил поборником свободы в Палате магнатов. Наконец, император согласился не только даровать амнистию Весселени, Кошуту и

другим, но и принять тот пункт о крестьянских сборах, на который он наложил вето в 1836 году. Затем сейм проголосовал за выделение денег и был распущен.

Таким образом, в то время как в Италии зарождалась новая вера, которая должна была придать борьбе за свободу силу, которой им прежде не доставало, в Венгрии иная, но едва ли менее эффективная сила старых традиций Конституционной свободы сдерживала Меттерниха на всем его пути к тирании и заставляла его признать поражение, нанесенное не иностранными дипломатами, а тем самым народом, который сплотился вокруг Марии Терезии в час ее опасности и который сурово отверг авансы Наполеона, когда он предложил им отделить свое дело от дела Австрийского дома.

ГЛАВА IV. ЯЗЫК И УЧЕНОСТЬ ПРОТИВ ДЕСПОТИЗМА. 1840-1846гг.

Контраст между положением немецкого языка в Северной Германии и в Австрийской империи.—Состояние Германии между 1819 и 1840 годами.—Литературные движения.—Протест профессоров Геттингена против отмены ганноверской конституции.—Влияние протеста на другие части Германии.—Положение и характер Фридриха Вильгельма III.—Его борьба с архиепископом Кельна.—Восшествие на престол Фридриха Вильгельма IV.—Его характер и политика.—Движение Ронге за церковную реформу.—Участие в нем Роберта Блюма.—Языковое движение в Венгрии.—Положение и история Хорватии.—Луи Гай и "иллирийское" движение.—"Славянский океан и мадьярский остров".—Трактовка Кошутом славянского движения.—Циркуляр графа Зая.—"Налогообложение дворян".—Позиция Сечени.—Отставка Дика.—Хорваты в Пресбурге.—Непоследовательность Кошута.—Вмешательство Фердинанда в борьбу.—Борьба рас поглощает все остальные вопросы.—История Трансильвании.—"Три нации".—Позиция румын.—Влияние политики Иосифа II в Трансильвании.—"Либеллус Валахорум".—Андреас Шагуна.—Стефан Людвиг Рот.—Общее описание эффекта возрождения национальных чувств.

Не из эпохи Августа,
Не под покровительством Лоренцо,
выросли немецкие певцы;
Не увенчанные внешней славой,
не прославленные похвалами принцев,
первые цветы немецкого искусства расцвели.

От величайшего сына своей страны,
От трона могущественного Фридриха,
Презираемая, Муза должна отвернуться.
"Мы оценили тебя по достоинству",
"Пусть наши сердца бьются с большей гордостью", -
Может смело сказать каждый немец.

Так возносились к еще более высоким высотам,
Так волнами все более набухающими струились
менестрели немецкого поэта.
Он, достигший полной зрелости,
выросший Из глубин своего сердца,
Презирает правило педантизма.

Так пел Шиллер; и в то время как в Германии Муза поднималась к вершинам, которыми Шиллер гордился, видя ее, противоположный процесс приводил к противоположным результатам при правлении другого немецкого монарха. Фридрих II. король Пруссии предпочитал плохой французский лучшим высказываниям своей страны; и поэтому немецкая муза была вольна развиваться по-своему. Иосиф II. президент Австрии почувствовал, что его сердце согрелось величием немецких традиций; он оглядел владения, населенные людьми разных рас и языков, и, видя, что эти различия приводят к постоянному недопониманию и препятствуют любой большой работе по общей реформе, решил распространить благословения немецкого языка и литературы на все расы своих владений. Для них, по его мнению, перемена доказала бы единство; в то время как ни богемец, ни венгр, ни хорват не могли претендовать на свои родные языки, какими бы дорогими они им ни были, на те славные ассоциации и традиции, которые уже были связаны с языком, который должен был занять их место.

Следствием этих благородных усилий стало то, что немецкий язык по сей день является символом тирании для большинства населения западной половины Австрийской империи; и если он почти перестал быть таковым в восточной половине, то это просто потому, что его господство сменилось не менее сокрушительной тиранией другого языка, который был предложен различным слоям населения венгерского королевства его правителями как символ национальной свободы и единства.

Дух литературной независимости в Северной Германии и соперничество языков в Австрийской империи привлекали внимание общественности в период правления Меттерниха. Внешне не было времени, когда положение Германии должно было казаться более беспомощным и безнадежным, чем между 1819 и 1840 годами. Немецкие восстания 1831 года не могли сравниться по своему историческому значению ни с английским реформаторским движением того же периода, ни с итальянскими восстаниями; ни по драматическому блеску с польским восстанием 1830 года. Даже Ганноверская конституция 1833 года, которая казалась незыблемой, пала четыре года спустя без того, чтобы в ее защиту обнажили меч; в то время как тяжкое бремя Карлсбадских декретов 1819 года и Франкфуртских декретов 1832 года стало еще тяжелее в 1834 году благодаря новому Указу, принятому в Вене, об учреждении третейских судов, избираемых членами Бунда для решения спорных вопросов между суверенами и парламентами. Если Собрания, защищая свои права на налогообложение, откажутся обращаться в этот Суд, суверен может тогда без дальнейших задержек приступить к взиманию взносов, которые были предоставлены предыдущим Собранием.

Однако Германия не была мертва. Помимо постоянных заявлений о независимости южногерманских государств, рост немецкой литературы поддерживал чувство единства между различными частями нации. Штайн, отойдя от политической деятельности, посвятил себя

поощрению немецкой литературы и особенно немецкой истории. С этой целью он собрал историков из разных частей Германии; и книготорговец Пертес, который помогал защищать Гамбург от французов, приложил все усилия, чтобы способствовать развитию книжной торговли, которая должна была объединить Север и Юг Германии. Иногда какой-нибудь принц, например герцог Саксен-Кобург-Готский, проявлял склонность играть роль герцога Веймарского в качестве покровителя литературы, но тем самым мог лишь привлечь внимание к той жизни, которая все еще оставалась, а не вызвать какую-либо новую жизнь. Немецкой музе все еще предстояло процветать благодаря своим собственным трудам, и великое доказательство существования все еще независимого литературного класса было дано в 1837 году, когда король Ганновера отменил Конституцию, установленную его предшественником.

17 ноября 1837 года семь профессоров Геттингенского университета выступили против этого акта тирании с протестом, который настолько умело соединил чувства истинного литератора и истинного учителя с чувствами независимого гражданина, что заслуживает подробного изложения. Они сказали, что все шансы на успех их работы зависят не столько от научной ценности их учения, сколько от их личной безупречности. Если бы они предстали перед молодыми студентами как люди, которые беспечно играют со своими клятвами, тогда благословение от их работы сразу же исчезло бы; и какое значение могла иметь клятва верности, если король получил ее от людей, которые незадолго до этого дерзко нарушили другую клятву? Этот протест был подписан Дальманом, Альбрехтом, Гервинусом, братьями Гримм, Вебером и Эвальдом. Король без промедления уволил их со своих должностей, заявив, что он может купить профессоров где угодно за деньги так же легко, как танцоров. Сразу же в разных частях Германии вспыхнул величайший энтузиазм. В Лейпциге и Кенигсберге были открыты подписки для профессоров, и за двенадцать часов лейпцигцы собрали почти 1000 талеров. За подписью в Лейпциге последовал публичный прием, оказанный Альбрехту и Дальманну; была произнесена речь, в которой профессорам было сказано, что все сердце немецкого народа бьется вместе с ними. Человеком, произнесшим это обращение и таким образом впервые появившимся перед публикой, был лейпцигский книготорговец Роберт Блюм. В Саксонии все еще номинально действовала Конституция, принятая в 1831 году, и премьер-министра даже называли либералом. Члены парламента надеялись воспользоваться этим случаем и выдвинуть Саксонию в качестве защитника прав немцев; но правительство уклонилось от этой позиции и, казалось, было готово даже сдержать независимое движение в народе.

Теперь, несмотря на непоколебимое мужество, проявленное литераторами Германии, основная часть нации все еще была по сути монархической, и им нужен был какой-нибудь король во главе движения за свободу и единство. Как бы много либерализма ни проявляли иногда некоторые мелкие князья Германии, ни один из них не был в состоянии принять ведущую роль в каком-либо общегерманском движении. Императору Австрии, даже если бы его политика была направлена в этом направлении, из-за его связи с негерманскими территориями не удалось взять на себя такое руководство. И воспоминания о 1813 году сосредоточились если не вокруг короля Пруссии, то, по крайней мере, вокруг его королевства. Институт Цольверайна стал одной из точек притяжения между Пруссией и либералами Германии; положение Пруссии как великой протестантской державы усилило ее влияние в Северной Германии; и как раз в то время, когда король Ганновера увольнял профессоров Геттингена, король Пруссии поддерживал профессоров Боннского университета, которых пытался подавить архиепископ Кельна. Запрет смешанных браков тем же архиепископом еще больше возбудил оппозицию Фридриха

Вильгельма, и, не имея возможности добиться послушания другими методами, король схватил архиепископа и заключил его в тюрьму. Акт тирании в интересах свободы, по-видимому, с большей готовностью одобряется континентальными революционерами, чем теми, кто был воспитан на принципе взаимной терпимости, продуцируемом конституционной жизнью; и не может быть никаких сомнений в том, что большая часть сильнейшей части северогерманских чувств была привлечена на сторону короля Пруссии. Но Фридрих Вильгельм III. был не из тех, кто берет на себя инициативу в чем-либо. Благодаря простой случайности своего положения он стал фигурой, возглавившей восстание 1813 года; и по той же случайности он продолжал вызывать желания, едва ли можно сказать надежды, у тех, кто желал противодействовать в Германии политике Меттерниха. Он никогда не смог бы многое сделать для укрепления единства Германии; и он уже давно отказался от всякого желания работать в этом направлении.

Но в то время как волнения, вызванные тиранией короля Ганновера, и борьба короля Пруссии с архиепископом Кельна все еще отвлекали Германию, Фридрих Вильгельм III. умер, и ему наследовал Фридрих Вильгельм IV. Новый король был человеком несколько поэтичного и восторженного темперамента, с сильными религиозными предубеждениями, желавшим в некотором роде благополучия своего народа и не склонным играть либеральную роль в должных пределах. Он восстановил Арндта на его посту в Бонне; он освободил не только Яна, но и архиепископа Кельнского; он нашел для Дальманна должность в Боннском университете; и он также начал говорить о конституционализме таким образом, что пробудил новые надежды в Германии. Он не внушал доверия тем, кто более внимательно разбирался в делах; но его карьера началась в то время, когда немцы находились в состоянии нетерпеливого ожидания, которое было ускорено движением, уже готовившимся в других частях Германии. Первым заявлением новых реформаторов был протест против религиозных суеверий. Римско-католический священник по имени Ронге осудил знаменитое поклонение Святому Плащу в Треве. Этот протест привлек внимание, и за ним последовали нападки на ряд других проявлений коррупции в Римско-католической церкви. Движение распространилось; в Познани и Силезии была основана реформатская католическая церковь, и Ронге был назначен священником первой конгрегации новой веры.

Это было в 1845 году, когда движение достигло Саксонии. Два года назад Либеральное министерство ушло в отставку; последовала тотальная реакция, и Роберт Блюм был приговорен к штрафу и четырем неделям тюремного заключения за статью, в которой он выступал за публичность судебного процесса. Ничуть не обескураженный этим, Блюм всем сердцем присоединился к новому движению и, хотя сам был католиком, осудил практику исповеди и безбрачия духовенства. Ультрамонтане подняли бунт, в ходе которого Блюм лично подвергся нападению, а саксонское министерство заявило о своей решимости покончить с "сектами". Такая угроза, естественно, придала новую силу реформаторам, и они подняли крик, который так часто можно было услышать в зарождающихся либеральных движениях: "Долой иезуитов!" Это несчастное Общество, столь часто становившееся объектом ненависти как королей, так и народов, было в данном случае особенно неприятно либералам из-за покровительства, которое оказывал ему наследник престола. Когда принц появился на смотре войск в Лейпциге, его встретили молчанием, а когда он удалился в свой отель, вокруг него собралась толпа с криками "Да здравствует Ронге!" и "Долой иезуитов!", сопровождаемыми пением "Ein fester Burg ist unser

Gott", а за ними последовали песни другого содержания. Вскоре начали лететь камни. Затем были вызваны солдаты, они открыли огонь по толпе, и многие были убиты.

На следующий день студенты Лейпцига собрались, чтобы послушать выступление Роберта Блюма. Он призвал их воздержаться от насилия, но сформулировать свое требование о средствах правовой защиты; и с этой целью был выбран комитет. Перед городским советом были выдвинуты следующие требования, а именно: возложить охрану порядка на гражданскую гвардию; вывести солдат из города; провести расследование обстоятельств беспорядков и устроить торжественные похороны тех, кто был расстрелян. Городской совет уступил, и хотя вскоре солдат отправили обратно в Лейпциг, было положено начало, которое могло привести к более масштабной реформе. Затем Блюм основал дискуссионное общество, и в конце 1845 года он был избран представителем Лейпцига в Нижней палате Саксонии.

Но в то время как национальное чувство Германии собиралось вокруг интеллектуальных лидеров этой страны, чувство национальных особенностей и национального языка приводило к совершенно иным результатам в тех странах, где проводилась неудачная политика Иосифа II. сделал немецкий язык символом разделения, а не единства. Движение за замену мадьярского языка латынью (что ранее было обычным явлением в пресбургском сейме) было возрождением борьбы, начавшейся еще во времена Иосифа II.; и, если бы Венгрия была однородной страной, это движение могло бы так же естественно перерасти в борьбу за свободу, как энтузиазм по поводу немецкой поэзии и изучения немецкого языка сочетался со стремлением к политическому единству Германии. Но Венгрия никогда не была страной одной расы или общих устремлений. Несколько волн завоеваний и колонизации прошли по разным частям страны, ни в коем случае не закончившись тем слиянием различных рас, которое только и могло обеспечить национальное единство.

Однако вполне возможно, что, если бы руководство мадьярами попало в руки человека с более широкими симпатиями и более тонкими чувствами, чем Кошут, между различными народами Венгрии могло бы установиться взаимопонимание. Во время борьбы против Иосифа II другие расы, по-видимому, подчинились руководству мадьяр и в значительной степени переняли мадьярский язык, потому что тогда он не был навязан им силой. Но когда после сейма 1830 года в Венгрии начало вновь пробуждаться стремление к свободе, признаки национального чувства вскоре проявились и у других рас, помимо мадьяр.

Первой расой, почувствовавшей новый импульс, были хорваты. Они в большей степени, чем любой другой народ, присоединенный к Венгерскому королевству, сохранили свое отдельное правление и традиции независимости. В 1527 году они предложили престол Хорватии Габсбургам, не дожидаясь какого-либо решения мадьяр; и когда Карл VI. представляя на рассмотрение европейских держав и жителей своих различных владений вопрос о Прагматической санкции, Хорватия приняла свое решение совершенно независимо от Пресбургского сейма.

Но помимо ее фактических законных прав на независимость, сохранялись традиции старого периода, когда Королевство Хорватия было важной державой в Европе и распространялось на Славонию и Далмацию. Но эти утверждения не были бесспорными. Власть, которую Венеция приобрела над Далмацией и Истрией, привнесла в эти провинции итальянский элемент; и когда в шестнадцатом веке сербы были призваны в Венгрию в большом количестве, в Славонии развилась разновидность славянского языка, которая, должно быть, ослабила абсолютное

господство хорватов. Смысл, однако, связи между диалектами различных славянских государств заключался в узах союза между этими государствами, которые могли в любое время сблизиться.

Затем, когда Сечени начал побуждать мадьяр развивать их язык и литературу, хорватскому поэту пришлось в голову объединить различные диалекты южных славян в один язык. Хорваты настолько опередили своих соседей сербов, что отказались от кириллицы, которая была введена во время их первого обращения в христианство, и приняли обычный латинский алфавит. Но хорватский диалект сам по себе не был бы принят другими славянами; а более мягкий язык и более высокая культура старой Республики Рагуза обеспечили лучшую основу для развития нового языка. Луи Гай, хорватский поэт, учился в Лейпцигском университете, который, по-видимому, был центром многих славянских чувств; и он надеялся связать воедино не только три провинции Хорватии, Славонию и Далмацию, но также несколько юго-западных провинций Австрии; и, с другой стороны, он хотел вовлечь в эти узы симпатии те славянские страны, которые все еще стонали под турецким игом. Однако было необходимо найти новое название для языка, который представлял собой новую комбинацию диалектов. Называть его хорватским языком означало бы притязание Хорватии на превосходство, чего было крайне желательно избегать; и поскольку ни к одной другой славянской провинции нельзя было относиться как к крестной матери нового языка, Гай обратился за названием к семнадцатому веку.

В тот период Леопольд I Австрийский предоставил особые привилегии *иллирийской* нации, и только в восемнадцатом веке *Иллирийская* канцелярия в Вене была упразднена. Таким образом, это было название, признанное имперской властью в юридических документах и не дающее превосходства ни одной из славянских провинций над другими. Для достижения своих целей Гай в 1835 году основал журнал, которому сначала дал название "Вестник Хорватии", но вскоре переименовал в "Национальный вестник Иллирии". Эта газета была написана на новом языке, и венгерские власти отказались санкционировать ее выпуск. Они были не единственными противниками нового движения. Турецкий паша в Боснии был встревожен попыткой вовлечь подданных султана в более тесный союз со славянами в Венгрии; и он пытался убедить Франциска, что Гай пытается поколебать имперскую власть и основать отдельное королевство. В то же время епископ Аграма предупредил папу Римского о очевидной тенденции этого движения дать преимущество членам Греческой церкви, которые составляли большинство южных славян, над римскими католиками Хорватии. Но эти усилия потерпели неудачу. Меттерних увидел в движении Гая возможность ослабить мадьяр; Франциск послал Гаю кольцо в знак своего одобрения; и Григорий XVI. был настолько далек от того, чтобы поддаться влиянию апелляции епископа Аграмского, что отстранил его от своей кафедры за то, что он это сделал.

Того факта, что Франциск поощрял это движение, а Меттерних, во всяком случае, не осуждал его, было достаточно, чтобы встревожить чувства мадьяр; и когда Гай появился в венгерском сейме 1840 года, Дик упрекнул его за его работу. Гай ответил словами, которые впоследствии стали слишком запоминающимися. "Мадьяры, - сказал он, - это остров в славянском океане. Не я создавал океан и не я поднимал его волны; но берегитесь, чтобы они не перехлестнули через ваши головы и не утопили вас". Эти слова, конечно, не были примирительными, но они были вызваны явными признаками враждебности со стороны мадьяр. Если бы последние

удовлетворились игнорированием движения, оно могло бы остаться, по крайней мере для их времени, чисто литературным усилием; или, если бы оно приняло политическую форму, оно могло бы объединиться с борьбой Богемии против немецкого господства или даже с крестовым походом против турок. Однако более чем вероятно, что от попытки основать этот новый язык отказались бы раньше, если бы не противодействие, которое он вызвал. Ибо Гаю, каким бы ревностным патриотом и изобретательным филологом он ни был, по-видимому, не хватало силы для создания такой великой работы воображения, которая позволила Данте объединить не менее разнообразные элементы итальянского языка.

Но мадьярскому крику тревоги, вызванному требованиями славян, теперь вторил более свирепый голос, чем у Диака. В 1841 году, через год после роспуска Пресбургского сейма, в результате которого Меттерних потерпел столь сокрушительное поражение, Кошут основал газету под названием "Пешти хирлап" ("Вестник Пеша"), которая вскоре стала одновременно самым решительным защитником тех свобод, которых Кошут желал для своих соотечественников, и самым ярким противником тех свобод, которые он не желал предоставлять другим расам Венгрии. Ибо движение, подобное движению Гаю, могло произвести эффект не только в провинциях, отделенных от мадьярского мира, таких как Хорватия, Славония и Далмация. Славяне были рассеяны почти по всем округам Венгрии, и хотя, возможно, не все они желали отдельных политических организаций, подобных тем, которых требовали хорваты, вопрос сохранения их языка волновал даже тех, у кого не было отдельного политического существования; и они также возмущались любой попыткой со стороны мадьяр заменить его языком правящей расы. Кошут был возмущен этим препятствием для его планов национального единства не меньше, чем Иосиф II. он был возмущен препятствиями, которые были поставлены на пути германизации Империи. Тот же 1841 год, когда был основан журнал, в котором Кошут должен был отстаивать свободы Венгрии против Меттерниха, был также годом, когда он нанес свой первый решительный удар по свободам славянских народов Венгрии. На общем съезде венгерских протестантов он предложил лишить некоторые школы, в которых славянское духовенство изучало физику и другие отрасли знаний, этих учений и заменить их простой практикой написания проповедей. Это предложение было защищено на том основании, что славянские собрания, если их тщательно не ограничивать, должны представлять источник опасности для страны. Любой, кто осмеливался защищать славянское дело на этом собрании, подвергался нападкам, и предложение Кошута было поддержано.

Яростные нападки на славян и их язык теперь появились в "Пешти Хирлап", и Кошут отказался вставить ответы на эти нападки. Граф Зай, который только что был назначен главным инспектором протестантских конгрегаций и школ, открыто объявил в публичном циркуляре о своей решимости мадьяризовать славян. Славянская речь, сказал он, помешала бы славянам быть твердыми в протестантской вере; и пока они будут использовать эту речь, они не будут способны к свободе и даже не смогут считаться имеющими надлежащую долю в человечестве. Мадьяризация славян была святейшим долгом каждого подлинного патриота Венгрии, каждого защитника свободы и разума и каждого истинного подданного Австрийского дома. Другие обвиняли славян в том, что они приносят жертвы своему древнему божееству Святоплуку, в то время как это великое пугало - страх перед русским влиянием - выдвигалось вперед при каждом удобном случае. Славянские гимны, которые раньше исполнялись в церквях, были запрещены; и мадьярских проповедников навязывали прихожанам, которые не понимали ни слова на мадьярском языке.

Именно в то время, когда это горькое чувство достигло своего апогея, начались выборы в сейм 1843 года в Пресбурге и в Скупщину Хорватии в Аграме. Венгерские выборы в некоторой степени касались ссоры со славянами, но отчасти также и вопроса, который теперь выдвигался на первый план, об освобождении так называемой венгерской знати от налогов. Эти "дворяне" не ограничивались знатными семьями, заседавшими в Палате магнатов, но включали в себя всех свободных землевладельцев страны; и великая несправедливость возникла из-за того факта, что люди, взимавшие налоги, были, в основном, не теми, кто их платил. Сечени, как упоминалось ранее, пытался уменьшить эту несправедливость; но пламенные методы Кошута и растущая тенденция к противодействию австрийскому правлению встревожили Сечени; и он все больше и больше отдалялся от лидеров народного движения. Однако его оттолкнули не только экстремальный характер их целей или их грубые методы, но и их растущая несправедливость по отношению к славянам. Сечени, который был первым, кто возродил интерес к мадьярскому языку и литературе, теперь выступил в качестве президента Венгерской академии с осуждением любых шагов по распространению мадьярского языка, которые могли оскорбить хорватов. С другой стороны, венгерские крестьяне-дворяне яростно протестовали против попытки лишить их освобождения от налогообложения, и они буйно собирались на окружных собраниях, в одном случае ворвавшись в Зал выборов с ножами в руках и выкрикивая: "Свобода навеки! Мы не будем платить налоги".

Это жестокое запугивание со стороны противников реформ спровоцировало репрессии со стороны реформаторов. И там, где они не могли настоять на своем путем запугивания, они прибегали к подкупу. Один протест был направлен против этого отступления от истинных принципов свободы, которые имели жизненно важное значение для будущей истории Венгрии. Выборы в округе Зала снова завершились возвращением Фрэнсиса Дика; и выборщики собрались, чтобы услышать объявление результатов выборов, когда, к их ужасу, Дик вышел вперед и заявил, что в связи с тем, как были проведены выборы, он должен отказаться баллотироваться в качестве их представителя. Его друзья столпились вокруг него, некоторые умоляли его не покидать их дело; некоторые даже осмеливались упрекать его в трусости, в том, что он уклоняется от борьбы. Но он ответил, что, если он пойдет в Сейм после этих выборов, он всегда должен "видеть пятна крови на своем мандате". Таким образом, в кризис, когда они больше всего нуждались в человеке, который сочетал бы подлинные народные чувства с умеренностью и справедливостью, реформаторы были лишены *the* лидера Нижней палаты, который в наибольшей степени обладал этими качествами. Что касается самого Дика, то следует помнить, что он пожертвовал несомненным положением лидера реформаторской партии в то время, когда ее цели становились все более и более определенными, а ее руководство, как следствие, становилось все более привлекательным для человека мужественного и патриотичного. Хотя ему все еще предстояло сыграть полезную роль в грядущей борьбе, она по необходимости была второстепенной; и только двадцать три года спустя ему предстояло вновь занять первое место в венгерском национальном движении.

Тем временем хорватский вопрос еще больше осложнился из-за элемента внутреннего раскола. В районе недалеко от Аграма было основано полное поселение хорватской "знати", аналогичное тем, которые поднимали крик против равного налогообложения в венгерских графствах. Эти люди претендовали на право, которое сильно оспаривалось другими хорватами, посещать собрания графства в Аграме *массовом порядке* вместо того, чтобы возвращать представителей, как это делают другие граждане. На этом сейме 1843 года граф Йозипович, предводитель этой банды "дворян", очень властно отстаивал свои права; и на улицах Аграма

последовала ожесточенная драка. Так началось соревнование, которое продолжалось с различной степенью насилия в течение нескольких лет. Хорватское собрание, однако, сначала попыталось умеренным образом изложить свои требования мадьярам; и поручило Хаулику, епископу Аграма, заверить мадьяр в их желании жить с ними в хороших отношениях, если они будут обеспечены теми правами, которые были предоставлены законом и гарантированы присягой короля. Они указали, что многие из них не знали мадьярского языка и что мадьяры во многих случаях не знали их собственного. На первом основании они хотели сохранить право своих представителей говорить на латыни в венгерском сейме. На последнем основании они возражали против назначения цензоров над хорватской прессой, которые не знали хорватского языка. Первое право было подвергнуто испытанию первым; ибо как только хорватские депутаты начали, согласно старому обычаю, говорить на латыни в Пресбургском сейме, их прервал бряцанье сабель со стороны мадьярских депутатов и требование, чтобы они говорили на мадьярском языке. Вслед за этим Йозипович увидел возможность завести новых друзей для своего дела; и, хотя он оспаривал законность избрания своих оппонентов, он заявил, что он и его сторонники "венгры душой и телом". Кошут сразу же признал справедливость дела Йозиповича; и, в то время как он горячо выступал против привилегий знати в Венгрии, он, таким образом, поддерживал в Хорватии аристократические привилегии сомнительной законности и, несомненно, беспорядочные и несправедливые по своим последствиям. Мадьяры откликнулись на призыв Кошута, и Нижняя палата венгерского сейма приняла резолюцию, запрещающую использование в сейме любого языка, кроме мадьярского. Дом магнатов, несомненно, находившийся под влиянием Сечени, был склонен пойти на уступки хорватам; но даже они мало что смогли сделать, чтобы сдержать бурю.

Тем временем император пытался оказывать сдерживающее влияние на эти конфликты. Понимая горечь, вызванную в Венгрии движением Гая, Фердинанд запретил использование названия "иллирийский" в газетах и в публичных дискуссиях; но в то же время он пообещал поощрять развитие хорватского языка и призвал мадьяр приостановить на шесть лет запрет латиницы в венгерском парламенте. В то время как мадьярский язык также должен был использоваться в церковных советах и судебных инстанциях Венгрии, венгерские официальные лица должны были принимать латинские буквы из Хорватии и других отдаленных районов, которые были объединены с Венгрией. Но эти предложения, к сожалению, не удовлетворили чувства мадьяр; и некоторые из них даже отважились на экстраординарное заявление о том, что, если хорватские советы могут понимать буквы, написанные на мадьярском языке, они обязательно должны уметь составлять мадьярские письма в ответ; и они утверждали, что хорватам не следует разрешать избирать в сейм никого, кто не мог бы тогда говорить на мадьярском языке.

Таким образом, хотя во всех частях Венгерского королевства росло требование свободы и равенства, каждый вопрос, в свою очередь, осложнялся этой ссорой между представителями различных рас. С одной стороны, предложение допустить к владению землей людей, ранее не признававшихся "дворянами", было встречено поправкой, ограничивающей эту уступку теми, кто знал мадьярский язык; и это исключение было отклонено всего двадцатью восемью голосами против семнадцати; в то время как предложение ограничить должности теми, кто мог говорить по-мадьярски, было отклонено большинством всего в два голоса. С другой стороны, хорваты успешно сопротивлялись предложению разрешить протестантам селиться в Хорватии в

рамках программы мадьяризации их страны. Но хотя эти разногласия препятствовали сотрудничеству представителей разных наций, которые могли бы работать вместе во имя свободы и прогресса, всегда следует отмечать, что стремлением каждой нации было, в первую очередь, развитие свободной национальной жизни, связанной с подлинной культурой и обучением и независимой от простого официоза. Если мадьяры были тираническими и властными по отношению к хорватам, то отчасти потому, что они верили, что эти разногласия (вину в которых они приписывали хорватам) имели тенденцию усиливать руки их общих угнетателей. Если, с другой стороны, хорваты обратились к императору за защитой от мадьяр, то это было не из какого-либо придворного или рабского желания укрепить руки деспотизма; но отчасти потому, что они чувствовали, что положение императора позволяло ему более справедливо судить между противоборствующими сторонами, отчасти потому, что они по опыту убедились, что Фердинанд Австрийский был более справедливым человеком, чем Луи Кошут.

В то время как рост национальных чувств в Венгрии и Хорватии вел одновременно к более здоровой жизни и к опасным разделениям, гораздо более замечательное пробуждение новой и отдельной жизни проявлялось в провинции Трансильвания. Географическая изоляция этой провинции от остальной Венгрии очень поразительна даже сейчас, когда железные дороги соединили разные части королевства; но в 1848 году эта изоляция была намного большей и оказала значительное влияние на политическую историю того времени. Карпаты почти окружают страну и образуют естественный оплот. Между этой высокой стеной гор на северо-востоке и Буда-Пешем простирается обширная равнина. Ни в одной провинции Империи не было большего разнообразия отдельно организованных наций. Трансильванский сейм не был, в отличие от других местных собраний, результатом попытки выразить чувства более или менее сплоченного народа, а возник просто из стремления придать разумную прочность союзу между тремя разными народами. Из трех правящих рас первыми, кто вошел в Трансильванию, были секлеры, народ того же происхождения, что и мадьяры, но медленнее воспринимающий влияние какой-либо постоянной цивилизации. Они покорили коренных жителей страны, расу, вероятно, смешанной дакийской и римской крови, называемую валахами или румынами. Ближе к концу IX века пришли мадьяры, перед которыми секлеры отступили на северо-восток, где их столицей стал город Марош-Васархей. Этот город расположен на реке Марош, которая, беря начало в Карпатах, протекает по всей Трансильвании.

Тем временем мадьяры распространили свое господство на все части Венгрии, но положение, которое они заняли в Трансильвании, было гораздо менее бесспорным, чем то, которое они установили в Северной Венгрии; ибо в бывшей провинции они оставались второй нацией, существующей бок о бок с секлерами, не завоевывая и не поглощая их.

Однако большая часть страны все еще не была колонизирована и подвергалась набегам опасных соседей; поэтому в двенадцатом веке несколько немецких граждан, живших вдоль Рейна, и несколько немецких рыцарей, искавших приключений, прибыли в Трансильванию, чтобы предложить свои услуги королю Венгрии. Немецкие рыцари не смогли прийти к удовлетворительному соглашению с королем и отправились на север, чтобы попытаться цивилизовать пруссаков; но горожане остались, приобрели землю, развили торговлю, а также развили самоуправление, на которое в то время не были способны ни секлер, ни мадьяр. Та часть страны, которая была колонизирована саксами, выглядит более опрятной и комфортной, чем остальная. Маленькие усадьбы по своему внешнему виду почти английские, с редкими садами и огородами. Херманштадт, столица этого округа, хранит следы своего бывшего величия в

нескольких прекрасных старинных церквях, юридической академии и картинной галерее. В старые времена его укрепления, должно быть, были почти неприступны, с мощными сторожевыми башнями и стенами огромной высоты. На сохранившихся участках стен видны следы осад 1849 года. Карпаты на юго-востоке находятся на расстоянии многих миль, но перевал Ротентурм, через который ужасные русские силы проникли в страну, виден в нескольких огнях.

Эти три правящие нации — мадьяры, секлеры и саксы - хотя и были разделены по своей организации, имели более чем один общий интерес. Их объединяла общая любовь к свободе и общее искушение тиранией. В 1438 году они образовали союз против турок, который в 1459 году был преобразован в союз в поддержку их свобод и привилегий, "для защиты от внутренних и внешних врагов, от угнетения сверху или восстания снизу". И когда в семнадцатом веке они на время отделились от Венгрии, три нации признали князя Трансильвании своим главой. Когда Трансильвания и Венгрия перешли под власть Австрии, Леопольд I. в 1695 году учредил отдельное правительство для Трансильвании, а Мария Терезия повысила важность и независимость этой должности. Следует отметить, что среди целей, ради которых объединились три нации, упоминается "восстание снизу"; и это было связующим звеном огромной важности; ибо, в то время как мадьяры, секлеры и саксонцы наслаждались определенной свободой и независимостью в Трансильвании, которые Австрийский дом обычно не предоставлял своим подданным, исконное население страны, валахи, или румыны, как они предпочитают, чтобы их называли, были ненавидимы секлерами и подвергались нападкам, мадьяры превратили их в крепостных, саксы изгнали со своей территории, а исконное население страны подверглось нападкам секлеров. презираемый всеми. Даже все преимущества деревенской организации, которая была большой защитой венгерского крестьянина, не распространялись на румын в Трансильвании, поскольку им никогда не разрешалось выбирать кого-либо из своих людей президентом деревенской общины; и в то время как землевладельцы притесняли их в стране, саксонские гильдии исключали их из городской торговли. Так они и остались расой пастухов, без культуры и богатства, среди воинов мадьяр и секлеров и преуспевающих торговцев саксов.

Тогда, значит, реформаторское рвение Иосифа II. когда оно было распространено на Трансильванию, только румыны приветствовали его с восторгом; ибо, в то время как в своем стремлении к объединенной империи император пытался смести все особые организации отдельного самоуправления, столь дорогие правящим расам, он провел радикальные реформы в пользу крепостных. Он издал Эдикт, гарантирующий крестьянину определенную свободу, которой тот до сих пор не пользовался. Ни одному крестьянину не должно было быть запрещено вступать в брак, или учиться в других местах, или выполнять другие виды работ; никто не должен был быть изгнан из своей деревни или земли по требованию землевладельца; полномочия землевладельца налагать новые тяготы (уже ограниченные Урбариумом Марии Терезии) должны были быть еще более ограничены; и чиновники графства должны были защищать иждивенца от любого притеснения его землевладельца. Этот эдикт, естественно, пробудил надежды румын, и многие из них верили, что, когда последовала всеобщая воинская повинность, поступив в армию, они смогут избежать крепостного права. Лорды, поддерживаемые многими чиновниками, воспрепятствовали этой попытке и вмешались, чтобы помешать исполнению Эдикта. Вслед за этим румыны подняли восстание под предводительством двух лидеров, Гора и Клоски; и последовали все те ужасы, которые, естественно, связаны с аграрным восстанием

нецивилизованных крепостных и насильственным подавлением его едва ли более цивилизованными тиранами.

Но среди румынских епископов, которым они всегда предоставляли большую власть, были такие, кто видел лучший способ облегчить страдания своих соотечественников, чем восстание. Заметив это, когда три доминирующие расы протестовали против реформ Иосифа II. они постоянно апеллировали к историческим правам, эти румынские лидеры составили петицию, которая получила название "Libellus Wallachorum" и была представлена сейму 1791 года. Именно в этом документе румыны впервые выдвинули то утверждение о своем происхождении от древних римлян, которое с тех пор оказывает такое влияние на воображение этой уникальной расы. В петиции далее говорилось, что во время первого нашествия варваров румыны продолжали придерживаться того христианства, которому они научились при Римской империи; и что, когда мадьяры пришли в страну, румыны добровольно признали мадьярского вождя своим лидером; что, хотя захватчики затем изменили их название с румынского на валахское, их независимые права все еще были защищены. Далее они говорили, что даже объединение трех правящих рас в 1438 году изначально не было направлено на то, чтобы лишить румын их прав; только в семнадцатом веке они оказались в их нынешнем положении. Поэтому они умоляли, чтобы им были восстановлены все гражданские и политические права, которыми они обладали в пятнадцатом веке; чтобы духовенство греческой церкви, к которой они принадлежали, было уравнено с духовенством других религий; и чтобы везде, где румыны составляли большинство в каких-либо деревнях, эти деревни могли называться румынскими именами. Чтение этой петиции было встречено представителями трех правящих рас после краткого молчания яростными протестами; только саксы сочли необходимым дать хотя бы туманные обещания уступок; и эти обещания не были выполнены.

Но когда это требование было однажды оформлено, память о нем сохранилась среди румын; и в 1842 году, во время общего пробуждения национальных чувств, они снова попытались обратиться к трансильванскому сейму с просьбой об особом признании. И снова они потерпели неудачу, но поэтому их лидеры не пали духом. Некоторые из них, действительно, были склонны прибегнуть к своему старому методу восстания; и несколько лет спустя они восстали под руководством женщины по имени Катрин Варга и долгое время противостояли мадьярским чиновникам. Но именно на подавителя этого движения, а не на его лидера, румыны смотрят как на своего национального героя. Это был Андреас Шагуна, который во время восстания Екатерины Варги занимал должность архимандрита. Он спустился в деревню, куда мадьярские чиновники не осмелились проникнуть, упрекнул румын в их буйстве и увел Катерину Варгу из их среды, никто не осмелился сопротивляться. Но это, хотя и было поразительным, не было характерным проявлением его власти. Он был далек от мысли, что сила является средством от обид румын; и он посвятил время и мысли основанию школ и образованию народа. Это образование он осуществлял не простым преподаванием, а выискивая и консультируя тех, кого считал пригодными для более интеллектуальных занятий, и помогая им стать юристами и врачами. И последнее, но отнюдь не по значимости, он попытался привести румынский язык в более литературную форму.

Но не только в своих рядах румыны теперь находили защитников своего национального дела. В 1842 году появился памфлет саксонского священника по имени Стивен Рот, в котором автор протестовал против попытки мадьяр уничтожить конкурирующие языки в Трансильвании; поскольку это, как он указал, было новой формой тирании. В Северной Венгрии, действительно,

движение сопровождалось попыткой улучшить положение крестьян; и мадьярский язык предлагался им как новое благо, которое должно было быть добавлено к отмене феодальных повинностей. Но в Трансильвании мадьяры мало или вообще ничего не сделали для улучшения положения крестьян; и поэтому о *выгодах* там не могло быть и речи. Если бы в Трансильвании был один официальный язык, он должен был, по мнению Рота, быть языком большинства населения, то есть румынским; и хотя было нежелательно делать этот или любой другой язык универсальным, было ясно, что правящая раса никогда не смогла бы мадьяризовать румын; которые, однако, могли бы быть умиротворены большим уважением к их человеческому достоинству, более полным признанием их формы христианства, лучшими средствами образования, обеспечением материальных нужд и более свободным положением. Эта брошюра Рота была примечательна как знак сочувствия, испытываемого представителем самой культурной расы Трансильвании к жалобам самой нецивилизованной. Но это не упрек Роту, если сказать, что в то время он думал не столько о защите прав своей собственной расы, сколько об исправлении несправедливости, причиненной румынам. Ибо, хотя мадьяры пока что не осмеливались господствовать над немецким народом так, как они это делали над славянским и румынским, они все же пытались различными закулисными методами ослабить преданность саксов своей расе и языку. Рот и его друзья пытались противодействовать этому, частично путем основания союзов для поощрения немецкой культуры; а также более эффективным способом знакомства с немецкими иммигрантами из старой родины. Движение подобного рода было открыто Марией Терезией около 1731 года; и более сорока лет оно продолжалось с успехом; немецкие протестанты, изгнанные из других стран, нашли естественное убежище в полностью протестантском саксонском поселении Трансильвания. Как ни странно, Иосиф II. похоже, что он не продолжил дело своей матери; возможно, он стал слишком непопулярен в Трансильвании, чтобы заниматься этим с успехом. Но у Рота были особые друзья в Вюртембергском университете; и, несмотря на либеральные тенденции короля этого государства, налоги в этой стране были особенно высокими. Когда затем, в 1845 году, Рот отправился в Вюртемберг, так много граждан этого государства согласились эмигрировать в Трансильванию в следующем году, что правительство в Вене и мадьяры в Пеште были одинаково встревожены. Фердинанд был убежден, что это было протестантское вторжение и, вероятно, также попытка коммунизма. Мадьяры, с другой стороны, кричали, что это было частью попытки германизировать Трансильванию. Рот защищал свое дело и опроверг обвинение в протестантской пропаганде, показав, что среди эмигрантов были семьи римско-католиков; в то время как что касается идеи коммунистического пролетариата, многие из тех, кто эмигрировал, были хорошо обеспечены деньгами, а некоторые были воодушевлены прежним импульсом, приданным движению венским правительством. Но от смутного предубеждения, однажды возникшего, редко избавляются простой констатацией факта; и правительства, как в Вене, так и в Пеште, создавали такие трудности на пути эмигрантов, что им приходилось терпеть большие лишения в своем путешествии; и эти страдания имели тенденцию (наряду с другими причинами предубеждения) вызывать сильное негодование против Рота. Во всяком случае, мадьяры не стали бы относиться к нему дружелюбнее, узнав, что орган хорватских патриотов в Аграме объявил его своим союзником против властных требований мадьяр.

Таким образом, ясно, что в период с 1840 по 1846 год как в Германии, так и в Венгрии наблюдалось общее пробуждение сильных национальных чувств. В Германии эти чувства, собравшись вокруг общего языка и литературы, непосредственно подготовили путь для

движения к свободе; в то время как в Венгрии расовое и языковое разделение препятствовало полному использованию преимуществ возрождения и давало повод поборникам деспотизма. И все же, будь то среди мадьяр, хорватов, румын или саксонцев, движение само по себе было здоровым, стремясь к новой и более естественной жизни и ослабляя традиции венского официоза.

ГЛАВА V.

ОТСТУПЛЕНИЕ ДЕСПОТИЗМА Перед КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМОМ, 1844-ДЕКАБРЬ 1847г.

Восстание в Бандьере. Его результаты.—Career of Cesare Balbo, "Le Speranze d'Italia." — Vincenzo Gioberti. "Il Primato degli Italiani." — Восстание в Римини. "Ultimi casi di Romagna." — Восстания в Галиции.—История Кракова с 1815 года.—Причины провала галицийского движения.—Захват Кракова. Высказывания Пальмерстона по этому поводу.—Изменение позиции Карла Альберта.—Тичинские договоры.—Ошибка Соларо делла Маргариты.—"Да здравствует король Италии!" — Политика Д'Азельо.—Аурелио Саффи.—Смерть Григория XVI.—Состояние римского правительства.—Стороны в Конклаве.—Избрание Пия IX.—Его характер и карьера.—Амнистия. Ее эффект.—Чичеруаккио. Его работа.— Конгресс в Генуе.—Charles Lucien Bonaparte.—Смерть Конфалоньери.—Государство Милан.—Реформы Пио Ноно.—Клерикальный заговор.—Оккупация Феррары. Ее влияние на чувства итальянцев.—Государство Тоскана.—Герцог Лукки.—Поглощение Лукки Тосканой.—Борьба с Моденой.—Резня в Фивизцано.—Оккупация Австрией Пармы и Модены.—Государство Швейцария.—Позиция Берна и Цюриха.—Конкордат семи.—Вопрос о беженцах в 1838 году.—Монастыри Аргау.—Зондербунд.—Иезуитский вопрос.—Чувства Меттерниха, настоящие и притворные.—Позиция Пальмерстона.—Отношения между Меттернихом и Гизо.—Решение швейцарского сейма.—Война Зондербунда.—Последствия победы федералов.—Вопрос Шлезвиг-Гольштейна.—Официальная точка зрения и популярная точка зрения.—Выход Меттерниха из затруднительного положения.—Влияние движения на Германию и Пруссию.—Состояние Европы в момент начала сицилийского восстания.

Разногласия, которые препятствовали прогрессу в Венгрии, тем временем становились менее заметными в Италии; так что более активные политические лидеры последней страны, по крайней мере на какое-то время, стремились к общей программе. Однако эта точка была достигнута только после долгих страданий и неудач. Заговоры с различными целями были широко распространены в Италии, особенно в Папской области; но, хотя жестокость, проявленная при их подавлении, привлекла некоторое мимолетное внимание, эти восстания, по-видимому, не оставили особого следа в стране. Но в 1844 году произошло восстание, которое стало поворотным пунктом в итальянской политике. Характер и обстоятельства лидеров вызвали сочувствие, которое запечатлелось в памяти их соотечественников, в то время как неудача восстания привела к изменению общей тактики итальянских либералов.

Восстание, о котором идет речь, было организовано братьями Эмилио и Аттилио Бандьера. Эти молодые люди были сыновьями венецианского дворянина, который был адмиралом на австрийской службе и который привлек к себе внимание в 1831 году, нарушив условия капитуляции Анконы и попытавшись схватить изгнанников, которые под защитой этого

договора направлялись во Францию. Эмилио и Аттилио, будучи еще мальчиками, были вынуждены поступить на службу Австрии; но вскоре они начали испытывать отвращение к иностранным правителям своей страны; и, находясь в таком состоянии духа, они вступили в контакт с некоторыми из тех, кто уже действовал на стороне итальянской Джованни. Наконец, в 1842 году Аттилио Бандьера написал Мадзини, выражая уважение и любовь, которые он научился испытывать к нему, свое желание сотрудничать с ним и свою веру в то, что дело Италии - всего лишь часть дела человечества.

Эта переписка с Мадзини поддерживалась через другого морского офицера австрийской службы, Доменико Моро; в следующем году мимолетная борьба в Южной и Центральной Италии вселила в братьев новые надежды. Они сбежали со своих кораблей и встретились с Доменико Моро на Корфу. Но более сильное влияние, чем страх перед австрийской тиранией, было выдвинуто, чтобы помешать братьям Бандьера в их попытках. Их мать написала из Венеции, призывая их вернуться и называя их отказ противоестественным поступком. Однако даже этому давлению они устояли и приготовились к своему первому восстанию в марте 1844 года.

Желание освободить неаполитанцев, и без того отвлеченных столькими восстаниями, привело к этой попытке, главной квартирой которой была Козенца. К сожалению, план восстания не был понят некоторыми повстанцами, и предварительная попытка была легко подавлена неаполитанскими войсками. Ничуть не обескураженные этим, бандеры спланировали новый поход на Калабрию. К несчастью, именно в этот момент переписка Бандьера с Мадзини была вскрыта британским генеральным почтмейстером и передана им австрийцам. Когда, затем, братья, сопровождаемые множеством рекрутов из разных частей Италии, двинулись на Козенцу, чтобы освободить пленных, захваченных при предыдущей неудачной попытке, они нашли проводников, готовых обмануть их; и в лесу близ Козенцы их встретил большой отряд жандармов, которые были предупреждены об их приближении. Однако они отразили атаку и отступили на Корфу, чтобы собрать новые силы; но власти внушили жителям веру в то, что бандеры и их последователи были турками. Народ восстал против них; и когда они снова двинулись на Козенцу, их легко одолели и заключили в тюрьму, а вскоре после этого приговорили к смерти. Братья встретили известие о своем осуждении криками "Да здравствует Италия! Да здравствует Свобода! Да здравствует наша страна!" И священникам, которые пытались призвать их к покаянию, они ответили, что действовали в духе Христа, пытаясь освободить своих братьев.

Последствия их смерти и всех обстоятельств их возвышения были глубокими и масштабными; и память о них, по-видимому, живет дольше, чем о любых предыдущих мучениках за свободу Италии. Пули, которыми они были застрелены, собирались как священные реликвии, и чувствовалось, что борьбе с австрийской тиранией был придан новый импульс. Но из-за негодования по поводу предательства, от которого пострадали братья Бандьера, и из-за уважения к их памяти в Италии поднялась мимолетная волна подозрений против Мадзини и лидеров итальянской Джованникак людей, растративших жизни героической молодежи Италии в бесполезных и плохо организованных попытках.

Именно в этот период внимание начали привлекать две книги, написанные в 1843 году. Это были "Итальянские сперанцы" Чезаре Бальбо и "Примато" Винченцо Джоберти.

Чезаре Бальбо был сыном того графа Просперо Бальбо, который, как предполагалось, во времена правления Виктора Эммануила I. внес либеральный элемент в правительство. Однако в карьере графа Просперо было мало такого, что могло бы внушить ему сколько-нибудь разумное доверие. Он служил под началом Виктора Амадея до падения Пьемонта перед французами; но после установления власти Наполеона он вернулся в Пьемонт и стал главой Туринского университета. После восстановления Савойского дома он снова вступил в должность при Викторе Эммануиле и сыграл несколько сомнительную роль, описанную выше, в движении 1821 года. Еще мальчиком Чезаре был представлен Наполеону своим отцом; и хотя граф Просперо считал это опасным шагом, молодой человек занял должность в Государственном совете Наполеона в Турине, а впоследствии служил под началом того же правителя в Тоскане. Хотя он был потрясен похищением Пия VII, он не оставил службу Наполеону до падения Французской империи в 1814 году. Тем не менее, после восстановления Савойского дома он вступил в армию короля Сардинии и сражался сначала против Наполеона, а затем против Мюрата. В 1821 году ему удалось сохранить дружеские отношения с Санта-Розой, в то же время он советовал Чарльзу Альберту повзвать с революционерами, а также пытался помешать провозглашению Конституции Испании в Алессандрии. Таков был человек, который сейчас пытался рассказать Италии о ее надеждах.

Обращаясь к Джоберти как к своему учителю и заявляя о своем предпочтении умеренной партии, Бальбо подробно остановился на недостатке национальной независимости как главном источнике зла Италии, и особенно на контроле, осуществляемом австрийцами над папой римским. Он призвал своих соотечественников отбросить старые идеи Данте и не возвращаться к своей концепции итальянского единства дальше 1814 года. Затем он перешел к изучению различных схем достижения этого единства и, отвергнув в равной степени схемы монархистов и федералистов, а также план более тесного единства, выдвинутый республиканцами из Итальянской Джованни, указал в качестве единственной реальной надежды для Италии на возможность падения Османской империи и вытекающий из этого шанс на освобождение Италии в ходе последовавшей за этим схватки.

Было бы неплохо отклонить эту книгу Бальбо первой, потому что ее ценность заключается только в том, что она показывает, за какие крохи утешения жадно хватались итальянцы в тот период; но, на самом деле, ее публикация была немного позже, чем "Примато" Винченцо Джоберти, на который Бальбо ссылается в предисловии к своей книге.

Джоберти уже упоминался как сотрудник журнала *Giovine Italia*. До этого времени он был известен главным образом как писатель на церковные или богословские темы. До двадцати лет он написал философский трактат о человеке, Боге и естественной религии; и в раннем возрасте он также писал о "Нечестии пап" и пытался доказать, что это нечестие было вызвано их светской властью. В Туринском университете профессор, на которого он смотрел с величайшим почтением, был смещен со своего поста иезуитами, и это событие пробудило в Джоберти его ожесточенную враждебность к этому Ордену. Связь Джоберти с итальянской Джованни поставила его под подозрение пьемонтского правительства; и он был изгнан из страны незадолго до экспедиции Мадзини в Савойю.

Однако Джоберти отказался участвовать в этой экспедиции и остался в Париже, где собралось много итальянских изгнанников. Среди них двумя наиболее выдающимися были Пеллегрини Росси и Теренцио Мамиани. Оба этих писателя, возможно, укрепили его в неприязни к

иезуитам; хотя, возможно, они также оказали некоторое влияние на то, чтобы оттолкнуть его от республиканцев. Действительно, в этот период он вернулся к тем философским трудам, для которых был гораздо лучше приспособлен, чем для активной политической жизни; и в 1842 году ему предложили кафедру философии в Пизе. Но Соларо делла Маргарита, министру Карла Альберта, удалось убедить великого герцога Тосканского отозвать это назначение. Такова была карьера Джоберти вплоть до того времени, когда он выпустил книгу, которая по странному стечению обстоятельств прославила его имя.

Эта книга "Моральный и гражданский принцип Италии" претендует на то, чтобы показать, почему и как итальянцы должны играть ведущую роль в делах Европы. Писатель начинает с прославления Италии, хотя в то же время он жалуется, что она слишком часто пренебрегала своей миссией; и он утверждает в этой связи необходимость сочетания философии с политическими дискуссиями. В самом начале своего рассуждения он возвращается к Ромулу; но, не довольствуясь сравнительной древностью этого намека, он считает необходимым вывести происхождение цивилизации от Ноя. Затем он рассматривает отношения между папством и империей после правления Карла Великого, а также отношение различных итальянских писателей и патриотов к папству. Он случайно замечает увлечение Абельяра Арнольдом Брешианским как одну из причин враждебности этого реформатора к папству и как предупреждение итальянцам не поддаваться влиянию французских идей. Именно в гвельфах Джоберти ищет воплощение политической мудрости итальянцев средневековья. Без папства для Италии не могло быть реального политического единства, поскольку только под его влиянием мог быть создан союз морали, религии и цивилизации. Он осуждает всякую революцию, всякое поощрение вторжения, всякое подражание иностранным идеям. Единство в том полном смысле, в каком оно было известно в Англии и Франции, было, по словам Джоберти, невозможно из-за различий в правительстве и диалекте между различными штатами Италии. Он выражает убеждение, что Альфиери раскаялся бы в своих нападках на пап и королей, если бы дождался до того, чтобы увидеть достойное сопротивление Пия VII. Наполеону. Папа был бы обязан действовать мирными средствами; и, формируя итальянский военно-морской флот и развивая итальянские колонии, он должен был бы продолжать свою работу через Федеральный союз, президентом которого он был бы. Но, поскольку папа должен действовать мирными средствами, потребуется военный лидер и для Италии; и его нужно найти в Пьемонте. Литература в Пьемонте развивалась медленнее, чем в других частях Италии; но пропорционально ее отсталости в этом отношении было ее превосходство в военных вопросах. Кроме того, Савойский дом был смягчен религией и никогда не производил на свет тирана. Но умеренные реформы были необходимы для того, чтобы сделать руководство приемлемым; особенно изменение цензуры прессы и большее поощрение науки и литературы. Настаивая на том, что Италия должна возглавить Европу не только в вопросах цивилизации, но и в мышлении, он особо подчеркивает связь между философией и политикой. Но, прежде всего, Италия должна придерживаться этой позиции, потому что она никогда не впадала в ошибки протестантизма. Переходя от независимых государств Италии, он останавливается на необходимости союза Ломбардии и Пьемонта; а затем, обсудив, какие качества различные части Италии внесут в общий характер целого, и остановившись на возможном союзе между литераторами Италии, он в заключение настаивает на том, что религия может быть единственной объединяющей силой; и, следовательно, глава христианского мира должен быть главой Итальянской лиги.

Эта любопытная книга привлекла значительное внимание; но, хотя многие выражали восхищение автором, немногие были определенно привержены его доктринам. Идея папы как освободителя и объединителя Италии вступала в противоречие со всем опытом, который Италия получила от правительства Григория XVI, и Джоберти был вынужден изменить свои слова и отрицать, что он рассчитывал на то, что папа, находившийся тогда на троне, осуществит свою программу. Это объяснение привело его к полемике с иезуитами, что, должно быть, значительно увеличило его популярность.

Третьим писателем, привлечшим некоторое внимание, хотя и гораздо меньшее, чем Бальбо и Джоберти, был Джакомо Дурандо, уже упоминавшийся как один из заговорщиков 1831 года. Он требовал союза между народами и князьями, но категорически отрицал, что какая-либо инициатива по обретению независимости Италии может исходить от папы римского. Его идея заключалась в том, чтобы Итальянское королевство было разделено на три части: Северная и, предположительно, Центральная Италия должны были находиться под властью Савойского дома; город Рим и некоторые острова должны были остаться папе римскому; и Южная Италия королю Неаполитанскому. Он, однако, не желал, чтобы Лига вступала в войну с Австрией, но чтобы она выжидала и была готова отразить нападения этой Державы.

Но пока эти авторы пытались литературно сформулировать программу конституционных либералов, наиболее пламенные члены этой партии стремились показать, что они тоже могут что-то сделать на пути политического движения более решительного толка; и именно в Папской области, опять же, как в центре самого худшего правительства Италии, была выдвинута эта новая программа восстания. Человек по имени Пьетро Ренци взялся сформулировать требования этой части партии. Петиция, составленная Ренци, восходила ко временам Пия VII, чтобы показать, что надежды на реформу когда-то были, даже в Папской области. В нем говорилось о том факте, что со времени восстаний 1821 года до смерти Пия VIII в 1831 году наблюдался неуклонный рост тирании; что в 1831 году папское правительство пало бы, если бы не вмешательство Австрии; что, когда Григорий XVI, когда он был восстановлен к своей власти, были выдвинуты требования реформ в папском правительстве, которым постоянно противодействовали; что папа и кардинал Альбани теперь поощряют грабителей и убийц на основании поддержки, которую эти люди оказывали вере. "В течение восьми или десяти прошедших лет, - заявил Ренци, - не папа, не Рим и не кардиналы управляли людьми Дипломатических миссий; но кровожадная фракция озверевшего населения носила это платье и выполняла функции правительства". Многие молодые люди были изгнаны из университетов или лишены возможности заниматься свободными профессиями под влиянием иезуитов; а духовенство узурпировало контроль над всем образованием. Таким образом, лидеры новой партии потребовали двенадцати уступок. -1. Всеобщая амнистия за все политические преступления с 1821 года по то время. 2. Публичность дебатов; суд присяжных и отмена конфискаций и смертной казни за политические преступления. 3. Миряне не должны подвергаться ни инквизиции, ни какому-либо другому церковному суду. 4. Что политические преступления должны рассматриваться обычными судами. 5. Что муниципальные советы должны избираться свободно при условии одобрения Суверена; что эти муниципальные советы должны избирать советы провинций, а советы провинций - Высший Государственный совет. 6. Верховный Совет должен находиться в Риме, распоряжаться государственными средствами и обладать совещательными полномочиями в одних вопросах и консультативными - в других. 7. Что все должности, гражданские, военные и судебные, должны занимать миряне. 8. Что общественное обучение, кроме религиозного, должно быть отнято у духовенства. 9. Что цензура

пресса должна применяться только в случае преступлений против Бога, католической религии, Суверена и частной жизни граждан. 10. Что иностранные войска должны быть распущены. 11. Следует учредить Гражданскую гвардию, которой будет поручено поддержание законов и общественного порядка. 12. Правительству следует приступить ко всем тем социальным реформам, которых требует дух времени и примером которых являются все *гражданские* правительства Европы.

Ренци решил осуществить эту программу внезапным нападением на Римини, в котором он добился полного успеха; но его союзник, одновременно поднявший восстание в нижней Романье, был вынужден отступить перед швейцарскими войсками папы; и Ренци, по-видимому, охваченный паникой, отступил в Тоскану. К сожалению, в то время там происходила реакция. Фоссомброни умер в 1844 году, Корсини, министр, который больше всего симпатизировал политике Фоссомброни, ушел в отставку в 1845 году; и его место занял глава партии иезуитов. Сам великий герцог Леопольд поначалу был расположен дружелюбно относиться к Ренци, но в качестве лучшей защиты для него посоветовал ему бежать во Францию. Ренци вскоре вернулся, и Меттерних, встревоженный накалом итальянских чувств, обвинил герцога в покровительстве мятежникам, и под влиянием австрийцев, иезуитов и папы римского Леопольд согласился выдать Ренци Григорию XVI.

Внимание страны было еще больше привлечено к этой попытке памфлетом, который вышел сразу после этого и который был написан молодым пьемонтским дворянином, графом Массимо Таппарелли Д'Азельо. В этой брошюре Д'Азельо жаловался, что движение в Римини было представлено в значительной степени искаженно; но что действия повстанцев, без сомнения, были грубой ошибкой, потому что движение было чисто местным, и они не подумали о том, как использовать силы всей Италии. Затем он приступил к осуждению коррупции папского правительства и жестокостей, последовавших за подавлением этого восстания; в частности, вопиющей несправедливости заключения в тюрьму адвоката за то, что он защищал некоторых заключенных. После подробного разоблачения пороков папского правительства он продолжает отвергать использование тайных обществ, как не достигших своей цели; призывает итальянцев объединиться в мирном протесте против злоупотреблений, а не в восстании; и указывает на Тугендбунд Германии как образец для итальянских комбинаций. В брошюре было мало нового, но внимание к автору привлек тот факт, что великий герцог немедленно изгнал его из Тосканы, а вскоре после этого радушно принял в Пьемонте.

Протест Меттерниха против такого приема мог бы быть более решительным, если бы ему не помешали события, происходившие в Галиции. Со времен восстания 1830 года существовало устойчивое чувство симпатии к полякам, не просто как к угнетенной нации, но как *той* нации, восстановление которой было главным долгом и необходимостью борцов за свободу. Несколько позже Кошут заявил, что существует тесная связь между свободами Венгрии и Польши. Мадзини стремился сотрудничать, где это было возможно, с изгнанными поляками. Роберт Блюм проявил особый энтузиазм по отношению к их делу и был готов помочь в восстании в Познани. Каждая славянская раса смотрела на несправедливость поляков как на типичный пример угнетения славян Великими державами Европы; в то же время они почитали их как самых известных борцов за славянскую свободу. Но именно во Франции испытывался наибольший энтузиазм по отношению к полякам, и существовала наиболее полная организация изгнанников. Там в 1843 году для них была основана специальная военная школа,

а в 1846 году, после трехлетней подготовки, демократическая часть поляков решила нанести решающий удар по Австрии.

Город Краков, расположенный на границах Галиции, был единственной частью Польши, которая все еще сохраняла номинальную свободу. Политическая независимость Кракова была обеспечена Венским мирным договором. Австрийское правительство уже тогда хотело включить его в состав своих собственных владений; но под давлением России Франциск согласился, чтобы Краков был свободным городом, управляемым собственной избранной Палатой представителей и окруженным округом, который не должен был быть оккупирован австрийскими войсками; и он также должен был осуществлять полный контроль над своей армией и полицией. Однако обычное австрийское толкование свободы вскоре было применено к Краковской республике. Хотя свободная торговля между Краковом и Варшавой была закреплена обычным договором, державы-покровительницы, как их называли (Австрия, Россия и Пруссия), вскоре начали настаивать на введении запретительных пошлин на границах Кракова. Его университет, основанный в четырнадцатом веке, получил свои владения и свободы по Венскому мирному договору; но, к сожалению, значительная часть земель, с которых Университет получал свой доход, находилась во владениях трех держав-покровительниц, каждая из которых под различными предлогами отказывалась уступить свою долю земли. Что касается университетских свобод, австрийское правительство в 1817 году объявило, что оно наложит штраф в размере 100 дукатов на любого родителя, который отправит своих сыновей в Краковский университет; в 1822 году российское правительство последовало этому примеру, издав указ, запрещающий польской молодежи учиться в любой зарубежной стране, под названием которого они специально включили Краков. Тем временем организационная комиссия, назначенная Державами, постепенно разрушала Конституцию, которая была установлена Венским мирным договором. Право изменять законы, присланные Сенатом, сначала было отнято у Палаты представителей; в то время как что касается контроля над финансами, который был специально упомянут в Договоре, Палата представителей была проинформирована о том, что счета должны быть показаны Палате только для того, чтобы убедить их в том, что Сенат потратил деньги и что Казна пуста; хотя Комиссия любезно позволила Палате изучить счета и сделать замечания по ним и заверила их, что эти замечания должны быть направлены в Сенат. Аналогичным образом у Университета постепенно отняли самоуправление, и шесть лет спустя великие державы под предлогом бунта 1820 года послали русского полковника исполнять обязанности верховного правителя Университета. Восстание 1830 года в Варшаве, конечно, дало повод для дальнейшего вмешательства в свободы Кракова, и в 1831 году русские солдаты на некоторое время оккупировали город. Вряд ли нужно добавлять, что свобода печати, которая была особо гарантирована Венским мирным договором, постепенно подавлялась; и новая комиссия, назначенная тремя державами в 1833 году, пересмотрела Конституцию Кракова, тем самым отказавшись от требований Англии и Франции учитывать их мнения при любом пересмотре Договора. Попытки были возобновлены с целью вымогательства показаний о преступлениях, которые никогда не совершались. Судьи действительно на какое-то время сохранили независимость, гарантированную им Международным договором; но в марте 1837 года так называемая Конференция трех держав упразднила должности мэров коммуны и судей первой инстанции и передала их обязанности офицерам полиции. В декабре того же года державы-покровительницы решили, что вопрос о сумме, которая должна быть израсходована на содержание полиции и ополчения, не следует выносить на рассмотрение Палаты. Тогда Палата, наконец, попыталась апеллировать к двум

державам, мнения которых были полностью проигнорированы другими сторонами, подписавшими Венский мирный договор; но апелляция была, по-видимому, напрасной, и, казалось, не оставалось другого средства, кроме восстания.

Централизующие принципы австрийского правительства, в этом, как и в более поздних случаях, парализовавшие их способность действовать в чрезвычайных ситуациях, привели к тому, что Краков был захвачен лидером демократов Тиссовским. Правительственные советы в Галиции были мало способны противостоять движению; и, если бы Тишовский знал, как воззвать к народным симпатиям, он мог бы добиться полного успеха. К сожалению, однако, лидеры восстания еще не смогли установить ту симпатию к крестьянству Галиции, которая сама по себе позволила бы им провести действительно народное восстание; и, вместо того, чтобы пытаться заручиться симпатиями и интересами крестьян от имени движения, единственной идеей Тишовского было запугать их, чтобы заставить повиноваться. Он издал прокламацию, в которой объявлялось, что вся Империя во время революции является единой собственностью в руках революционного правительства. Каждый священник, выступивший против восстания, должен был быть лишен своего сана; любой, кто отказывался присоединиться к национальному делу, должен был быть схвачен и доставлен к губернатору, выбранному повстанцами; каждый житель под страхом смерти должен был отправиться в назначенное ему место, как только он узнает о начале восстания. Крестьянство, встревоженное известием о том, что многие из них были приговорены к смертной казни за нежелание помочь революции, обратилось к чиновникам с просьбой защитить их; их также не могли успокоить известия о том, что повстанцы собираются отменить все феодальные повинности и титулы и предоставить определенное количество земли каждому крестьянину. Эти предложения неизвестных людей не могли побудить крестьян подружиться с теми, кто угрожал им смертью. Из более чем семидесяти районов представители крестьян обратились к официальным властям в Тарнове с просьбой о военной помощи против революционных лидеров; им посоветовали защищаться и арестовать агитаторов. 18 февраля 1846 года вспыхнуло восстание, и одним из первых действий заговорщиков было открыть огонь по крестьянам, отказавшимся присоединиться к ним. Тогда крестьяне, доведенные до отчаяния, восстали, и началась всеобщая резня дворян. Темные и подпольные методы австрийского правительства и принцип централизации, который истощил силы различных местных органов власти, навлекли на его основателей двойную Немезиду. Ибо, хотя, с одной стороны, бессилие местных советов стало причиной первых успехов повстанцев, с другой стороны, весь мир считал, что массовое убийство дворян Галиции, должно быть, было организовано из Вены как часть регулярной австрийской политики.^[7] Это убеждение, вероятно, было еще более укреплено последующими событиями. В то время как Мирославский и некоторые лидеры восстания сдались прусским войскам, которые были направлены для предотвращения восстания в Силезии и Познани, Меттерних нанес последний удар по независимости Кракова. Приведенный выше отчет показывает, что в этом несчастном городе осталось мало независимости, которую можно было уничтожить; но почему-то фактическое уничтожение свобод никогда не вызывает такого всеобщего ужаса, особенно в дипломатическом мире, как окончательное уничтожение *форм* свободы. И лорд Пальмерстон, который, по-видимому, не отреагировал на предыдущее обращение Краковского собрания, теперь обратился с возмущенными замечаниями к Меттерниху и произнес замечательные слова: "Если договоры 1815 года недействительны на Висле, они могут быть недействительны на Рейне и По".

Таким образом, многим казалось, что оккупация Кракова была отказом Меттерниха от полулегального положения, которое до тех пор он, в глазах дипломатов, сохранял; в то время как

его предполагаемое соучастие в резне в Галиции возбудило против него чувства тех гуманистов, которые не понимают порочности подавления моральной и интеллектуальной жизни нации, но которые с ужасом боятся любой физической жестокости. Следовательно, нет ничего противоестественного в том, что задержка, которую Меттерних проявил в выражении какого-либо решительного протеста против новой позиции Карла Альберта в Италии, могла быть вызвана параличом, вызванным бурей негодования, поднятой против Австрии резней в Галиции и аннексией Кракова. Чарльз Альберт воспользовался этой слабостью. Он, как обычно, менял курс в своей политике, поощряемый, с одной стороны, умеренными реформами либерального министра Вильямарины, а с другой - втянутым в крайний клерикализм Соларо делла Маргеритой. Но примерно в то время, когда Д'Азельо прибыл в Пьемонт, происходили события, которые приковали к Шарлю Альберу надежды многих, кто до сих пор не верил в искренность его стремления к реформам; и те же обстоятельства обеспечили ему то положение поборника независимости Италии, которое в глазах, возможно, большинства итальянцев он продолжал сохранять до падения Милана в 1848 году. Главную причину такой перемены чувств следует искать в следующем обстоятельстве.

В 1751 году между Австрией и Пьемонтом был заключен мирный договор, по которому первая предоставляла последнему право отправлять через Ломбардию соль, которую они продавали Венецианской республике. Принимая во внимание это благо, король Сардинии отказался от своей торговли со швейцарскими кантонами, и договор был возобновлен в 1815 году, после того как Венеция перешла под власть Австрии. В 1846 году Тичино, желая открыть торговлю солью с Марселем, обратилось к правительству Пьемонта с просьбой разрешить им транспортировать свою соль через Пьемонт, и Чарльз Альберт согласился.

Австрийское правительство в течение некоторого времени с подозрением относилось к Чарльзу Альберту. Меттерних никогда не забывал свою мимолетную вспышку либерализма в 1821 году; и постоянные поиски итальянскими либералами какого-нибудь лидера в войне за независимость, естественно, привлекали внимание людей к Пьемонту. Какими бы немногочисленными и сравнительно неважными ни были проведенные им реформы, их было достаточно, чтобы усилить подозрения Меттерниха; и, реформатор или нет, король Сардинии обязательно был врагом Австрийского дома. Более того, Чарльз Альберт недавно довольно ясно намекнул на свои собственные чувства, поскольку он отчеканил медаль, изображающую льва (хорошо известный знак Савойского дома), попирающего орла; а на обратной стороне медали значилось: *"Я защищаю тебя"*.

Уступка кантона Тичино зажгла искру, которая тлела в груди австрийских правителей. Ибо из всех государств Европы этот маленький кантон стал особенно неприятен Австрии в последние несколько лет; и незадолго до этого Меттерних и Карл Альберт вместе работали над тем, чтобы искоренить ее свободу и лишить ее права укрывать тех итальянских изгнанников, которые были дороги итало-швейцарцам из-за сходства в расе и языке. Меттерних потерпел неудачу в этой попытке, и либералы восстали в кантоне и вместе свергли консервативное правительство и австрийское влияние. Таким образом, любой признак дружелюбия, проявленного Чарльзом Альбертом к тичинезийцам, вызывал особую тревогу у австрийцев. Они сразу заявили, что был нарушен мирный договор 1751 года; в апреле 1846 года они увеличили таможенные пошлины на вино, отправляемое из Пьемонта в Ломбардию; и, чтобы более четко обозначить враждебность этого Акта, в том же указе было объявлено, что никаких изменений в отношении вин, поступающих из нескольких других итальянских государств, не будет.

Соларо делла Маргарита, хотя его консерватизм естественно склонял его к симпатии австрийскому правительству, был человеком, который ценил независимость и достоинство Пьемонта; и поэтому он сразу согласился на предложение Карла Альберта снизить пошлины между Пьемонтом и Францией, чтобы облегчить торговлю между этими странами. Значение этого акта нельзя было понять неправильно, и австрийский посол, встревоженный внезапным неповиновением, внес предложение отменить пошлину на пьемонтские вина при условии, что Шарль Альберт согласится отозвать свою концессию на Тичино. Соларо делла Маргарита, стремясь к дружественному соглашению с Австрией, не понимал, что такая уступка поставит на карту весь принцип, поскольку это признало бы право Австрии запретить Карлу Альберту выдвигать кантону те условия, которые ему нравятся; поэтому Соларо фактически убедил короля согласиться на это предложение. Но Карл Альберт стоял на своем, и, к большому ужасу Маргариты, Д'Азельо удалось убедить народ устроить демонстрацию в Турине, на которой раздавались крики "Да здравствует король Италии!"

Однако Карл Альберт, хотя и проявлял некоторые признаки своей обычной нерешительности, не отказался от своей враждебной политики по отношению к Австрии; и он поставил перед собой задачу построить железную дорогу, которая должна была более тесно соединить Ломбардию и Венецию с Пьемонтом. Австрийцы создали некоторые трудности в отношении этой железной дороги, и, по-видимому, именно в этом случае дело было выдвинуто против правителей Ломбардии, в значительной степени благодаря энергии венецианского юриста Даниэле Манина, имя которого впоследствии запомнилось в архивах Венеции. Тем временем Д'Азельо упорно трудился, чтобы убедить остальную Италию в том, что Карл Альберт готовится встать во главе итальянского движения и напасть на Ломбардию. В Тоскане профессор Монтанелли уже сформировал Общество содействия единству Италии. Проводились демонстрации против иезуитов, составлялись петиции об изменениях в налогообложении и образовании.

Но именно в Папской области Д'Азельо больше всего надеялся закрепиться; и в Форли он вступил в контакт с Аурелио Саффи, который при поддержке Д'Азельо подготовил обращение жителей Форли к одному из духовных правителей, обратив внимание на рост итальянских настроений и желание действовать против иностранца. Власти встревожились, и решение об аресте и тюремном заключении Саффи было принято после смерти Григория XVI. внезапно изменилось все положение дел; и недавно завоеванная слава Шарля Альберта была на время омрачена славой другого героя народного воображения; в то время как учение Джоберти, которым до сих пор восхищались лишь в узком кругу и над которым многие смеялись, внезапно было принято как высказывание вдохновенного пророка и как воплощение концепции выдающегося государственного деятеля.

Состояние римского правительства после смерти Григория XVI. суть заключалась в следующем: —Управление делами находилось полностью в руках кардиналов или мирян, назначаемых папой. Дворяне и богатые действительно были до некоторой степени примирены назначениями, которые казались уступкой мирским чувствам. Провинциальные советы, назначенные папой, устанавливали налоги частично на собственность, а частично на предметы потребления. Изучение политической экономии в школах было запрещено, а изучение права и медицины уделялось лишь незначительное внимание. Пресса находилась под тройной цензурой: инквизиции, епископа и губернатора провинции. Полиция, хотя и проявляла активность в подавлении политических заговорщиков, была совершенно неспособна пресечь

разбой на большой дороге. В судах, находившихся в ведении духовенства, царила самая грубая коррупция. Естественным результатом всего этого стало то, что самых способных и лучших людей Государства можно было найти не в Риме, а кое-кого во Франции, кое-кого в Тоскане и кое-кого в Пьемонте. Правительство Рима и его ближайших окрестностей было коррумпировано, а управление посольствами в некоторых случаях становилось настолько жестоким, что вызывало стыд даже у самого папы. И монсеньор Савелли, один из худших из этих тиранов, был виновен в таком сочетании коррупции и жестокости, что Грегори был вынужден отстранить его от должности.

Таково было положение дел, когда Григорий XVI. умер. Огромные ожидания были вызваны в различных провинциях Папской области; в Анконе вспыхнуло восстание, и полковник, отличившийся жестокостью в этом городе, был убит. Кардиналы немедленно отправили Савелли подавлять восстание. Тем временем собрался Конклав, и послы разных Держав начали интриговать в пользу своих соответствующих кандидатов. Кардинал Ламбрускини был одним из самых влиятельных членов священной коллегии; но его ненавидели за несправедливость и пристрастное распределение должностей; и не успел Конклав открыться, как кардинал Микара атаковал его именно на этом основании. Ламбрускини был назначен под влиянием австрийского двора и, возможно, считался их кандидатом. Но было ли это из-за того, что даже австрийцы хотели определенных уступок политике реформ, которую они сами поддерживали после восстания 1831 года, или из-за того, что их влияние было ослаблено событиями, недавно произошедшими в Галиции, они, похоже, не оказывали большого давления на Ламбрускини.

С другой стороны, недавно в Рим в качестве французского посла прибыл тот самый Пеллегрини Росси, который ранее был отправлен в изгнание успехами австрийцев в 1815 году, который способствовал Примирию Конфалоньери и который сыграл столь важную и влиятельную роль среди итальянских изгнанников в Париже. Росси выступил за реформу в церкви и потребовал избрания кого-то, кто одновременно желал бы и знал, как проводить реформы осмотрительно и эффективно. Человеком, естественно выделенным в качестве кандидата от либералов, был кардинал Джицци, который был известен более мягким правительством, чем у любого другого кардинала, и который был отмечен исключительной похвалой Массимо Д'Азельо. Но там, где возникает острый конфликт интересов между ведущими кандидатами, вполне естественно, что вмешивается какой-то неизвестный человек; и, поскольку реформаторы, вероятно, были более серьезны и сплоченны, чем большинство противников реформ, другие кандидаты от либералов были сняты; Джованни Мастаи Ферретти был избран папой 16 июня 1846 года и из уважения к Пию VII принял имя Пий IX.

Ему было тогда пятьдесят четыре года, и первоначально он предназначался для службы в папской гвардии; но из-за склонности к эпилептическим припадкам ему было отказано в приеме. После этого он стал священником и, как уже упоминалось, отличился в 1831 году честностью, с которой выполнил условия сдачи Имола. Однако он был так мало известен широкой публике, что после его избрания распространился слух, что на самом деле был выбран кардинал Джицци. Его будущие оппоненты также не были поражены этим выбором. Принцесса Меттерних написала о нем в своем дневнике, что он был человеком образцового благочестия, "человеком без возвышения". И только месяц спустя Пио Ноно предпринял шаг, который стал основой его будущей популярности. Именно тогда он объявил всеобщую амнистию в пользу всех тех, кто был осужден за политические преступления. Амнистия, действительно, тщательно охранялась, ибо к ней допускались только те, кто подписывал декларацию, признающуюся в

своих предыдущих преступлениях и обещающую исправиться в будущем. Мамиани и другие отказались подписать эту декларацию, и любому, кто задумался бы над этим вопросом, было бы очевидно, что это требование не могло быть принято ни одним человеком духа и последовательности. Но умы людей были взбудоражены предыдущими событиями, и учение Джоберти побудило не только римлян, но и итальянцев во всех частях полуострова придавать этой амнистии значение, которое, конечно, не было задумано самим папой. Эта вера в реформаторские намерения папы еще более усилилась из-за ожесточенной враждебности, которую он возбудил в той крайней партии, процветавшей при Григории XVI, и которую подстегивал Ламбускини, который в своем разочарованном честолюбии начал дискредитировать избрание своего соперника и строить заговоры против его власти.

Назначение кардинала Джицци государственным секретарем еще больше пробудило надежды либералов, и были назначены комиссии для изучения вопроса о реформах. Тем не менее, Джицци, который был единственным кардиналом, имевшим самые отдаленные претензии на доверие либералов, похоже, не желал ничего большего, чем некоторых незначительных административных реформ. И можно усомниться в том, был ли энтузиазм по отношению к Пию IX. она бы долго сохранялась, если бы ее не поддерживал и не направлял человек совершенно иного типа, чем любой из философов, пишущих о политике Италии.

Это был Анджело Брунетти, более известный под псевдонимом Чичеруаккио. Это был человек бедного происхождения с простыми привычками, который тяжелым трудом заработал определенную сумму денег, в то время как благодаря личной красоте, своеобразному красноречию и безупречной честности характера он приобрел особое влияние среди беднейших слоев населения Рима. Своего рода творческий энтузиазм, очевидно, овладел всем его умом, и в высшей степени он был разожжен идеей папы-реформатора. Это было *Ciceruacchio*, то, скорее чем любые высказывания самого Папы, что популярные представления Пия IX. было связано. Добрый священник, желающий творить больше справедливости, чем его предшественники, отразился в зеркале Чичеруаккио как освободитель и реформатор Италии. Миф быстро разросся. Демонстрации в честь папы были организованы Чичеруаккио; и когда на пути прогресса возникали новые трудности или помехи, он был готов заверить своих соотечественников, что все эти препятствия возникли из-за нечестивых кардиналов и что Пий IX. очень хотелось их убрать. И вот, в то время как других итальянских князей просили признать различные ограничения их власти, в Риме постоянно раздавались крики "Да здравствует Пио Ноно Соло".

Так получилось, что этот тихий и непритязательный священник превратился в народном воображении в лидера героических масштабов, наполовину святого, наполовину крестоносца. Он не мог полностью противостоять пылу народного энтузиазма, и вскоре он распространился далеко за пределы Римского государства. В декабре 1846 года в Генуе собрался Конгресс, номинально предназначенный для научных дискуссий. Эти съезды уже начали давать возможность для выражения политических взглядов, и два обстоятельства, как правило, повышали важность этой конкретной встречи. Во-первых, в 1846 году исполнилось сто лет со дня изгнания австрийцев из Генуи по окончании их временной оккупации во время Австрийской войны за наследство. Другой причиной было присутствие на этом Конгрессе Шарля Люсьена Бонапарта, принца Канинского. Он уже приобрел некоторую репутацию исследователя физики, но его интерес к политике был даже больше, чем рвение к учебе; и теперь он приехал на Конгресс, чтобы пригласить людей науки продолжить свои дискуссии в Папской области. От

этого он, естественно, перешел к восхвалению Пия IX и Карла Альберта, а также к осуждению Австрии и Меттерниха.

Такая речь, особенно произнесенная по неполитическому поводу, естественно, вызвала тревогу австрийского правительства; и эта тревога еще больше усилилась из-за повторного появления в Ломбардии старого чувства раздражения против австрийского правления. Попытка австрийского правительства завладеть средствами Благотворительных обществ Ломбардии, чтобы использовать их в своих целях, вызвала такую бурю негодования в провинциальных советах Ломбардии, что правительство было вынуждено отозвать свое предложение. И как будто это пробуждение жизни не было достаточно значительным, за ним в декабре 1846 года последовал еще более тревожный признак народного настроения.

Граф Конфалоньери был освобожден Фердинандом из тюрьмы в Спилберге после его восшествия на престол в 1835 году, но был лишен гражданских прав и отправлен в Америку. Теперь до Милана дошла весть, что, услышав о новых надеждах, возникших в связи с восшествием на престол Пия IX, Конфалоньери отплыл в Италию, но по дороге умер. Немедленно в его честь была организована демонстрация, и граф Габрио Казати, подеста Милана, принял участие в похоронной процессии. Больца, один из группы австрийских чиновников, правивших Миланом, обратил внимание на всех, кто присутствовал на церемонии; и когда за этим последовало предложение сформировать комитет по установке памятника Конфалоньери, Больца пригрозил вообще запретить комитет. Однако он не смог помешать растущим народным настроениям в Милане, и в начале следующего, 1847 года горечь усилилась из-за голода. Последовали хлебные бунты, и губернатор Милана, как единственный способ облегчить бедствие, запретил экспорт зерна за границу, за исключением немецких провинций Австрии. И снова этот ужасный кантон Тичино протестовал против этого нарушения торгового договора, заключенного между ним и Австрией; и снова австрийское правительство было вынуждено уступить и возобновить торговлю зерном с тичинцами. На гимны Пио Ноно в миланском театре ответили одобрительными возгласами, в то время как вице-короля и его семью в том же театре встретили в гробовой тишине.

Тем временем реформы Пио Ноно были если и не важными, то многочисленными. 12 марта 1847 года вышла модификация цензуры прессы, наиболее важным моментом которой было то, что в будущем цензурой должны были управлять четыре мирянина и один священнослужитель. 14 апреля был сформирован Государственный совет, который должен был быть избран папой из делегатов, избранных провинциями; и этому Совету должно было быть разрешено высказывать мнения по некоторым государственным вопросам. Наконец, 5 июля папа предоставил Риму гражданскую гвардию и пообещал по одной гвардии провинциям.

Теперь Меттерних был серьезно встревожен, и, санкционировал он или нет попытку, которая теперь предпринималась в Риме, похоже, мало кто сомневается в том, что друзья Ламбускини действительно организовали заговор против папы. Годовщина амнистии 1846 года стала поводом для раскрытия этого заговора. В честь этого дня была подготовлена народная демонстрация; но когда появились организаторы этой демонстрации, их первым действием было вызвать гражданскую гвардию для ареста заговорщиков. Чичеруаккио прошел парадом по улицам в присутствии большого количества людей. Несколько заговорщиков были схвачены и заключены в тюрьму, другие бежали, и никто не пытался оказать никакого сопротивления.

Насколько Меттерних сочувствовал этому заговору, никогда не будет известно; но его провал, казалось, заставил его нанести удар, который он обдумывал. Уже упоминалось, что австрийцам удалось внести в Венский мирный договор пункт, позволяющий им оккупировать некоторую часть Феррары. Пий VII. протестовал против этого, считая это оскорблением Святого Престола. Кардинал Консальви выразил этот протест следующими словами: "Этот пункт, — сказал он, — является неспровоцированной агрессией, лишенной всего, что могло бы сделать войну законной в соответствии с правами наций; агрессией против слабого и невинного государства, которое торжественно провозгласило свой нейтралитет в войне, которая возбуждает другие государства; актом, выходящим за рамки всех прав человека; и международный договор, являющийся следствием агрессии такого рода, по сути, недействителен".

Такой протест и тот факт, что он был проигнорирован, подчеркнули важную истину о том, что права по договорам, как их понимают в Европе, — это просто права сильных на раздел территорий слабых. Pius IX. не совершал никакого акта агрессии против Австрии; и не возникло ничего нового, чтобы оправдать приведение в исполнение пункта, которому было позволено так долго оставаться в силе. Когда Европейские державы возжелали принудить Григория XVI. стремясь реформировать свои владения после восстания 1831 года, Меттерних со священным ужасом отказался от мысли оказывать давление на независимого монарха; но теперь, когда Пий IX. проведя реформы, далекие от тех, что были рекомендованы Державами в 1833 году, Меттерних воспользовался возможностью направить австрийские войска в Феррару.

Крик негодования раздался со всех концов Италии. Миланцы воспользовались возможностью назначения итальянского архиепископа Милана, чтобы организовать итальянскую демонстрацию. В коммерческих целях была создана лига между Римом, Сардинией и Тосканой; и предполагалось, что Пий IX и Карл Альберт объявят войну Австрии. Однако ни один из этих князей не был готов к чрезвычайной ситуации. Pius IX. едва ли он еще знал, какую позицию ему следует занять по отношению к итальянскому движению. Шарль Альбер, как обычно, колебался между различными стратегиями. Но, к счастью, помимо моральных возражений против оккупации Феррары, оказалось, что существовали дипломатические сомнения относительно толкования пункта, который оправдывал это. И, хотя простая трусость и несправедливость оскорбления слабого государства могли остаться неотмщенными, неправильное толкование слова "*разместить*" в пункте международного договора не могло быть допущено без протеста.

Однако лорд Пальмерстон не раз демонстрировал свое отвращение к политике Меттерниха; и он, несомненно, был рад этому дипломатическому предлогу для продвижения дела конституционной свободы. Лорд Минто был отправлен в Италию, чтобы побудить различных князей твердо стоять на пути реформ; и в декабре 1847 года австрийские войска согласились уйти из Феррары, после того как им удалось, заняв ее, укрепить против себя такое количество итальянских настроений, какое они едва ли вызывали до тех пор.

Первое и наиболее поразительное выражение этого чувства и вытекающей из него решимости итальянцев освободиться от австрийского влияния исходило от принца, в котором Меттерних, вероятно, с трудом признавал противника. Леопольд Тосканский, как бы ни был склонен избегать столкновения со своим родственником, императором Австрии, не мог полностью освободиться от порыва реформаторского рвения, охватившего Италию. Этот триумф австрийской и папской политики в Тоскане, ознаменовавшийся капитуляцией Ренци и изгнанием Массимо д'Азельо, длился сравнительно короткий период, и даже в течение этого

периода реакция не была полной. Влияние иезуитов возросло в Тоскане после падения Корсини, и это влияние всегда вызывало враждебность, которую не вызывала никакая другая форма тирании; и Пизанский университет, находившийся под влиянием Козимо Ридольфи, особенно рьяно протестовал против их влияния. По мере того как Ридольфи завоевывал позиции в Совете Леопольда, Меттерних встревожился и попытался нейтрализовать его влияние и отстранить от должности. Леопольд, однако, отказался уступить этому давлению, и по мере распространения реформаторского движения он продвигался все дальше и дальше в своих симпатиях к итальянской свободе. Была предоставлена свобода печати; было выпущено множество новых журналов; а когда гражданская гвардия была разгромлена, во Флоренции прошли массовые демонстрации и была предпринята попытка возродить память о Франческо Ферруччо и других героях прошлого. Профессор Монтанелли, уже известный как писатель, теперь принимавший видное участие в политическом движении, организовал депутацию к Пию IX. умолять его предоставить свободу печати, изгнать иезуитов и объявить войну Австрии. Доменико Геррацци, который помогал в создании "Молодой Италии", поддержал усилия Монтанелли, и Леопольд стал, почти против своей воли, известен как правитель-реформатор.

Теперь движение распространилось за пределы Тосканы и затронуло владения герцога Лукки. Этот герцог был одним из тех эксцентричных принцев, которые сочетали деспотизм и зависимость от Австрии с определенной любовью играть в либерализм с иностранными изгнанниками. Эта игра не преследовала ни одной из тех честолюбивых целей, которые побудили Франциска Моденского поиграть в rebellion в 1831 году; скорее, она возникла из любви к умным литературным львам в сочетании с теми склонностями к эксцентричности, которые могли быть естественны для принца, не несущего большой ответственности и обладающего определенной долей сообразительности. Однако, когда Либеральное движение распространилось на Лукку, он отбросил свой дилетантизм и предложил подавить либерализм силой. Обнаружив, что народ восстал против него, он согласился уступить все, что даровал Леопольд Тосканский; но его подданные не желали доверять принцу, который был правителем такого маленького государства, находившегося под влиянием Австрии, и который уступил реформам только под внезапным давлением; поэтому они продолжали выдвигать новые требования. Герцог, уставший от борьбы и, весьма вероятно, желавший избежать кровопролития, воспользовался пунктом Венского мирного договора, который объявлял великого герцога Тосканского своим наследником, и немедленно передал свои владения Леопольду. В то же время он желал освободить от этой капитуляции два города Понтремоли и Баньоне и передать их герцогу Моденскому. Леопольд признал территорию Лукки; но по тому же пункту, который делал его наследником герцога Лукки, он был обязан при приобретении этой территории уступить герцогу Моденскому округ Фивиццано. Итак, из всех итальянских князей ни один не был более подвластен Австрии, чем герцог Моденский, и поэтому жители Фивиццано были возмущены предложением присоединить их к Модене. Герцог Моденский вслед за этим обратился к австрийскому маршалу Радецкому с просьбой помочь ему выполнить его требования; и, пока Леопольд Тосканский готовился назначить день сдачи Фивиццано, герцог Моденский ввел свои войска в город и устроил резню безоружных жителей.

И папа, и великий герцог протестовали против этой жестокости; и Леопольд, желая сохранить Фивиццано из-за предпочтения народа его правлению, предложил назначить Карла Альберта и папу римских арбитрами между ним и герцогом Моденским. Тем временем жители Понтремоли

и Баньоне взяли за оружие, чтобы воспротивиться въезду герцога Моденского. Австрийцы к этому времени послали войска на помощь герцогу; но хотя им удалось добиться подчинения Фивиццано, герцог Моденский был вынужден сдать Понтремоли и Баньоне. Менее чем через две недели после этого договора герцогиня Пармская умерла, и герцог Луккский унаследовал ее территорию. Здесь он сразу же столкнулся с новым восстанием; но, не желая утруждать себя дальше, он бежал в Милан, предоставив австрийским войскам оккупировать Парму. Эта оккупация и отправка войск в Модену имели тенденцию усиливать ожесточение, которое уже было вызвано оккупацией Феррары, так что, когда австрийцы согласились на эвакуацию этого города, они просто навлекли на себя позор дипломатического поражения, не уменьшив причин ожесточения Италии по отношению к ним.

Но эвакуация Феррары была не единственным дипломатическим поражением, которое принес Меттерниху 1847 год. Удар, который должен был быть признан всей Европой как один из самых фатальных, которые когда-либо нанесло дело деспотизма, был нанесен маленьким государством, которое, казалось, стояло вне обычной политики Европы.

Территория Швейцарской конфедерации была увеличена по Мирному договору 1815 года; но это никоим образом не привело к такому полному усилению Швейцарии, как хотелось бы самым патриотичным швейцарцам. В нескольких кантонах была восстановлена аристократическая партия, и таможенные пошлины на границах отдельных кантонов были возобновлены. Но что особенно встревожило швейцарских либералов, так это пункт, который папский нунций внес в Венский мирный договор, предоставляя монастырям Швейцарии независимое положение. Следует помнить, что ранняя борьба швейцарских кантонов против Австрийского дома была связана с ослаблением влияния монахов, которым покровительствовали Габсбурги; а в шестнадцатом, семнадцатом и восемнадцатом веках объединение римско-католических кантонов имело тенденцию усиливать влияние иностранных держав в Швейцарии, а в некоторых случаях даже ставило под угрозу единство Конфедерации. Поэтому крайняя римско-католическая партия в Швейцарии, естественно, была склонна выступать против реформ и ослаблять Конфедерацию. И после того, как Июльская монархия Франции начала проявлять свои консервативные тенденции, либералы Швейцарии начали опасаться, что их реформы могут быть остановлены внешним влиянием. Еще в 1831 году Меттерних, уже встревоженный польским и бельгийским восстаниями, а также движениями в Италии и Германии, заметил, что есть еще один вопрос, которому кабинеты министров должны уделить свое внимание, - "моральная анархия, царящая в Швейцарии". А экспедиция Мадзини в 1833-4 годах усилила тревогу австрийского правительства. В устойчивом кантоне Берн всегда присутствовал элемент умеренного консерватизма, который заставлял правительство воздерживаться от сочувствия повстанческим планам других частей Европы; и они даже призывали другие кантоны помочь им в подавлении революционного движения. Но более стойкие либералы Цюриха протестовали против этого циркуляра и инициировали внутренние демократические преобразования, в ходе которых за ними последовали несколько других кантонов. Высказывания, подобные высказываниям Меттерниха, имели тенденцию сближать реформаторов; и в марте 1832 года, когда Меттерних, без сомнения, обдумывал Франкфуртские декреты, которые он привел в исполнение несколько месяцев спустя, семь Либеральных кантонов образовали лигу, в которой они обязались поддерживать друг друга в случае посягательства на их свободу.

Кантонами, вступившими в этот конкордат, были Берн, Цюрих, Люцерн, Золотурн, Санкт-Галлен, Аргау и Тургау. Эта лига была расценена ее оппонентами как нарушение правил Швейцарской конфедерации, хотя ее чемпионы, вероятно, ссылались бы на ее чисто оборонительный характер. Но римско-католическая партия сочла себя вправе принять ответные меры; и в ноябре 1832 года они сформировали оппозиционную лигу под названием Сарнербунд. Этот Бунд неуклонно выступал против реформ; но люди Швица, которые в то время были его ведущими духами, не ограничились спорами, а вторглись в Люцерн в 1833 году. Вслед за этим вмешался сейм, оккупировал Швица и распустил Сарнербунд. Теперь партия реформаторов начала распространять свои идеи, и новый Цюрихский университет, основанный в это время, стал новым центром интеллектуальной жизни. Беглецов из других стран становилось все больше в Швейцарию, и волнение, вызванное в этой стране экспедицией Мадзини в Савойю, привело к основанию общества под названием "Молодая Европа".

Главной целью, которой партия реформаторов в Швейцарии уделяла теперь свое внимание, было падение авторитета духовенства и передача образования и брака в ведение государства, а не Церкви. Их план был воплощен в четырнадцати статьях, которые вызвали возмущение римско-католических кантонов; после обращения римских католиков к Григорию XVI он объявил эти статьи еретическими; и немного позже Луи Филипп вмешался, чтобы помешать кантону Берн ввести их в действие в римско-католическом округе Юра.

Борьба теперь приобрела большой ожесточенный характер; и в этот период ожесточение было намного усилено семейным характером ссоры. Радикальная партия и Римско-католическая партия яростно боролись друг с другом в нескольких кантонах; и произошли перестановки в правительстве, взад и вперед, которые временно повлияли на ход борьбы. Однако двумя изменениями, которые носили постоянный характер и оказали жизненно важное влияние на судьбы Швейцарии, были то, что произошло в 1838 году в Берне, и то, что произошло в Люцерне в 1841 году. Берн, хотя и считался в целом среди либеральных кантонов, вследствие своего несомненного протестантизма, все же находился под контролем робкой и умеренной партии. Возможно, это было вызвано его важным положением в Конфедерации; ибо, хотя Берн в то время делил с Люцерном и Цюрихом честь быть местом заседаний Сейма, все же, похоже, даже в этот период он приобрел определенный тон превосходства и инициативы.

Было ли это вызвано чувством ответственности, внушенным этой позицией, или какой-то другой причиной, но несомненно то, что тон, принятый правительством Берна в вопросах внешней политики, никоим образом не удовлетворял самых суровых радикалов Швейцарии. Предложение Берна о контрреволюционном воззвании в 1830 году было отклонено протестом Цюриха; но когда в 1838 году Берн не без одобрения рассмотрел требование о высылке беженца, радикалы пришли в ярость.

Это был один из многих примеров той любопытной иронии истории, по которой приходится отстаивать великие принципы в защиту людей, которые сами по себе недостойны защиты; ибо изгнанником, выдачи которого теперь требовал Луи Филипп, был Луи Наполеон Бонапарт, недавно совершивший покушение на Страсбург. Но радикалы Берна справедливо считали, что принцип предоставления убежища важнее характера любого конкретного беженца; и когда Луи Наполеон покинул Швейцарию, чтобы избежать выдачи, партия реформаторов пришла в негодование, и с того времени Берн стал центром решительного радикализма. Перемены в Люцерне, по-видимому, произошли из-за расширения избирательного права, которое более

отчетливо передало власть в руки римских католиков, которые составляли большинство в кантоне; и, таким образом, Люцерн стал центром римско-католического движения.

Но до того, как произошло это изменение, в дискуссию были внесены новые элементы горечи. Нейгауз, новый лидер правительства Берна, был избран президентом Конфедерации; и он использовал войска Конфедерации, чтобы помочь протестантам Аргау в подавлении монастырей в этом кантоне. Большинство членов швейцарского сейма, однако, не пожелали поддержать Нойгауза в этой акции и даже осудили подавление монастырей Аргау. Протестанты Аргау, однако, отказались уступить, за исключением восстановления двух очень маленьких монастырей. Теперь чувства с обеих сторон достигли наивысшей точки, и 13 сентября 1843 года шесть кантонов Люцерн, Ури, Швиц, Унтервальден, Цуг и Фрейбург сформировали альянс, известный как Зондербунд. Они апеллировали к старым договорам, на которых была основана Конфедерация, и утверждали, что даже условия Конфедерации, установленные Венским мирным договором, не были соблюдены в вопросе защиты прав римско-католиков.

Компромисс, на который согласился Сейм в вопросе Аргау, и их невмешательство в защиту некоторых монастырей в Тургау вызвали особый протест со стороны Зондербунда, и они потребовали, чтобы Сейм исправил эти вещи. До сих пор Зондербунд едва ли мог быть логически осужден теми, кто присоединился к протестантскому конкордату Семи в 1832 году. Но римско-католические кантоны продолжали заявлять, что, если их требования будут отклонены, они будут считать, что принципы Конфедерации были настолько полностью нарушены, что они выйдут из нее.

Создание Зондербунда взволновало их противников; было объявлено, что Франция, Австрия и папа римский плетут интриги против Швейцарии. Иезуиты, как обычно, считались центром интриг, и был поднят крик о том, что их следует изгнать из Конфедерации. До сих пор они селились в основном в Швице и Фрейбурге; но считалось, что, если против них поднимется шум, они станут менее безопасными в этих кантонах; а Люцерн, как один из трех главных городов Конфедерации, считался более безопасным местом отдыха; поэтому 12 сентября 1844 года Люцернское собрание приняло резолюцию, приглашающую иезуитов поселиться в Люцерне.

Как ни странно, за этот период Берн и Цюрих несколько поменялись местами; ибо, в то время как возмущение против прежнего правительства Берна, вызванное их отказом от права убежища, породило сильные и постоянные радикальные настроения в этом кантоне, ожесточенная враждебность к христианству, проявленная некоторыми из ведущих радикалов Цюриха, с другой стороны, шокировала более умеренных либералов и привела к созданию правительства, менее радикального, чем то, которое сейчас правит в Берне. К сожалению, в период этого кризиса правительство Берна предприняло шаг, который едва ли мог способствовать порядку и единству Швейцарии. Они назначили комитет для нападения на иезуитов и организовали добровольческие полки, которые направили против Люцерна. И недостаток доверия к центральной власти, который был провозглашен Зондербундом, казалось, был почти оправдан действиями Сейма на их следующем заседании; поскольку этот орган, осуждая бернских добровольцев, отказался предпринять какие-либо шаги, чтобы помешать их маршу. Атака добровольцев была, однако, успешно отражена Люцерном; и Зондербунд вскоре после этого приступил к формированию военного совета для собственной защиты.

Тем временем Меттерних становился все более и более встревоженным развитием дел в Швейцарии. Провал попыток Австрии и Сардинии защитить дело консерваторов в Тичино и последующий союз между тичинцами и Карлом Альбертом усилили опасения, которые ранее вызывало в австрийском правительстве убежище, предоставленное швейцарцами европейским революционерам. Даже в 1845 году Меттерних направил войска к границе Швейцарии; он рассматривал борьбу католических кантонов как средство для проведения своей политики ослабления швейцарского союза; и с помощью Соларо делла Маргарита ему удалось пробудить симпатии Шарля Альберта к делу Зондербунда. Но другим он откровенно говорил, что ни в малейшей степени не борется за иезуитов — "От них нам ни жарко, ни холодно"; и вместо того, чтобы основывать свое обращение к сейму на столь сомнительном основании, он искренне умолял Луи Филиппа предотвратить насильственную замену кантонального правительства Швейцарии унитарным и пропагандистским".

По правде говоря, Меттерних теперь беспокоился за стабильность австрийского правительства в Италии; а Менц предупреждал его, что сильное и единое правительство в Швейцарии будет опасно для Австрии в Ломбардии. Когда, таким образом, избрание радикального правительства кантоном Санкт-Галлен сделало характер предстоящего швейцарского сейма сносно определенным, Меттерних решил, что пришло время для решительных действий; и он пожелал, чтобы перед заседанием Сейма Австрия, Франция, Россия и Пруссия заявили, что они не потерпят нарушения кантональной власти. Однако Меттерних хорошо знал, что Англия будет настроена против него. С момента признания независимости Греции в 1830 году Меттерних осознал, что в Англии появился государственный деятель, который, хотя и уступал Каннингу в широте сочувствия и способности к внезапным и молниеносным действиям, все же был равен Каннингу по силе воли и в глубоком понимании двух убеждений: конституционализм лучше деспотизма и что Меттерних - опасный политик, которому всегда следует противостоять.

Пальмерстон, действительно, не совершил ни одного столь блестящего внешнеполитического шага, как распад Священного союза или поражение абсолютизма в Португалии, и сыграл лишь позднюю и второстепенную роль в греческом вопросе. Но он помог спасти Бельгию из когтей Франции и Голландии. Он выразил настолько решительный протест, насколько это было, возможно для него, против Франкфуртских декретов. И недавно он прямо высказал свое мнение по поводу аннексии Кракова. Оккупации Феррары в то время еще не было; но высказывание Пальмерстона по поводу Венского мирного договора на реке По в достаточной степени указало Меттерниху на линию, которую занимали английские чувства в отношении итальянской политики. Но, хотя Меттерних и был уверен во враждебности Пальмерстона, он все же надеялся уравновесить эту опасность, заручившись поддержкой Франции на своей стороне. С Гизо его давно связывали теплые дружеские отношения, и каждый из них симпатизировал другому на различных этапах своей политической карьеры. Но, к несчастью для Меттерниха, в итальянском вопросе Гизо, казалось, не вполне симпатизировал Австрии; для ломбардского изгнанника Пеллегрини Росси, который теперь был послом Франции в Риме, был особым другом и *протеже* Гизо; и поскольку швейцарский вопрос волновал Меттерниха в первую очередь ради австрийского правления в Италии, он мог обнаружить, что и здесь мнение Франции не совпадало с австрийским.

Вскоре выяснилось, что Луи Филипп отказался от союза с Австрией. Он заявил, что любое заявление четырех держав, вместо того чтобы препятствовать любому взрыву в Швейцарии, может ускорить его; и Гизо было поручено предложить, чтобы вместо совместных действий

четырёх держав Австрия в одиночку предприняла защиту Зондербунда, а Франция просто заняла какую-то позицию на территории Конфедерации. Меттерних, однако, помнил, что во время интервенции в Папскую область в 1831-2 годах французский генерал захватил Анкону и попытался провести там демонстрацию, поначалу республиканского характера, но в целом полностью антиавстрийскую. И он опасался, что, если он согласится на предложение Гизо, французские радикалы могут обратить оккупацию швейцарской территории в свою пользу.

Пока Франция и Австрия тратили время на пререкания, заседал швейцарский сейм. Президентом Конфедерации был избран Оксенбайн, еще более энергичный человек, чем Нейгауз; и 20 июля 1847 года сейм объявил, что Зондербунд несовместим с Конфедеративным договором. За этим быстро последовало увольнение со службы в Конфедерации всех тех, кто занимал должности в кантонах Зондербунда; и, наконец, в сентябре сейм постановил, что Ассамблеям Люцерна, Швица, Фрейбурга и Вале следует предложить изгнать иезуитов со своей территории. Зондербунд, вероятно, чувствовал, что прямое военное сопротивление всем силам сейма было бы безнадежным, и поэтому они решили предпринять отдельное нападение на некоторые из небольших кантонов. С этой целью они готовились двинуть свои войска из Люцерна на Аргау, который они считали одним из центров протестантской тирании; и примерно в то же время кантон Ури решил вторгнуться в Тичино. В обоих этих случаях Зондербунд надеялся поднять народное восстание на своей стороне, но в этом они жестоко ошиблись.

Ранее, до 1815 года, Ури пользовался особой властью в Тичино и использовал ее, чтобы назначить немецких чиновников вместо итальянских. Венский мирный договор освободил Тичино от этих тираний, но тичинцы помнили о них и возмущались этим новым вторжением. Войскам Ури действительно удалось добиться одного или двух успехов, но жители Тичино восстали против них, и после короткой, ожесточенной борьбы им удалось изгнать их из кантона. Экспедиция в Аргау оказалась столь же безуспешной, и тем временем Федеральный парламент организовывал свои силы под командованием генерала Дюфура, женеваца. Они решили, что Фрейбург, как ближайший к Берну из кантонов Зондербунда и географически отделенный от своих союзников, должен стать первым объектом атаки; и 7 ноября Риллиет, командующий первой дивизией федеральных сил, отдал своим войскам следующий приказ дня: —

"Вы первые федеральные войска, вступившие на территорию Фрейбурга. Ваша выправка в этот момент задаст тон всему подразделению. Считайте, что вы вступаете на федеральную территорию, что вы идете маршем против членов Федерации, которые веками были вашими друзьями и будут ими снова. Считайте, что они скорее введены в заблуждение, чем виновны. Подумайте, что они соседи, и что вы должны сражаться под одним флагом. Поэтому будьте умеренными; опровергайте клевету тех, кто их разжигает. Не слушайте ни ложных слухов, ни глупых провокаций к насилию. Слушайте только своих лидеров и возложите на своих оппонентов ответственность за то, что они сделали первый выстрел по федеральному флагу. Солдаты! Я полагаюсь на вас, как на самого себя; а вы верьте в Бога, который марширует под флагом добра, справедливости и чести".

К Freyburger Rilliet обратились с призывом принять федеральные войска как братьев и друзей и как повинующихся Богу, которому одинаково поклоняются как протестанты, так и католики. "Сложите оружие, - сказал он, - не перед нами, а перед нашим флагом, который также является вашим".

Эти призывы не остались безрезультатными. В одном из первых городов, в которые прибыли федеральные войска в кантоне Фрейбург, горожане отказались от власти кантональных советов, подняли федеральный флаг и впустили федеральные войска. После этого произошли две небольшие стычки между федеральными силами и силами кантона, но первые легко одержали победу. 12 ноября федеральные войска появились перед городом Фрейбург, а 14-го он был им сдан. Большое количество горожан встретили их криками "Да здравствуют конфедераты! Долой Зондербунд! Долой иезуитов!"

Лидеры Зондербунда в Люцерне были поражены этим внезапным крахом и решили обратиться за иностранной помощью; и 15 ноября 1847 года потомки Рединга и Винкельрида обратились к потомкам Леопольда Габсбургского за помощью против своих собратьев-конфедератов.

Меттерних с радостью вмешался бы; и он поспешил заверить Зондербунд, что австрийский император считает их дело справедливым. Однако он все еще желал сотрудничества Франции; но Гизо колебался, и когда Пальмерстон объявил, что любая демонстрация в пользу Зондербунда будет встречена контрдемонстрацией Англии на стороне Федерального сейма, французское правительство решительно отказалось принимать какое-либо участие во вмешательстве.

Тем временем Зондербунд стремительно распадался. Протестантская партия одержала верх в маленьком кантоне Цуг и убедила правительство сдать сейму еще до того, как в кантоне появились федеральные войска. За занятием Цуга быстро последовал марш на Люцерн. 23 ноября федеральные войска столкнулись с силами Люцерна и после ожесточенного боя отбросили их назад. На следующий день Военный совет Зондербунда бежал из Люцерна, и федеральные войска вошли в него. После этого поражения серьезного сопротивления больше не было; к 29 ноября последний кантон Зондербунда сдался сейму, а 7 декабря сейм принял официальную резолюцию, отказывающуюся признавать какое-либо посредничество Великих держав. Так закончилась Зондербундская война; и какую бы жестокость ни проявляли сейм и протестантские кантоны на начальном этапе борьбы по отношению к своим католическим соседям, они, по крайней мере, последовательно отстаивали принцип национальной независимости, и своей энергией и решимостью они спасли единство Швейцарии и победили Меттерниха.

И это были не единственные поражения, которые потерпел правитель Европы в 1847 году. В Германии тоже были признаки того, что старая система уступает место. Меттерних, действительно, надеялся, что король Пруссии собирался отказаться от политики, которой он придерживался с 1840 по 1843 год; ибо в 1846 году между Меттернихом и королем состоялась встреча, на которой Фридрих Вильгельм проявил признаки тревоги по поводу народного движения. Но эта перемена в чувствах была лишь временной, поскольку вскоре после этого произошло событие, которое дало новый импульс немецким национальным чувствам и тем самым вновь пробудило народные симпатии к королю Пруссии.

8 июля 1846 года король Дании Кристиан VIII издал прокламацию, в которой заявил, что ему следует рассматривать провинции своей короны как составляющие одно и то же государство. Считалось, что это, несомненно, направлено на независимость Шлезвиг-Гольштейна. Это герцогство с середины XV века было признано отдельной провинцией, герцогом которой был король Дании (до этого времени Шлезвиг был датским феодалом, а Гольштейн - германским). В семнадцатом веке в Дании было установлено практически абсолютное правительство; но в 1830

году свободы этой страны были восстановлены, и вскоре после этого некоторые представители Радикальной партии в Копенгагене выступили за завоевание Шлезвига.

Но цели народной партии и короля были совершенно непохожими; демократическая партия желала утвердить то, что они считали национальным принципом, путем отделения Шлезвига от Гольштейна и его поглощения Данией; король желал включить Шлезвиг-Гольштейн целиком в состав датских владений, не заботясь ни о чем, кроме эгоистичного расширения. В качестве компромисса между своими собственными целями и целями жителей Копенгагена Кристиан в 1831 году уступил отдельные собрания Гольштейну и Шлезвигу; но он последовал за этим, неуклонно пытаясь данифицировать герцогства. Датские офицеры были введены в их армию и флот, даже на их частные корабли; в Кильский университет были назначены преподаватели датского языка; свобода прессы постоянно нарушалась, а оружие было вывезено из фортов Шлезвиг-Гольштейна в Копенгаген. Таким образом, стало очевидно, что июльское провозглашение 1846 года было всего лишь еще одним шагом к полной денационализации герцогств.

Меттерних оказался в трудном положении. С одной стороны, Венский мирный договор обязывал его отстаивать права Австрии на защиту Гольштейна как члена Германской конфедерации; с другой стороны, он знал, что тем самым укрепляет то немецкое национальное чувство, которого он так боялся. "В Гейдельбергском университете, - писал Меттерних, - в муниципальных советах немецких городов, на собраниях профессоров и хоровых обществ раздается клич за Отечество". Профессора Гейдельберга направили специальное обращение к голштинцам, и со всех сторон было ясно, что настроения в Германии достигли точки кипения. В этих обстоятельствах Меттерних пытался лавировать между опасностями поощрения народных настроений и пренебрежением к утверждению юридического влияния Австрии. Наконец, 17 сентября 1846 года он убедил Федеральный парламент принять две резолюции: во—первых, о том, что, помимо его письма от 8 июля, король Дании должен уважать все права, которые он обещал уважать в частном письме от 22 августа; но, во-вторых, что, "хотя Конфедерация отдает должное патриотическим чувствам, проявленным по этому поводу объединенными германскими государствами, она сожалеет о страстных обвинениях и раздражении, которые были вызваны этим обстоятельством".

Таким образом, в данный момент Меттерних надеялся предотвратить естественные последствия этого взрыва народных чувств. Но он не мог предотвратить того эффекта, который эта вспышка произвела бы на более впечатлительного короля Пруссии. Один из тех, кто имел много возможностей наблюдать за этим королем, заметил, что тот, кто был его любимцем в то время и умудрялся потакать его фантазиям, держал игру в своих руках; и министры, которые тогда пользовались доверием Фридриха Вильгельма, стремились побудить его соответствовать чувствам народа. Итак, несмотря на предупреждения Меттерниха, король Пруссии в январе 1847 года созвал в Берлин представителей всех провинциальных сословий для обсуждения дел. "Король, - сказала принцесса Меттерних, - провозгласил эту Конституцию без силы и достоинства, которая сегодня ничего не значит, но которая завтра может превратиться в гром и разрушить Королевство".

Но уступки, на которые шел король Пруссии, лишь воплощали чувства, которые волновали различные части Германии. Страшный голод в Силезии усилил желание беднейших классов хоть как-то изменить свое положение; книготорговцы и литераторы выдвигали различные

требования свободы печати; и когда собрание баденских либералов в Оффенбурге попыталось сформулировать эти требования, организаторам собрания пригрозили судебным преследованием, которое так и не состоялось.

Таким образом, такова была позиция Меттерниха к концу 1847 года: он был дискредитирован как поборник законности аннексией Кракова, на него с подозрением смотрели многие ортодоксальные католики в результате его покушения на Феррару, его власть как правителя и репутация дипломата были в равной степени ослаблены результатом Зондербундской войны. Результат этих различных неудач проявился в отношении как королей, так и народов. Король Пруссии вырывался из-под контроля Меттерниха; Франция была подозрительной, а Англия враждебной; Карл Альберт все больше и больше проявлял неповиновение Австрии; папа постепенно превращался в поборника итальянской свободы; немецкие национальные чувства, которые Меттерних надеялся подавить в 1834 году, пробуждались к новой жизни под тройным влиянием Шлезвиг-Гольштейнского вопроса, реформ короля Пруссии и растущего либерализма Саксонии и Бадена; в то время как Венгрия, казавшаяся безнадежно разделенной, постепенно укреплялась в оппозиции к Австрии. Австрийское правление. Таковы были главные моменты в зрелище, которое представилось Меттерниху, когда он смотрел на Европу. И все же он был действительно далек от мысли уступить в борьбе или хотя бы в малейшей степени отказаться от своей веры в свою великую систему. Он все еще был готов сокрушить Швейцарию и Карла Альберта, вернуть папу римского и короля Пруссии на более мудрый путь, погасить дух немецкого энтузиазма, измотать венгерское сопротивление, восстановить дружбу Франции и бросить вызов вражде Англии. Такие результаты казались все еще возможными, когда на итальянском острове, которому Меттерних в последнее время не уделял особого внимания, впервые вспыхнул тот революционный пожар, который под разумным руководством должен был распространиться по Европе и свергнуть систему Меттерниха.

ГЛАВА VI.

ПЕРВЫЕ ПРЕДВЕСТНИКИ БУРИ. СЕНТЯБРЬ 1847-март 1848.

Государство Неаполь и Сицилия при Фердинанде II. —Птицы и король.—Заговор.—Сентябрьское восстание и его результаты.—Рождество в Неаполе.—12 января в Палермо.—Восстание распространяется на Неаполь.—Первая конституция 1848 года.—Эффект в Риме-в Тоскане-в Генуе.—Редакторы Турина.—"Вольева и не вольева." — Правительство Милана.—Взгляд миланцев на своих правителей. —Граф Габрио Казати—Фикельмон.—Политика "Панем и цирк".—Джамбаттиста Назари — Его речь в Собрании.—Ее влияние.—Ренье и Спаур на Назари.—Недовольство разных частей Ломбардии.—Состояние Венеции.—Шарль Бонапарт в Венеции.—Даниэле Манин.—Никколо Томмазо.—Программа Манина.—Предательство Мончениго.—Тюремное заключение Манина.—Массовые убийства из-за табака в Милане.—Их влияние.—Программа итальянских реформ Меттерниха.— "Да здравствует Палермитано!" — "Администраторы" в Венгрии.—Программа Кошута и Деака.—Конституционные победы в Венгрии.—Венское государство.—Разделение классов.—Правящая тройка.—Эффект восшествия на престол Фердинанда в Вене.—"Лесе-Верейн". —Хе-Андриан.—Куранда и Шуселка.—Немецкое движение в Вене рассматривалось морально.—Тост эрцгерцога Иоанна.—Отношения между богатыми и бедными.—Антииезуитские настроения.—Нелегальная столовая.—"Профессиональная"

оппозиция.—Сибиллинище Бюхер.—"У австрийца нет отечества".—Цензура.—Политика Меттерниха в Швейцарии—в Ломбардии.

Неудача борьбы за свободу в Неаполе и на Сицилии в 1821 году не помешала непрерывным неудачным восстаниям вспыхивать после этого периода; и, хотя эти попытки не привели к немедленным результатам, кроме усиления тирании, они все же постепенно преподали сицилийцам и неаполитанцам два великих урока доверия друг к другу и недоверия к бурбонам. Франциск наследовал Фердинанду I, а Фердинанд II - снова Франциску; и, если не было некоторого разнообразия в формах жестокости и тирании, можно сказать, что смена королей не принесла никаких изменений народам, которыми они управляли. Коррупция и шпионаж преобладали как в Неаполе, так и на Сицилии. Единственным заметным различием между этими двумя странами было то, что в Неаполе духовенство осуществляло гораздо большую тиранию, в то время как на Сицилии грабеж и разбои были более распространены. Бурбоны, как и Габсбурги, стремились сохранить разобщенность между различными расами своих подданных, надеясь таким образом увеличить свою собственную власть; и поэтому для управления Неаполем были привлечены сицилийские министры, а неаполитанские уполномоченные отправлены на Сицилию. Стремление к реформам, пробудившееся с восшествием на престол Пия IX. было связующим звеном между всеми различными странами Италии, и король Неаполя признал это, запретив все газеты в своих владениях, восхвалявшие Пия IX. Но Фердинанда нельзя было оставлять совсем без предупреждения, прежде чем удар по его власти был нанесен по-настоящему. В июне 1847 года он нанес визит на Сицилию, чтобы проинспектировать военную оборону острова. Посетив Мессину, он нашел несколько своих статуй, но уши у всех них были заткнуты. Король был встревожен, ибо, понял он или нет этот многозначительный розыгрыш, он увидел, по крайней мере, что замышлялось какое-то оскорбление. Возможно, он смог принять объяснение своих придворных о том, что "птицы облюбовали уши королевских статуй для строительства своих гнезд". В Палермо он получил еще один намек на природу птиц, оказавших такое почтение королевской семье, поскольку там его встретила петиция о свободе прессы. Он гневно отклонил эту просьбу и отказался проводить какое-либо расследование растущей нищеты сицилийцев. Он считал, что больше солдат и более мощные форты были единственными потребностями страны.

Однако в это самое время готовилось восстание гораздо более опасного характера, чем спазматические вспышки в Мессине и Калабрии, которые нарушили покой предшественников Фердинанда, но едва ли угрожали трону. Сицилийцы и неаполитанцы теперь научились действовать сообща и планировали одновременное восстание в Калабрии и на Сицилии. Революционеры должны были двинуться маршем на ближайшие укрепленные пункты и в конечном итоге захватить Неаполь, где они должны были провозгласить Единство Италии. В зависимости от обстоятельств они должны были либо заставить короля принять Конституцию, либо сместить его в пользу сына, либо выбрать новую династию, либо, при необходимости, провозгласить Республику; но в любом случае они должны были утвердить единство и независимость Италии.

Какой-то намек на приближающуюся вспышку, по-видимому, достиг ушей короля или его министров, поскольку в августе в Палермо были арестованы два артиллерийских офицера и несколько других граждан. "Но, - говорит Ла Фарина, сицилийский историк, - ничего не удалось обнаружить, поскольку сицилийцы лучше, чем кто-либо другой, знали, как стойко хранить

молчание при любых пытках: древняя добродетель, еще не разрушенная современной коррупцией".

Жалкая местная зависть, которая мешала прежней борьбе за свободу, на время исчезла; но в этом заговоре, как и во всяком другом, все еще существовало естественное разделение между импульсивными и осмотрительными, между партией быстрых действий и партией промедления. И в то время как пылкие духом жители Мессины и Калабрии жаждали немедленного восстания, граждане двух столиц, Палермо и Неаполя, выступали за более медленные действия. Таким образом, в Мессине произошла первая вспышка. 1 сентября несколько офицеров собрались в гостинице в этом городе, чтобы отпраздновать повышение одного из своих генералов обедом. Заговорщики воспользовались этим случаем для вспышки и окружили гостиницу, как будто из простого любопытства; но когда собралось достаточное количество людей, они внезапно развернули трехцветный флаг и подняли крики "Да здравствует Италия!", "Да здравствует Пио Ноно!", "Да здравствует экономика!" Офицеры, наконец, встревожились и, выбежав наружу, вызвали солдат и приказали им стрелять. Они не решались подчиниться и прислушались к призыву заговорщиков, которые настаивали на их общем деле и долге неаполитанцев и сицилийцев выступить вместе против их общего угнетателя. Дисциплина, однако, оказалась сильнее патриотизма; солдаты открыли огонь, и несколько сицилийцев пали, среди них Джованни Грилло, юноша, сыгравший роль птиц, заткнувших уши королевским статуям.

Повстанцы отступили; но сапожник по имени Скива, работавший неподалеку от места действия, покинул свою лавку и бросился вперед, чтобы сплотить их; и священник по имени Криний также доблестно сражался в их рядах. Движение, однако, было организовано слишком поспешно; повстанцы были либо вынуждены бежать, либо были арестованы на месте, а сапожник Скива был приговорен к смертной казни. Власти, действительно, надеялись убедить его спасти свою жизнь, предав своих друзей; но он отказался даже на эшафоте принять помилование на таких условиях и храбро погиб. Приговор Крини, как священнику, был заменен смертной казнью на тюремное заключение. Грилло скончался от полученных ран.

Правительство предприняло отчаянные усилия, чтобы получить информацию о деталях этого заговора. Триста дукатов было предложено любому, кто убьет главных заговорщиков; тысяча - любому, кто их арестует. Но, хотя лидеры восстания прятались в домах очень бедных людей, не удалось найти никого, кто мог бы предать их, даже ради такого большого вознаграждения. Даже там, где правительство позаботилось о своей добыче, она иногда ускользала из их рук. Одного из повстанцев принесли раненым в дом, и его укрытие было обнаружено и окружено солдатами; но из-за ложной тревоги охрана была спугнута, и раненого перевезли в другое место. Владелец второго убежища был арестован, но беглецу снова удалось скрыться. Его рана вызвала лихорадку, и он пятнадцать дней оставался без еды, посасывая конец простыни в поисках пищи; затем он был так истощен, что друзья подумали, что он умер, и отнесли его в церковь; но он ожил, и, наконец, был отправлен в Марсель, где выздоровел.

Столь энергичный и решительный народ, очевидно, был недалек от свободы. Героизм сицилийцев укрепил мужество неаполитанцев, и в День Рождества последние поднялись с криком "Эввива Палермо!". Эта демонстрация, однако, была лишь предвестницей Революции, ибо первые успешные действия все еще должны были начаться на Сицилии. Сицилийцы так мало заботились о том, чтобы скрыть свои намерения, что была распространена брошюра, в

которой 12 января было назначено днем фактического восстания. Полиция, думая, что ей удастся легко подавить движение, начала производить аресты, но их усилия были напрасны.

Ла Фарина, впоследствии ставший членом Сицилийской ассамблеи, дает следующий отчет о восстании:

"В ночь, предшествовавшую 12 января 1848 года, улицы Палермо были тихи и пустынные; но в домах горожане бодрствовали, взволнованные страхами и надеждами. Назаре нового дня солдаты были при оружии в укрепленных местах и в своих собственных квартирах; несколько батальонов пехоты и жандармов заняли общественные места префектуры полиции и королевского дворца, где генерал Де Майо, наместник короля, генерал Виаль, комендант площади, и другие королевские офицеры собрались на совет. Пушки Кастелламаре были подняты в связи с праздником, поскольку это был день рождения Фердинанда II, и дороги были необычайно полны людей; все ждали появления заговорщиков, подачи знака, первого крика, когда Бушерни, смелый и находчивый юноша, устав от промедления, высоко поднял мушкет, который он прятал, и решительно крикнул: "К оружию! К оружию!" Затем Паскуале Милоро вышел вооруженный на улицу Центоринари; аббат Рагона и священник Венути призвали народ восстать во имя Бога. К ним подбежали с оружием в руках адвокат Такона, Джузеппе Оддо, принц Граммонте, барон Бивона, Ло Кашио, Паскуале Бруно, Франческо Чаччо, Джанчинто Карини, Амодеи, Энеа и несколько других. Джузеппе Ла Маса привязал к палке белый носовой платок, красный и зеленую ленту и помахал тремя итальянскими цветами. Санта-Асторина раздавала трехцветные ленты и кокарды".

При виде оружия и небольшого числа тех, кто его носил, толпа поредела и рассеялась; лавки закрылись, и немногие нетерпеливые мужчины остались одни. Несколько безоружных остались с ними, чтобы разделить честь и опасности нападения; и среди них, отличавшихся возвышенностью ума и поразительной честностью, были Винченцо Эрранте и барон Казими́ро Пизани. Они не пали духом; они были тверды и отважны в своей решимости; колокола церкви Орсо́лы забили тревогу, колокола монастыря Гангия ответили им; революция стала бесповоротной. То тут, то там формировались небольшие группы. У них не было ни правил, ни приказов, ни планов; они не баррикадировали улицы; они не рыли траншей, как это обычно бывает в других городах; они не занимали какую-то одну позицию; отряды детей шли впереди них, танцуя и поя; они приближались к войскам, наблюдали за их движениями и действиями и возвращались, чтобы предупредить повстанцев, даже когда капала кровь от полученных ударов. Одна банда повстанцев обратила в бегство военный патруль на улице Альбергава; другим повезло так же на улице Рафадале, у церкви Сан Гаэтано, у ворот Святого Антонино, на улице Кальдерари и в других местах. Так прошел весь день; двое повстанцев, среди которых был Л'Амодей, были мертвы, и десять солдат; раненых было больше. Повстанцы отступили на площадь Фиера Веккья, которая с утра была центром движения и резиденцией комитета, сформированного из первых повстанцев. Было не более пятидесяти человек с огнестрельным оружием; роты пехоты было бы достаточно, чтобы рассеять их; но солдаты оставались неподвижными на позициях, которые они заняли, потому что, помня 20-й год, они решили не наступать в густонаселенные кварталы города. К этому необходимо добавить, что все дома были освещены в честь праздника и что балконы у окон были заполнены мужчинами, женщинами и детьми, которые все хлопали в ладоши и громко приветствовали Италию, Конституцию Сицилии и Пио Ноно; спонтанное, неожиданное и всеобщее согласие народа, заставившее правителей потерять голову, а солдат - сердце. Ночью повстанцы были набраны из сельских районов и

соседних коммун. Первыми прибыли шестьдесят земляков из Виллабате; затем другие из Мисилмери и из других мест. К следующему дню в Фиера Веккья насчитывалось около 300 человек, вооруженных ружьями, и еще столько же были вооружены косами, дубинками, ножами, вертелами и теми железными инструментами, которые народная ярость превращает в оружие. Крепость Кастелламаре обстреливала город; артиллерию королевского дворца перетащили по реке Кассеро; но повстанцы атаковали, взяли штурмом и разрушили полицейские комиссариаты и взяли в свои руки военный госпиталь Сан-Франческо Саверио; солдат, оставшихся в плену, приняли как братьев и предоставили все необходимое жилье".

Какими бы блестящими ни казались эти успехи, победа еще не была полной; и дипломатам, во всяком случае, результат казался все еще неопределенным. Консулы Австрии, Франции и Сардинии уже сейчас пытались убедить повстанцев уступить при условии получения помилования. Атака Ла Масы на силы роялистов была отбита, и несколько революционных комитетов бежали из Палермо. Но многие лидеры стояли на своем, и Мариано Стабиле заявил, что Сицилия должна восстановить свои древние свободы и что мятежником был Фердинанд, а не народ. В тот же миг зазвонили колокола, и артиллерия роялистов обрушилась на город. Борьба продолжалась три часа; но по истечении этого времени роялисты были отброшены. Неаполитанские солдаты, озверевшие от своих поражений, начали грабить частные дома и совершать различные акты жестокости; и когда иностранные консулы снова отправились во дворец губернатора просить пощады к повстанцам, по ним открыли огонь.

Тем временем из сельских районов прибывали новые повстанцы, и революция формировала правительство. Мариано Стабиле был назначен секретарем Руководящего комитета, а Руджеро Сеттимо, семидесятилетний старик, занимавший этот пост по первоначальной Конституции 1812 года и участвовавший в провозглашении Конституции Испании на Сицилии в 1820 году, был избран президентом. Движение больше не ограничивалось Сицилией. В Неаполитанцы восстали в Салерно. Король в панике отстранил Дель Каретто, главу полиции, от должности, а генерал Руберти, комендант крепости Святого Эльма, сказал королю, что он не будет стрелять в народ. Состоялась демонстрация в поддержку Конституции 1820 года, и когда дождь угрожал разогнать людей, на раскрытых зонтиках были изображены цвета Италии.

Встревоженный восстаниями в Неаполе и на Сицилии и неуверенный, на кого он может положиться, Фердинанд 29 января признал Конституцию Неаполя. В то же время он умолял лорда Минто вмешаться между ним и сицилийцами. Однако ни неаполитанцы, ни сицилийцы не были полностью удовлетворены. В Неаполитанском королевстве конституционалисты встретили сильное противодействие со стороны сторонников старой системы, и между этими двумя партиями последовало несколько стычек. На Сицилии либералы потребовали, чтобы за принятием Конституции последовало присоединение к Итальянской конфедерации. Поэтому они ответили на призыв лорда Минто новой атакой на крепость Кастелламаре, которую им удалось захватить после четырехчасового боя, и таким образом уничтожили последнюю власть Фердинанда над Палермо и не оставили в его руках никакой важной позиции на Сицилии, кроме цитадели Мессины. Возникшие таким образом надежды вскоре усилились благодаря назначению двух человек, которые недавно были заключены в тюрьму за свои либеральные взгляды. Это были юрист по имени Боззелли, ставший премьер-министром, и новый глава полиции Карло Поэрио, принадлежавший к семье, которая дала много борцов за свободу и которая сама была заключена в тюрьму в предыдущем году. Когда 12 февраля Конституция была фактически обнародована, надежды неаполитанцев достигли наивысшего уровня. Сама

Конституция была всего лишь жалким проектом, гораздо менее обнадеживающим для народных надежд, чем ее испанский предшественник 1820 года. Действительно, он был основан на Конституции Франции 1830 года, и поэтому парламент состоял из двух палат, верхняя из которых назначалась королем. Номинальная свобода прессы была обеспечена, но тщательно ограничена, особенно в вопросах, касающихся религии. И, похоже, вряд ли была обеспечена какая-либо министерская ответственность. Но принятие Конституции королем-Бурбоном против его воли было, какими бы недостатками оно ни обладало, фактом, который, естественно, подлил искру в горячий материал, который можно было найти во всех частях Италии.

Новости о движении на Сицилии уже зажгли новые надежды в Риме. Там дела продвигались медленнее, чем в первые месяцы правления Пия IX. Даже Чичеруаккио начал думать, что папа мог бы принять более определенную программу; и 27 декабря 1847 года он составил список реформ, которые, по его мнению, были особенно необходимы в Риме. В них, заявляя о неизменном рвении к Пио Ноно, он выдвигал требования такого рода, которые вряд ли были бы удовлетворены; такие как изгнание иезуитов, отмена монополий и эмансипация евреев; в то время как другие требования были настолько расплывчатыми, что могло показаться, что папа легко уступит им без особых проблем. Например, Чичеруаккио требовал, чтобы папа проявлял доверие к народу, чтобы была гарантирована свобода личности и чтобы были введены ограничения на чрезмерное использование власти.

Папа, хотя и не был расположен принимать точную программу Чичеруаккио, находился под влиянием этого обращения, и 31 декабря 1847 года он издал указ, обещающий отдельную ответственность каждому из министров. Затем, когда пришло известие о восстании на Сицилии, энтузиазм в Риме достиг наивысшей точки; и когда папа в следующий раз появился на публике, люди бросали цветы на его пути, а Чичеруаккио развернул знамя с надписью "Santo Padre fidatevi nel Popolo" (Святой отец, доверься народу). Тем не менее, ходили слухи, что злые кардиналы сдерживают доброго папу и что они выступают против вооружений, одобренных Государственным советом.

Во время волнения, вызванного этим страхом, пришло известие, что сицилийцы добились успеха и что Фердинанд даровал Неаполю Конституцию. Римляне снова восстали, и на этот раз с криком: "Долой людей недобросовестных! Да здравствует светское министерство! Дайте нам оружие!" На балконе появился министр, обещавший народу светское служение и увеличение армии. Это фактически было признано несколько дней спустя, и Чичеруаккио еще раз призвал народ доверять папе-реформатору. Новости о сицилийском и неаполитанском движении неуклонно распространялись на север, и в Тоскане они присоединились к новой вере в то, что Леопольд был монархом-реформатором.

Но дела приняли здесь несколько иной облик, чем тот, который они приняли в Риме. Рвение тосканцев было подогрето их борьбой с герцогом Моденским, и свободная жизнь Тосканы привлекла многих итальянцев-демократов; в то время как, с другой стороны, хотя Леопольд, возможно, и стер память о капитуляции Ренци, он не мог перестать быть Габсбургом и никогда не мог привлечь к себе тот же творческий энтузиазм, который был зажжен мечтой о папе-реформаторе. Во всяком случае, первая искра революционного движения была зажжена Геррацци в Ливорно еще до того, как стало известно об успехе сицилийцев; и хотя Ридольфи подавил движение и заключил Геррацци в тюрьму, горечь, вызванная этим, все еще оставалась.

И даже когда весть о неаполитанской конституции достигла Флоренции, тосканские реформаторы поспешили поздравить не неаполитанского посла, а представителя революционных сицилийцев, случайно оказавшегося во Флоренции. Но Леопольд был готов уступить с гораздо большей грацией, чем Фердинанд; и когда 17 февраля появилась Конституция, оказалось, что в вопросе свободы вероисповедания она значительно опережает неаполитанскую конституцию.

В королевстве Сардиния город Генуя поставлял тот же элемент, который тосканцы нашли в Ливорно. Сомнительный способ, которым этот город был присоединен к Пьемонту, без сомнения, вызвал у генуэзцев постоянную тревогу и готовность к революции; в то время как, с другой стороны, его важное географическое положение и отличная коммерческая репутация побудили Карла Альберта максимально ускорить его развитие. Вскоре он вышел на первый план во время движения за реформы, и его граждане пытались подтолкнуть Чарльза Альберта всякий раз, когда он колебался. Как он постепенно дрейфовал в сторону более решительным действиям, генуэзцы были готовы поощрять фестивали в его честь, и по случаю демонстрации в ноябре, в Генуе, некий гражданин обратился к нему, "Шарль Альберт, крест Тичино и мы будем следить за тобой". Затем, когда пришло известие о сицилийском восстании, генуэзцы послали в Турин петицию об изгнании иезуитов и выделении национальной гвардии. Тем временем редакторы ведущих газет Турина собирались, чтобы принять решение о политике, которую они должны поддерживать, и граф Кавур, который до сих пор не был склонен к либеральным движениям, предложил им потребовать принятия Конституции. Д'Азельо, Дурандо и другие поддержали это предложение, и Кавура отправили представить его королю.

Пока Чарльз Альберт все еще колебался, пришло известие о Неаполитанской конституции. Жители Турина сразу же устроили демонстрацию в честь этого события, и Пьетро ди Санта-Роза[8] предложил муниципальному совету, чтобы этот орган поддержал петицию о Конституции. Муниципальный совет, хотя ранее и был реакционным органом, принял предложение подавляющим большинством голосов. Но Шарль Альберт все еще колебался. 7 февраля он провел заседание своего Совета, на котором сначала отказался обсуждать этот вопрос, пока на улице собиралась толпа. Когда они разошлись, он приступил к рассмотрению предложений, и обсуждение длилось восемь часов. Когда заседание Совета завершилось, прибыли представители муниципалитета, но Чарльз Альберт принял их очень холодно. Покадела все еще находилась в таком состоянии, от губернатора Генуи поступило сообщение о том, что, если Конституция не будет провозглашена, королю придется ввести в Генуе осадное положение. Наконец он согласился даровать так называемый Statuto, условия которого поначалу казались весьма неопределенными, в то время как задержки с приведением его в исполнение раздражали более решительных реформаторов. Но вера поклонников Карла Альберта была столь же крепка, как и вера поклонников Пия IX. В его честь устраивались банкеты, и у тех, кто принимал участие в этих ликующих демонстрациях, было, по крайней мере, оправдание для своей радости в том, что обещание Статута вызвало раздражение австрийцев; и Радецкий даже пригрозил оккупировать Алессандро. Но у Радецкого и австрийцев было достаточно поводов подумать о том, чтобы приблизиться к дому.

Правительство Милана находилось в то время в весьма своеобразном состоянии, поскольку насчитывало не менее семи человек, которые по-разному отвечали за поддержание порядка в городе или его окрестностях. Номинальным главой их, вероятно, был вице-король Ренье; но он, по-видимому, был человеком менее энергичным, чем некоторые из тех, кто действовал под его

началом; и хотя он был достаточно готов совершать акты насилия, все же не мог полностью контролировать своих подчиненных. Вторым, вероятно, по номинальному значению был Спаур, губернатор Милана: тирольский дворянин, которому даже его противники приписывали какие-то остатки благородства, но дух его был подавлен привычкой к постоянному почтению ко Двору и к Меттерниху. Следующим был Торресани, глава полиции, человек, с которым, должно быть, в некоторых отношениях было приятнее иметь дело, чем с другими правителями; ибо, хотя он и не был склонен к жестокости и тирании, он умудрялся прикрывать их определенным итальянским остроумием и вежливостью, что, должно быть, приносило некоторое облегчение, поскольку контрастировало с тоном некоторых его коллег. Так, например, однажды городской совет сделал ему замечание за действия полиции во время беспорядков и призвал его принять меры для поддержания порядка среди своих подчиненных; Торресани предпочел интерпретировать идею порядка по-своему и на следующий день опубликовал строгое публичное предупреждение против беспорядочных собраний, в то же время он направил вежливую записку в Совет, указав, что этим заявлением он удовлетворил их пожелания по сохранению порядка.

Но если Торресани мог смягчить остротами дикость своего положения, то любые недостатки в грубости с его стороны были с лихвой компенсированы его подчиненным Бользой, на которого в правительстве смотрели как на самое совершенное воплощение духа жестокости. С другой стороны, коварство и вероломство системы лучше всего были представлены богемцем по имени Пахта. Он был одним из тех людей, чья полная потеря репутации в частных делах позволяет им стать полезными орудиями деспотизма. Ранее он был известен тем, что обманом выманил у одной дамы несколько драгоценностей, которые она ему доверила; и он так сильно влез в долги, что ничто, кроме его привилегированного положения, не защищало его от ареста. Он занимал какой-то номинальный пост в Совете в Милане, но его реальной обязанностью было шпионить за своими коллегами. Действительно, можно сказать, что это описание с большей или меньшей силой применимо ко всем правителям Милана и ко многим другим правительственным чиновникам. Правительство Метрополии приставило шпиона к Торресани, а другого - следить за этим шпионом. Рейниери было поручено командовать одним отрядом полиции, Спауру - другим, Пачте - третьим. Но в то время как все эти люди разделяли гражданскую администрацию Милана, за их спиной стоял единственный человек, который действительно пользовался большим постоянным доверием правительства, чем кто-либо другой в Ломбардии. Это был знаменитый фельдмаршал Радецкий.

Несколько странно, что этот человек, которого многие из тех, кто интересовался этими движениями, считали одним из наиболее полных воплощений австрийской жестокости, в то время как миланцы смотрели на него главным образом как на театрального шута. На карикатурах, сохранившихся в Милане, Ренье обычно предстает лицемером, иногда хитрым, иногда сентиментальным; Больца - свирепым негодяем; в то время как у Пачты и Торресани видимость жестокости смягчается слегка идиотским выражением лица. Но Радецки неизменно остается театральным хвастуном, который мог бы снабдить Шекспира моделью Старинного пистолета. Таково было правительство, которым Ломбардия была благословлена при системе Меттерниха.

С другой стороны, единственным официальным воплощением народных чувств в течение самого длительного периода этого правления был городской совет Милана. Центральная конгрегация, воплотившая австрийскую идею ломбардской конституции, была лишена всякой

свободы слова; но Городской совет, без сомнения, считался более безобидным органом, и поэтому ему была предоставлена определенная свобода. С 1838 года этот Совет возглавлял граф Габрио Казати, который, вероятно, получил больше похвал и больше порицания, чем заслуживал. Похоже, он был человеком, отнюдь не лишенным мужества или патриотизма; и если бы он продолжал исполнять свои обязанности в период, когда пассивное сопротивление и официальные протесты все еще были полезным оружием, он мог бы оставить в нашей собственной истории репутацию, подобную репутации спикера Лентхолла или лорд-мэра Бекфорда. Как бы то ни было, обстоятельства призвали его сыграть роль в борьбе против Австрии, к которой он был непригоден; и, хотя он получил неоправданную похвалу от тех, кто считал его воплощением миланского героизма, он, с другой стороны, был несколько слишком яростно осужден теми, кто отмечал его действительные недостатки и не мог учесть сложность его положения. В первые годы своего правления он делал все возможное, чтобы донести до Меттерниха и его коллег зло, царившее в правительстве Ломбардии; и когда рост итальянских движений привел к демонстрациям в поддержку итальянского архиепископа Милана и торжественным похоронам Конфалоньери, Казати проявил свое сочувствие народным чувствам и протестовал против различных актов жестокости, которые были совершены при подавлении этих движений. Действительно, Казати сыграл в этих делах столь заметную роль, что Седльницкий, глава венской полиции, написал Спору, чтобы тот не спускал глаз с Казати и проследил, чтобы в следующий раз был избран подеста с лучшими принципами.

В октябре 1847 года Меттерних внес новый элемент в замешательство миланского правительства, отправив нового агента разделить власть с другими правителями Ломбардии. Этим новым эмиссаром был граф Фикельмон, чья работа носила гораздо более определенный характер, чем его официальное положение. Эта работа была, по сути, выполнением той части программы Менца, которая была составлена по образцу цирковых представлений римских императоров. Это должно было быть достигнуто путем знакомства Фанни Элслер и других людей с подобным характером с любящим удовольствия населением Милана. Но миссия преуспела лишь в том, что вызвала новые признаки недовольства. Фикельмон и его протеже фигурируют в сборнике миланских карикатур; а популярное соглашение воздерживаться от посещения театров выполнялось так строго, что за один вечер в главный театр Милана было продано всего девять билетов.

Но прежде чем это примечательное воздержание вступило в силу, сопротивлению ломбардцев австрийскому правлению был придан новый характер. Центральная конгрегация Ломбардии внезапно пробудилась к жизни, и обиды, от которых страдала страна, были доведены до сведения ее правителей в Вене с невиданной ранее ясностью. Автор этой внезапной перемены приводит один из тех любопытных примеров людей, которые выполняют великую и важную работу для своей страны, а затем внезапно уходят в неизвестность, прежде чем их репутация выйдет за узкие рамки. Джамбаттиста Назари был адвокатом Тревильо. Все, что, по-видимому, было известно о нем до его избрания в Центральную конгрегацию, это то, что он был человеком среднего достатка и с большой семьей; но оба эти факта можно рассматривать как нечто добавляющее смелости его публичным действиям. Тревильо - город в районе Бергамо; жители этого района, предположительно с санкции Австрии, приняли Назари в качестве своего представителя, и 8 или 9 декабря 1847 года он выступил в Центральной конгрегации, чтобы впервые с 1815 года свободно и мирно выразить нужды народа Ломбардии.

"Достопочтенная Конгрегация, - сказал он, - не требуется большой проницательности, чтобы понять, что в течение некоторого времени в этой провинции наблюдались явные признаки недовольства, проявляемые всеми классами граждан, о чем сами правители должны были знать каждый раз, когда они пытались ослабить его последствия. И откуда возникает возбуждение, которое таким образом было произведено— возбуждение, которое усиливается по мере того, как они пытаются его сдерживать? Откуда исходит это всеобщее беспокойство? Откуда такая подозрительность между правителями и управляемыми? У последних, возможно, есть справедливые причины жаловаться; и если есть, то кто должен излагать эти причины князю? Со своей стороны, я не вижу, чтобы кто-то мог лучше нас интерпретировать желания нашей страны; поскольку даже в нашем частном положении мы разделяем добро и зло, которые являются плодами добрых и порочных институтов; и поскольку, более того, на нас возложена драгоценная обязанность выявлять потребности населения и представлять их у Императорского трона. Итак, чтобы восстановить то соглашение между правителем и народом, которое одно может обеспечить спокойствие государства, я полон решимости предложить вам выбрать столько людей, сколько есть провинций в Ломбардии, и дать им поручение специально изучить нынешние условия в стране; и когда они обнаружат причины недовольства, направить их ко всей Конгрегации, чтобы предоставить подходящую возможность для подачи петиций. Это я говорю и советую из желания общественного блага, из любви к моему Принцу и из чувства долга. Ибо как гражданин я люблю свою страну, как подданный я желаю, чтобы императора все обожали и благословляли, а как депутат я должен думать, что я не сдержал свои клятвы, если не сказал того, что было возложено на меня обязанностью не молчать".

11 декабря этот протест Назари был представлен в надлежащей форме правителям Милана и вызвал у них самые суровые упреки. Неудобный момент протеста заключался в том, что как по форме, так и по содержанию он, несомненно, был законным и поэтому не мог быть полностью проигнорирован. Соответственно, Ренье сказал Спору, что желательно назначить комиссию; но что вместо того, чтобы состоять из представителей, выбранных из ломбардских провинций, она должна быть ограничена теми несколькими людьми, которые были известны своим рвением и привязанностью к австрийскому правительству. Кроме того, такие уполномоченные не должны были предполагать наличие недовольства и даже упоминать о таком недовольстве в своих обсуждениях. В то же время Назари должны были сообщить, что он действовал неправильно, выдвигая свое предложение, и Торресани было приказано особо следить за этим опасным агитатором.

После этого Спаур обратился к Конгрегации, сообщив им, что вице-король согласился с предложением Назари при условии, что Конгрегация строго ограничит себя полномочиями, возложенными на нее Конституцией; и, кроме того, что правительство учитывает пожелания ломбардских провинций и что вице-король оставил на усмотрение Спаура назначение членов Комиссии. В заключение Спаур упрекнул Назари за недостаток доверия, которое он проявил к нему как к президенту Конгрегации, не сообщив ему о своем предполагаемом предложении. Назари ответил, что он хотел взять на себя исключительную ответственность за свой поступок; и что, что касается предложенного ранее обращения к Спауру, то ему скорее не хватило бы доверия, чем уважения; поскольку, если бы он сказал Спауру о своем намерении, а Спаур попытался бы убедить его молчать, он был бы вынужден быть достаточно грубым, чтобы послушаться его.

Тем временем движение вызвало величайший энтузиазм, и многие миланцы поспешили засвидетельствовать свое почтение Назари; ему оставили четыре тысячи визитных карточек, и из разных мест посыпались петиции в поддержку его движения. В провинциальной конгрегации Милана сторонники Назари действительно столкнулись с такой же официальной обструкцией, с какой их лидер столкнулся в Центральной конгрегации Ломбардии, поскольку президент отказался присоединиться к своим коллегам и подписать петицию. Вслед за этим члены этого органа пригрозили уйти в отставку, а вице-король, который только что объявил протест Назари незаконным, призвал президента уступить. Но движение распространилось далеко в провинции. У многих провинциальных городов были свои причины для недовольства венскими централизаторами. Павия была лишена своего арсенала; Брешиа была вынуждена закрыть свои оружейные мастерские, Бергамо - скобяные лавки; Кремона потеряла одно ремесло, Сало - другое; Комо и другие города потеряли торговлю льном. Повсюду были признаки того, что Центральное правительство в Вене высасывало силы из страны. Таким образом, протест Назари, естественно, вызвал сочувствие далеко за пределами миланских кругов; и среди других петиций пришла петиция из старой столицы Ломбардии Павии с просьбой о том, чтобы она была особо представлена в Комиссии, предложенной Назари, и предлагала особые реформы, необходимые в Ломбардии и Венеции.

Но, безусловно, самой замечательной из петиций ломбардцев, поданных в результате протеста Назари, была та, которая, по-видимому, была подписана ломбардцами независимо от их провинциального деления. В этом петиционеры призывают Центральную конгрегацию сохранить мужество, проявленное протестом Назари. Они напоминают депутатам об обещаниях, ранее данных австрийским правительством, и о их нарушении. Они заявляют, что "лангобарды раньше были отвлечены противоречивыми надеждами, но теперь почти чудесным образом единодушны в своих желаниях"; и они призывают депутатов "говорить всю правду, заявлять, что у них есть вера в Бога, и что они оставляют другим позор лжи".... Они призывают их "заявить о злоупотреблениях судов, которые прикрываются тайным подкупом; о высокомерии полиции, о ребяческих исправлениях цензуры; но прежде всего провозгласить великую истину о национальности, потребовать федеративного союза и напомнить Австрии о ее прокламации от 16 апреля 1815 года, в которой она обещала привести институты Ломбардии в соответствие с характером итальянцев. Десять миллионов итальянцев теперь объединены соглашением между князьями и народом, их защищает процветающая армия и санкционирует авторитет папы Римского". Затем петиционеры продолжают привлекать внимание к успеху Венгрии в ее конституционной борьбе; и они указывают на то, что, хотя Австрия питала надежды на особое представительство Ломбардии и Венеции, на самом деле она все больше и больше привлекала власть к Вене, в то время как пресса подвергалась самым мелким преследованиям. "Невидимая сеть информации, домыслов, подозрений окружила всех граждан. Правительство деспотично как из-за невежества, так и из-за насилия. Только представители народа могут объяснить *это*; и они должны показать, что все эти пороки проистекают из первой великой лжи народа, у которого нет жизни народа, царства, у которого нет жизни царства. Ломбардия регулируется иностранными законами и иностранными лицами. Она облагается налогом в интересах австрийской промышленности, в то время как барьер таможенных пошлин отделяет ее от Италии".

Стоит отметить, что сейчас, впервые, лидеры итальянских политических движений начали учитывать особые претензии бедных слоев населения. Подобно тому, как Мадзини побуждал рабочих заботиться о свободе и единстве своей страны, так и общие страдания постепенно

научили более состоятельных лидеров заботиться о бедах своих более бедных соседей; и в этих петициях перечисляется ряд налогов, которые особенно тяжким бременем ложились на бедняков. Налог на соль был наиболее ощутимым материальным бременем, в то время как лотерея, намеренно поощрявшая дух азартных игр, усилила моральное отвращение лангобардов к австрийскому правлению. Но подавление национальных чувств и интеллектуальной жизни по-прежнему были двумя главными жалобами этих заявителей; и, помимо более общих доказательств этого, упомянутых выше, заявители с большим упором останавливались на воинской повинности, которая уносила молодежь страны в течение восьми лет. И, наконец, они требуют, чтобы представители народа потребовали "полного и бесповоротного разделения во всех ветвях администрации; чтобы ими управлял человек, а не иностранный народ"; и чтобы "их собственная национальность, история, язык и братство с другими итальянцами не рассматривались как преступление и мятеж". В конце они заканчиваются словами: "Сегодня вы все еще можете говорить о мире. Будущее в руках Бога Справедливости".

Петиция Назари, как уже упоминалось, возымела действие в ломбардских провинциях; но она также вызвала сочувствие, хотя и несколько медленнее, в соседней провинции Венеция. Там рука Австрии, казалось, была более тяжелой, чем даже в Милане. Возможно, отсутствие старых традиций внутренней свободы и ужасная коррупция, ускорившая падение ее независимости, имели какое-то отношение к молчанию Венеции. Возможно также, что сознание исключительной низости преступления, в результате которого они овладели венецианским округом, могло подтолкнуть австрийцев к еще большей тирании, чем даже та, которую они осуществляли в других своих владениях. Но, какова бы ни была причина, кажется, нет никаких сомнений, как выразился один из историков того времени, что Венеция тогда считалась "наименее крепким городом в королевстве и наименее склонным к движению". Но даже Венеция не могла быть ограждена от влияния итальянского духа, и первый признак пробуждающейся жизни был замечен, как ни странно, неким Бонапарте. Принц Канинский, который уже преуспел в превращении научных конгрессов в Генуе и Милане в возможности для политических демонстраций, приехал в сентябре 1847 года в Венецию, чтобы председательствовать в Геологической секции Конгресса. Там он выступил с речью о Пии IX, которая была встречена громкими аплодисментами; и когда австрийская полиция вынудила его покинуть государство, люди провожали его на пути с возгласами сочувствия. Но искра, зажженная Шарлем Бонапарте, требовала других рук, чтобы поддерживать ее; и оказалось, что в венецианской пастве не нашлось никого, достаточно смелого, чтобы взять на себя роль, которую сыграл Назари в Милане.

В этих обстоятельствах Даниэле Манин, юрист, который уже выступал против австрийского правительства по поводу Ломбардо-венецианской железной дороги, выступил вперед, чтобы взять на себя должность, от которой отказались официальные члены Конгрегации. Он представил петицию, призывающую членов Венецианской конгрегации последовать примеру Назари, завершив свое обращение словами: "Несправедливо и вредно предполагать, что правительство предоставило этому королевству фиктивное национальное представительство".

Это обращение Манина было отправлено Прихожанам 21 декабря. В тот же день Никколо Томмазо направил письмо барону фон Кюбеку, одному из представителей венского министерства, с просьбой разрешить напечатать только что прочитанную им в Венеции речь об австрийском законе о печати. В этой речи он показал, что австрийский закон теоретически был

более либеральным, чем закон Пьемонта, но что он не выполнялся, факт, который он проиллюстрировал подписями под петицией, которая тогда распространялась в поддержку надлежащего исполнения австрийского закона. "Если это прошение будет удовлетворено, - сказал Томмазо, - страна обретет мир, а Австрия - почетную безопасность". Он закончил примечательным предупреждением: "Если действия братьев Бандьера встревожили австрийское правительство, насколько больше будет опасность теперь, когда алтарь больше не находится сбоку от трона?"

Томмазо уже был отмечен правительством как опасный человек. Он был первым, кто представил Мадзини публичке, добившись публикации его статьи о Данте, которая была отклонена "Antologia", и он присоединился к Мадзини в революционной борьбе 1833 года. Именно поэтому ему, как помилованному, разрешили вернуться в Венецию; и власти были вдвойне возмущены тем, что он осмелился снова выступить вперед. Но попытка Манина расшевелить венецианскую паству вызвала враждебность правительства больше, чем петиция Томмазо. Он уже протестовал против новой формы жестокости властей — помещения политического заключенного в сумасшедший дом; и Палффи пригрозил выпустить заключенного и вместо этого запереть Манина. Но какое-то время казалось, что его попытка расшевелить венецианскую паству провалится, поскольку он не смог заставить ни одного члена церкви подать за него прошение. Однако, ничуть не смутившись, он распечатал его и сам разослал Прихожанам. Этот акт вскоре привлек внимание, и правительства нескольких провинций направили аналогичные петиции.

Венецианская конгрегация по-прежнему не желала шевелиться; поэтому 8 января Манин направил вторую петицию, в которой он больше не ограничивался туманными призывами, а изложил необходимую программу реформ. Он потребовал, чтобы законы были опубликованы и им подчинялись, чтобы не требовалось подчинения неопубликованным законам и чтобы территории Ломбардии и Венеции образовали отдельное королевство, а не провинцию, "тем более простую деревню на окраине Вены". Нами следует управлять, - сказал он, - в соответствии с нашим характером и обычаями; иметь подлинное национальное представительство и умеренно свободную прессу, которая могла бы контролировать и просвещать руководителей правительства и представителей нации".... "Микробы, посеянные законами 1815 года, не развились, и только безумец или археолог стал бы ссылаться на них как на руководство". Затем он потребовал, чтобы вице-король Ломбардо-Венеции был полностью независим от всех, кроме императора; чтобы финансы и армия также были отделены от правительства в Вене; чтобы общинные органы управления были более независимыми, чем в настоящее время, и чтобы суды проводились с участием присяжных и были устными и публичными; чтобы власть полиции была ограничена и чтобы существующая цензура прессы была заменена умеренным законом; чтобы была предоставлена гражданская гвардия; чтобы граждане были равны перед законом; чтобы еврейская инвалидность и феодальное положение были отменены, и что необходимо провести общий пересмотр законов.

Петиция Манина встревожила робких прихожан, и один из них по имени Монсениго отправил ее губернатору Пальффи. Манин уже протестовал против назначения этого Монсениго в фиктивную Комиссию по расследованию, которую предоставил вице-король; и, без сомнения, личное раздражение в сочетании с политической трусостью побудили Монсениго нарушить доверие.

Но, каковы бы ни были мотивы, этот акт подобострастия вызвал протест другого юриста, который, осудив поступок Монсениго как недостойный достоинства комиссара, сослался на период правления Наполеона как на период большей свободы, чем когда-либо была разрешена Австрией. Полиция тем временем готовила отчет для уголовного трибунала, и 19 января 1848 года Манин был внезапно схвачен и отправлен в тюрьму по обвинению в нарушении общественного порядка.

Тем временем миланское движение принимало более серьезный характер. Демонстрации в театре или воздержание от них, песни и другие публичные выражения мнений постоянно вызывали тревогу властей. Это разделение между алтарем и тронem, на которое обратил внимание Томмазо, было даже более заметным в Милане, чем в Венеции; и Радецкий немного позже приказал своим солдатам не посещать проповеди или исповедальни миланского духовенства, "поскольку они наши враги". Но этот свирепый военачальник был полон решимости во что бы то ни стало довести миланцев до крайности; и вскоре он нашел возможность осуществить свои планы. Одной из наиболее распространенных форм протеста против правительства в Ломбардии было решительное воздержание от употребления табака на том основании, что это государственная монополия. Эта акция протеста началась 1 января 1848 года, и поначалу казалось, что ей позволят пройти без замечаний. Но Радецкий, вопреки совету Торресани, приказал своим солдатам появляться на людях с курением. Этот приказ был приведен в исполнение 2 января 1848 года. В некоторых частях города эта демонстрация не вызвала ничего, кроме редкого шипения толпы; но в одной части, где полиция и солдаты собрались в большом количестве и многие горожане собрались посмотреть на курильщиков, солдаты внезапно повернулись к толпе со штыками и атаковали ее. Касати выразил протест Торресани, но не смог добиться возмещения ущерба и даже сам подвергся нападению со стороны полиции, когда обратился к ним.

Однако это было лишь началом действий Радецкого. На следующий день в Милане появилось гораздо большее количество солдат, и каждый из них курил. Толпа собралась, как и прежде, и, как обычно, в основном состояла из мальчиков. Внезапно два сержанта подали сигнал, и солдаты, обнажив мечи, бросились на толпу, серьезно ранив многих мальчиков и убив старика семидесяти четырех лет. Толпа обратилась в бегство при нападении, но солдаты последовали за ними, врываясь в магазины, в которых они укрывались, уничтожая то, что они там находили, и убивая или ранив тех, кто попадался им на пути. В одном месте они ворвались в гостиницу, нанесли хозяйке несколько тяжелых ранений в голову, а также жестоко избили маленькую девочку четырех лет.

По всему городу эти сцены варварства продолжались большую часть дня и, естественно, вызвали сильнейшее возмущение. Аналогичные демонстрации курящих прошли в Брешии, Кремоне и Мантуе; но в этих местах они, похоже, обошлись без беспорядков. С другой стороны, в Павии и Падуе курильщики вступили в столкновения со студентами, которые голыми кулаками отбивались от мечей солдат. В Милане возмущение охватило не только противников Австрии. Монсеньор Оппицони, который в целом был сторонником правительства, возглавлял депутацию к вице-королю, в которой он произнес следующие слова: "Ваше высочество, я стар и многое повидал. Я видел профанацию якобинцев и жестокость русских, но я никогда раньше не видел и не слышал о таких зверских действиях, которые произошли в только что прошедшие дни".

Компании дам собрались в Доме Борромео, чтобы собрать средства для раненых. Во всех главных городах Ломбардии были совершены похоронные обряды по тем, кто погиб во время беспорядков; и люди отказались идти по Корсо Франческо, который был местом основной резни, и вместо этого пошли на другую улицу, которую они переименовали в Корсо Пио Ноно. Даже некоторые из тех, кто служил австрийскому правительству, выразили протест против этих зверств. Граф Гвиччардини за такой протест был лишен своего поста, а член совета Анджело Десио заявил, что уйдет в отставку, если правительство не обуздает недисциплинированных солдат. Вице-король, застигнутый врасплох этой внезапной вспышкой негодования, пообещал реформы и увел часть войск из Милана.

Но более здравомыслящие члены австрийского правительства полностью утратили контроль над делами, и Радецкий стал единоличным правителем Милана. Он обратился к своим войскам с напыщенной речью, абсурдность которой, казалось, пустила в умах людей еще более глубокие корни, чем жестокость его поступков. "Давайте не будем вынуждены, - сказал он, - расправлять крылья австрийского орла, которые еще ни разу не были подрезаны". Это спокойное игнорирование Аустерлица и Маренго особенно пощекотало воображение миланцев; особенно потому, что Радецкому приписывали, справедливо или несправедливо, несколько позорную роль в последнем сражении. Зрелище сицилийской революции, растущая популярность папы римского и неаполитанская конституция позволили Меттерниху провести несколько совершенно неадекватных и тривиальных реформ. 18 января было предложено, чтобы вице-король переехал из Милана в Верону; чтобы его окружали люди, более информированные, чем были его подчиненные; чтобы правительство Милана стало более сильным; и чтобы некоторые члены Центральной конгрегации Милана были вызваны в Вену. Вряд ли нужно указывать, насколько абсурдно отличались эти уступки от реальных желаний и потребностей ломбардцев; но, будь уступки гораздо важнее, они были бы совершенно бесполезны, пока они сопровождалась закрытием клубов, арестом подозреваемых лиц и, прежде всего, пока Радецкий все еще правил Миланом.

Именно до населения, взволнованного таким положением вещей, дошла весть о Неаполитанской конституции. Миланцы сразу же устремились к собору, чтобы выразить свою благодарность, и на стенах Милана были написаны слова: "Да здравствует Палермитано! Seguiamo l'esempio di Sicilia! Il pomo è maturo." Рядом с этими надписями было нарисовано изображение дома в руинах, а над ним надпись "Австрийский дом". Последовали новые беспорядки, и власти закрыли университеты Павии и Падуи. Но чувствовалось, что электрический ток теперь распространился прямо по Италии от Палермо до Милана; и как раз за день до закрытия Павийского университета миланские друзья Италии выпустили секретный циркуляр, призывающий пока отказаться от дальнейших демонстраций на том основании, что "дело Италии теперь в безопасности".

И хотя Меттерних все еще был склонен оспаривать эту точку зрения, хотя он все еще придерживался высказанного им в августе 1847 года мнения, что "Италия была простым географическим выражением", он все же испытал потрясение от сицилийского восстания и был готов обеспечить себе друзей в других частях австрийских владений более важными уступками, чем те, которые он сделал Ломбардии и Венеции. The Самая важная или, по крайней мере, наиболее очевидная из этих народных побед была одержана в Венгрии. Там, действительно, Меттерних хитроумно ухитрился разрушить свою собственную цель, ослабить то разделение, которое постепенно росло между различными группами его противников в Венгрии, и передать

в руки Кошута гораздо больше власти, чем он обладал ранее. К концу заседания сейма в 1843 году эти элементы раскола были более разнообразными и заметными, чем в любой другой период борьбы. Помимо ссоры между мадьярами и славянами, между мадьярскими поборниками реформ возникли разногласия. Ибо, в то время как Кошут выступал за укрепление органов власти графств как великую надежду на венгерскую свободу, барон Этвеш настаивал на необходимости усиления центрального парламента за счет местных органов власти. Но Меттерних, словно решив консолидировать различные элементы оппозиции против себя, вскоре после роспуска сейма предпринял шаг, который, хотя и казался оправдывающим веру Кошута в важность органов управления графствами, в то же время заставил замолчать всех тех, кто был настроен против Кошута, будь то по расовому или партийному признаку, и поднял неприязнь к системе Меттерниха на высоту, ранее не известную в Венгрии. Майлат, популярный канцлер Венгрии, был смещен, и его преемнику Аппоньи было поручено заменить собрания венгерских графств администраторами, назначенными им самим.

Вряд ли можно было бы предпринять шаг, более способный нанести ущерб собственным целям Меттерниха; ибо если и был институт, вокруг которого сплотились все народы Венгрии, то это были правительства их графств. Кошут почувствовал силу своего положения и попытался устранить причины раскола. На данный момент он, казалось, был даже склонен отказаться от своей крайней антиславянской политики и выступил против предложения о принудительном использовании венгерского языка в начальных школах. Оппозиция административной системе в графствах казалась Кошуту возможностью для проведения всего комплекса реформ, о которых он давно мечтал. Движение за освобождение крестьян от их бремени, естественно, расширило круг тех, кто интересовался политическими делами; и голод, который обострил политические чувства силезских крестьян и берлинских ремесленников, распространился также на Венгрию и делал обычные жалобы крестьян вдвойне тяжелыми для них. Наряду с требованиями освободить крестьянство от их бремени, Кошут и его друзья теперь выдвигают предложения по конституционным реформам. Дик, хотя и не был больше членом Собрания, оказал свою помощь в претворении их планов в жизнь, и впервые в 1847 году была сформирована полная программа венгерских либералов. Их требованиями были: публичность парламентских дебатов; парламентский журнал, в котором полностью публиковались речи; трехгодичные выборы и регулярные ежегодные заседания Сейма; улучшение городского управления и расширение их права избрания в сейм; всеобщее налогообложение всех классов; отмена принудительного труда крестьян и других ограничений на их образ жизни.

Но хотя было важно, чтобы реформаторы смогли таким образом сформулировать свою программу реформ, настоящая борьба развернулась вокруг вопроса об "Администраторе", и Меттерниха настоятельно призвали пойти по крайней мере на некоторые уступки в этом вопросе. Затем, когда в 1847 году состоялось заседание Сейма, Кошут обнаружил, что его поддерживают многие, кто раньше, возможно, отказался бы от некоторых положений его политики. Граф Баттьяни ранее действовал вместе с Сечени; но теперь он пришел к выводу, что противодействие этого дворянина Кошуту было неразумным, и он все больше и больше занимал положение лидера оппозиции в Палате магнатов. Этвеш тоже, как бы сильно он ни сохранял свою веру в важность централизующей линии политики, все же не мог отказаться встать на сторону своих соотечественников в защите правительства графства от администраторов Меттерниха. Баттьяни и Этвеш, таким образом, были готовы отказаться от своих особых оснований для оппозиции Кошуту; но для них по-прежнему было невозможно поддерживать Дом магнатов; и огромное влияние Кошута в стране усилилось благодаря тому факту, что центр

реформ был скорее в классе профессионалов, к которому он принадлежал, чем в дворянах, на которых ранее смотрели как на лидеров страны. Таким образом, в сейме 1847 года повторилась борьба двух палат, которая составила столь заметную часть парламентской истории 1839 года. В Нижней палате Кошут ввел меру по взиманию муниципальных налогов с дворян, и она была отклонена Палатой магнатов, которая призвала Нижнюю палату ограничиться выражением благодарности или выразить свое недовольство в общих чертах.

Но ни земельный вопрос, ни вопрос парламентской свободы не казались венгерским лидерам столь важными в этот кризис, как спасение графств от тирании администраторов Меттерниха; и именно борьба по этому вопросу была доведена до кризиса новостями о Сицилийской революции и растущем недовольстве в Милане. И снова Меттерних был склонен пойти на уступки, и снова его уступки были сформулированы так, что совершенно не соответствовали случаю. Он заявил, что Администраторы должны назначаться только при исключительных обстоятельствах; и что нынешние Администраторы должны быть отозваны, когда исключительные обстоятельства в округах будут устранены. Это предложение было нежелательно для всех партий; и недовольство страны приобрело такую силу, что 29 февраля в Палате магнатов было внесено предложение в пользу реформы представительства. Когда эта резолюция была принята Палатой представителей, Сечени занес в свой дневник слова: "То, что нужно".

Тем временем венгерское движение питало живые надежды, которые в последние годы начали проявляться в Вене. В этом центре системы Меттерниха не было ничего удивительного в том, что политическая смерть была более полной и безошибочной, чем в любой другой части Европы. В то время как в других частях Европы пресса подвергалась вмешательству, здесь граф Седлницкий, глава полиции, полностью контролировал ее. В других частях Империи национальные чувства были подавлены. Здесь, даже за то, что он напомнил австрийцам о народных усилиях против Наполеона, Хормайр был изгнан из Австрийского эрцгерцогства. В других частях Империи иногда вмешивались в местные дела, но часто обходили их стороной как несущественные; в Вене чиновники были выдвинуты на место выборного городского совета. Также не существовало ни одного собрания, которое могло бы стать выразителем австрийского недовольства в общении между народом и правительством. Единственным собранием, собиравшимся в Вене, за исключением городского совета, было собрание сословий Нижней Австрии. Это собрание представляло в основном аристократию, даже более богатые бюргеры имели лишь номинальный голос в своих советах. Следовательно, даже если бы этот орган обладал такой же свободой, какая была предоставлена венгерскому сейму, они не смогли бы сплотить вокруг себя людей, потому что не понимали их желаний и не испытывали к ним сочувствия. Действительно, барьер между богатыми и бедными, дворянами и крепостными, по-видимому, был более заметен или, во всяком случае, ощущался более болезненно в провинции Нижняя Австрия, чем в какой-либо другой части империи, за исключением, возможно, Богемии. Ибо в Вене быстро нарастали все невзгоды городского пролетариата. Протекционистский тариф сделал продукты питания дорогими, в то время как абсолютное подавление общественного обсуждения и препятствия, воздвигнутые на пути любой добровольной организации, не позволяли даже доброжелательным людям из более богатых классов что-либо понимать в нуждах бедных.

Правительство было настолько далеко от вмешательства, чтобы исправить это зло, что, когда в 1816 году граждане Зальцбурга обратились с петицией о снижении налогов на том основании,

что люди умирали от голода на улицах, Франциск упрекнул горожан за высокомерие этого обращения и, как следствие, навлек на Зальцбург особую немилость. Но уничтожение подлинного образования было настолько полным, что беднейшие классы Вены долгое время не могли понять, насколько их нищета увеличилась из-за мер правительства. Они видели, что ни один лидер из зажиточных классов, казалось, не интересовался их делами. Ибо, хотя здоровая политическая и интеллектуальная жизнь в Вене была подавлена, этот город, в конце концов, не был неприятным пристанищем для тех, кто просто потакал своим желаниям. Прецеденту римского цирка Менца последовали и здесь; и Вена стала известна как "Капуя Гейстер". Таким образом, лишенные в равной степени сочувствия и способности к самопомощи, бедняки могли проявлять свою горечь только в редких хлебных бунтах, сообщения о которых тщательно исключались из правительственных газет. Одним из результатов этой крайней депрессии было то, что венцы жадно улавливали любые признаки умеренности или самую поверхностную склонность к либерализму у любого из своих правителей; и, находясь в центре событий, они, естественно, могли улавливать намеки на разногласия среди чиновников, которые были неизвестны жителям других городов. Таким образом, они знали, что правительство, которое посторонним казалось полностью сосредоточенным в руках Меттерниха, было, по крайней мере номинально, разделено между тремя лицами — Меттернихом, эрцгерцогом Людовиком и богемским дворянином по имени Коловрат. Третьему из этой троицы приписывали стремление к определенной свободе; предполагалось, что именно при его содействии в Праге был основан Национальный чешский музей, ставший центром славянской культуры. Либеральные симпатии Коловрата не имели бы большого значения в любом другом месте и в другое время. Но того факта, что он был противником Меттерниха, было достаточно, чтобы вызвать к нему некоторую симпатию венцев; и когда после смерти Франциска Меттерних попытался избавиться от Коловрата, он только усилил всеобщую симпатию к тому, кто таким образом был отмечен как его противник.

Смерть Франциска, событие, почти не ощущаемое в остальной Европе, имело большое значение для Вены; не столько из-за каких-либо реальных изменений, которые она вызвала, сколько из-за новой надежды, которую она пробудила. Тусклый огонек своего рода лояльности к Дому Габсбургов все еще теплился в сердцах венцев; и единственным утешением, которое примиряло их со своим жалким положением, была вера в то, что они, по крайней мере, выполняют пожелания Главы этого Дома. Такое соображение, если, с какой-то точки зрения, его можно назвать утешением, все же усилило чувство отчаяния от любого возмещения нанесенных обид. Но восшествие на престол императора Фердинанда изменило это чувство. Ему, по крайней мере, приписывали стремление к более мягкой политике; в то время как тот факт, что он в течение многих лет страдал от эпилептических припадков, позволял легче поверить, что он не несет ответственности за провал своих собственных планов; и таким образом, на Меттерниха легло более тяжелое бремя ненависти. На самом деле это касалось не только его политических оппонентов. У эрцгерцогини Софии, жены наследника престола, были свои причины не любить его; и его собственное высокомерие, подкрепленное высокомерием его жены, вызвало против него противодействие той аристократической части общества, которая была склонна одобрять его общую политику. С другой стороны, принятие эрцгерцога Франциска Карла, наследника престола, в Совет императора, как правило, укрепляло веру в либеральные тенденции Фердинанда. Но уступка в 1842 году разрешения на создание Общества чтения и диспутов была расценена венцами как величайший триумф либеральных принципов.

Создание этого Общества было санкционировано Фердинандом, в то время как Меттерних временно отсутствовал в поездке по состоянию здоровья. Фердинанда побудило согласиться на это его уважение к своему бывшему наставнику Соммаруге, который принимал участие в его создании. Это Общество быстро стало центром всевозможных дискуссий; и Седльницкий, начальник полиции, вскоре начал подозревать его и препятствовать ему, и тем самым указывать поднимающимся реформаторам на их естественных лидеров. Профессор Хе, человек, как выяснилось впоследствии, не отличавшийся особой целеустремленностью, восхвалял это Общество как силу в Государстве, завоеванную духом Товарищества. Полицейский шпион немедленно поспешил в Суд; был созван Совет, и было внесено предложение лишить Хе профессорского звания. У эрцгерцога Людовика хватило здравого смысла воспротивиться этому предложению; но тот факт, что оно было сделано, быстро разнесся по миру и привлек к Хе определенную симпатию. Газеты и памфлеты также каким-то образом получили распространение при *новом режиме*; и три писателя приобрели особое влияние в возбуждении общественных настроений, мало чем отличающееся от того, которое оказали Бальбо, Джоберти и другие в Италии.

Писатель по имени Андриан поднял вопрос о реформе с аристократической точки зрения, побудил ландтаг Богемии отстаивать Конституционные права, которых они никогда не были полностью лишены, а также оказал влияние на сословия Нижней Австрии, чтобы они укрепили свой авторитет, признав более полное представительство граждан. Шуселка, с другой стороны, призвал императора отвернуться от дворян как от ненадежных и положиться в своей помощи на горожан. Но человеком, который, кажется, привлек к своему мнению наибольшую поддержку и внимание, был Игнац Куранда. Он не рискнул продвигать свои идеи в Австрии, но основал в Лейпциге газету под названием "*Гренц ботен*". В это поспешили внести свой вклад все австрийцы, желавшие реформ, будь то с аристократической или демократической точки зрения. И вскоре правительство было настолько встревожено этими публикациями, что потребовало, чтобы и Куранда, и Шуселка были высланы из всех земель Германии. Возможно, это был признак того, что власть Меттерниха уже в то время начала ослабевать, что он не смог добиться этой уступки; и тогда платные правительственные писатели взялись отвечать реформаторам. Эта попытка, конечно, только привела к появлению новых писателей на стороне Куранды, и таким образом движение набрало дополнительную силу.

Но каким бы прекрасным ни было пробуждение интеллектуальной свободы, в этот период не могло быть начато никакого устойчивого движения реформ, которое рано или поздно не объединилось бы вокруг национального принципа. Ни Вена, ни эрцгерцогство не имели никаких традиций национальной жизни, в то время как Австрийская империя, которой в ее отдельном виде не было и полувека, была само отрицание национального принципа. Таким образом, в то время как венцы искали уроков конституционной свободы в соседнем государстве Венгрии, их единственная надежда на участие в национальной жизни, казалось, основывалась на их шансе абсорбции в Германии. Так возникло движение, во многих отношениях безнадежное и нелогичное, ставшее причиной большой несправедливости по отношению к другим расам; но которое, тем не менее, придало реформаторам Вены силу и напористость, которых в противном случае у них не было бы. Их обвиняли в том, что они хотели пожертвовать положением своего города как столицы великой империи, согласившись на его поглощение другой нацией, в которой он играл бы, в лучшем случае, лишь второстепенную роль. И все же желание принять участие в общей борьбе, общих традициях и общих надеждах людей одного языка и расы, несомненно, является более благородным стремлением, чем стремление быть центром

большого числа враждующих рас, удерживаемых вместе военной силой или дипломатическими интригами. Обстоятельства и история сделали желание венцев невыполнимым; но, тем не менее, в этом желании был элемент благородства, которым не следовало пренебрегать. Первым, кто громко высказался в поддержку нового стремления, был эрцгерцог Иоанн, который на банкете в Кельне произнес тост, который он впоследствии в какой-то степени пытался объяснить, но который надолго запомнился немцам. "Никакой Пруссии! Никакой Австрии! Одна великая объединенная Германия, незыблемая, как ее холмы!" В тот период наиболее удовлетворительную связь между Австрией и Германией можно было бы найти в Цольверейне, который был создан Пруссией. Немец по имени Лист приехал в Вену в 1844 году с целью поощрения этого союза; и на Хохер-Маркт в Вене был устроен банкет, на котором Лист произнес тост за "Единство Германии", который был встречен громкими возгласами, в то время как здоровье Меттерниха, предложенное американским консулом, было встречено гробовым молчанием.

Тем временем дискуссии по общественным вопросам становились все более и более острыми; и по мере того, как поступали известия о различных отпорах Меттерниху, упомянутых в предыдущей главе, реформаторы приободрялись. И все же казалось сомнительным, смогут ли они заручиться сочувствием беднейших классов на стороне конституционной свободы. Сословия Нижней Австрии, как бы ни были готовы пойти на определенные уступки народным чувствам, не проявили ни малейшей заботы об улучшении положения бедных, которая была заметна в венгерском сейме, а также в ломбардской петиции. Ужасающий контраст между богатством и бедностью во время бедствий 1846 и 1847 годов иллюстрируется следующими фактами: — В 1846 году вдова в Вене убила одного из своих детей и отдала его на съедение остальным. Примерно в то же время венский банкир устроил обед, на котором была произведена клубника стоимостью в наших деньгах около фунта за штуку!

Этот ужасный контраст, естественно, помешал бы бедным испытывать какую-либо острую симпатию к реформаторским движениям, инициированным более богатыми классами; тем не менее, в этом самом 1846 году некоторые из беднейших граждан Вены впервые начали проявлять сильное желание отстранить Меттерниха от должности. Основой этого нового всплеска чувств была вера в то, что лидерство Меттерниха в Зондербунде проистекало из его сильной симпатии к иезуитам. Трудно понять точную причину ожесточенного отношения венской бедноты к этому Порядку. Император Франциск не любил иезуитов и препятствовал им настолько, насколько этого могли пожелать их злейшие противники; Фердинанд также не смог обеспечить им какого-либо видного положения в государстве; в то время как настоящие чувства Меттерниха к ним были, как уже отмечалось, отнюдь не такими дружелюбными, как предполагали либералы. Поэтому жители Вены с трудом могли поверить, что эти люди были избалованными любимцами фортуны; и единственным объяснением всеобщей ненависти к ним должно быть то, что их таинственный вид и могущество делали их естественными объектами подозрений для людей, доведенных до отчаяния нищетой и не способных обнаружить причины своего несчастья. Какова бы ни была причина, нет никаких сомнений в том, что предполагаемая симпатия Меттерниха к иезуитам в этом случае пробудила горечь против него в сердцах многих, чья бедность до сих пор делала их черствыми в вопросах управления.

Но вскоре должна была установиться более разумная связь между беднейшими классами и лидерами-реформаторами. Дискуссии Венского клуба чтения и дебатов в течение этих ужасных лет были посвящены положению бедных; и 10 апреля 1847 года руководители Клуба провели

собрание, чтобы подготовиться к организации благотворительной столовой. Вскоре они сформировали Комитет под руководством будущего министра Баха и обратились с призывом о помощи. За публикацию этого воззвания без предварительной санкции цензуры Комитет получил строгий выговор от Седльницкого; и хотя после некоторого обсуждения полиция разрешила опубликовать воззвание, официальные лица постоянно жаловались на независимые действия этого Комитета и пытались всячески препятствовать ему.

Однако Дискуссионный клуб и те, кто его поддерживал, привлекли симпатии реформаторов не только как центр усилий по оказанию помощи бедным. И там, и в университете наблюдались постоянно растущие признаки политической жизни. Профессор Хе яростно осудил аннексию Кракова и призвал своих учеников обсуждать тему свободы прессы, а профессор Кудлер способствовал изучению политической экономии. Книги обоих этих профессоров были запрещены правительством и, как следствие, широко читались. Еще более заметными сторонниками университетской реформы были лидеры медицинской профессии. Придворным врачам на какое-то время удалось поставить медицинский факультет под полный надзор правительства; но в 1844 году студенты взялись за разработку новых правил, которые должны были освободить их учебный курс от этого подчиненного положения; и после трехлетней борьбы, в сентябре 1847 года, они одержали победу и учредили для своего факультета правительство, независимое от Меттерниха. Это новое учреждение привлекло симпатии самых свободных людей Вены, и ведущие профессора медицины одобрили рост клубов.

Было очевидно, что великие движения, происходившие в Италии, повлияют на чувства венцев; но в Вене результат был, возможно, меньшим, чем в других частях Европы, из-за неприязни, которую итальянцы испытывали к немцам. И, несмотря на растущее стремление к немецкой национальной жизни, венцы не могли избавиться от грубого империализма, который естественным образом был связан с положением их города; они также не могли полностью избавиться от старой теории Иосифа II о том, что просвещение и культура обязательно должны прийти ко всем расам от немцев. Но желание примирить любовь к свободе с инстинктом господства достаточно любопытно проявилось в брошюре, вышедшей в 1848 году под названием "Сибиллинище", написанной армейским офицером Карлом Мерингом. Меринг, как и Шуселка, призывал императора стать королем-гражданином и покончить со всеми монополиями и олигархическими различиями. Но, в то время как этот автор хотел отпустить итальянцев как неестественно связанных с империей, он желал компенсировать императору эту потерю аннексией балканских провинций; и он произнес предупреждение, что, если не будет предоставлена свобода, Австрийская империя распадется, а мадьяры и чехи на Востоке и Западе создадут отдельные королевства. "Империя, - говорит Меринг, - может насчитывать тридцать восемь миллионов подданных, но ни одного политического гражданина; ни одного человека, который по моральным и политическим соображениям мог бы быть признан австрийцем.... У австрийца нет Отечества".

Этот памфлет произвел большой эффект, поскольку в нем одновременно были обращены к двум великим соперничающим устремлениям австрийских либералов; и, возможно, он привлек к себе еще большее внимание из-за того факта, что автор был капитаном армии. Меттерних, однако, упорно отказывался верить в масштабы недовольства и упрекал Седльницкого за сделанные им предупреждения. Было очевидно, что Меттерних был полон решимости сражаться до последнего и, по возможности, до последнего игнорировать опасности, которые его окружали. Коловрату после ожесточенной борьбы удалось создать новую Коллегию

цензуры, которая, по его мнению, была бы более благоприятна для литературы; но как только она была создана, Седлницкому удалось превратить ее в новый механизм угнетения, причем настолько тяжелый, что книготорговцы опасались, что их торговля будет полностью подавлена.

И хотя Меттерних и его последователи были готовы подобным образом расправиться с жителями Вены, он, по крайней мере, был столь же полон решимости сокрушить и тех других противников, которых считал наиболее опасными в данный момент. 12 января 1848 года австрийское правительство совместно с Францией и Германским союзом пригрозило Швейцарии торговой блокадой, за которой последует вооруженное вмешательство, если швейцарцы попытаются внести какие-либо изменения в свою Конституцию без согласия трех Великих держав; и Меттерних готовился к конференции для разработки средств осуществления этой угрозы. Со своими лангобардскими подданными он был готов обойтись еще более кратко; и 22 февраля для этой провинции был издан следующий эдикт. В случае бунта Комиссия должна была вынести смертный приговор в течение пятнадцати дней, без обжалования императору. Каждый, кто носил отличительные знаки, пели и читали некоторые песни, носили или выставлялся определенных цветов, аплодисментов или шипели отдельные места в драме или на концерт, присоединились к толпе в данном месте встречи, то ли с целью сбора подписок или отговорить от действий определенных лиц, может быть заключен в тюрьму, изгнан, или наказание в виде штрафа в размере 10 000 лир. Таковы были меры, с помощью которых Меттерних надеялся сокрушить растущую свободу Европы, когда потрясение Французской революции вновь нарушило его расчеты.

ГЛАВА VII.

ПАДЕНИЕ ДЕСПОТИЗМА. МАРТ 1848 года.

Характер Французской революции 1848 года. — Ее отличие от революций в остальной Европе. — Положение южногерманских государств. — Württemberg. — Бавария. — Баден. — Струве и Геккер. — Собрание в Оффенбурге. — Предложение Бассермана. — Процессия в Карлсруэ. Восстания в Вюртемберге — в Баварии — в малых государствах, в Саксонии. — Влияние восстаний Франции и Германии в Вене. — Речь Кошута от 3 марта. — Ее важность. — Ее влияние на Вену. — Предложение доктора Ленера. — "Одиннадцать пунктов". — Влияние реформаторского движения на правителей Австрии. — Встреча в Гейдельберге. — Генрих фон Гагерн. — Разногласия между студентами и профессорами в Вене. — Депутация 12 марта. — Митинг 13 марта. — "Первое свободное слово". — "Сословия". — Восстание. — Рабочее движение. — Pollet. — Падение Меттерниха. — Интриги Виндишграца и Камарильи. — Кошут в Вене. — Австрия "на пути прогресса". — Восстание в Берлине. — Его характер и успех. — Богемия в шестнадцатом и семнадцатом веках. — Политика Фердинанда II. и III. — Марии Терезии-Иосифа II. — Языковой вопрос. — Маршевое движение в Праге. — Габлер. — Питер Фастер. — Язык оживает. — Первая встреча у Венцеля - неудачная. — Две петиции. — Миссия в Вену. — Контраст отношения Меттерниха к Ломбардии с другими частями империи. — Секретные прокламации. — Окончательные уступки. — Augusto Anfossi. — Его программа. — Восстание 18 марта. — Обращение к О'Доннеллу. — "Пять дней". — Бегство Радецкого. — Отличие венецианского движения от других движений. — Заключение Манина и его последствия. — Его освобождение. — Гражданская гвардия. — Смерть Мариновича. —

Мадьяры и хорваты.—Венеция свободна.—Предательство Пальффи.— Общая сводка мартовских восстаний.

Правление Луи Филиппа косвенно вызвало во Франции волну мысли, которая в более поздний период оказала свое влияние на Европу; и которая, действительно, можно сказать, влияет на нас в этот момент. Но время для такого влияния еще не пришло; и непосредственным результатом этого правления было в какой-то мере утверждение Франции на второстепенном положении в европейских делах, к которому ее естественным образом привело падение Наполеона. Иностранная агрессия, которой покровительствовали министры Карла X., уступила место интригам, подобным тем, что касались испанских браков; деспотическая политика, приведшая к июльской революции 1830 года, уступила место манипулированию и коррупции; аристократические притязания сменились высокомерием буржуазного богатства. Попытки реформ были разбиты скорее обманом, чем силой; и, хотя непосредственной причиной революции был акт насилия, революционеры ворвались в парламент Луи-Филиппа под лозунгом "Низвергнись". Таким образом, вопросы, с которыми приходилось иметь дело Франции, какими бы жизненно важными они ни были, не были теми, которые волновали Европу в тот период. И если темы, в которых интересовалась Франция, еще не созрели для обсуждения другими нациями Европы, то тем более лозунги европейской революции не могли быть начертаны на знамени Франции. Принцип национальности, то есть развитие более свободной жизни путем добровольного союза людей одной расы и языка, не мог заинтересовать французов. Первым движением за отчетливо выраженную национальную независимость в Европе было восстание Испании против Франции в 1808 году; вторым - восстание Германии в 1813 году; и, хотя во Франции могли существовать сентиментальные симпатии к грекам и полякам, они были вызваны скорее особым классическим чувством в одном случае и традициями обычных войн в другом, чем каким-либо реальным сочувствием национальной независимости. Франция в конце прошлого столетия предложила обеспечить Европе Права человека, а взамен подарила им тиранию Наполеона; против нее были отстаены права наций, и национальное движение продолжалось независимо от нее.

Может показаться парадоксальным, но тем не менее верно, что отсутствие французской инициативы в европейской революции 1848 года наиболее ярко проиллюстрировано в тех странах, которые, казалось, наиболее непосредственно восприняли революционную искру из Франции, а именно Вюртемберге, Баварии и Бадене. Государства Южной Германии с 1815 года были постоянной занозой в боку Меттерниха. Стремление Австрии к независимости сочеталось с антагонизмом к Пруссии, чтобы поддерживать в этих государствах дух, с которым Меттерниху было очень трудно иметь дело. Вюртемберг был первым, кто воспрепятствовал его продвижению к деспотическому правлению; в то время как размеры Баварии и ее значение в Германском союзе позволяли ее правителям поддерживать тон независимости, который Меттерних не мог упрекнуть в той же свободе, которую он использовал по отношению к князьям менее важных государств. Но именно в самом маленьком и, по-видимому, самом слабом из трех государств Южной Германии зрело движение, которое в конечном итоге должно было стать столь опасным для могущества как Австрии, так и Франции. Великое герцогство Баден с 1815 года имело свою собственную весьма своеобразную историю. Великий герцог был одним из тех, кто даровал своему народу Конституцию вскоре после Венского конгресса. Однако вскоре началась реакция; несомненно, в какой-то степени под влиянием Меттерниха. Но только в 1825 году оппозиция баденского народа, казалось, была подавлена и раболепный парламент был обеспечен. Снова великий герцог либеральных взглядов взошел на трон в 1830 году; но он, в

свою очередь, был вынужден подчиниться власти Меттерниха и Франкфуртским декретам 1832 года; а в 1839 году Меттерниху удалось добиться назначения министра, который был полностью под его контролем. Но эти публичные заявления со стороны официальных лидеров облегчили нескольким частным лицам поддержание духа оппозиции в Бадене.

В 1845 году Густав Струве выступил вперед не только для того, чтобы потребовать реформ в Бадене, но и для того, чтобы предсказать падение Меттерниха. За это преступление он был заключен в тюрьму; но он продолжал поддерживать элемент оппозиции в Мангейме, где основал гимнастические союзы и редактировал журнал, в котором осуждал баденское министерство. Но, хотя Струве, по-видимому, был одним из первых, выразивших чаяния баденского народа, человеком, которому они особенно рады были оказать честь, был лидер Палаты депутатов по имени Геккер, мангеймский юрист, который завоевал большую симпатию населения, безвозмездно выступая в судах. Он был избран в Палату депутатов в 1847 году; и вскоре он начал выделяться своей поддержкой немецких движений и, в частности, своей симпатией к реформаторскому движению в немецкой католической церкви и к немецким чаяниям народа Шлезвиг-Гольштейна. По случайному стечению обстоятельств он и другой представитель Бадена по имени Изштейн привлекли к себе большое внимание, поскольку, случайно остановившись в Берлине во время путешествия, им внезапно и без какой-либо видимой причины приказали покинуть город. Считалось, что это был первый случай, когда с представителем народа обошлись таким презрительным образом; и таким образом, имена Геккера и Изштейна стали более широко известны в Германии, чем имена других лидеров баденского движения.

Борьба в Швейцарии, естественно, оказала свое влияние в Бадене, и великий герцог снова начал отстаивать те конституционные принципы, которых он придерживался, когда впервые вззошел на трон. Однако он не шел в ногу с желаниями реформаторов; и поэтому 12 сентября 1847 года баденские либералы встретились в Оффенбурге и потребовали свободы прессы, суда присяжных и других реформ, среди которых следует упомянуть, как знак мнения Струве, урегулирование различий между трудом и капиталом. Именно за их действия на этом митинге реформаторам пригрозили судебным преследованием, которое так и не состоялось.

Но, тем временем, всплеск немецких чувств добавлял новый элемент к реформаторскому движению в Бадене. Аманд Гегг пытался возродить требование о создании Национального собрания Германии. Религиозные реформы Ронге, вызвавшие такой большой интерес в Саксонии, вызвали сочувствие и в Бадене. Гимнастические союзы Струве сохранили традиции Яна, а песня, как обычно, пришла на помощь патриотизму. Эти причины настолько ускорили движение за единство Германии, что 12 февраля 1848 года Бассерман внес в Баденскую палату предложение обратиться к великому герцогу с петицией о принятии мер по продвижению общего законодательства для Германии. Это предложение, исходившее от человека, которого никогда не считали продвинутым либералом, естественно, ускорило пробуждение немецких чувств; и 27 февраля баденские либералы встретились в Мангейме и решили созвать собрание в Карлсруэ, на котором они намеревались выдвинуть требование о создании действительно представительного немецкого парламента. Таким образом, известие о Французской революции пришло на уже подготовленную почву; и когда 1 марта руководители процессии из Мангейма вошли в Карлсруэ, одетые в черное, красное и золото Объединенной Германии, министерство было готово пойти на уступки; а 2 марта Вторая палата Бадена потребовала отмены Карлсбадских декретов 1819 года, Франкфуртских декретов 1832 года и Венских декретов 1834

года; и они далее потребовали, чтобы правительство приняло меры для обеспечения представительства немецкого народа в Бундестаге.

В то время как Баден провозглашал лейтмотив германского единства, другие малые государства Германии готовились подхватить его. В Вюртемберге министры в последние дни стали несколько тираническими; и когда граждане собрались в Штутгарте, чтобы потребовать свободы прессы и созыва немецкого парламента, президент Совета посоветовал королю призвать войска к себе на помощь. Но король был более либеральен, чем его министры; он согласился назначить к власти Либеральное министерство, и Палата, которая теперь была сформирована, быстро издала декрет об отмене феодальных повинностей. В Баварии власть, осуществляемая Лолой Монтес над королем, долгое время вызывала отвращение у более суровых реформаторов. Она действительно пыталась заискивать перед либералами; но она нанесла такое оскорбление некоторым студентам Мюнхена, что спровоцировала беспорядки, которые привели к закрытию университета. Дворяне и иезуиты теперь с радостью принесли бы королевского фаворита в жертву народу; но баденское восстание зажгло в баварских либералах желание гораздо более масштабных реформ. Ненависть к иезуитам усилила их рвение, поскольку предполагалось, что эта организация разделит с Лолой Монтес совесть короля. Воодушевленные этими различными причинами негодования, баварские либералы были достаточно готовы к действию; и при известии о баденском движении они ворвались в мюнхенский арсенал, запаслись оружием и потребовали созыва германского парламента. Король согласился созвать, во всяком случае, баварский парламент на данный момент; но, будучи не в состоянии легко присоединиться к народному движению и возмущенный оппозицией своему фавориту, он отрекся от престола несколько недель спустя в пользу своего сына. Искра, некогда зажженная на Юге, распространилась и на более мелкие государства Германии. В Гессен-Касселе курфюрст попытался оказать некоторое сопротивление, но жители Ханау двинулись маршем на Кассель и вынудили курфюрста уступить. В Гессен-Дармштадте великий герцог уступил с большей готовностью под влиянием своего министра Генриха фон Гагерна. В Нассау движение получило дополнительный интерес в связи с захватом народом-победителем Иоганнисберга, принадлежавшего Меттерниху.

Но самая интересная борьба произошла в Саксонии. Роберт Блюм присутствовал на балу в Лейпциге, когда пришло известие о Французской революции. Он немедленно поспешил посоветоваться со своими друзьями, и они согласились действовать через городской совет Лейпцига и в общих чертах изложили требования, которые, по их мнению, должны были быть предъявлены королю. Это были: "Реорганизация Конституции Германского союза в духе и в соответствии с потребностями времени, путь к которой должен быть подготовлен освобождением прессы и созывом представителей всех германских народов на Ассамблею Союза". Городской совет принял это обращение 1 марта и отправил с ним депутацию в Дрезден; а 3-го числа жители собрались, чтобы встретить депутацию по ее возвращении. Ниже приводится отчет, приведенный сыном Роберта Блюма:—

"С помощью анонимных плакатов на стене население Лейпцига было созвано вечером 3 марта встретить на железнодорожной станции депутацию, возвращающуюся из Дрездена. Поскольку пространство в этом месте было слишком узким, неисчислимая масса двинулась к рыночной площади, которую, как и соседние улицы, они полностью заполнили. В совершенном молчании тысячи людей ожидали здесь прибытия депутации, которая, наконец, около девяти часов прибыла и была встречена непрекращающимися аплодисментами. Член городского совета

Сибурга первым заговорил о глубоком волнении короля; после него выступил Бидерман. Но толпа с шумом потребовала Роберта Блюма. Наконец Блюм появился на балконе городского дома советов. Его голос звучал на всей рыночной площади и был слышен даже на соседних улицах. Он тоже пытался успокоить их, отвлечь от темы обращения и ответа короля. Но люди шумно вмешались даже в его речь с требованием: "Ответ! Ответ!" Больше нельзя было скрывать, что петиции города получили жесткий отказ. Затем раздался громкий и страстный ропот. Массы твердо надеялись, что депутация привезет с собой из Дрездена известие об отставке ненавистных министров. Но Блюм продолжил свою речь, и они вновь обратили на него свое внимание. "В конституционных странах, - сказал он, - ответственность несет не король, а министры. Они тоже несут ответственность за отклонение лейпцигских предложений. Народ должен настаивать на их смещении". Он добавил, что выдвинет на следующем собрании городских представителей предложение о том, чтобы король распустил министерство, "которое не пользуется доверием народа". Под оглушительные крики ликования и аплодисменты успокоенное собрание разошлось".

РОБЕРТ БЛЮМ.

Блюм пользовался таким же успехом у своих коллег, как и у толпы, и Городской совет теперь требовал от короля отставки его министров, созыва Собрания и свободы печати. Король попытался воспротивиться последнему из этих трех предложений, сославшись на свой долг

перед Бундом. Но даже Бундестаг почувствовал дух времени и 1 марта принял резолюцию, разрешающую каждому правительству отменить цензуру в прессе. Король, казалось, уступил и пообещал выполнить все, что было пожелано; но реакционная партия в Дрездене была встревожена действиями жителей Лейпцига; и вот, 11 марта, когда жители Лейпцига решили, что все решено, генерал фон Карловиц вошел в их город во главе сильного отряда и потребовал, чтобы городской совет воздержался от возбуждающих речей; чтобы Союз ораторов отказался от всех политических дискуссий; чтобы народные шествия прекратились; и, прежде всего, чтобы марш из Лейпцига в Дрезден, который, как считалось, тогда предназначался для проведения массовых акций протеста, от которого следует отказаться. Эти требования были встречены Блюмом с негодующим протестом. "Пять человек, - сказал он, - которые руководят армией, не могут понять, что, хотя их пули могут убивать людей, они не могут проделать ни единой дырки в идее, которая правит миром". Члены городского совета Лейпцига были столь же непреклонны. Карловиц отказался от своей попытки как от безнадежной; и 13 марта король созвал Либеральное министерство, которое отменило цензуру прессы, обеспечило гласность судебных разбирательств, суд присяжных и более широкую основу для саксонского парламента, а также пообещало помочь в реформе Бунда.

Тем временем успех Французской революции пробудил в Вене новые надежды. Вскоре после получения новостей на одних из городских ворот появился плакат со словами: "Через месяц князь Меттерних будет свергнут! Да здравствует Конституционная Австрия!" Сам Меттерних был сильно встревожен и начал прислушиваться к предложениям о расширении власти нижеавстрийских сословий. Тем не менее, он все еще надеялся путем обсуждения этих вопросов отсрочить осуществление реформ до тех пор, пока более благоприятный поворот в делах не сделает их либо безвредными, либо ненужными.

Но какой бы большой ни была тревога, вызванная восстаниями в Южной Германии, и какими бы большими ни были надежды, которые они зажгли в венцах, слово, которое должно было придать определенность и важность импульсам, бушевавшим в Вене, не могло исходить из Баварии или Саксонии. Как бы сильно они ни хотели связать себя с немецким движением, венцы не могли избавиться от того факта, что в настоящее время они были связаны с другой политической системой. Не было также полностью ясно, что немецкое движение пока еще полностью успешно. Король Пруссии, по-видимому, вынашивал реакционную политику и даже угрожал направить войска для подавления саксонских либералов; и король Ганновера также был склонен сопротивляться движению за создание германского парламента. Именно из страны, более тесно связанной с венским правительством и в то же время пользующейся традициями более глубоко укоренившейся свободы, должно было прозвучать заявление, которое в конечном итоге должно было побудить венцев к действию.

Готовность знати принять чисто словесную уступку, предложенную Меттернихом в вопросе об "Администраторах", показала Кошуту, что дальнейшего мира быть не может. Но он все еще знал, как и когда нанести удар; и не столько вооруженным восстанием, сколько провозглашением политики он поколебал правление Меттерниха. 3 марта консервативный член Пресбургского собрания выдвинул ходатайство о проведении расследования в отношении австрийских банкнот. Кошут ответил, что неразбериха в делах австрийской торговли произвела пагубное воздействие на венгерские финансы; и он показал необходимость независимого министерства финансов Венгрии. Затем он продолжил, указав, что такая же путаница распространилась и на другие части монархии. "Действительная причина нарушения мира в

монархии и всех зол, которые могут из этого последовать, кроется в системе правления". Он признал, что тем, кто был воспитан в рамках этой системы, было трудно согласиться на ее разрушение. "Но, - продолжал он, - Народ существует вечно, и мы также желаем, чтобы Страна Народа существовала вечно. Вечно также должно длиться великолепие той Династии, которую мы считаем нашими правителями. Через несколько дней люди прошлого сойдут в могилы; но для этого отпрыска Дома Габсбургов, который возбуждает такие большие надежды, для эрцгерцога Франциска Иосифа, который при своем первом появлении заслужил любовь нации, — для него там ждет наследование великолепного трона, который черпает свою силу в свободе. По отношению к династии, которая основывается на свободах своих народов, энтузиазм всегда будет пробуждаться; ибо только свободный человек может быть верен от всего сердца; для бюрократии не может быть энтузиазма ". Затем он подчеркнул, что будущее династии зависит от сердечного союза между народами, которые жили при ней. "Этот союз, - сказал он, - может быть достигнут только благодаря уважению национальностей и тем узам конституционализма, которые могут породить родственные чувства. Бюро и штык - жалкие узы". Затем он извинился за то, что не рассмотрел трудности в отношениях между Венгрией и Хорватией. Решение трудностей Империи, по его мнению, решило бы и хорватский вопрос. Если этого не произойдет, он пообещал с сочувствием рассмотреть этот вопрос и изучить его во всех деталях. В заключение он предложил обращение к императору, в котором следовало указать, что именно отсутствие конституционной жизни во всей Империи препятствовало прогрессу Венгрии; и что, хотя независимое правительство и отдельное ответственное министерство были абсолютно необходимы Венгрии, также было необходимо, чтобы император окружал свой трон во всех вопросах управления такими конституционными механизмами, которых настоятельно требовали потребности времени.

Это высказывание было названо речью на Крещение Революции. Появившись сразу после известий о Французской революции, он придал определенность растущим требованиям свободы; но он сделал нечто большее. Меттерних лелеял растущую надежду на то, что требование Конституционного правления в Вене может быть постепенно использовано для подавления независимого положения Венгрии путем объединения венгров в единый австрийский парламент; и он рассматривал хорватский вопрос как средство для еще большего ослабления власти венгерского сейма. Речь Кошута нанесла удар по этим надеждам, заявив, что свободы для любой части Империи можно добиться, только работая ради свободы целого; он на мгновение отбросил национальную и провинциальную зависть, которая была великой силой австрийского деспотизма, и призвал всех либералов Империи объединиться против системы, которая угнетала их всех. Если бы Кошут остался верен вере, которую он провозгласил в этой речи, то в пределах вероятности вся Революция 1848-9 годов могла бы иметь другой результат.

Венгерский канцлер Майлат был настолько встревожен речью Кошута, что воспрепятствовал отправке депутации, которая должна была представить обращение императору. Но он не мог помешать этой речи произвести свой эффект. Хотя Пресбург находился всего в шести часах езды от Вены, маршрут был настолько затруднен, что новости о каких-либо действиях венгерского сейма до сих пор доходили до Вены очень окольными путями, а иногда и за неделю. Известие об этой речи, однако, дошло уже на следующий день; и друг Кошута Пульски немедленно перевел ее на немецкий и распространил среди венцев. Слух о его содержании распространился еще до самой речи. Говорили, что Кошут объявил войну системе правления и что он заявил, что банкротство государства неизбежно. Но по мере того, как новости

становились все более определенными, умы венцев сосредоточились на двух моментах: осуждении людей прошлого и требовании Конституции для Австрии. Правительство было настолько встревожено эффектом этой речи, что обязалось ответить на нее в официальном документе. Автор этого ответа привлек внимание к ужасным сценам, которые, по его словам, разыгрывались в Париже, что, по его словам, доказывало, что единственная безопасность для управляемых заключается в сплочении вокруг правительства. Это высказывание, естественно, вызвало только презрение и отвращение; а постоянно прибывающие новости о новых Конституциях, принятых в Германии, усилили энтузиазм, вызванный речью Кошута.

Движение по-прежнему было сосредоточено среди профессоров университета. 1 марта на одном из собраний Общества чтения и дебатов доктор Ленер предложил начать переговоры с Сословиями и призвать их объявить свое Собрание постоянным, страну в опасности, а Меттерниха врагом общества. Это предложение о знаменовало определенный шаг в конституционном прогрессе. Сословия Нижней Австрии, собиравшиеся в Вене, действительно, время от времени выражали свое мнение по некоторым общественным проблемам; но Франциск и Меттерних, как правило, не обращали внимания на эти мнения; и, хотя последний в последнее время говорил о расширении полномочий сословий, он, очевидно, подразумевал эти слова отчасти как пустую болтовню, чтобы отсрочить любое эффективное действие, а отчасти как попытку отказаться от уступок, которые были сделаны королем Пруссии. Таким образом, то, что лидеры народного движения предложили обратиться к сословиям Нижней Австрии, было неожиданным признаком желания найти какой-либо легальный центр действий, каким бы слабым по силе и аристократическим по составу этот центр ни был.

Однако предложение доктора Ленера, по-видимому, не было принято в целом; и вместо предложенного обращения к сословиям Дискуссионное общество распространило программу из одиннадцати пунктов. Когда мы учитываем, что Революция разразилась менее чем через две недели после этой петиции, нас не может не поражать крайняя умеренность предъявляемых сейчас требований. Большинство из одиннадцати пунктов касались предложений по устранению либо форм коррупции, либо ограничений личной свободы, и в основном они были направлены против тех вмешательств в жизнь и преподавание в университетах, которые вызывали столько недовольства в Вене. Такие требования о конституционных реформах, которые содержались в этой программе, безусловно, не носили тревожного характера. Заявители просили, чтобы право избрания в Сословное собрание было распространено на граждан и крестьян; чтобы совещательные полномочия Сословий были расширены; и чтобы вся Империя была представлена в Собрании, для чего, однако, заявители просили только совещательных полномочий. Возможно, тремя требованиями в этой петиции, которые вызвали бы самое широкое сочувствие, были требования в пользу всеобщего вооружения народа, всеобщего права подачи петиций и отмены цензуры. Выражение стремления к реформам теперь стало гораздо более общим, и даже некоторые представители Сословий подготовили обращение к своим коллегам против бюрократической системы. Но характер и тон высказываний этих новых реформаторов несколько ослабили эффект, произведенный более смелыми жалобами прежних лидеров движения; ибо, в то время как студенты университета и некоторые из их профессоров все еще проявляли стремление к смелым и независимым действиям, торговцы охотно пользовались сочувствием эрцгерцога Франциска Карла, в то время как книготорговцы обратились к императору с петицией, в которой раболепие переходит в богоульство.

Эти признаки слабости, без сомнения, были замечены правительством; и неудивительно, что при таких обстоятельствах Меттерних и Коловрат смогли убедить себя, что они все еще могут играть с венцами, и отделаться от них обещаниями, которые никогда не придется выполнять. Один только эрцгерцог Людовик, похоже, предвидел надвигающуюся бурю, но не смог убедить своих коллег начать военные приготовления к встрече с ней. Тем временем движение среди студентов принимало все более решительные масштабы; и их требования, как обычно, касались важных вопросов свободы слова, свободы печати и свободы преподавания; и к ним теперь добавилось требование народного представительства, оправдания которому они черпали из речи Кошута от 3 марта.

Но, в то время как Венгрия являла собой модель конституционного правления, надежда на более широкую национальную жизнь все больше и больше связывалась с идеей объединенной Германии. Через два дня после выступления Кошута этому последнему чувству был дан импульс встречей в Гейдельберге ведущих сторонников единства Германии; они избрали комитет из семи человек, чтобы подготовить почву для проведения Учредительного собрания во Франкфурте. Из этих семи двое приехали из Бадена, один из Вюртемберга, один из Гессен-Дармштадта, один из Пруссии, один из Баварии и один из Франкфурта. Таким образом, будет видно, что Южная Германия все еще сохраняла лидерство в движении за единство Германии; и президентом Комитета был тот Изштейн из Бадена, который был известен в Германии главным образом своей несвоевременной высылкой из Берлина. Но, хотя такое распределение власти не предвещало ничего хорошего для отношений между лидерами немецкого движения и королем Пруссии, все же собрание в Гейдельберге не было готово ни к принятию полной программы баденских лидеров, ни к тому, чтобы окончательно присоединиться к тому республиканскому движению, которое, вероятно, вызвало бы отпор северогерманских либералов.

Главным лидером более умеренной партии на собрании был Генрих фон Гагерн, представитель Гессен-Дармштадта. Гагерн был сыном бывшего министра великого герцога Нассауского, который покинул это государство, чтобы поступить на службу в Австрию, и который вместе с эрцгерцогом Иоанном планировал народное восстание в Тироле в 1813 году. Генрих прошел обучение в военном училище в Мюнхене. Он постоянно выступал против политики Меттерниха, делал все возможное, чтобы побудить университеты к сотрудничеству в рамках общегерманского движения, и пытался обеспечить внутренние свободы для Гессен-Дармштадта, в то время как он убеждал своих соотечественников искать модель свободной конституции скорее в Англии и Венгрии, чем во Франции. Во время Конституционного движения 1848 года он стал премьер-министром Гессен-Дармштадта и, по-видимому, обладал значительной способностью завоевать доверие народа. Хотя он не смог посвятить собрание определенно монархической политике, он обладал достаточным влиянием, чтобы противодействовать попыткам Струве и Геккерена внести предложение о провозглашении Республики; и его влияние неуклонно росло на более поздних этапах движения.

Было очевидно, что при тогдашнем настроении жителей Вены движение в пользу единства Германии, одновременно столь решительное и столь умеренное по своему характеру, придаст новый импульс надеждам на свободу, уже возбужденным речью Кошута; и действия реформаторов теперь стали более энергичными, потому что движением руководили студенты, а не профессора. Некоторые из последних, и особенно профессор Хе, начали беспокоиться и пытались держать своих учеников в узде. Это вызвало недоверие и подозрительность

студентов; и профессорам Хе и Эндлихеру с большим трудом удалось убедить молодых лидеров движения воздержаться от действий до тех пор, пока профессора не изложат императору желание университета отстранить Меттерниха. Эта депутация прибыла к императору 12 марта; но это оказалось бесполезным; и когда профессора вернулись с ответом, что император рассмотрит этот вопрос, студенты встретили их громким смехом и решили взять дело в свои руки. На следующий день должно было открыться Собрание сословий Нижней Австрии, и венские студенты решили пройти процессией от университета до Ландхауса.

13 марта в большом зале университета, ныне спрятанном в малоизвестной части Вены, но все еще сохранившем следы картин, которые тогда украшали его, студенты собрались в большом количестве. Ходили различные обескураживающие слухи; упоминалось, что тот или иной видный гражданин был арестован; более того, поговаривали даже, что сами члены Сословий были схвачены и что заседанию Собрания не будет разрешено состояться. К этим слухам добавились предупреждения профессоров. Фюстер, который недавно проповедовал о долге преданности делу страны, теперь попытался восхвалением императора обуздать стремление студентов к немедленным действиям; но его отстранили. Затем Хе обратилась к ним с просьбой подождать несколько дней в надежде на дальнейший ответ от императора. Они ответили криком, что не будут ждать и часа, а затем подняли крик "Landhaus!". Освободившись от всяких дальнейших ограничений, они отправились в путь, и по мере того, как они шли, вокруг них собиралось все больше людей. К жителям Вены уже обращался плакат на церкви Святого Стефана с призывом освободить доброго императора Фердинанда от его врагов; и плакат далее заявлял, что тот, кто желает возвышения Австрии, должен желать падения нынешних государственных министров. Призыв возымел свое действие, и толпа становилась все плотнее по мере того, как студенты маршировали по узкой улице Херрен-Гассе. Они прошли под аркой, ведущей во внутренний двор Landhaus; там, перед тем самым зданием, где заседало Собрание, они остановились как вкопанные; и со странной нерешительностью, которая иногда охватывает толпу, никто, казалось, не знал, что делать дальше. Внезапно, в последовавшей паузе, из угла толпы донеслись слова "Meine Herren". Было очевидно, что кто-то пытался обратиться к ним; и студенты, стоявшие ближе всех к говорившему, подняли его к себе на плечи. Затем толпа увидела спокойного на вид мужчину с круглой, сильной головой, коротко остриженными волосами и густой бородой. Каждый нетерпеливо спрашивал своего соседа, кто бы это мог быть; и по мере продолжения речи разнеслась весть, что это доктор Фишхоф, человек, который был очень мало известен за пределами медицинских кругов и до сих пор считался совершенно посторонним политическим движениям. Таков был оратор, произнесший то, что до сих пор помнят как "первое свободное слово" в Вене.

Он начал с того, что остановился на важности этого дня и на необходимости "ободрить людей, которые сидят там", указывая на Landhaus, "нашим обращением к ним, укрепить их нашей приверженностью и привести их к желаемой цели нашим сотрудничеством в действии. - Тот, - воскликнул Фишхоф, - у кого нет мужества в такой день, как сегодня, годен только для детской". Затем он довольно подробно остановился на необходимости свободы прессы и суда присяжных. Затем, как бы уловив ноту речи Кошута от 3 марта, он продолжил говорить о величии, которого Австрия могла бы достичь, объединив "немцев-идеалистов, стойких, трудолюбивых и настойчивых славян, рыцарственных и восторженных мадьяр, умных и зорких итальянцев". Наконец, он призвал их требовать свободы прессы, свободы религии, свободы преподавания и образованности, ответственного министерства, представительства народа, вооружения народа и связи с Германией.^[9]

Тем временем представители Сословий заседали внутри. Они собрались в необычно большом количестве, поскольку их президент убедил их, что они обязаны противостоять потоку мнений. Поскольку они были представителями привилегированных классов, они мало сочувствовали движению, которое происходило в Вене. Не похоже также, чтобы среди них был кто-то, кто был расположен сыграть роль Конфалоньери или Сечени, не говоря уже о Мирабо или Лафайете. До многих из них дошли слухи о приближающейся депутации, но Монтекукколи, их председатель, отказался начать заседание раньше назначенного часа. Пока они все еще обсуждали этот вопрос, они слышали шум толпы снаружи; затем внезапная тишина, а затем голос Фишхофа. Несколько членов совета охватила паника, и они пожелали прервать заседание. Монтекукколи снова отказались уступить, и один из их немногих либеральных членов призвал их набраться мужества после появления этой депутации и предъявить более строгие требования к правительству.

Но прежде чем Собрание смогло решить, как действовать, толпа снаружи приняла более суровые меры. Ораторы, которые сразу же последовали за Фишхофом, не произвели особого впечатления; затем другой врач, по имени Гольдмарк, вскочил и призвал людей ворваться в здание Landhaus. Итак, прежде чем руководители Поместий успели решить, какие действия предпринять, двери внезапно распахнулись, и Фишхоф вошел во главе толпы. Он объявил, что пришел поддержать Сословия в их обсуждении и попросить их одобрить требования, изложенные в петиции народа. Монтекукколи заверил делегацию, что император уже пообещал созвать провинциальные собрания в Вене и что, со своей стороны, сословия Нижней Австрии выступают за прогресс. "Но, - добавил он, - у них должно быть место и возможность для обсуждения". Фишхоф согласился с этим предложением и убедил своих сторонников удалиться во внутренний двор. Но те, кто остался, были охвачены страхом предательства, и поднялся крик, что Фишхоф арестован. Вслед за этим Фишхоф появился на балконе вместе с Монтекукколи, и президент пообещал, что Сословия пошлют собственную депутацию к императору, чтобы выразить ему пожелания народа. Поэтому он предложил собравшимся выбрать двенадцать человек, которые будут присутствовать на заседаниях Сословий во время составления петиции. Пока продолжались выборы этих двенадцати человек, появился венгерский студент с переводом речи Кошута на немецкий. Поскольку голос венгра был слишком слаб, чтобы его можно было слышать, он передал речь тирольскому студенту, который зачитал ее собравшимся. Намек на необходимость Конституции был встречен громкими аплодисментами, как и выражение надежд на добро со стороны эрцгерцога Франциска Иосифа.

Но, несмотря на то, что чтение речи вселило надежды в толпу, оно также дало сословиям время определиться с курсом, не дожидаясь двенадцати представителей народа; и, прежде чем толпа услышала конец речи Кошута, чтение было прервано сообщением от Сословий, объявляющим содержание предложенной ими петиции. Петиция сократилась до скудного требования о том, чтобы отчет о состоянии Государственного банка был представлен сословиям; и чтобы из провинциальных собраний был выбран комитет для рассмотрения своевременных реформ и принятия участия в законодательстве. Слабый характер предлагаемого компромисса вызвал бурю презрения и ярости, и моравский студент разорвал послание Сословий на куски. Завершение речи Кошута привело народ в еще большее возбуждение; и с криками за свободную конституцию, за союз с Германией и против союза с Россией толпа снова ворвалась в Собрание. Затем один из ведущих студентов спросил Монтекукколи, было ли это всей петицией, которую они намеревались отправить императору? Монтекукколи ответил, что Сословия были настолько взволнованы в ходе своих обсуждений, что они не смогли прийти к

окончательному решению. Но он заявил, что они желают изложить императору все пожелания народа. И снова лидеры толпы повторили, в несколько измененной форме, требования, первоначально сформулированные Фишхофом. Наконец, после продолжительного обсуждения, Монтекукколи готовился отправиться в замок во главе Поместий, когда прибыл полк солдат. Однако они не смогли пробиться сквозь толпу и даже были вытеснены из "Херрен Гассе".

Теперь возникло желание улучшить защиту народа, и депутация попыталась убедить бургомистра Вены вызвать городскую стражу. Бургомистр Чапка, однако, был всего лишь инструментом правительства; и он заявил, что эрцгерцог Альберт, как главнокомандующий армией, один имеет право вызвать гвардию. Эрцгерцог Альберт был, возможно, после Людовика, самым непопулярным представителем Королевского дома; он с негодованием отказался прислушиваться к каким-либо требованиям народа и, поспешив на место, собрал солдат и вывел их на открытое пространство на углу Херрен-Гассе, которое известно как Фрейунг. Внутренний периметр Вены в это время был окружен стенами, за пределами которых находились большие пригороды, в которых жили в основном рабочие. Студенты, по-видимому, уже прониклись некоторой симпатией к рабочим; и в течение предыдущих двух лет недовольство, вызванное страданиями беднейших классов, принимало более прямой политический оборот. Утром несколько рабочих вместе со студентами протиснулись во внутренний район города; было видно, как несколько крупных мужчин в грубых заштопанных куртках и грязных кепках, надвинутых на глаза, сжимали кулаки, готовясь к драке. Весть о том, что солдаты собираются напасть на людей, быстро распространилась по пригородам. Схватив длинные шесты и любые железные инструменты, которые попались под руку, рабочие бросились к воротам внутреннего города. В одном районе они обнаружили, что городские ворота закрыты, а пушки установлены на бастиионе неподалеку; но в других власти оказались к этому не готовы, и рабочие ворвались во внутренний город, срывая камни и штукатурку, чтобы бросить в солдат.

Тем временем представители Сословий добрались до замка и пытались убедить власти уступить требованиям народа. Меттерних настаивал на том, что все это дело было спровоцировано иностранным влиянием, и особенно итальянцами и швейцарцами; и он желал, чтобы солдаты собрались в замке и чтобы принц Виндишграц был назначен комендантом города. Альфред Виндишграц был богемским дворянином, который ранее был известен главным образом своим сильным аристократическим чувством, которое, как говорили, он воплотил в выражении "Люди начинаются с баронов". Но Меттерних отметил его как энергичного и решительного человека, которому можно было доверить действовать в чрезвычайной ситуации. Латур, который был предыдущим комендантом замка в Вене, проявил признаки колебания в связи с этим кризисом; и это дало Меттерниху повод уволить Латура и назначить на его место Виндишграца. С этим соглашением согласился весь правящий совет; но когда эрцгерцог Людовик и Меттерних предложили назначить Виндишграца военным диктатором города и разрешить ему выносить пушки для стрельбы по the народу, возникла большая оппозиция. Эрцгерцог Иоанн, возможно, был одним из немногих членов совета, которые действительно сочувствовали либеральным идеям; но некоторые из эрцгерцогов, и особенно Фрэнсис Чарльз, искренне желали падения Меттерниха; и Коловрат разделял их желание. Эта объединенная оппозиция искренних реформаторов и ревнивых придворных препятствовала политике Меттерниха; и было решено, что сначала следует вызвать городскую стражу, а диктатуру Виндишграца следует оставить на заднем плане в качестве последнего средства.

Тем временем на улицах бушевала ожесточенная борьба. Эрцгерцог Альберт обнаружил, на свой страх и риск, что восстание не было, как он предполагал, делом рук горстки недовольных людей. Студенты храбро сражались, но еще более ожесточенный элемент внесли в восстание рабочие, прибывшие из пригородов. Один рабочий был ранен в голову, руку и ногу; но он продолжал подбадривать своих друзей и кричал, что ему наплевать на жизнь; либо он умрет в тот же день, либо "высокопоставленные джентльмены будут свергнуты". Другой, который с утра ничего не ел, попросил немного подкрепиться, чтобы он мог лучше сражаться; и он быстро вернулся к борьбе. В тех пригородах, из которых рабочие не смогли прорваться во внутренний город, восстание грозило принять форму нападения на работодателей. Машины были уничтожены, а дома тех работодателей, которые снизили заработную плату, подожжены. Именно этот аспект восстания побудил дворян поверить, что, вызвав гвардию, они побудят более богатых граждан взяться за оружие против рабочих; и эта политика получила еще большее развитие, когда по ходатайству ректора университета студентам также была предоставлена привилегия носить оружие. Но уловка полностью провалилась; люди признали городскую стражу своими друзьями и отказались нападать на них; и вскоре распространился слух, что полиция открыла огонь по городской страже. Теперь было очевидно, что гражданские солдаты были на стороне народа, и более богатые горожане послали депутацию с просьбой уволить Меттерниха.

Но эрцгерцог Максимилиан был полон решимости, поскольку первое средство, предложенное Советом, провалилось, теперь он применит некоторые из тех более жестоких средств, которые поначалу были отложены. Поэтому он приказал перенести пушку из замка на Михаэлерплац. С этого места орудие должно было наводиться с одной стороны на Херрен-Гассе, где утром собралась толпа, и с другой стороны на Кольмаркт, который вел к широкой улице Ам-Грабен. Если бы пушка выстрелила тогда и там, ход восстания должен был бы, так или иначе, измениться. Эта перемена могла бы привести, как надеялся Максимилиан, к полному краху восстания; или, как утверждал Латур, выстрел пушки мог бы смыть последние остатки лояльности императору, и Республика могла бы быть немедленно провозглашена. Но, в любом случае, результат должен был быть самым катастрофическим как для дела порядка, так и для свободы, ибо страсти, которые уже разгорелись, особенно среди рабочих, вряд ли могли не вызвать одну из тех жестоких схваток, которые могут свергнуть одну тиранию, но которые обычно заканчиваются установлением другой. К счастью, однако, эрцгерцог Максимилиан, по-видимому, не имел официальных полномочий в этом вопросе; и когда он отдавал приказ открыть огонь, мастер-артиллерист, богемец по имени Поллет, заявил, что не подчинится приказу, если он не будет отдан командующим вооруженными силами или комендором города. Затем эрцгерцог призвал подчиненных открыть огонь, несмотря на это сопротивление; но Поллет встал перед пушкой и воскликнул: "Пушки находятся в моем подчинении; пока не поступит приказ от моего командира и пока этого не потребует необходимость, никому не позволяйте стрелять по дружественным, безоружным гражданам. Вы будете стрелять только через мое тело". Эрцгерцог в отчаянии удалился.

Тем временем депутация горожан достигла замка. Сначала чиновники были расположены обращаться с ними сердито и даже пытались задержать их силой; но известие о сдаче оружия студентам, настойчивое давление эрцгерцога Иоанна и продолжающиеся сообщения о растущем гневе народа, наконец, заставили Меттерниха уступить; и, войдя в комнату, где собралась гражданская депутация, он заявил, что, поскольку они сказали, что его отставка принесет мир в Австрию, он теперь оставляет свой пост и желает удачи новому правительству.

Многие члены королевской семьи и другие члены Совета льстили себя надеждой, что избавились от грозного врага, не сделав никаких определенных уступок народу. Один Виндишграц протестовал против того, что правители Австрии отказались от Меттерниха. Меттерних надеялся спокойно удалиться на свою собственную виллу, но она уже была сожжена во время восстания, и он вскоре обнаружил, что безопаснее бежать из Вены и в конце концов найти убежище в Англии. Однако у него было одно утешение во всех его несчастьях. В мемуарах, написанных четыре года спустя, он выразил свою уверенность, что, по крайней мере, не сделал ничего плохого и что "если бы ему пришлось начинать свою карьеру заново, он бы снова следовал тем курсом, которым шел раньше, и не отклонился бы от него ни на мгновение".

Когда в половине девятого вечера 13 марта люди прошли по улицам Вены, выкрикивая "Меттерних пал!", казалось, что марш студентов и петиция Фишхофа за один день принесли все желаемые результаты. Но ни подозрениям народа, ни жестоким намерениям князей не пришел конец. Эрцгерцоги все еще говорили о том, чтобы сделать Виндишграца диктатором Вены. Рабочие все еще бесновались в пригородах, а студенты отказывались покидать университет, опасаясь, что на него будет совершено нападение. Но, несмотря на насилие рабочих, лидеры более богатых граждан были все более и более полны решимости объединиться с реформаторами. Действительно, и они, и студенты надеялись сдержать жестокость беспорядков, одновременно предотвращая любое реакционное движение. Император также был на стороне уступок. Он отказался допустить, чтобы в людей стреляли, и 14-го объявил о свободе прессы. Но, к несчастью, с ним случился один из его эпилептических припадков; и интриганы, которые уже объединились в тайный совет, известный как Камарилья, опубликовали новость о диктатуре Виндишграца и решили ввести в Вене осадное положение, пока император не сможет отдавать распоряжения. Известие о приходе Виндишграца к власти так встревожило народ, что они сразу же решили выступить маршем на замок; но один из видных горожан по имени Артабер убедил их отказаться от своего намерения и вместо этого послать его и еще одного друга просить Конституцию у императора. Между Фердинандом и его придворными явно шла борьба. Всякий раз, когда он был силен и мог постоять за себя, он был готов пойти на уступки. Всякий раз, когда он был болен или все еще страдал от психических последствий своей болезни, правительство переходило в руки Виндишграца и эрцгерцогов, и предлагались насильственные меры.

Таким образом, хотя Артабера и его друзей приняли учтиво и заверили в конституционных намерениях императора, тем не менее в одиннадцать часов той же ночи появилось публичное объявление о введении в Вене осадного положения. Но даже Виндишграц, похоже, был несколько напуган неустрашимым поведением людей; и когда он обнаружил, что его объявление было сорвано со стен и что вот-вот вспыхнет новое восстание, он послал за профессором Хе и умолял его сохранить порядок. Тем временем император до некоторой степени пришел в себя; и он быстро дал обещание созвать Сословия немецких и славянских провинций и конгрегации Ломбардо-Венеции. Но народу надоели фальшивые Конституции, и прокламация императора была отменена. Этот поступок, однако, не подразумевал какой-либо личной враждебности к Фердинанду; ибо вера в то, что австрийские министры препятствуют благим намерениям своего повелителя, в то время так же глубоко укоренилась в умах венцев, как аналогичная вера в отношении Пия IX и его кардиналов в умах римлян; и когда император 15 марта публично выехал из города, его встретили громкими приветствиями.

Но, прислушиваясь к этим радостным возгласам, Фердинанд, должно быть, заметил, что громче, чем "Свобода кайзеру" его немецких подданных и "Слава" богемцев, прозвучало венгерское "Эльен". Ибо смешавшаяся в толпе с простыми жителями Вены венгерская депутация, которой граф Палатин наконец разрешил покинуть Пресбург, прибыла в Вену, чтобы потребовать как свобод, которые были предоставлены немцам, так и отдельного ответственного министерства для Венгрии. Они прибыли в полном блеске недавних успехов Пресбургского сейма; ибо, подкрепленный новостями о венском восстании, Кошут за один день провел многие реформы, за которые так долго боролась его партия. Последние остатки зависимого положения крестьянства были уничтожены; налогообложение стало всеобщим; была обещана свобода печати и всеобщая воинская повинность. Только Сечени осмелился поднять ноту предупреждения, но она осталась без внимания. В Вене Кошута встретили почти так же радушно, как и в Пресбурге; поскольку немецкое движение в Вене имело тенденцию вызывать у своих сторонников готовность потерять восточную половину империи, чтобы добиться объединения западной половины с Германией. Таким образом, ноты "Немецкой земли" Арндта смешались с криком: "Баттьяни Лайош, премьер-министр!" Перед такой комбинацией, как эта, у Фердинанда не было желания, а у Виндишграца не было сил продолжать упорное сопротивление; и 16 марта Седльницкий, ненавистный глава полиции, был отстранен от должности. 18-го было назначено ответственное министерство, а 22-го Виндишграц лично объявил, что теперь национальные дела будут направляться по пути прогресса.

Тем временем то немецкое движение, от которого венцы черпали столько импульса, набирало новую силу на Севере Германии. В Берлине порядок венских движений был в некоторой степени изменен. Там артизанцы, вместо того чтобы перенять тон студентов, дали первый импульс реформам. Король, действительно, начал свои уступки с предоставления свободы печати 7 марта; но казалось очень маловероятным, что эта уступка будет сопровождаться какими-либо гарантиями, которые сделали бы ее реальностью. Король даже отказался выполнить свое обещание созвать Ассамблею; и именно вследствие этого отказа артизанцы подали в городской совет Берлина петицию об удовлетворении их особых претензий. Та же нищета, которая царил в Вене, проявилась, хотя и в меньшей степени, в Берлине; были созданы комитеты помощи бедным. Городской совет отказался удовлетворить петицию рабочих; и, чтобы вырвать движение из их рук, они представили свою собственную петицию в поддержку свободы прессы, суда присяжных, представительства немецкого народа в Бундестаге и созыва всех провинциальных собраний Королевства. Это прошение было отклонено королем, и вслед за этим 13 марта народ в большом количестве собрался на улицах. Генерал Пфуль открыл по ним огонь; но они, вместо того чтобы сдаться, воздвигли баррикады, и завязалась ожесточенная борьба.

14-го числа крики о полной свободе печати стали громче и заметнее; и первые известия о венском восстании воодушевили повстанцев. Теперь к движению присоединились другие части королевства. 14-го прибыли депутаты из Рейнской провинции, которые угрожающим образом потребовали расширения народных свобод. 16-го числа пришли более важные известия о том, что в Познани и Силезии вспыхнуло восстание. Мирославский, который был одним из лидеров польского движения 1846 года, приобрел большую популярность в Берлине; и он, казалось, был полностью расположен объединить движение за независимость Познани с движением за свободу Пруссии, во многом таким же образом, как Кошут объединил дело венгерской свободы с требованием австрийской конституции. В Силезии, без сомнения, ужасный прошлогодний голод и остатки феодального гнета обострили стремление к свободе; и

вслед за новостями об этих двух восстаниях появились более четкие сообщения о венском восстании и радостные вести о падении Меттерниха.

Король Пруссии пообещал, когда поступят эти новости, созвать Ассамблею на 2 апреля; а два дня спустя он появился на балконе своего дворца и заявил о своем желании превратить Германию из Союза государств в Федеративное государство. Но подозрения народа теперь были окончательно возбуждены; и 18 марта, в тот самый день, когда король сделал это заявление, пришли новые депутации, чтобы потребовать от него вольностей; и когда он обратился к ним с просьбой разойтись по домам, его просьба не была удовлетворена. Угрожающее поведение солдат и воспоминания об их насилии в предыдущие дни убедили людей в том, что до тех пор, пока не будет выведена хотя бы часть вооруженных сил, они не могут быть уверены в своей свободе. События того дня оправдали их веру, ибо, когда кто-то читал народу вслух отчет о недавно сделанных королем уступках, солдаты внезапно открыли по ним огонь, и толпа бросилась врассыпную. Однако они бежали, чтобы вскоре снова сплотиться; снова были возведены баррикады; поляки Познани стеклись на помощь своим друзьям, и был развеян черно-красно-золотой флаг Германии. Женщины присоединились к борьбе на баррикадах, а 19-го числа некоторые стрелки, которых король привел из Невшателя, отказались стрелять в народ. Затем король внезапно уступил, отправил в отставку своих министров и пообещал вывести войска и разрешить вооружать народ. Победа народного дела казалась теперь полной; но горечь, которая все еще оставалась в сердцах граждан, проявилась в публичной похоронной процессии по Берлину в честь тех, кто пал в борьбе. Король стоял с непокрытой головой на балконе, когда процессия проходила мимо дворца, а 21 марта он вышел вперед публично, размахивая черно-красно-золотым флагом Германии.

Но в то время как движения за свободу и единство Германии укрепляли дело венцев и разрушали надежды Меттерниха, два других движения за свободу, которые могли бы помочь создать новую и более свободную жизнь в Европе, вопреки желанию своих лидеров готовили почву для того столкновения интересов различных рас Европы, которое должно было стать главной причиной провала революции 1848 года. Из этих движений наименее известным и понятным в Англии является то, которое имело место в Богемии. Чтобы понять это, мы должны вспомнить некоторые события более ранней истории Богемии.

Богемия, как и Венгрия, в шестнадцатом веке свободно избрала своим королем Фердинанда I. Австрийского. В то время богемцы также не испытывали ни малейшего желания к более тесному союзу с каким-либо из тех других королевств, которые оказались под властью того же Принца; более того, они бы избежали такого союза даже в тех вопросах, где совместные действия казались естественным результатом общих интересов. Фердинанд I действительно и некоторые из его преемников, несомненно, желали более тесной связи между различными территориями, подвластными Австрийскому дому; но в течение шестнадцатого века их усилия в этом направлении были, в основном, безуспешны. Непрерывные войны против турок, действительно, требовали совместных военных действий; и в этой степени они проложили путь к более тесному союзу; но, несмотря на эту почву для дружеских чувств, в тот период от богемских сословий нельзя было добиться общественного признания каких-либо общих уз между Богемией, Австрией и Венгрией.

Однако семнадцатый век произвел большие перемены в отношениях между Богемией и Австрийским домом. За злополучной и плохо организованной борьбой за свободу и

протестантизм, которая была подавлена в 1620 году в битве при Белой горе, последовало изменение целей, к которым стремился Австрийский дом в своем правительстве Богемии. Учитывая его военные успехи, следует признать, что Фердинанд II. был даже щедр в своих действиях по отношению к Богемии, что касалось форм конституционного правления. Ибо в 1623 году он восстановил старую Конституцию, восстановил независимые суды и заявил, что у него "нет намерения уничтожить или умалять права наших верных подданных в этом Королевстве".

Но, наряду с восстановлением конституционных форм, сохранялась организованная система угнетения, с помощью которой Фердинанд II. пытался искоренить протестантскую веру и богемский язык. В то время как, с одной стороны, старая богемская знать была изгнана или казнена, немецкие доминиканцы и члены других римско-католических орденов в то же время уничтожали всю богемскую литературу, до которой могли дотянуться; и некоторые жители Богемии пытались спасти эти реликвии прошлого, перевезя их в Стокгольм, где, как говорят, до сих пор можно найти остатки их ранней литературы. Без каких-либо прямых изменений в законе немецкие чиновники постепенно были введены в главные государственные учреждения Богемии, и немецкий стал языком обычных деловых отношений. Таким образом, в результате естественного процесса богемский язык претерпел то же изменение положения, которое английский язык пережил в двенадцатом и тринадцатом веках; то есть он перестал быть литературным языком и стал просто популярным диалектом крестьян и рабочих.

Но Фердинанд II вскоре обнаружил, что он не может полностью осуществить свою цель романизации и германизации Богемии, не отступив от той Конституционной линии, которой он пытался следовать в 1623 году. Он не мог доверять Богемскому собранию в осуществлении своих планов; и в 1627 году он издал указ, который оставался в силе до 1848 года. Этим эдиктом король заявлял о праве дополнять, изменять или улучшать управление страной по своему собственному усмотрению. Тем не менее, даже это он утверждал, что сделал в силу ранее существовавшего королевского права; судьи воспользовались этим признанием, чтобы интерпретировать новый указ в свете предыдущих обещаний Фердинанда уважать чешскую конституцию; и это толкование было оправдано тем фактом, что Фердинанд в том же году, в котором он издал указ, подтвердил Конституционные обещания, данные им в 1623 году. Объяснение этого очевидного противоречия заключается в том, что Фердинанд II больше заботился о единстве Римско-католической церкви, чем о централизации управления австрийскими владениями; и то же самое можно сказать о его преемнике, Фердинанде III. Тем не менее, из соображений удобства оба этих принца очень мало проживали в Праге и много - в Вене; и, таким образом, те придворные чиновники, которые задавали тон правительству в этих вопросах, постепенно собирались вместе, скорее в Австрийском эрцгерцогстве, чем в Королевстве Богемия; в то время как процесс централизации еще больше поощрялся денационализационным движением, начавшимся после битвы при Белой горе.

С ростом чуждой аристократии естественным образом возникло то соединение классовой горечи с расовой, которое усиливает и то, и другое; а разница в вере между победителями и покоренными добавила еще один элемент разделения. Попытка крестьян сбросить иго своих завоевателей привела к уничтожению привилегий, которыми они до сих пор обладали; и, таким образом, поместья Богемии стали еще более аристократическими, чем поместья соседних стран. При таких обстоятельствах постепенное поглощение правительства Богемии правительством других земель Австрийского дома казалось естественным следствием

австрийской политики в семнадцатом веке; и Мария Терезия предложила план создания Центрального собрания, в котором Богемия, Венгрия и Галиция должны были иметь общее представительство с эрцгерцогством Австрийским. Эти планы, как и все меры по умеренному объединению в австрийских владениях, получили фатальный удар от стремительной политики Иосифа II. Стремление насильственно германизировать Богемию пробудило в этой стране, как это было в Венгрии, стремление к новой национальной жизни и рвение к старой национальной литературе. Оппозиция Иосифу, действительно, не приняла в Богемии такой ожесточенной формы, какую она приняла в Венгрии и Нидерландах; но она была достаточно сильной, чтобы побудить преемника Иосифа, Леопольда II, восстановить старую конституцию Богемии.

В Богемии, как и в Венгрии, дух национальной независимости теперь воплотился в желании сохранить и возродить национальный язык; и в 1809 году этому желанию был придан новый импульс, когда был обнаружен пергамент, который был обернут вокруг колонн зала и который, как оказалось, содержал несколько старых богемских стихотворений. Считалось, что эти стихи относятся к тринадцатому или четырнадцатому веку, и жители Богемии считали их превосходящими все, что было создано немцами в тот период. Как само собой разумеющееся, немецкие ученые сразу же выступили вперед, чтобы попытаться опровергнуть подлинность этих стихотворений; и борьба разгорелась жаркая. Многим казалось, что вытеснение богемского языка с его литературных позиций лишило эту борьбу какого-либо живого интереса. Но появлялись писатели, которые были полны решимости показать, что этот язык все еще можно сделать средством литературного выражения; и они даже надеялись сделать его центром славянского движения. Ибо богемский язык имел своего рода ответвление на севере Венгрии среди словацкой расы; и интерес, который поэт Коллар и филолог Саффарик возбудили к словацкому диалекту, придал новую силу богемскому движению. Историк Палацкий усилил эффект, произведенный этими авторами; и, что еще более примечательно, люди, чьи имена свидетельствовали о явно немецком происхождении, были очарованы этим новым движением. Граф Лео Тун вступил в спор с Пульским о ценности славянских языков; и до сих пор в Праге можно увидеть статую Йозефа Юнгмана, который был одним из первых основателей союзов за возрождение национального языка. Борьба богемских сословий в 1837 году за сохранение своего контроля над налогообложением была достаточной, хотя и безуспешной, чтобы значительно повысить интерес их нации к своей политической жизни. И вот так случилось, что, когда в марте 1848 года известие о Французской революции дошло до Праги, оно застало богемцев готовыми к чрезвычайным ситуациям.

Несколько друзей, собравшихся в кафе, попросили молодого человека по имени Габлер, который был в Париже в 1846 году, прочитать отчет о французском восстании и объяснить его детали. На следующий день в кафе пришло еще больше людей, чтобы послушать новости; началось обсуждение, и были высказаны предложения относительно наилучшего способа адаптации французского движения к потребностям богемы. Немецкий все еще был языком общения между образованными людьми в Праге, и дискуссии поначалу велись на этом языке. Но среди тех, кто приходил на собрания, был мытарь по имени Питер Фастер; и пока продолжалась дискуссия по различным вопросам реформы, Фастер внезапно разразился речью на богемском языке. Мгновенно все собрание присоединилось к национальному крику "Слава". Последовали другие речи на том же языке; мода быстро распространилась, и вскоре все приверженцы нового движения заговорили на национальном языке. Теперь был сформирован комитет для подготовки петиции; и был разослан единоголосный призыв к богемцам собраться в Венцельз-бад 11 марта.

Эта баня стоит в саду на некотором расстоянии от главных улиц Праги, и над ней возвышались казармы. Один пикет кавалерии был замечен на улицах, остальные оставались в казармах. Улицы возле бани постепенно заполнялись; примерно в половине восьмого двери открылись, и полчаса спустя появились Питер Фастер, юрист по фамилии Троян и другие. Они объявили, что созвали собрание с целью подачи петиции императору. Петиция^[10] была принята без особых проблем, и для ее представления был назначен комитет из двадцати пяти человек. Петиция была следующей: "Великое событие на Западе Европы проливает на нас свой свет, подобно угрожающему метеориту. Оно едва началось, но это великое движение, о котором мы догадывались издавна, увлекает за собой союзные государства Германии. У границ Австрии большое волнение; но ваше величество и союзные принцы контролировали движение, в то время как вы великодушно поставили себя во главе его, чтобы предостеречь его от опасной пропасти и от дурных путей. Время стало новым и непохожим; оно приблизило народ к Князьям и возложило на народ обязанность сплотиться вокруг своих Князей, предлагая уверенность и умоляя о доверии в дни опасности.

"Верующий народ Праги, тронутый всеобщим движением, движимый стремлением идти перед монархией в верности и правде, возлагает к ногам Вашего Величества свою самую сердечную благодарность за то, что ему было позволено от всего сердца обратиться к своему любимому королю и Повелителю. Пусть их слова найдут отклик и справедливую оценку. Наша уверенность в Боге и нашей совести побуждает нас надеяться, что так и будет.

"Новой и непривычной является благосклонность этого высокого разрешения; если мы будем менее разборчивы в наших словах и выражениях, если мы покажемся нескромными в объеме наших прошений, отеческое внимание нашего короля милостиво придаст правильное значение нашим действиям. Два разных национальных элемента населяют это счастливое Королевство, эту жемчужину в прославленной императорской короне вашего Величества. Одна из них, изначальная, имеющая наибольшие права на свою землю и короля, до сих пор испытывала препятствия в своем продвижении к культуре и равным правам со стороны институтов, которые, не будучи враждебными или денационализирующими, все же естественным образом предполагают частичное стирание исконных национальных чувств в качестве условия получения признания в качестве граждан.

"Свободное развитие обеих наций, немецкой и богемской, которые соединены судьбой и обе населяют Богемию, и сходное стремление к целям более высокой культуры, укрепляя, примиряя и объединяя их в братстве, заложат основу благосостояния обеих наций.

"Богемия еще не достигла того высокого положения, которого ей следовало бы достичь, чтобы силой противостоять серьезным событиям, которые развиваются сами по себе; и эта неудача проистекает из превосходства, которое до сих пор было предоставлено немецкому элементу в юридических и административных механизмах. Это не просто терпимость, это уравнивание двух национальностей с помощью юридических гарантий, которые могут и будут привязывать обе нации к трону.

"Но гарантии достижения этого превосходного и священного результата, которого так желает каждый патриот, будь то немец или богема, заключаются не только в совершенствовании языка. Она заключается в существенных изменениях существовавших до сих пор институтов, в устранении барьеров, препятствующих общению между князем и народом, и в то же время во всеобщем, благожелательно охраняемом, популярном обучении в школе и письменном виде".

Продолжив в том же духе и довольно подробно остановившись на необходимости публичности в национальных делах, заявители формулируют свои требования в одиннадцати пунктах. Первое и второе из них касаются уравнивания рас и конституционного развития, на которое намекал в предыдущей петиции; но они также включают предложение о восстановлении союза между Богемией, Моравией и Силезией, который должен быть осуществлен путем ежегодного общего собрания сословий трех провинций. Третий связан с общинной свободой и положением крестьянства. Четвертый, пятый, шестой и седьмой относятся к тем обычным гарантиям гражданской и религиозной свободы, которых требовали в то время все народы Европы. Восьмой пункт петиции требует "назначения на должности людей, которые полностью и в равной степени владеют обоими языками страны". Девятый пункт касается популяризации военной службы. Десятый касается перераспределения налогов, особенно отмены налогов на предметы потребления; в то время как одиннадцатый касается выравнивания образования между немецким и богемским и свободы преподавания в университетах.

На этом первом собрании собралось довольно мало людей, но весть о движении быстро распространилась. 12-го в Ратхаусе состоялось собрание членов городского совета, а 15-го студенты собрались, чтобы составить собственную петицию. Вскоре они уловили волнение того времени, и немецко-чешский человек по имени Уффо Хорн подтолкнул их к самостоятельным действиям. Направляемые и сдерживаемые Габлером, они согласились помочь в поддержании порядка и изложили свою петицию в восьми пунктах. В них они не только требовали обычных свобод преподавания, за которые боролись другие университеты, но также отстаивали право на полноценное обучение как на чешском, так и на немецком языках; право посещать иностранные университеты; развитие физического воспитания и право создавать союзы среди студентов по образцу тех, которые недавно были санкционированы уставом Мюнхенского университета. Стоит отметить, что они также потребовали ужесточить проверку на пригодность к государственной службе.

Известие о восстании в Вене воодушевило и укрепило богемское движение; и 18 марта студенты Праги направили письмо с ликующими поздравлениями студентам Вены за их заслуги перед делом свободы. Но богемское движение еще не свернуло с того спокойного курса, который отличал его от революций того периода; и в воскресенье, 19 марта, депутация, которая должна была передать пожелания богемцев императору, собралась на улицах Праги, чтобы отслужить тихую мессу перед отправлением в Вену. Прага, как и Вена, за последние годы настолько изменилась, что трудно представить точную сцену этого события. В начале длинной аллеи, которая сейчас украшает Венцельсплац, в 1848 году были большие ворота под названием Росстор; и они были закрыты 19 марта, чтобы никакое движение не мешало службе. За воротами стояла статуя святого Венцеля, и вокруг нее собралась депутация, одетая в шарфы богемских цветов, белые и красные, окаймленные австрийскими черными и желтыми, чтобы показать свое рвение к единству Империи. За пределами группы, сформированной членами депутации, стояли новообразованный студенческий легион и некоторые другие подразделения Национальной гвардии. Архиепископ принял главное участие в мессе, но после того, как она закончилась, епископ Праги исполнил богемский гимн, к которому от всей души присоединились люди. Чтобы еще больше впечатлить граждан торжественностью этого события, Фастер и Троянец выступили с обращением, в котором заявили, что депутация оставляет свои семьи и имущество под защитой граждан Праги; и, с другой стороны, комитет, выбранный гражданами, обратился к депутации с просьбой донести до императора опасность

задержек и невыполненных обещаний и выразил желание более тесного союза между народами Австрийской империи.

Когда церемонии закончились, депутация тронулась в путь во главе с Фастером и Троянцем. Фастер взял на себя рассмотрение петиции от жителей Праги; Троянец доставил петиции из провинциальных городов Чехии; в то время как избранная группа студентов должна была представить петицию Университета. Собравшиеся на вокзале люди подпевали богемным песням, а дамы осыпали поезд цветами и лентами. После отъезда депутации гражданский комитет поставил перед собой задачу пресечь любое буйное движение среди рабочих, приняв специальные меры по обеспечению работой постоянно проживающих в Праге рабочих. Вскоре пришло известие, что депутацию тепло встретили в Вене. Большая часть Национальной гвардии вышла поприветствовать их; император обратился к ним по-чешски; и граф Коловрат сказал, что, хотя ему семьдесят один год и он пятьдесят лет служил государству, все же его последние дни были самыми счастливыми, потому что теперь он может давать советы по зову сердца.

Разительным контрастом этому, самому мирному из всех мартовских восстаний, было движение, которое происходило в то же время в Ломбардии. Действительно, казалось, что австрийское правительство было преисполнено решимости подтолкнуть лангобардов к насильственным действиям. В Вене Меттерних, по крайней мере, говорил о расширении власти сословий; в Венгрии Кошут мог свободно выступать в Пресбургском сейме; в Богемии правительство, казалось, перешло в руки народа почти без усилий; но в Ломбардии за жестоким февральским провозглашением 2 марта последовало заявление Спора о том, что народ должен оставить всякую надежду на какую-либо реформу органических институтов Ломбардии, которая могла бы подразумевать ослабление союза с другими частями монархии; и репрессивные законы проводились в жизнь так строго, что 11 марта не было никаких изменений. в Милане было 700 политических заключенных.

Тем не менее, несмотря на эту огромную суровость, все еще были признаки неудержимых устремлений лангобардов. 10 марта в Брешии был устроен праздник в честь провозглашения Французской Республики; и итальянские солдаты, расквартированные в этом городе, выразили сочувствие этой демонстрации. Даже во время фактического восстания в Вене Меттерних все еще демонстрировал свою решимость удерживать Ломбардию силой; он внезапно отозвал Спора и Фикельмона из Милана и послал графа О'Доннелла, человека более свирепого типа, занять место Спора. Даже идея Меттерниха о ломбардской реформе не была изменена восстанием в Вене; ибо 16 марта в Милане появилось воззвание, которое, должно быть, было либо подготовлено Меттернихом непосредственно перед его падением, либо принято Камарильей непосредственно после него; и в нем ломбардцам была предложена точно такая же программа реформ, которая была предложена им в январе.

Но в то же время люди не сидели сложа руки. Итальянцам в Вене удавалось поддерживать тайную переписку со своими соотечественниками в Ломбардии и предупреждать их о том, что против них могут быть посланы новые войска; в то время как миланцы умудрялись распространять секретные прокламации, которые пробуждали надежды их собратьев-ломбардцев. 16 или 17 марта появилось одно из таких воззваний, содержащее окончательный протест против всей тирании, осуществляемой Австрией в Ломбардии с 1815 года вплоть до массовых убийств 1848 года. Авторы прокламации в заключение заявили о своей решимости

"чувствовать как итальянцы, думать как итальянцы, раз и навсегда захотеть быть итальянцами; раз и навсегда разорвать позорный договор, который продал наши свободы без нашего согласия; осуществить наши права как мужчин, нашу месть как итальянцев". Таким образом, каким-то таинственным масонством поборники свободы в Милане постепенно объединились и были подготовлены к действию; и когда 17 марта пришло известие о том, что венское восстание увенчалось успехом, что свобода печати была предоставлена и что конгрегации Ломбардии, а также поместья других частей Империи должны были быть созваны вместе, это известие послужило сигналом к восстанию. Конгрегации, которые до момента выступления Назари были такими тихими и беспомощными и чья бесполезность была дополнительно доказана провалом того самого протеста, не могли быть приняты как представители национальной жизни; а предложение о свободе прессы, пока Радецкий оставался в Милане, могло послужить лишь предметом для карикатуры.

Ведущим духом миланского движения, насколько это возможно выделить, был Аугусто Анфосси. Он родился в Ницце и получил образование у иезуитов. Это образование в этом, как и во многих других случаях, вызвало самую бурную реакцию; и первым заявлением Анфосси об отличии была резкая атака на его бывших учителей. Вследствие этого он был вынужден бежать во Францию; и он некоторое время служил во французской армии; но его надежды возродились с восшествием на престол Карла Альберта; и он вернулся в Пьемонт, чтобы испытать разочарование, разделяемое другими либералами того периода. Наказания, последовавшие за восстаниями 1831 года, снова отправили его в изгнание; затем он присоединился к восстанию египтян против турок. Но движения 1848 года вновь привлекли его внимание к Пьемонту; и теперь он поспешил в Милан и составил прокламацию, которая была принята и выпущена лидерами восстания. Насколько мало эти лидеры могли предвидеть действительный результат борьбы, можно понять из содержания прокламации; ибо, какими бы красноречивыми и восторженными ни были ее вступительные слова, ее требования далеки от притязаний на ту полную независимость, которой лангобарды на какое-то время добивались; в то время как миланцы так мало осознавали решительную жестокость своих противников, что седьмым требованием, выдвинутым в этой прокламации, было то, что "с австрийскими войсками должны быть установлены нейтральные отношения, пока мы гарантируем им уважение и средства к существованию". Но единственным действительно важным моментом в воззвании был заключительный призыв к народу собраться в три часа дня на следующий день в Корсиа деи Серви; и этот призыв пробудил не только надежды, но и нетерпение людей.

За три часа до назначенного времени, когда Казати и муниципальный совет совещались в Бролетто, или ратуше, они слышали громкие крики на улицах: "Смерть немцам!" и "Да здравствует Италия!" Затем толпа с палками, покрытыми итальянскими флагами, вошла в Бролетто и потребовала, чтобы Казати и ведущие советники немедленно отправились с ними в О'Доннелл, чтобы потребовать создания Гражданской гвардии и подчинения полиции муниципальным властям. Чезаре Корренти, один из членов Совета, призвал лидеров движения довериться муниципалитету; но Энрико Чернуски, один из организаторов движения, отказался уступить этому предложению; и человек по имени Беретта схватил Казати за руку, чтобы отвести его к губернатору. О'Доннелл был поражен этой внезапной демонстрацией, а Казати, со своей стороны, был в равной степени поражен положением, в которое его загнали. Он пожал руку О'Доннеллу и призвал его смотреть на него как на друга; и, возможно, полагаясь на эту помощь,

О'Доннелл поначалу отважился отказаться от предложений подчинить полицию Муниципальному совету и сдать оружие Гражданской гвардии. Чернушки, однако, настаивал на том, что О'Доннелл должен не только уступить по этим пунктам, но и подписать свое имя под своими уступками. О'Доннелл, охваченный ужасом, согласился; и тогда Казати пожелал послать гонца к Торресани, начальнику полиции, чтобы заручиться его одобрением уступок. Но движение вышло далеко из-под контроля Казати; и, пока его посланец спешил изложить дело Торресани в надлежащей дипломатической форме, Чернушки и его друзья поспешили в оружейную лавку, чтобы воспользоваться своей новой привилегией.

Но, поскольку они по-прежнему хотели поставить Муниципальный совет, насколько это возможно, во главе своего движения, они пришли с оружием в руках в Бролетто, где потребовали зачисления в новую Гражданскую гвардию. Тем временем Торресани отказался действовать без разрешения Радецкого, и Радецкий пришел в ярость, узнав об уступках О'Доннелла. Услышав, что один из его офицеров, лежавший больным в постели, предложил дать свое согласие на эти уступки, свирепый генерал пригрозил, что его вытащат из постели и расстреляют, если он немедленно не отзовет приказ; и к Бролетто были отправлены войска для подавления движения. Казати, действительно, бежал с места событий и укрылся в частном доме; но люди, которые принесли оружие в Бролетто, закрыли ворота перед отрядом Радецкого; и, хотя у них было с собой всего пятьдесят орудий, они приготовились бросить вызов австрийским пушкам, поддержанным более чем 2000 солдатами. Предложение капитулировать было с презрением отвергнуто, и с семи до девяти часов вечера эта маленькая группа, в основном мальчики, защищала зал муниципального совета. Но победить при таком превосходстве сил было невозможно; и, наконец, австрийские солдаты ворвались внутрь, напали на всех, кого они там нашли, вооруженных или безоружных; выбросили на улицу нескольких мальчиков, которых они нашли на крышах, повесили одного маленького ребенка и увели остальных пленников в замок, где их пытал Радецкий.

Но, когда они действительно направлялись к замку, солдаты-победители встретили нескольких своих товарищей, которые бежали впереди горожан. Аугусто Анфосси тем временем приводил в порядок доблестных, но недисциплинированных защитников своей страны; и к утру 19-го числа камни и дерево были сложены вместе и скреплены железом; и таким образом на многих улицах воздвиглись надежные баррикады. Среди других интересных материалов для баррикад можно упомянуть экипаж О'Доннелла, который был захвачен для этой цели. Радецкий, пораженный силой оппозиции, написал Фикельмону, что "природа этого народа изменилась как по волшебству; фанатизм заразил все возрасты, все классы и оба пола". Встревоженный, он предложил удовлетворить требование, выдвинутое утром, о том, чтобы полиция была передана в подчинение Муниципального совета. Казати даже тогда воспринял бы это как завершение борьбы, но теперь он был совершенно бессилён. Ибо, пока он подписывал указы и назначал главой полиции человека, который все еще находился в плену у австрийцев, колокола по всему Милану звонили, предвещая бурю.

Ни на одном этапе борьбы не было проявлено большего героизма, чем 19 марта. У моста Сан-Дамиано двое мужчин остановили целый корпус австрийцев; недалеко от Римских ворот другой воин унес на своих плечах нескольких молодых ученых, одного за другим, перед лицом отряда хорватов. Оружия часто не хватало, но повстанцы использовали вместо него мечи и палки.

Тирольцы стреляли с башни собора по народу, и пушки с Торговой площади стреляли по ним; но трое канониров были убиты, и, наконец, пушки были захвачены миланцами. 19 марта было воскресенье, и, когда прихожане выходили с мессы в церкви Сан-Симплисиано, на них напали австрийцы и загнали обратно в церковь. Еду им приносили из соседних домов, и они оставались на своих позициях до четырех часов пополудни, когда им удалось скрыться. Не было недостатка и в миланском юморе, чтобы смягчить ужас драки; мальчишки иногда выставляли кошку, иногда метлу с кепкой на ней, в качестве мишени для стрельбы австрийцев. Но самый ожесточенный бой разгорелся у Порты Нуова, в южной части города, где лично командовал Аугусто Анфосси. Там отряд австрийских гренадеров направил свои пушки на защитников города, и Анфосси пришлось долго и ожесточенно сражаться, прежде чем он смог отбросить их назад. Наконец, однако, он добрался до ворот и, высоко подняв итальянский флаг, поцеловал его и водрузил на арку ворот.

20-го числа австрийцы начали проявлять признаки того, что уступают. Тирольцы сбежали по головокружительным лестницам башни собора и скрылись через потайные ходы, а семья Торресани попала в руки повстанцев. Но миланцы, хотя они и видели, как их детей насаживали на штыки солдат, оскорбляли их женщин и пытали заключенных Радецким, были готовы взять на себя заботу о семье одного из своих худших тиранов и защитить их от насилия. Даже жестокий Больца, когда он оказался в их руках пленником, тщательно охранялся от жестокого обращения; и, как говорят, это неожиданное великодушие произвело на него такое сильное впечатление, что он умер раскаявшимся. Австрийцы снова предложили компромисс, и было предложено перемирие на пятнадцать дней, пока офицеры не получат известий из Вены. Казати снова заколебался, но его нерешительность снова никак не повлияла на ход борьбы.

21-го числа повстанцы напали на Дженио Милитаре, одну из главных казарм города. Некоторое время борьба продолжалась с большим ожесточением с обеих сторон; но, наконец, калека по имени Паскуале Соттокорни, шатаясь, подошел на своем костыле и поджег ворота; тогда защитники, не в силах больше сопротивляться, сдались народу. Этот день запомнился также взятием дворца Радецкого и появлением в нем чудесного меча, которым он угрожал истребить миланцев.

Тем временем другие города Ломбардии спешили прислать помощь в свою столицу. В Комо, сразу же после получения известия об успехе в Вене, собрались оркестры с зажженными факелами, выкрикивая: "Да здравствует Италия! Да здравствует независимость!" Охрана была удвоена, но действовать отказалась. Люди окружили здание городского совета, требуя выставить Гражданскую гвардию, которая была быстро предоставлена; вскоре Комо был свободен, и солдаты Комо двинулись маршем на Милан. 18 марта весть о миланском восстании достигла Бергамо; и люди сразу же поднялись, крича: "Да здравствует Милан!" и "Смерть немцам!" Эрцгерцог Сигизмунд, находившийся в городе, был вынужден народом сдерживать свои войска, в то время как монах-капуцин повел горожан в Милан. Восстание в Брешии, по-видимому, произошло почти одновременно с восстанием в Милане. Первое нападение было совершено на иезуитов, но религиозная вражда быстро сменилась стремлением к национальной независимости, и вскоре поднялся крик о создании гражданской гвардии. Принц Шварценберг, командовавший ужасной крепостью, которая хмуро взирала на Брешию, надеялся легко внушить городу благоговейный страх. Но люди собрались на площади Пьяцца

Веккья и после ожесточенной борьбы оттеснили солдат. Шварценберг был вынужден уступить требованиям народа; муниципальные власти тщетно пытались воспрепятствовать движению, и вскоре многие брешианцы объединились с крестьянами соседнего округа и двинулись маршем на Милан. В Кремоне около 4000 солдат сложили оружие до того, как горожане напали на них.

Тем временем Аугусто Анфосси был опасно ранен и вынужден был прекратить оборону; но его место занял Лучано Манара, двадцатичетырехлетний юноша, возглавивший атаку на Ворота Тоса в восточной части Милана. Теперь оружие свободно распространялось среди повстанцев, а профессор математики из Павии руководил укреплениями и помогал Манаре в атаке. Штурм продолжался пять часов, Манара мчался вперед во главе своих войск и творил чудеса собственной рукой. Новобранцы из сельских районов сотрудничали за пределами города с миланскими повстанцами внутри. Наконец ворота были подожжены, позиция захвачена, и вскоре название Порты Тоса было изменено на Порта Виттория. К этому времени австрийские солдаты смертельно устали от борьбы. Радецкий расположил свои войска настолько небрежно, что не смог должным образом снабдить их продовольствием, и шестьдесят хорватов сдались от голода. Теперь Радецкий был убежден в бесполезности продолжения борьбы; и, хотя незадолго до этого он угрожал бомбардировкой города, теперь он решил оставить его. Итак, вечером 22 марта славные Пять Дней в Милане подошли к концу из-за отступления австрийцев из города.

Это восстание на какое-то время освободило большую часть Ломбардии; но под властью Австрии находился еще один итальянский город, который добивался своей независимости несколько иным способом. Восстания в Вене, Берлине, Праге и Милане, хотя и привели к множеству актов героизма и мудрой предусмотрительности, не вызвали на фронт ни одного человека с первоклассными политическими способностями, и нельзя сказать, что они сосредоточились на какой-либо одной руководящей фигуре. С другой стороны, в Венеции, движение от начала до конца сосредоточилось в одном человеке. Заключение Даниэля Манина в тюрьму было предметом интереса венецианцев, типичным примером их недовольства; и не одно обстоятельство усиливало это чувство. Сестра Манина умерла от шока, услышав об аресте своего брата, а его жена подготовила петицию о его освобождении, которая была подписана подестой Венеции и девяносто девятью другими хорошо известными людьми. Его собственная дееспособность позволила Манину более настойчиво настаивать на незаконности своего ареста. Но когда он и его друзья настаивали на том, чтобы его либо судили, либо освободили, власти заявили, что не могут освободить его, пока не получат известий из Вены. Этот ответ, должно быть, еще больше подчеркивал, что он жертва той централизующей силы, которая пыталась подавить итальянские чувства; в то время как факт его происхождения от последнего дожа Венеции добавлял оттенок исторического чувства к другим интересным моментам в его деле. За арестом Манина быстро последовал арест Томмазо, и в любых разговорах между патриотами Венеции обязательно возникало обсуждение этих арестов.

И в Венеции в январе и феврале происходили те же самые демонстрации народных чувств, которые проявились в Милане. Всякий раз, когда на публике исполнялась немецкая музыка, все итальянцы покидали это место. Мужчины разгуливали в черных перчатках; женщины отказывались появляться в парадных костюмах на публичных церемониях; и даже те, кто ходил в

театр, посещали его не столько ради самого представления, сколько для того, чтобы поаплодировать пассажирам о преданной стране или поддержать неаполитанскую конституцию.

Таково было мое настроение, когда 16 марта из Триеста прибыло судно с новостями из Вены. Главный информатор принес с собой фрагменты портрета Меттерниха, который был разорван на куски как символ его падения. Тогда венецианцы поднялись и потребовали освобождения Манина и Томмазо. Губернатор передал просителей в уголовный суд, но толпа решила взять дело в свои руки и ворвалась в тюрьму, чтобы спасти двух лидеров. Манин, однако, отказался покидать тюрьму до тех пор, пока председатель трибунала не подпишет приказ о его освобождении. Президент с готовностью выполнил эту просьбу, и Манин и Томмазо были отнесены домой на плечах народа. Затем венецианцы продолжили атаку на крепость; хорватские солдаты выбежали, чтобы отразить их, и им удалось отбросить их назад. Но на следующий день на улицах произошло новое скопление людей. Пальффи, военный губернатор Венеции, обратился к Манину с просьбой сохранить порядок; но Манин ответил, что он может сделать это только в том случае, если будет выделена гражданская гвардия и если солдаты будут отозваны в свои казармы. Начальник полиции выразил протест против предложения о создании Гражданской гвардии и попросил, чтобы она, во всяком случае, была передана в его подчинение. После этого Манин схватил свой пистолет и заявил, что, если полиция вмешается в действия Гражданской гвардии, он сам возглавит восстание. Пальффи был венгром, как и Зичи, гражданский губернатор Венеции, и ни один из них не был расположен доводить дело до крайности. Поэтому, хотя поначалу Пальффи был склонен создавать трудности и обращаться за распоряжениями к губернатору Ломбардии, в конце концов он уступил, и муниципальные власти начали организовывать Гражданскую гвардию.

Но опасения венецианцев еще не закончились. Маринович, комендант замка, был суровым человеком, который настроил против себя рабочих арсенала, и власти убедили его сложить с себя командование и покинуть Венецию. Но 22 марта, пока Манин и его друзья обдумывали следующий шаг, который следует предпринять, к ним пришел посыльный и сообщил, что Маринович внезапно вернулся на арсенал и был там атакован и убит рабочими. Вслед за этим Манин сразу же решил, что следует послать Гражданскую гвардию для захвата арсенала. Адмирал Мартини попытался оказать сопротивление, но Манину удалось проникнуть внутрь с частью охраны, а затем он позвонил в колокольчик для рабочих и потребовал оружие для рабочих арсенала. Венецианцам в то время было на руку, что между мадьярами и хорватами существовала такая большая вражда. Накануне хорваты хотели открыть огонь по безоружной толпе, но венгерский офицер по фамилии Винклер встал у них на пути и заявил, что сначала они должны выстрелить в него. Когда пришло известие о смерти Мариновича, Зичи предложил, чтобы хорваты действовали вместе с Гражданской гвардией; но хорватские солдаты отказались, желая вместо этого обстрелять город. Это последнее предложение, однако, было отвергнуто не только венгерскими офицерами, но и многими солдатами, поскольку в гарнизоне было много итальянцев, которые воспользовались этой возможностью, чтобы присоединиться к делу своих соотечественников. Во время неразберихи, возникшей из-за такого расхождения во мнениях, начальник Гражданской гвардии отправился в Пальффи, чтобы потребовать, чтобы оборона города была передана в руки граждан. Пальффи колебался, но тем временем Манин провозглашал Венецианскую республику на площади Сан-Марко. Пальффи согласился передать свои полномочия Зичи, и к 18.30 вечера Зичи подписал распоряжение об эвакуации Венеции австрийскими войсками.

Теперь Пальффи желал как можно скорее покинуть Венецию. Начальник Гражданской гвардии пытался помешать его побегу, но Манин доверился чести Пальффи и позволил ему и нескольким его сторонникам уехать на пароходе, который должен был остановиться в Поле с депешами, приказывающими отозвать стоявший там венецианский флот. Но как только Пальффи благополучно покинул Венецию, он вынудил капитана изменить курс, плыть в Триест и сдать австрийским властям. Конечно, Манин совершил ошибку, так безоговорочно доверившись чести врага. Возможно, нам следует поблагодарить Бога за то, что есть люди, способные на такие ошибки. Манин, по крайней мере, похоже, не изменил своей линии поведения вследствие этого; ибо, когда несколько дней спустя пароход, полный австрийских частных лиц, подошел к Венеции, и венецианцы хотели напасть на них, Манин помешал им сделать это, сказав: "Давайте оставим такое поведение Меттерниху".

Итак, в этот чудесный месяц март 1848 года вся система Меттерниха рухнула дотла. Немецкое национальное чувство, которое он надеялся подавить, неуклонно созревало и воплощалось в определенной форме. Чувство к этому "Географическому Выражению" Италии оказалось достаточно сильным, чтобы изгнать Радецкий из Милана, а Пальффи - из Венеции. Соперничество между богемцами и немцами Австрийской империи, казалось, на данный момент слилось в общее стремление к свободе; и венгерская оппозиция, которой Меттерних надеялся манипулировать, отстранила его от власти и от должности и обеспечила свободу Вене и практическую независимость Венгрии. Об ужасных разногласиях и соперничестве, которые должны были подорвать новую структуру свободы, история будет рассказана в последующих главах. Но энергия, героизм и самопожертвование, проявившиеся на этой ранней стадии движения, навсегда запомнят Мартовские восстания 1848 года в истории Европы.

ГЛАВА VIII.

БОРЬБА РАС —АПРЕЛЬ-июнь 1848 года.

Очевидное единодушие между расами Австрийской империи в мартовских восстаниях.— Нереальность этого явления.—Местные устремления.—Сербы Буда-Пешта.—Мадьярская политика в Пеште.—Первое венгерское министерство.—Закон Шемере о печати и его провал.—Ответ министерства на петицию сербов.—Положение и история сербов в Венгрии.—Обращение мадьяр и австрийских королей.—Рост сербской литературы.—Депутации от Нойзаца и Карловица.—Велика-Кикинда.—Положение и характер Раджачича.—Стратимировича.—Созыв Сербского собрания.—Хорватское движение возродилось.—Хорваты и "двенадцать пунктов".—Джозеф Джеллачич.—Пиллерсдорф и богемская депутация.—Митинг в Софиен-Инсель.—Вторая петиция.—Немцы Богемии и Моравии.—Открытие Нового парламента во Франкфурте.—Влияние Блюма.—Предложения Струве и их последствия.—Славянский вопрос во Франкфурте.—Его польская фаза.—Чешский вопрос, обойденный парламентом.—Комитет пятидесяти и Палацкий.—Дискуссия между Национальными комитетами в Праге.—Оскорбления Шиллинга.—Обращение к австрийскому правительству и его провал.—Созыв Славянского конгресса.—Трудности в Вене.—Апрельская конституция.—Галицийское движение.—Восстание 15 мая и бегство императора.—Влияние майского движения на чувства Богемы - на чувства Венгрии.—Сербский митинг 13 мая.—Румынский митинг 15 мая.—Саксонская оппозиция Союзу.—Союз между мадьярами и секлерами.—Падение независимости Трансильвании.—Первое

столкновение с румынами.—Их положение и характер их восстания.—Союз между хорватами и сербами.—Нападение на Карловиц 11 июня.—Славянский конгресс в Праге.—Трудности в Праге.—Виндишграц и городской совет.—Ссора между студентами Праги и студентами Вены.—Славянская петиция. Восстание 12 июня.—Падение Праги и его последствия.

Мало что было более примечательным в мартовских восстаниях 1848 года, чем очевидное примирение между теми борцами за свободу, которые были отделены друг от друга расовым антагонизмом. Гадж и его друзья поспешили в Вену, чтобы присоединиться к всеобщим поздравлениям этого города с недавно завоеванной свободой. Славянские студенты Праги проявили такое же сочувствие, и представители различных рас Венгрии выразили свое удовлетворение успехами Кошута. Но этот внезапный союз неизбежно был недолговечным; ибо он возник из надежды, которая не могла быть реализована; надежды, а именно, что немцы и мадьяры объединятся в распространении на каждую из славянских рас Империи тех отдельных национальных свобод, которые эти две великие правящие расы обеспечили себе. Таким образом, вскоре начали выдвигаться предложения о создании округа, который должен был называться Словенией, в честь словенцев, населявших провинцию Крайн и другие юго-западные провинции Австрийской империи. В то же время словаки Северной Венгрии желали выделиться в отдельную провинцию, в которой они могли бы свободно пользоваться словацким языком и исповедовать лютеранское вероучение, не нарушенное мадьярским языком или мадьярским кальвинизмом. Наконец, 15 марта Иван Кукульевич, который после Гая был самым выдающимся из хорватских патриотов, выступил в ассамблее Аграма с обращением к императору, в котором просил его созвать старый парламент трех королевств Хорватии, Славонии и Далмации. Но, хотя все эти требования содержали в себе семена будущих ссор, первая настоящая вспышка не должна была исходить ни от словенцев, ни от хорватов. Первый признак "разлома внутри лютни", который, если и не мог "заглушить музыку" Свободы, то, по крайней мере, ослабил бы ее звучание и внес диссонанс в ее гармонию, проявился в связи с ветвью славянской расы, о которой до сих пор мало что упоминалось.

Те, кто посещал Буда-Пеш, наверняка помнят, как, покинув современное великолепие Пеша и перейдя подвесной мост, соединяющий его с Будой, они остановились у подножия возвышающейся перед ними крутой скалы. Затем, если бы вместо того, чтобы подниматься к Будаической крепости, они повернули на юг вдоль берегов Дуная, то за короткое время оказались бы в районе, полностью контрастирующем с остальной частью столицы, где атмосфера бедности, едва ли встречающаяся где-либо еще в городе, сочетается с оригинальностью и живописностью убранства, которые не являются ни немецкими, ни мадьярскими. Маленькие коттеджи, окрашенные в желтый, синий или белый цвета, выстроены на скале всевозможными неправильными способами; в некоторых местах комнаты расположены ниже улицы, и веселый вид усиливается вывесками над магазинами, показывающими, какие товары там можно приобрести. Яркие носовые платки на головах женщин и яркие цвета, которые носят представители обоих полов, придают улицам и рыночной площади несколько восточный вид. Таков Райценштадт, квартал сербов, на который долгое время свысока смотрели их соотечественники-мадьяры. Там, 17 марта, собрались представители примерно ста районов по соседству, чтобы подготовить петицию о разрешении использовать свой национальный язык в государственных делах. Это вызвало яростное сопротивление мадьярской молодежи Пешта, и только что сформированный Комитет безопасности оказался неспособным защитить сербов от насилия. Если бы, действительно, дух речи Кошута от 3 марта все еще был победоносным,

можно было бы найти компромиссы, которые помешали бы заявлениям сербов спровоцировать настоящую войну. Но внезапная вспышка чувств государственного деятеля, вызвавшая эту речь, длилась недолго; и, даже если бы Кошут хотел примирить подвластные народы Венгрии, за его спиной были те, кто никогда бы не согласился на такую терпимость.

Пылкая молодежь Пеша внесла в мадьярскую революцию элемент, сильно отличающийся от того, который обычно находил выражение в пресбургском сейме; и этот элемент был настолько необходим для целей Кошута, что игнорировать его влияние было невозможно. За три дня до сербского митинга в кафе Пешта состоялось большое собрание, за которым 15-го последовало шествие венгерских студентов во главе с поэтом Петефи к городскому совету с требованием уступки по двенадцати пунктам. Некоторые из этих пунктов были достигнуты в тот же день депутацией, отправившейся в Вену; другие уже были в принципе приняты сеймом в Пресбурге; одно из них, предложение о союзе Трансильвании с Венгрией, должно было стать семенем будущих неприятностей, но в настоящее время было приемлемо для всех партий мадьяр. Таким образом, молодежь Пешта отличалась от более спокойных пресбургских жителей не столько политическими теориями, сколько пламенной манерой, с которой они выдвигали свои требования, и догматической нетерпимостью, с которой они настаивали на определенных формулах.

Более того, пресбургская политика, если ее можно так назвать, была ослаблена в своем действии той попыткой примирить безнадежные противоположности, которая представляет большую трудность для всех умеренных партий. Граф Луи Баттьяни, когда он был назначен первым ответственным министром Венгрии, считал себя обязанным сформировать свое министерство, насколько это возможно, за счет объединения различных представителей соперничающих партий; и он не только надеялся найти основу для совместных действий между растущим консерватизмом Сечени и растущим радикализмом Кошута, но даже предоставил место в своем министерстве графу Эстерхази, который в некоторой степени симпатизировал венской камарилье. Барон Этвош, который был сторонником централизации, когда Кошут ратовал за управление графством, также был членом этого министерства; в то время как Месарош, военный министр, можно предположить, сочетал в себе противоположные принципы в своей персоне; поскольку, хотя он и внес свой вклад в газету Кошута "Пести Хирлап", его последним публичным действием было служить под началом Радецкого в его попытке подавить свободы Милана. Баттьяни, действительно, надеялся, что, введя Дика в министерство, он обеспечит себе влияние, которое примирит эти различные несовместимые элементы; но такая задача была не по силам даже Дикуну. Своим почетным воздержанием от участия в сейме 1843 года он лишил себя своего бывшего влияния; и, хотя он принял место, предложенное ему Баттьяни, и честно пытался работать со своими разными коллегами, все же, по мере того как движение становилось все более революционным, он все больше отходил на задний план.

Слабость этого Коалиционного министерства впервые была отмечена Бартоломеусом Шемере, холодным, жестким человеком, который ранее не имел большого влияния на политику. Он был назначен разработать новые правила, касающиеся свободы прессы; и подготовил закон, который носил настолько реакционный характер, что студенты Пештского университета публично сожгли его перед ратушей и послали депутацию в сейм с просьбой отменить закон и перенести резиденцию правительства в Пеш. Баттьяни согласился на отмену закона; но какое-то время отклонил другое предложение студентов; и министерство осталось в Пресбурге,

ослабленное ощущением, что сильнейший элемент мадьярских чувств сосредоточен в Кошуте и партии Пеш, и что это чувство в конечном итоге возьмет верх над более умеренными патриотами. При таких обстоятельствах было естественно, что слабое пресбургское министерство принесло в жертву своим ярым противникам требования тех рас, к которым ни одна из сторон не испытывала глубокой симпатии; и когда 24 марта в министерство поступила петиция сербов, они ответили, что венгры не потерпят, чтобы в Венгрии существовала какая-либо национальность, кроме венгерской.

Но сербы Райценштадта были всего лишь слабыми представителями гораздо более могущественного сообщества, которое было рассеяно по различным частям Венгрии и нашло свой главный центр в провинции Славония. Именно в шестнадцатом веке произошла великая иммиграция сербов в Венгрию. Вся важная история этой расы была связана с их борьбой против турок; и именно как беглецы от турецкой тирании они нашли убежище в Венгрии. Они прибыли примерно в то время, когда Венгрия приняла правление Австрийского дома, и, обнаружив, что Фердинанд I был более рьяным, чем его подданные-мадьяры, в сопротивлении туркам, и что некоторые мадьяры были даже готовы призвать турок к себе на помощь, сербы, естественно, стали защитниками Австрийского дома от мадьяр. В награду за эту лояльность австрийские правители предоставили своим новым подданным различные привилегии, а в 1690 году Леопольд I. специально пригласил сербов приехать из турецких провинций и поселиться в отведенном им районе. Тем, кто жил в этом районе, было предоставлено право выбирать Патриарха своей собственной Церкви, своего собственного воеводу или военачальника и своих собственных магистратов; в то время как те, кто жил фактически на границе, были подчинены специальному военному правительству, которое управлялось из Вены, и были вознаграждены за свои военные заслуги свободой от налогов. Мадьяры, действительно, не оставляли надежды привлечь сербов на свою сторону; и когда в начале восемнадцатого века Ракоци^[11] попытался создать независимое княжество в Трансильвании, он обратился к сербам с просьбой помочь ему в его попытке. Но их благодарность к Австрийскому дому, усиленная в данном случае неприязнью к кальвинизму Ракоци, укрепила их в отстаивании австрийского дела.

Австрийский дом, с другой стороны, выказывал сербам в начале восемнадцатого века так же мало благодарности, как и мадьярам в девятнадцатом, а также Иосифу I и Карлу VI. неуклонно нарушал обещания, данные Леопольдом. Было установлено, что уступка религиозной свободе не противоречит энергичной пропаганде иезуитов, направленной на искоренение греческой веры. Маленький эмигрант в сербском городке дал повод для дальнейшего вмешательства в свободу, и, по мере того как мадьяры набирали силу, Карл VI. прибегнув к низкому уловке, он представил Пресбургскому сейму список привилегий, которые он предоставил сербам, и спросил, будет ли сейму угодно утвердить их; и, получив ожидаемый им отказ, он заявил, что не может поддерживать эти привилегии вопреки желанию венгерского сейма. Сербам в Венгрии во многих случаях были низведены до положения крепостных; районы Банат и Бачка, которые составляли часть сербского поселения, были переданы Венгрии Марией Терезией в 1741 году; воеводство было упразднено, а значит, в более поздний период был упразднен и Патриархат. Мария Терезия, действительно, желала бы уладить некоторые обиды сербов; но потребность, которую она испытывала в помощи мадьяр, сначала в войне за наследство, а затем в Семилетней войне, вынудила ее пренебречь интересами подвластных рас, когда они столкнулись с интересами ее более могущественных союзников. Таким образом, несмотря на несколько восстаний и постоянные заседания конгрессов, сербам не удалось восстановить

свои прежние привилегии и несколько уступок, которые были сделаны им Леопольдом II. были быстро отозваны Фрэнсисом.

Во второй половине XVIII века у сербов появилась новая надежда на растущее развитие их национальной литературы. Патриархом сербов в Карловице была основана школа; были установлены печатные станки, и благодаря этому образованию постепенно появились писатели, один из которых, по имени Обрадович, написал первое эссе на сербском диалекте; в то время как Караджич, другой писатель, собрал старые песни, пословицы и истории страны и попытался свести диалект к грамматическим формам. Движение Саффарики и Коллара в Северной Венгрии вселило новые надежды в сербов и других славян в развитии их литературы; и именно в то время, когда это чувство росло, Гай выдвинул свой план создания иллирийского языка. Движение Гая было, в некоторой степени, яблоком раздора среди сербской национальной партии; ибо, в то время как некоторые из них стремились присоединиться к любому союзу славян, многие из наиболее влиятельных представителей духовенства вообще возражали против отказа от старого кириллического алфавита, который был введен епископами Кириллом и Мефодием, обратившими славян в христианство. И хотя, как упоминалось в предыдущей главе, римские католики подозревали Гая в желании втянуть их в союз с членами Греческой церкви, греческое духовенство среди сербов, с другой стороны, опасалось движения, центр которого, вероятно, находился в римско-католической провинции Хорватия. Таким образом, в двух городах, расположенных на расстоянии нескольких миль друг от друга, возникли два центра сербского движения. Нойзац, или Нови-Сад, самый важный город Славонии, был центром литературной и торговой части сербской общины; а Карловиц, или Карловцы, был штаб-квартирой митрополии и центром клерикальной части сербской национальной партии.

Таким образом, именно из Нойзаца 8 апреля 1848 года в Пресбург прибыла депутация, заявившая, что, хотя они симпатизируют мартовскому движению и не желают отделяться от Венгрии, они все же желают защиты своего национального языка и обычаев. Поэтому они потребовали восстановления патриаршего сана и должности воеводы; кроме того, они потребовали, чтобы власть последнего офицера была распространена на территории, которые сербы отвоевали у турок. Кошут ответил, что мадьяры сделают все возможное, чтобы уважать национальные чувства и предоставить сербам долю свободы, которую завоевали мадьяры; но что только мадьярский язык может объединить различные национальности. Баттьяни повторил слова Кошута в еще более резкой форме. "Тогда, - ответили сербы, - мы должны искать признания в другом месте, кроме Пресбурга". "В таком случае, - ответил Кошут, - решать должен меч". "Сербь, - возразил один из членов делегации, - никогда этого не боялись". И поэтому перчатка была брошена вниз. Несколькими днями позже прибыла депутация из Карловица с той же целью; ибо духовенство, как бы мало симпатий оно ни испытывало к движению Гая, так же искренне, как и жители Нойзаца, опасалось вмешательства мадьяр в процесс обретения сербами независимости. Мадьяры, по-видимому, уже познакомились с тираническим искусством Меттерниха; ибо они ответили на петицию духовенства угрозой, что они распространят на румын свободы, предоставленные сербам; и они, без сомнения, были соответственно разочарованы, когда депутация ответила, что они совершенно готовы разделить свои права с румынами.

Начавшаяся таким образом ссора вскоре привела к настоящей вспышке. В городе Велика-Кикинда, в Банате, возникло одно из тех волнений, которые являются естественными

признаками революционного периода. Крестьянство, возбужденное изменениями в своем положении, начало ожидать еще больших преимуществ. Никчемный авантюрист стал кандидатом в один из деревенских судей и пообещал, что в случае избрания он вернет крестьянам, без компенсации нынешним владельцам, все земли, отнятые у них их лордами. Он был избран, но, конечно, не смог выполнить своих обещаний, и разочарованное крестьянство возмутилось и устроило бунт. Солдаты были вызваны для подавления движения, но были отброшены и разоружены; дома магистратов были взломаны, и двое из них были убиты. Вслед за этим мадьяры прислали комиссара для расследования беспорядков; люди были готовы передать убийц в руки правосудия; но комиссары воспользовались случаем, чтобы объявить, что все сербские деревни по соседству замешаны в коммунистическом восстании; и, как следствие, они ввели в них военное положение.

Сербы теперь отчаялись добиться от мадьяр справедливости и решили обратиться от них к императору. Они хотели, однако, по-прежнему действовать законно; и поэтому они решили, что петиция императору должна быть составлена Собранием, которое было созвано законным образом. Единственным официальным лидером, к которому они могли обратиться, был их митрополит Раджачич. Он был старым человеком и не желал вмешиваться в политику. Поэтому он колебался, стоит ли выполнять просьбу своих соотечественников; но человек более решительного характера был готов взять на себя инициативу среди сербов. Это был Георгий Стратимирович, один из тех эксцентричных персонажей, которые придают живописность революционному движению. Он происходил из сербской семьи, поселившейся в Албании; но воспитывался в Вене в военном училище и поступил в австрийскую армию, которую был вынужден покинуть из-за побега. С тех пор он основал популярный журнал и присоединился к сербской депутации в венгерский сейм. Его пылкий и решительный характер привлекал наиболее энергичных сербских политиков; и, хотя ему было всего двадцать шесть лет, он был избран президентом Национального сербского комитета, который в настоящее время формировался. Импульс, приданный движению Стратимировичем, был еще более усилен тревогой, которую подняло среди сербов назначение нового губернатора в крепость Петервардейн, возвышавшуюся над Нойзацем. Это побудило Национальный комитет действовать немедленно; и, собрав вместе сербов из тех других провинций Венгрии, которые когда-то были под их властью, они организовали в Нойзаце депутацию, которая должна была пробудить в Раячиче чувство своего долга. По дороге в Карловиц они маршировали со знаменами, распевая старинные национальные гимны и рассказывая о подвигах воевод и патриархов, которые в прежние времена спасали свою страну. Раячич был под большим впечатлением от этой депутации; и, уведомив о своем решении графа Палатина как законного правителя Венгрии, он созвал Ассамблею на заседание 13 мая.

Тем временем отношение хорватов вызывало тревогу у венгерского парламента. Как упоминалось выше, они с самого начала намеревались создать отдельную Ассамблею для Хорватии, Славонии и Далмации, а также отдельную национальную гвардию. Кошут и некоторые из его друзей, казалось, в то время были более склонны идти на уступки хорватам, чем сербам. Но ожесточенная борьба 1843-1846 годов разрушила надежду сгладить разрыв мягкими словами; и, даже когда Кошут обещал санкционировать использование хорватского языка в хорватских делах и защитить их национальность, он в то же время осуждал их сепаратистские тенденции, проявившиеся в их стремлении к отдельному Собранию. Хорваты, со своей стороны, были крайне возмущены визитом неких молодых людей из Пешта, которые пришли требовать от них принятия "двенадцати пунктов". Растущая симпатия между

различными подданными Венгрии вынудила хорватов протестовать против предложения о присоединении Трансильвании к Венгрии. Вопрос об отмене принудительного труда крестьян и введении крестьянской собственности был осложнен в Хорватии существованием деревенских общин, которые управляли землей по старой племенной системе; и поэтому хорваты утверждали, что невозможно принять одинаковые законы о земле для Венгрии и для Хорватии. Вопрос о религиозном равенстве был связан в сознании хорватов со страхом вторжения мадьярских протестантов с целью денационализации Хорватии. Но главная причина неприязни хорватов к "двенадцати пунктам" заключалась не столько в их несогласии с какой-либо конкретной реформой, сколько в их негодовании по поводу высокомерной попытки навязать им универсальные формулы, придуманные в Буда-Пеште. С другой стороны, мадьяры считали, что у них есть особая обида, как на хорватов, так и на императора, на санкцию, которую Фердинанд дал 23 марта, не дожидаясь одобрения мадьяр, на избрание Йозефа Желлачича баном Хорватии. Желлачич был полковником одного из полков, расквартированных на той военной границе, которая находилась под особым контролем Вены; и он был известен главным образом своим участием в не очень успешной кампании в Боснии; в то время как слухи связывали его назначение с благосклонностью эрцгерцогини Софии. Это назначение, следовательно, было вдвойне неприятно венгерскому сейму, поскольку одновременно являлось проявлением придворного влияния и утверждением независимости Хорватии против власти мадьяр.

Но пока эти различные причины работали вместе, разрушая гармонию, установившуюся в начале марта, в другой части Австрийской империи разгоралась другая расовая борьба, которая должна была оказать такое же жизненно важное влияние на историю этой империи, как и любая другая, вызванная борьбой между мадьярами и подвластными расами Венгрии. Мы оставили чешскую депутацию наслаждаться радушным приемом Фердинанда и Коловрата в Вене и отправлять радостные послания их согражданам в Праге; а 24 марта Пиллерсдорф, который теперь был самым важным министром в Вене, объявил об уступке императором большинства требований жителей Праги. Однако были сделаны три исключения по очень важным моментам. Император заявил, что уравнивание национальностей уже было обеспечено предыдущим указом и поэтому не нуждается в новом законодательстве; что специальный суд для Богемии, который петиционеры хотели видеть учрежденным в Праге, должен быть оставлен на рассмотрение министра юстиции; и что предложение о воссоединении Моравии и Силезии с Богемией должно быть принято местными собраниями соответствующих провинций.

Некоторые из более спокойных граждан Праги были готовы принять этот ответ; но более решительные патриоты призвали своих друзей посетить митинг на Софиен-Инсель, зеленом острове, который находится чуть ниже Францисбрюке в Праге и который используется горожанами как прекрасное место для праздничных собраний. Здесь наиболее энергичные жители Праги высказали свои жалобы на ответ императора. Они указали, что местные сословия, которым Фердинанд хотел передать некоторые из представленных ему вопросов, были средневековыми органами, не имеющими реального представительного характера; и что только собрание, свободно избранное всем народом, было бы компетентно принимать решения по этим вопросам; что что касается постановления, на которое ссылался император для обеспечения равенства между богемцами и немцами, это постановление перестало действовать в течение двухсот лет; и что поэтому закон, принятый формальным образом, был необходим как гарантия желаемого равенства; в то время как в отношении вопроса о союзе между Богемией, Претензии Моравии и Силезии на этот союз основывались на исторических, национальных и географических связях между этими землями. Затем просители в

сопровождении национальной гвардии направились к дому губернатора Богемии и убедили его подписать их новую петицию. 8 апреля Фердинанд ответил на эту петицию письмом, обещая полное равенство немецкого и чешского языков во всех вопросах государственного управления и общественного образования. Он также пообещал, что Богемское собрание должно быть в ближайшее время избрано на самой широкой основе избирательных требований и должно иметь право принимать решения по всем внутренним делам Богемии. Должны были быть созданы ответственные центральные советы; и новое Собрание должно было рассмотреть вопрос об учреждении независимых окружных судов и упразднении старых привилегированных трибуналов; в то время как вопрос об унии между Богемией, Моравией и Силезией должен был решаться общим Собранием, в котором были бы представлены все три провинции. Государственные должности и юридические советы в Богемии должны были занимать исключительно люди, знающие как немецкий, так и чешский языки; а министр народного просвещения должен был обеспечить всестороннее образование чешских и немецких учителей.

Казалось, в этих уступках не было ничего такого, что могло бы вызвать раздражение немецкой или богемской партии; но работа по германизации Богемии, столь безжалостно начатая Фердинандом II после битвы при Белой горе в 1620 году, не могла быть полностью сведена на нет мартовским восстанием 1848 года. Несколько городов Богемии были полностью германизированы, и они с величайшим подозрением смотрели на движение за возвращение богемскому языку его естественного места в качестве образовательной и литературной силы; в то же время они с едва ли меньшим подозрением относились к любой попытке ослабить влияние Вены на Прагу или восстановить в какой-либо степени богемскую национальную жизнь. Города Саатц и Райхенберг, в частности, кажется, наиболее тщательно сохранили немецкое впечатление и чрезвычайно ревниво относились к притязаниям Праги взять на себя инициативу в богемном движении. В Моравии немецкая партия смогла воззвать к некоторому чувству провинциальной независимости против поглощения этой провинции Богемией; в то время как немцы, родившиеся в Богемии, но впоследствии поселившиеся в Вене, естественно, заразились тем сильным немецким чувством, которое было связано с мартовским движением в Нижней Австрии. Не следует, однако, предполагать, что это разделение чувств шло строго параллельно линиям наследственного происхождения. Люди с несомненно немецкой фамилией и немецким происхождением сердечно приняли язык и традиции покоренного народа; в то время как имена, столь же несомненно славянские, были найдены среди лидеров немецкой партии. Еще один элемент путаницы в партийных линиях возник из-за перемен, произошедших в религиозных чувствах двух рас соответственно. Во всяком случае, в Праге, особенно среди аристократии, поддержка дела независимости Богемии, которое было дорого последователям Яна Гуса и подданным Зимнего короля, часто была связана в 1848 году с сильными симпатиями к римско-католической церкви. Можно было ожидать, что эта неравномерность в разделении партий смягчит горечь растущего антагонизма; и если бы обсуждение рассматриваемого вопроса ограничивалось немцами и богемцами Австрийской империи, то, по-видимому, есть некоторые основания надеяться, что при более свободных институтах горечь местных и национальных разногласий могла бы быть ослаблена и могло бы быть достигнуто удовлетворительное разрешение претензий различных рас.

Но теперь в борьбу должен был быть внесен новый элемент раздора; и великое движение за единство и свободу Германии стало на время источником тирании и новой и более роковой причиной разделения между расами западной половины Австрийской империи. Это

столкновение вызывает тем большее сожаление, что до его возникновения лидеры немецкого движения проявляли то же достоинство и умеренность характера, которые были продемонстрированы на ранних этапах богемского движения. 31 марта, в тот самый день, когда состоялась встреча в Софиен-Инселе, представители немецкой нации прибыли во Франкфурт, чтобы открыть Подготовительный парламент, который должен был стать первым шагом к единству Германии. Тот, кто видел эту вступительную сцену, так описал ее: "Под волнистым морем немецких флагов, сквозь толпу зеленых деревьев свободы, увитых цветами и коронами, шли члены Подготовительного парламента. Тысячи взволнованных женщин окружали их и сопровождали, когда они шли из Императорского зала римских императоров на свою работу в церкви Святого Павла, в которой отныне в течение почти года будут находиться лучшие мужчины Германии, святейшие надежды нации".

И их первые усилия не были недостойны нации, которую они представляли; ибо казалось вероятным, что самые мудрые люди смогут получить должное влияние в Ассамблее. И это было тем более примечательно, что легкость, с которой они выполнили первые шаги своей работы, похоже, заставила многих членов Собрания опасаться, что за кулисами скрывался какой-то более глубокий заговор; и как в городе, так и среди членов Собрания распространился слух, что войска выступили, чтобы разогнать их митинг. Депутатами овладела паника, и они обменялись горькими упреками. Казалось, что за этим последует насилие, когда Роберт Блюм выступил вперед, чтобы примирить противоборствующие фракции. "Джентльмены, - сказал он, - откуда мы возьмем свободу, если не будем поддерживать ее в наших отношениях друг с другом, в нашем самом тесном кругу?" Далее он указал, что непосредственными причинами ссоры были всего лишь вопросы формы, а не принципа; и что долгом Ассамблеи было поддерживать репутацию немецкого народа за спокойное принятие решений. Ибо любые беспорядки, которые поднимались в этом парламенте, разрешались за дверями не криками, а кулаками и, возможно, другим оружием. "Сначала мы будем, - продолжал он, - чтить закон, который мы сами установили, которому мы добровольно подчиняемся. Если мы сделаем это, джентльмены, тогда не только сердца нашего народа забьются в ответ нам, но и другие нации протянут свои руки в братской любви к доселе презираемым немцам и поприветствуют в первом представительном органе, который прибыл сюда, взрослых настоящих мужчин, которые настолько же способны обрести свободу, насколько они показали себя достойными ее". Влияние его чистого голоса, мощной фигуры и решительных манер усилили естественный эффект его красноречия, приведя Ассамблею в более мудрое состояние духа.^[12] Еще один признак силы, проявленной этими людьми в отклике на призывы, обращенные к их высшим инстинктам, был дан в ответ одному из представителей Бадена, который призвал их принять в качестве своей фундаментальной максимы, что "Где Господь не строит с нами, там мы строим напрасно". При этих словах все Собравшиеся поднялись на ноги.

Тот же триумф мягкого и сдерживающего влияния проявился и в том, как они восприняли программу, представленную им Струве от имени Комитета семи. Эта программа содержала пятнадцать положений, в которых стремление к свободе и национальной жизни, воодушевлявшее все секции Собрания, сочеталось с республиканскими устремлениями, столь сильными среди баденских лидеров, и с теми социалистическими предложениями, которые пока что были полностью на заднем плане немецкой политики. Так, например, список начинается с предложения об объединении армии с Гражданской гвардией, чтобы придать армии действительно национальный характер; в то время как другой пункт предлагает равенство вероисповеданий, свободу ассоциаций и право общин выбирать свое собственное

духовенство и своих бургомистров. Сдругой стороны, 12-й пункт направлен на урегулирование недоразумений между трудом и капиталом специальным министерством труда, которое должно пресекать ростовщичество, защищать рабочих и обеспечивать им долю в прибылях от их труда; в то время как 15-й пункт предлагает отмену наследственных монархий и введение в Германии Федеративной Республики по образцу Соединенных Штатов Америки. Эта смесь различных идей, которую Геккер и Струве хотели навязать Собранию, в конце концов была передана Комитету, который в конце концов отсеял бы то, что было практически осуществимо, и воплотил бы это в законе. Даже в животрепещущем вопросе отношений между франкфуртским парламентом и их устаревшим соперником Бундестагом влияние Блюма использовалось для смягчения ожесточенных споров между теми, кто хотел довести старое учреждение до крайности, и теми, кто хотел проложить для него золотой мост, по которому оно могло бы естественным образом прийти к большей гармонии с современными идеями.

Итак, до сих пор немецкое национальное движение в целом направлялось мудро и умеренно; но когда начались дискуссии об основе выборов в будущую Ассамблею, быстро проявилось то немецкое национальное высокомерие, которому было суждено до такой невыносимой степени разжечь антагонизм чувств между соперничающими расами в Богемии. Было, действительно, неизбежно, что немецкое движение в Австрии было встречено некоторым выражением дружелюбия и некоторой попыткой совместных действий со стороны франкфуртского парламента; но желание приветствовать всех немцев в лоне недавно объединенной Германии сразу же осложнилось вопросом о наилучшем способе ведения дел с теми районами, где славяне и немцы были так тесно смешаны друг с другом. На этот вопрос, действительно, германский парламент, по всей вероятности, дал бы краткий ответ в пользу абсолютного немецкого превосходства и присоединения Богемии к Германии; но славянский вопрос на Юге нельзя было рассматривать отдельно от другой его фазы, которая касалась взаимоотношений между поляками и немцами в польских округах Королевства Пруссия. Даже на самых ярких поборников немецкого превосходства в их решении этого *северо* славянского вопроса повлияло их желание восстановить независимую Польшу как оплот против русского гнета; и они не могли отрицать, что претензии поляков на владение Познанью, во всяком случае, были столь же оправданы морально и исторически, как и их претензии на ту часть своей страны, которая была поглощена Россией. Поэтому они желали пойти на уступки славянским чувствам в Познани; и это желание усиливалось связью, которую Мирославский установил между борьбой за свободу Польши в Познани и борьбой за свободу Германии в других частях Пруссии. При этих обстоятельствах они не могли полностью игнорировать в Богемии чувства, которым потакали в Познани; и таким образом, случилось так, что Подготовительный парламент, не желая ни отказываться от немецкого превосходства, ни прямо нарушать принцип единства и автономии расы, пришел к выводу, столь обычному для людей, оказавшихся в подобных трудностях, - переложить бремя принятия решения на других. Поэтому они приняли расплывчатую резолюцию, которая могла быть по-разному истолкована разными читателями, в то время как практическое решение вопроса они оставили Комитету Пятидесяти, который должен был управлять Германией с момента роспуска Подготовительного парламента 4 апреля до заседания Учредительного собрания 8 мая.

Таким образом, именно этот Комитет принял решение об установлении отношений между Богемией и новой свободной Германией. Новый орган оказался смелее, чем Подготовительный парламент, поскольку он предпринял шаг, который, хотя и мог быть задуман в примирительном духе, все же включал в себя четкое утверждение права рассматривать Богемию как часть

Германии. Они пригласили чешского историка Палацкого присоединиться к их обсуждению и таким образом одобрить предложение о том, чтобы Богемия направила представителей в немецкий парламент. Палацкий ответил вежливым, но твердым отказом от предложения, основанным частично на предшествующей истории, частично на потребностях Богемии и частично на необходимости независимой Австрийской империи для безопасности и свободы Европы. Он указал, что предполагаемый союз между Богемией и Германией был всего лишь союзом князей, а не народов, и что даже богемские сословия никогда не признавали его. Он настаивал на том, что Богемия имеет такое же право на независимость, на которое претендует Германия; но что обе страны пострадают, если в Германию будут введены посторонние элементы. Он настаивал на том, что независимая Австрия необходима как барьер против России, но что Германия может быть объединена только республиканским правительством; и, следовательно, Австрия, которая обязательно должна оставаться империей, не может согласиться на тесный союз с Германией, не распавшись на части.

Однако, несмотря на этот отпор, немецкие лидеры во Франкфурте так стремились добиться своей цели в этом вопросе, что отправили гонцов в Прагу для переговоров с Чешским национальным комитетом. Последовала долгая дискуссия, касавшаяся частично независимости австрийского государства, частично национальности Богемии. Богемцы настаивали на том, что немцы пытаются навязать им традиции, которые они сами отвергли; что Франкфуртский парламент отрекся от старого Бунда из-за его непредставительного характера; и все же они требовали, чтобы Богемия признала союз, основанный на разрушенных договоренностях, союз, по поводу которого с богемцами как с нацией никогда не советовались. Немцы, со своей стороны, попытались выдвинуть определенные аргументы целесообразности в пользу более тесного союза между Богемией и Германией. Но некий доктор Шиллинг, который, по-видимому, не был одним из первых посланцев из Франкфурта, с грубой откровенностью изложил истинные основания немецкого предложения. Если бы Австрия не стала немецкой, сказал он, немцы Австрии не остались бы австрийцами. Пять миллионов немцев в Австрии не остались бы под гнетом двенадцати миллионов славян. Свобода и культура Богемии, по его словам, были полностью немецкими. Идея свободы не могла быть найдена у славян; и поэтому было необходимо, в общих интересах свободы, чтобы Богемия была поглощена Германией.

Палацкий с горечью поблагодарил Шиллинга за откровенность его речи; и выразил сожаление, услышав, что немцы не захотят оставаться там, где они не могут править, и где они вынуждены быть на равных с другими; в то время как другой из богемы воскликнул, что богемы продемонстрировали свою любовь к свободе своим сопротивлением попыткам их германизации. Но Шиллинг, казалось, был совершенно неспособен оценить чувства своих оппонентов; и с наивным презрением к логике он заявил, что, *поскольку* национальность как раз сейчас является ведущей идеей народов, *следовательно*, все славяне, принадлежавшие к Немецкому Союзу, должны быть поглощены Германией! Куранда, бывший борец за свободу Вены, попытался смягчить эффект оскорблений Шиллинга. Он отказался от каких-либо претензий, основанных на старом немецком Бунде, и заявил, что Ассамблея во Франкфурте была не столько немецким парламентом, сколько Съездом народов, началом союза человечества. Но эта хитроумная смена фронта не могла разрушить эффекта слов Шиллинга; и, возможно, богемцы не могли понять, почему Конгресс народов должен находиться во Франкфурте в большей степени, чем в Праге.

Но хотя богемцам не удалось убедить Немецкий комитет в том, что Богемия имеет такое же право, как и Германия, на отдельное существование, они все еще надеялись, что австрийское правительство защитит их от нападения, которое, казалось, было направлено как против их национальных прав, так и против целостности Австрийской империи. Поэтому они направили министру внутренних дел протест против предложения провести выборы во Франкфуртский парламент в Богемии. Они заявили, что такие выборы приведут к нарушению мира в стране, к коммунистической и республиканской агитации и к попыткам развалить Австрийскую империю. Они настаивали на том, что Богемское собрание откажется от законных прав таких представителей, когда они будут избраны; и таким образом, любая действительно удовлетворительная попытка заключить союз между Австрией и Германией была бы затруднена. Министры в Вене, без сомнения, были обеспокоены вопросом об отношениях между немцами и богемцами. С одной стороны, они хотели примирить народ, национальные интересы которого побудили их искать защиты в союзе с остальной частью Австрийской империи. Но, с другой стороны, им было трудно игнорировать сильные немецкие чувства, которые росли в Вене и которые разделяли важные города Богемии. Поэтому, после, без сомнения, значительных размышлений, Министерство решило объявить богемцам, что они могут либо голосовать за представителей во Франкфуртском парламенте, либо воздержаться от голосования, как им покажется лучше. Из всех выводов это кажется самым неразумным, к которому можно было прийти. Союз с Германией мог быть оправданным, а мог и не быть; но это был очевидный шаг, который должна была сделать вся нация или никто другой. Из всех возможных политических договоренностей ни одна не может быть более нетерпимой, чем разрешение определенным гражданам страны сохранять свои гражданские права и вид на жительство в этой стране и в то же время быть свободными требовать, *согласно их собственному желанию*, особой защиты, обеспечиваемой гражданством в другом государстве.

Национальный комитет Праги, придя к выводу, что правительство в Вене не смогло или не пожелало защитить их, принял решение об усилении мер самозащиты; и 1 мая они обратились ко всем славянам Австрии с призывом собраться 31 числа того же месяца в Праге в знак протеста против желания Франкфуртского парламента присоединить Австрию к Германии. Это обращение было подписано графом Джозефом Маттиасом Туном, чей родственник, граф Лео Тун, принимал активное участие в формировании Национального комитета; графом Деймом, возглавлявшим первую депутацию в Вену; Палацким и его зятем доктором Ригером; филологом Саффариком и менее известными людьми. Но в то же время богемские лидеры больше всего стремились сохранить связь с Австрией и соблюдать строго почтительное отношение к императору. Поэтому они снова обратились к императору и его министрам с просьбой отозвать косвенную санкцию, которую они дали на предлагаемые богемские выборы во Франкфуртский парламент. Они указали, что Австрия никогда не принадлежала в отношении большинства своих провинций к Германскому союзу; и что вопрос о том, должна ли Богемия присоединяться к Германии, был явно одним из тех внутренних вопросов, в отношении которых ей было обещано право решения. Они также настаивали на том, что император действовал по-другому в отношении союза между Моравией и Богемией; и хотя требование этого последнего союза основывалось на старых договорах и законах, он решил, что он должен быть восстановлен только путем голосования соответствующих провинциальных собраний, и богемцы были совершенно готовы пойти на компромисс по этому вопросу. Насколько же разумнее было тогда, чтобы богемцы претендовали на право принимать решения по вопросу о совершенно новых отношениях между их страной и Германией? Они снова предупредили его о

насилии, которое может быть следствием таких выборов; и они умоляли его также учесть, что любая попытка Франкфуртского парламента принять Конституцию для всех земель Бунда была бы нарушением независимости императора Австрии и всех его подданных. Этот последний аргумент мог бы на более раннем этапе произвести впечатление по крайней мере на некоторых министров, которым он был адресован; поскольку они уже объявили, что Австрия не может быть связана решениями Франкфуртского парламента. Но дела в Вене в это время шли к переменам, которые должны были существенно повлиять на отношения этого города с другими частями империи.

Министерство, сформированное после падения Меттерниха, вряд ли могло удовлетворить надежды реформаторов. Коловрат и Кюбек, которые считались менее нелиберальными, чем Меттерних, но которые работали с ним в большинстве его планов, занимали видное место в этом министерстве; и еще одним его членом был тот Фикельмон, который надеялся умиротворить Милан с помощью танцовщиц и актрис. Только один член министерства, фрайхерр фон Пиллерсдорф, имел какую-либо реальную репутацию сторонника либерализма; и даже он был коллегой Меттерниха и на этом посту мало что сделал для противодействия политике Меттерниха. Поэтому, сочтя невозможным оказывать какое-либо доверие официальным правителям своей страны, венцы, естественно, обратили свое внимание на формирование какого-либо правительства, которому они могли бы доверять. 20 марта был сформирован специальный легион, состоящий из студентов Университета, и вскоре после этого был выбран Комитет из тех профессоров и студентов, которые сыграли ведущую роль в Революции. Этот Комитет, который был одновременно результатом и проводником Студенческого легиона, стал центром народного доверия и восхищения. Таким образом, в самые первые дни революции возникло заметное разделение интересов и чувств между реальными и номинальными правителями Вены. Отчасти такой антагонизм, возможно, является едва ли предотвратимым результатом революции, достигнутой насилием, особенно когда смена личностей и форм, произведенная этой революцией, столь неполна, как это было в Вене. Те, кому только благодаря официальному положению позволено сохранять лидерство последователей, к которым они не питают симпатий, постоянно ожидают, что реформы, начатые насильственным путем, обязательно должны быть продолжены тем же методом; в то время как настоящие революционные лидеры с трудом верят в свой собственный успех и постоянно подозревают, что те, кто, по-видимому, принял новое положение вещей, на самом деле замышляют реакцию.

В Вене эти взаимные подозрения имели, вероятно, более веские основания, чем в большинстве случаев подобного рода. Придворные, составлявшие заговор против Меттерниха, так же мало стремились к свободному правлению, как якобинцы, свергнувшие Робеспьера; и Виндишграц постепенно собирал вокруг себя тайный совет, который в конечном итоге должен был установить систему, столь же деспотическую, как у Меттерниха. С другой стороны, нельзя отрицать, что brave парни, которые 13 марта прошли процессией к Ландхаусу и бросили вызов ружьям эрцгерцога Альберта, были неблагоразумно склонны предпочитать насильственные методы навязывания своего мнения. Таким образом, когда 31 марта был издан закон, регулирующий свободу прессы, столь же неприятный для венцев, каким был закон Шемере для венгров, венские студенты сразу же предложили последовать примеру студентов Пешта и публично сжечь закон. Их убедил их отказаться от этой попытки; и он вместе с Фишхофом, Курандой, Шуселкой и другими доверенными лидерами отправился с депутацией в Пиллерсдорф, чтобы умолять его отозвать закон. Пиллерсдорф заверил их, что этот закон носит

лишь временный характер и что в него вскоре будут внесены поправки; но несколько дней спустя граф Тааффе, другой сотрудник министерства, публично опроверг заявление Пиллерсдорфа и назвал закон о печати постоянным, хотя и пообещал, что его применение будет мягким. Возможно, студентов можно извинить, если они не испытывали большого уважения к такому Служению. Не успокоило их и то, что они считали растущей тенденцией Министерства уступать местные свободы провинциям.

После того, как первый энтузиазм по поводу Кошута немного утих, венцы начали размышлять о том, что предоставление Венгрии отдельного министерства может стать опасным источником слабости центрального правительства; в то время как растущие требования богемии, казалось, могли нанести ущерб как положению Вены, так и делу единства Германии. Но венцы во многих случаях стремились к двум несовместимым целям: сохранить положение Вены как столицы Австрийской империи и завоевать для нее новое положение второго или третьего города Объединенной Германии. Но более разумная причина недовольства возникла из-за того факта, что, хотя парламенты были переданы Венгрии и Богемии, Конституция, которая была обещана в марте Австрийской империи, все еще оставалась нереализованной.

Доктор Шютте, вестфалец по происхождению, организовал демонстрацию в поддержку массовой петиции. Шютте был арестован полицией и выслан из Вены как иностранный агитатор; и, хотя это еще больше разозлило студентов, министерство, со своей стороны, встревожилось, обнаружив, что им не удалось добиться того единственного преимущества, которое они надеялись получить от власти студентов. Люди, которым удалось сохранить свои посты после Мартовского восстания, верили, что интеллектуальная молодежь, боровшаяся за свободу печати и свободу преподавания, воспрепятствует грубой социалистической агитации рабочих и полностью отделится от их движений. Но, хотя крайние формы социализма не пользовались благосклонностью университетского руководства, симпатии между студентами и рабочими становились все более тесными. Если рабочие жаловались на работодателя, студенты шли к нему и предупреждали, чтобы он вел себя лучше; если какому-нибудь бедняку требовались деньги, студенты организовывали сбор; если дело рабочего страдало из-за чрезмерной продолжительности судебного разбирательства, студенты призывали судей выполнить свой долг; если рабочие хотели изложить какую-то особую жалобу в форме петиции, студенты составляли петицию за них или находили юриста, который сделал бы это безвозмездно. Результатом этих усилий часто было сокращение рабочего времени и повышение заработной платы.

Такое сочетание, естественно, встревожило власти, и они проявили свои опасения как принуждением, так и уступками. С одной стороны, они арестовали Шютте и других агитаторов; с другой стороны, 25 апреля они согласились издать давно обещанную Конституцию. Конституция, однако, сразу разочаровала петиционеров. Предполагаемый парламент должен был состоять из двух палат; верхняя палата должна была состоять из принцев королевского дома, из кандидатов императора и из 150 землевладельцев, выбранных землевладельцами; и согласие обеих палат и императора должно было быть необходимым для принятия закона. Против этой Конституции возражали как студенты, так и рабочие; первые осуждали ее на основании ее аристократического характера, вторые были недовольны, когда обнаружили, что издание этого документа не освобождает их от уплаты арендной платы.

Революционный энтузиазм студентов еще больше подогрели события, происходившие в Галиции. Эта несчастная провинция была настолько подавлена последствиями неудавшегося движения 1846 года, что не смогла присоединиться к мартовскому восстанию остальной части Южной Европы. Но к началу апреля даже галичане воспрянули духом; и они послали депутацию к императору с просьбой о государственном признании польского языка, отдельной армии для Галиции и уступке различных свобод, которых тогда требовали по всей Империи. Даже Подготовительный парламент Франкфурта принял резолюцию в пользу восстановления Польши; и венские студенты были готовы проявить гораздо большую щедрость в своем признании притязаний Галиции на долю в польской независимости, чем Франкфуртский парламент в своем отношении к Познани. Австрийскому губернатору Галиции это движение показалось настолько тревожным, что он запретил всем эмигрантам возвращаться в его провинцию, если они не смогут доказать, что родились там. Галичане восстали в негодовании и заключили губернатора в тюрьму; но он был освобожден, и после ожесточенной борьбы восстание было подавлено.

Но если их польские симпатии имели тенденцию разжигать революционный пыл венских студентов, то их гнев, с другой стороны, подогревался растущей тенденцией богатых торговцев отказаться от позиции, которую они заняли в марте, принять Апрельскую конституцию и перейти к более мирным методам действий. Даже Читальный и дискуссионный клуб, который был первым центром либерального движения, теперь стал объектом враждебных демонстраций со стороны студентов. Студенческий комитет был усилен за счет присоединения многих членов Национальной гвардии и получил название Центрального комитета; Хойос, командующий Национальной гвардией, был встревожен этим проявлением революционных чувств и запретил своим подчиненным принимать участие в каком-либо политическом движении. Центральный комитет умолял его снять этот запрет, на что Хойос ответил, что он снимет свой запрет, если Центральный комитет самороспустится. Комитет собрался, чтобы рассмотреть это предложение; но, пока они еще заседали, поступило сообщение о том, что солдаты и Национальная гвардия были вызваны, чтобы усмирить их силой. Истина, по-видимому, заключалась в том, что солдаты были вызваны для подавления предполагаемого нападения рабочих; но, обнаружив, что такого нападения не предполагалось, военные лидеры, казалось, были склонны обратить свою враждебность против Университета. После этого студенты немедленно встали и направились к Замку. Кажется, что их точная цель поначалу была неопределенной; но когда кто-то спросил их об их намерениях, доктор Гискра, один из их лидеров, ответил криком: "Wir wollen eine Kammer" (нам нужна отдельная палата). Клич был подхвачен студентами; Пиллерсдорф посоветовал императору уступить, и 16 мая Фердинанд издал прокламацию о введении однопалатной конституции. Но то ли потрясение оказалось слишком сильным для его слабого здоровья и повергло его в панику, то ли он поддался совету своих придворных, но Фердинанд внезапно решил покинуть Вену и 17 мая тайно бежал в Инсбрук.

Эти события оказали несколько своеобразное влияние на общественное мнение в различных частях империи. В Богемии крайние национальные чувства до сих пор были представлены "Присягой", организацией, почти в точности соответствующей венскому студенческому легиону; и их несколько сдерживали дворяне и горожане, организовавшие маршевое движение. Но венское восстание 15 мая и бегство императора вызвали возмущение таких людей, как граф Тун и граф Дейм; и они решили предпринять важный шаг - полностью порвать с венским министерством, созвать в июне специальное богемское собрание и предложить

императору укрыться в Праге. Присяжные, со своей стороны, испытывали некоторое нежелание предпринимать какие-либо шаги, которые, казалось бы, осуждали упразднение Верхней палаты венцами; но ожесточенная враждебность, которую венские немцы так неоднократно проявляли против богемии в апреле и мае, препятствовала возможности какого-либо взаимопонимания между пражскими демократами и демократами Вены; и, таким образом, студенты Праги были готовы одобрить не только утверждение независимости Богемии, но даже предложенную депутацию к императору.

Кошут, со своей стороны, увидел в этих событиях возможность усилить растущее дружелюбие между мадьярами и императором; и он убедил венгерское министерство пригласить Фердинанда в Пеш. Такое отношение мадьярских лидеров было вызвано одной или двумя причинами. Во-первых, венцы, как упоминалось выше, были все больше встревожены отдельным положением, предоставленным Венгрии, и опасались, что они вообще потеряют свою власть над этим королевством. Это, естественно, вызвало враждебное отношение с их стороны, что вызвало противоположное чувство антагонизма у мадьяр; и, таким образом, последние стали более дружелюбно относиться к Фердинанду как к представителю антидемократических принципов и, следовательно, противнику правящих настроений Вены. Была и вторая причина более странного рода, которая вызвала враждебное отношение лидеров мадьярского движения к Демократической партии в Вене. Несмотря на сильные немецкие настроения, преобладавшие среди ведущих демократов Вены, некоторые из тех венгров, которые были лучше всего знакомы с этим городом, придерживались мнения, что переход от не прямых выборов к прямым, который был одним из результатов майского восстания, приведет к усилению власти многочисленного славянского населения Вены.

Но главной причиной растущей симпатии между мадьярами и императором была позиция последнего в спорных вопросах между Венгрией и Хорватией. Хотя назначение Желлачица баном Хорватии рассматривалось как неоправданное использование власти Двора в ущерб мадьярам, все же независимый тон, который Желлачич принял с момента своего назначения, казалось, встревожил императора не меньше, чем Баттьяни или Кошута. Сразу после своего назначения Желлачич объявил, что "революция изменила наши отношения с нашим старым союзником Венгрией"; и что "мы должны позаботиться о том, чтобы новые отношения соответствовали независимости и равенству"; и затем он приступил к созыву Ассамблеи Хорватии, Славонии и Далмации на заседание в Аграме в июне. Эта независимая позиция навлекла на Желлачица упреки как со стороны Фердинанда, так и со стороны венгерского министерства; и Хорватский совет, обращаясь к императору с просьбой укрепить руки Бана, пригрозил, что, если на него будут слишком сильно давить мадьяры, они примут меры для самозащиты. Поэтому не было ничего противоестественного в том, что в этот момент хорваты были более склонны сочувствовать венским демократам; и что Кошут попытался укрепить связь между императором и мадьярами.

Действительно, могло показаться, что обращение богемцев к императору при таких обстоятельствах разубедило бы их в симпатиях к славянам Хорватии и Славонии; но не только император отказался ехать в Прагу, но и тирольцы подкрепили этот отказ резким упреком богемцам за их предложение провести славянский конгресс в Праге. Хотя, однако, славяне Венгрии с нетерпением ждали Славянского конгресса и были готовы признать Прагу центром своих политических дискуссий, в настоящее время наиболее энергичные действия в защиту своих прав предпринимались в самих венгерских провинциях. Ибо, пока хорватский совет

протестовал против упрека императора Еллачичу, сербы собирались на свою Конференцию 13 мая в Карловице и решили направить депутатов в Хорватскую ассамблею и к самому императору, а также выбрать представителей для Пражского конгресса. Черноевич, который был послан мадьярами для введения военного положения в отношении сербов Баната и Бачки после беспорядков в Кикинде, осудил митинг и призвал Раячича предотвратить его. Раячич колебался бы относительно дальнейших действий, но Стратимирович и его более пылкие друзья ответили на угрозу публичным сожжением письма Черноевича; и встреча состоялась вопреки его предупреждению.

Из каждого района, где говорили на сербском языке, в Карловиц приезжали представители в старинных национальных костюмах. Карловиц - это немногим больше, чем деревня, и потребовался бы большой город, чтобы прокормить толпы людей, прибывших по этому случаю. Поэтому сотни людей выходят ночью на улицы, чтобы дожидаться утреннего собрания. В саду, который находится между библиотекой архиепископа и небольшой комнатой, где хранятся архивы Карловица, 13 мая собралось Собрание новообращенного сербского народа. Появился Раячич в сопровождении нескольких представителей духовенства и представил Собранию старые хартии, которые были дарованы императором в 1690 и 1691 годах и на которых основывались свободы сербов. Врачи, юристы и молодые студенты осудили отмену своего воеводства, потребовали вернуть провинции, которые Мария Терезия оставила Венгрии, и потребовали устранения всех препятствий на пути развития их жизни, языка и истории. Затем они приступили к возрождению старого достоинства патриарха в лице Раджачича и выбрали своим воеводой человека по имени Супликач, который в то время служил в армии в Италии. Наконец, они назначили комитет для подготовки правил и наделили его полномочиями созывать Ассамблею, когда этого требовали обстоятельства. Грабовский, комендант крепости Петервардейн, не был уверен, какое отношение ему следует занять к этому движению. Иногда казалось, что он лично дружелюбен к сербам; но в своем официальном положении он сомневался, поддерживать ли крайнюю мадьярскую власть или ждать приказов от Фердинанда; и это смятение ума заставляло его давать сомнительные и противоречивые ответы сербской депутации, которая ожидала его. В этих обстоятельствах сербы были вынуждены еще более заметно, чем прежде, полагаться на поддержку своих собственных соотечественников и тех рас, которых общее угнетение заставило сочувствовать им. Теперь они обращались не только к хорватам и богемцам; ожидалось, что даже немцы Бачска будут дружелюбно смотреть на сербское движение, и Стратимирович верил, что за пределами старых сербских провинций есть расы, у которых они могли бы искать союза.

Ибо, пока сербы все еще обсуждали свои жалобы и способы их устранения, румыны собрались в своей деревне Блазendorf, чтобы выразить свой протест против мадьярского правления. Они, как и другие народы Империи, были склонны сочувствовать мартовскому движению; но когда стало известно, что мадьяры в Пеште выдвинули в качестве одного из своих двенадцати пунктов объединение Трансильвании с Венгрией, румыны встревожились. Если бы сейм Трансильвании заседал при расширенном избирательном праве, которое сейчас предоставлено Венгрии, румыны имели бы большинство в сейме; и влияние этого большинства было бы гораздо важнее при новой парламентской системе, чем в старые времена централизованного чиновничества. С другой стороны, если бы они были поглощены Венгрией, они, естественно, опасались, что фанатизм мадьяр в принуждении к использованию мадьярского языка был бы направлен с еще большей силой против презираемых румын, чем это было против сербов и хорватов; и что греческая церковь, к которой принадлежали румыны и

которая всегда была в невыгодном положении в Трансильвании, была бы раздавлена или, во всяком случае, обескуражена. Традиция их римского происхождения, зафиксированная в *Libellus Wallachorum*, дала некоторым из них надежду на лидерство в Трансильвании и укрепила, даже в менее амбициозных, стремление к достойному равенству. Воодушевленные этими мотивами, они встретились 15 мая в Блазэндорфе.

Эта маленькая столица румынской расы расположена на одной из больших открытых равнин Трансильвании. Это все еще немногим больше, чем разбросанная деревня из низких хижин; но, по-видимому, она так же важна для румын, как Карловиц для сербов и Германштадт для саксонцев. Толпы странных фигур, которых до сих пор можно увидеть в деревнях Трансильвании, стекались на это собрание, одетые в грубые овечьи шкуры, с темными развевающимися волосами, с выражением на их красивых лицах одновременно сознания пробуждающейся новой жизни и гордости за те смутные традиции прошлого, которые, как предполагалось, должны были объединить их со славой древнего Рима. Даже здесь, также, нашлись некоторые представители правящей расы, которые были готовы выступить заодно с этой, самой презираемой и угнетенной из рас Венгрии; ибо мадьярский дворянин по имени Нопча был видным участником собрания. Но сейчас, как и всегда, главная надежда румын была на их духовенство, и особенно на их епископов; и Леменьи, епископ Соединенных греков,^[13] появился бок о бок с более популярным и влиятельным Шагуной. Оратор за оратором останавливались на великих традициях румынской нации и их решимости добиться равенства с мадьярами, секлерами и саксонцами. Они признали свою лояльность Фердинанду и заявили, что у них нет желания угнетать какую-либо другую нацию; но что они не потерпят, чтобы какая-либо другая нация угнетала их; что они будут работать для освобождения промышленности и торговли, для устранения феодального бремени, для обеспечения юридической справедливости и для благополучия человечества, румынской нации и общего отечества. Затем они обратились с просьбой о создании отдельной национальной организации, об использовании румынского языка во всех национальных делах и о представительстве в Ассамблее пропорционально их численности. Они также потребовали, чтобы румынской национальной гвардией командовали румынские офицеры. Они утверждали, что их называли по имени Румын, вместо менее достойного эпитета валах. Они также просили предоставить их Церкви независимую позицию; основать румынский университет; добиться равенства с другими расами Венгрии в финансировании их духовенства и школ. Таковы были главные пункты их петиции; но наряду с ними поступали требования об обычных свободах того времени, и об удовлетворении особых местных жалоб. В конце петиции прозвучала молитва, в которой особо объяснялась срочность их встречи в то время. Они умоляли сейм Трансильвании не обсуждать вопрос о предполагаемом союзе с Венгрией до тех пор, пока румыны не будут полностью представлены в сейме. Это прошение Шагуна отнес в Вену от имени собрания.

Тем временем саксонцы готовились выразить свое несогласие с предлагаемым союзом с Венгрией в своем отдельном протесте. Особая организация, которой пользовались саксы, стала им очень дорога, и они надеялись сохранить свои старые институты при новом правительстве. Но когда они обратились в венгерское министерство, Дик сказал им, что они не имели права выдвигать условия; и вскоре стало очевидно, что в более крупном вопросе объединения Трансильвании с Венгрией у них будет так же мало шансов на справедливое слушание, как и в более мелком вопросе их собственной расовой организации. Граф Телеки, губернатор

Трансильвании, объявил 2 мая, что союз практически уже заключен; и что теперь осталось уладить только вопросы деталей. Это прямое нападение на законную власть трансильванского сейма, естественно, встревожило саксов, и граф Салмен, Comes der Sachsen или главный магистрат саксонской колонии, организовал оппозицию предлагаемому союзу. До сих пор саксы, за исключением нескольких великодушных людей, таких как Рот, относились к румынам с таким же горьким презрением, с каким мог относиться любой мадьяр или секлер; но теперь чувство общей опасности объединило эти расы; и саксы предложили разрешить румынам занимать должности в саксонских городах и деревнях и поступать в подмастерья к торговцам этих городов. Оппозиция саксонцев мадьярам была, без сомнения, усилена симпатией первых к тем немецким чувствам, которые должны были привести к усилению влияния Вены; и они заявили, что скорее пошлют представителей в Венское собрание, чем на сейм в Пресбурге.

И в то время как, с одной стороны, общая опасность для их свобод сближала саксов и румын, расовые симпатии и общая антипатия к чужеземцам сближали мадьяр и секлеров. Уже 10 мая Весселеньи обратился к секлерам с призывом вооружиться в качестве стражей границ и быть готовыми подавить любое восстание румын; а 19 мая Баттьяни призвал их выступить маршем на Сегедин. Но не только секлеру мадьяры доверяли навязывать свою волю трансильванскому сейму. Пылкие молодые студенты Пешта поспешили 30 мая в Клаузенбург, где депутаты собирались на заключительное заседание сейма. Румынская депутация, явившаяся умолять парламент не принимать решения до тех пор, пока румыны не будут должным образом представлены в нем, получила презрительный отказ в слушании, а одного из их лидеров грубо оттеснили. Были вывешены транспаранты с надписью "Союз или смерть!", а молодые юристы из Пешта заполнили галереи Ассамблеи и даже столпились в зале. Саксонские представители, более привыкшие к спокойным дискуссиям или к коммерческим сделкам, чем к пылким ссорам, которые доставляли удовольствие мадьярам и секлерам, с трепетом вошли в Зал заседаний; и, не в силах набраться мужества для выполнения своих обязанностей, они уступили буре и проголосовали за союз. Так закончилась местная независимость Трансильвании, которой предстояло возродиться двенадцать лет спустя благодаря германизирующему либерализму Шмерлинга, а затем быть окончательно сметенной успешным движением за независимость Венгрии.

Горечь, вызванная принятием Акта объединения, вскоре привела к настоящему кровопролитию. Непосредственная ссора, однако, возникла из-за вопроса, связанного не с расовым соревнованием, а с новыми земельными законами страны. Венгерский сейм постановил, что крестьянин должен быть не только освобожден от своей зависимости от землевладельца, но и считаться заработавшим землю, на которой он работал, в соответствии с его предыдущей выплатой взносов. Естественно, возникали споры относительно размера приобретенной таким образом земли, и не в одном случае было установлено, что крестьяне требовали больше, чем их собственная доля. Чтобы исправить ошибку такого рода, 2 июня отряд национальных гвардейцев, состоящий частично из секлеров, частично из мадьяр, вошел в румынскую деревню Михальци (мадьяр, Михачсфальва). Точные обстоятельства такого столкновения, как то, что последовало, самые честные рассказчики всегда будут рассказывать по-разному; но представляется вероятным, что румыны каким-то путаным образом связали этот визит с недавней борьбой за Союз; и несомненно, что расовая ненависть между Секлером и румынами вскоре разгорелась. Национальная гвардия открыла огонь, и несколько румын пали. Остальные бежали; но их прежнее сопротивление вскоре вызвало слух о всеобщем румынском восстании. Мадьярами овладела паника; Румынский национальный комитет был распущен, а несколько

представителей их духовенства и других лидеров были заключены в тюрьму. Если бы румыны были теперь организованы австрийскими офицерами, возможно, меньше было бы слышно о жестокости новой войны. Если бы некоторые из их собственных лидеров, которые впоследствии пытались контролировать их, были готовы в это время взять на себя инициативу, многие из настоящих жестокостей, возможно, никогда бы не произошли. Но как раз в это время император ответил депутации от 15 мая, направив румын в мадьярское министерство для удовлетворения их жалоб и заявив, что равенство может быть достигнуто только путем приведения в исполнение Акта о союзе. Этот отпор сопровождался письмом Шагуны, написанным примерно в том же духе; и таким образом, обнаружив, что некоторые из их лидеров покинули их; что другие были заключены в тюрьму; что император не поощрял их жалобы; что мадьяры объявляли их мятежниками, а секлеры совершали набеги на их территорию, румыны начали защищаться с помощью войны, которая быстро стала исключительно варварской.

Тем временем другие подвластные народы Венгрии по-своему готовились к сопротивлению мадьярам. Хорватское собрание в Аграме, оказавшись обескураженным императором, было склонно укреплять свой союз с сербами Славонии; и 6 июня Гай и Желлачич оба поддержали предложения в Аграме об объединении сербов и хорватов под одним правлением. Раячич, который случайно проезжал через Аграм, сердечно откликнулся на эти предложения; и было решено, что отношения между баном Хорватии и воеводой сербов следует оставить для урегулирования на более поздний период. Но сербы, хотя и искренне желали сочувствия хорватам, не были расположены полагаться на союзы, какими бы желанными они ни были, или на конституционные соглашения, какими бы хитроумными они ни были, для урегулирования своих претензий к мадьярам; ибо они тоже были вынуждены отказаться от мирных переговоров ради настоящей войны. Черноевич, которого на мадьярской службе сочли недостаточно суровым, был вынужден прибегнуть к более жестоким мерам из-за того, что к нему присоединился еще более свирепый подчиненный; а жестокости, которым подверглись бачские сербы, настолько взбудрили их сородичей в других частях Венгрии, что старый офицер пограничных войск переправился через Дунай во главе своих сторонников и захватил город Тителъ.

В то же время сербы послали депутацию Грабовскому, губернатору Петервардейна, с жалобой на жестокость мадьярских банд. До сих пор Грабовский, казалось, колебался между двумя партиями; но теперь на совещании с сербской депутацией он разозлился и оспорил право сербов оставаться в Венгрии. Сербь, встревоженные этими угрозами, снова начали собираться в Карловице; и теперь они пытались привлечь рекрутов у дружественных соседей. Стратимировичу удалось убедить несколько приграничных полков встать на сторону сербов; но, возможно, он еще больше полагался на помощь тех сербов из сербского княжества, которые теперь стекались через границу, чтобы защитить своих сородичей от мадьяр. Из лидеров этих новых союзников самым важным был генерал Кничанин, который помог организовать силы в Карловице. Сербь Карловица, однако, еще не вступили в настоящие боевые действия, когда 11 июня, во время одного из заседаний их Ассамблеи, Грабовский внезапно выступил из Нойзаца, разогнал прихожан, которые выходили из часовни на полпути по дороге между Нойзацем и Карловицем, и достиг последнего города прежде, чем сербы узнали о его намерении. Сербь, хотя и были застигнуты врасплох, бросились защищать свой город во главе с черногорским лидером. Сражение продолжалось несколько часов, но в конце концов Грабовский и его солдаты были отброшены обратно в Нойзац. Два дня спустя десять тысяч человек были с оружием в руках в Карловице, чтобы защитить свой город и свою расу.

Но пока славяне в Венгрии готовились к этой жестокой войне, они не забыли о более мирном союзе, предложенном им богемцами; и 30 мая представителей различных славянских рас Империи приветствовали в Праге Питер Фастер и другие богемские лидеры. 1 июня к Национальному комитету Праги, обсуждавшему будущую Конституцию Богемии, присоединились несколько гостей-славян; и из этой комбинации был сформирован Конгресс. Он был быстро разделен на три секции: одна представляла поляков и русинов, вторая - южных славян (то есть не только сербов и хорватов, но и словенцев Края и прилегающих провинций), а третья - богемцев, моравов, силезцев и словаков Северной Венгрии. Многие члены Конгресса появились в старинных богемских костюмах, а из окон города развевались флаги всех славянских рас. В 8 часов утра 2 июня члены Конгресса отправились торжественной процессией через большую площадь, называемую Гроссер-Ринг, которая вскоре станет ареной кровавого конфликта, к Тейнкирхе, церкви, в которой Гус проповедовал и где до сих пор стоит его кафедра. Впереди процессии шел Студенческий легион, распевая патриотические песни; за ним следовали двое молодых людей, один в польской форме, другой нес бело-сине-красный флаг, который должен был символизировать союз славянских народов. За ними последовало подразделение корпуса Присяги; затем прибыл Временный комитет, а затем представители трех секций Конгресса. Поляков возглавлял Либельт, лидер недавнего восстания в Познани, а богемцев - филолог Саффарики. У алтаря, посвященного епископам Кириллу и Мефодию, председательствующий священник вознес благодарность Богу за то, что он вложил единство и братскую любовь в сердца славян; и он помолился, чтобы Господь Саваоф благословил работу по спасению нации, а также всего отечества. Из церкви они направились в зал в Софиен-Инсель. Этот зал был украшен гербами различных славянских рас. В верхнем конце зала был накрыт стол, покрытый красным и белым - богемными цветами, - и хор начал выступление старинной национальной песней. Вице-президент после официального открытия Ассамблеи уступил свое место Палацкому, который был избран президентом.

Затем Палацкий поднялся и обратился к собранию. Он говорил об этом собрании как об осуществлении мечтаний их юности, на которые месяц назад они едва ли могли надеяться. "Славяне собрались со всех сторон, чтобы заявить друг другу о своей вечной любви и братстве. Свобода, - продолжал он, - которой мы сейчас жаждем, - это не дар чужеземца, а естественный рост, наследие наших отцов. Славяне древности все были равны перед законом и никогда не стремились к завоеванию других народов. Они понимали свободу гораздо лучше, чем некоторые из наших соседей, которые не могут понять идею стремления к свободе, не стремясь также к господству. Пусть они научатся у нас идее равенства между нациями. Главный долг нашего будущего - следовать принципу "Чего бы ты не хотел, чтобы люди делали с тобой, того не делай и ты другим". Наша великая нация никогда бы не потеряла свою свободу, если бы она не была разделена, и если бы каждая часть не пошла своим собственным путем и не следовала своей собственной политике. Чувство братской любви и свободы могло бы обеспечить нам свободу. Именно это чувство и Фердинанда мы благодарим за нашу свободу". Что касается его самого, продолжил Палацкий, он мог бы сказать: "Господь, теперь отпускаешь Ты раба твоего с миром, ибо мои глаза видели спасение, которое Ты приготовил для нас перед лицом всего мира. Светоч для просвещения народов и славы славянской расы". Затем, обращаясь к Собранию, он закончил следующими словами: "Господа, в силу возложенной на меня вами должности, я объявляю, что это Славянское собрание открыто; и я настаиваю на его праве и обязанности обсуждать благосостояние отечества и нации в духе свободы, в духе единства и мира; во имя нашей старой, прославленной Праги, которая защищает нас в своих недрах; во имя чешской

нации, которая следит за нашими действиями с искренним сочувствием; во имя великой славянской расы, которая ожидает от наших обсуждений своего блага". укрепление и вечное возрождение. Да поможет нам Бог". Последовали другие речи представителей различных славянских рас; были подготовлены петиции императору в поддержку требований, выдвинутых сербами в Карловице, и прав поляков и русинов; в то же время были составлены планы выравнивания конкурирующих языков в школах.

Но пока эти мирные дискуссии продолжались на Славянском конгрессе, в других частях города действовали более пламенные элементы. В течение апреля и мая наблюдались признаки различного рода недовольства среди различных слоев населения. Демонстрации рабочих по поводу заработной платы привлекли некоторое внимание; в то время как одно общественное собрание, близкое к беспорядкам, добилось освобождения редактора, которого считали несправедливо арестованным, и ускорило отставку Стробаха, мэра Праги. Но самыми пламенными волнениями были те, которые были подняты среди студентов человеком по фамилии Сладковски с целью максимально ослабить немецкий элемент в Праге. Эти демонстрации вызвали такую тревогу, что граф Дейм отказался от своего места в Национальном комитете; а граф Лео Тун, губернатор Праги, пригрозил распустить Присягу, чтобы предотвратить дальнейшие беспорядки; но оппозиция этому предложению была настолько сильной, что он был вынужден отказаться от него.

Главной причиной тревоги студентов стало назначение Виндишграца принять командование войсками в Богемии. Его действия во время мартовского движения в Вене были хорошо известны; и страх, вызванный его прибытием, был еще более усилен угрожающей позицией, которую он занял; ибо он установил свои пушки с двух сторон города, а именно на господствующей крепости Вышеград на юге, откуда он мог бы охватить бедную и многолюдную часть Праги; и в казармах Иосифа на северо-востоке. Члены городского совета попытались пресечь демонстрации студентов и убедить их обратиться к Виндишграцу более организованным образом. Чтобы придать торжественности происходящему, бургомистр согласился сопровождать студентов в предполагаемой депутации. Виндишграц, однако, ответил, что он несет ответственность перед королем, а не перед Советом; хотя, когда граф Лео Тун обратился к нему, он согласился забрать пушку из казармы Иосифа, заявив, что в ее присутствии там нет необходимости; но что он был полон решимости не уступить студентам.

В то время как студентам удалось еще больше настроить против себя человека, чей надменный и властный дух был естественно расположен к противодействию, они были еще более опрометчивы и неудачливы в своих отношениях с теми, кого они больше надеялись умиротворить. Аристократические лидеры Богемии, отстаивая независимость Богемии и необходимость защиты славянских свобод, больше всего стремились сделать как можно больше уступок немецким чувствам, которые могли быть сделаны в соответствии с этими целями. Один из дворян, который был самым яростным в своих осуждениях восстания 15 мая, даже счел за благо послать в Вену пространное объяснение и модификацию своего протеста; в то время как Палацкий и другие ведущие националисты открыли праздник примирения, в котором приняли участие многие жители немецкой Богемы. Эта политика оказалась настолько успешной, что город Саатц, который первым выразил тревогу по поводу отношения Богемии к немцам, заявил 20 мая о своем сочувствии пражскому обращению к императору и о своем желании союза между немецкими и богемскими элементами в Богемии. Но студенты, казалось, были обречены ослаблять эффект, производимый их более умеренными соотечественниками.

Они сочетали сильное чешское чувство с большим желанием демократического правления; и хотя они думали, что смогут заручиться симпатиями венских студентов последней частью своего кредо, они, казалось, не осознавали, что германизм был для венских студентов тем же, чем чехизм для них. 5 июня, в тот самый день, когда Славянский конгресс принимал решение направить свою петицию императору, более ста студентов Праги отправились с делегацией к своим товарищам в Вену. Но по пути они сочли необходимым атаковать и оскорблять немецкий флаг, где бы он ни был выставлен. Они прибыли в Вену и обнаружили, что венские студенты с подозрением относятся даже к тем, кто был их чемпионами, и все еще страдают от воспоминаний о борьбе между их Легионом и Национальной гвардией, которая пыталась их подавить. Именно в то время, когда они находились в таком состоянии раздражения, в холле университета появились чешские студенты; и, к сожалению, в то же время из Праги прибыли представители двух немецких богемных клубов. Шуселка, Гольдмарк и другие венские лидеры настаивали на примирении между двумя расами; но известие об оскорблении немецкого флага так взбесило венских студентов, что они выгнали чехов из Зала и приказали им покинуть Вену в течение двадцати четырех часов.

Несчастливая делегация вернулась в Прагу и обнаружила, что Славянский конгресс приближается к своим заключительным действиям и готовит два обращения: одно к императору, а другое к народам Европы. Последнее обращение было основано на общей жалобе на притеснения, от которых страдали славяне. Он требовал восстановления Польши и призывал к созыву Европейского конгресса для решения международных вопросов, "поскольку свободные народы будут понимать друг друга лучше, чем платные дипломаты". В обращении к императору Конгресс более подробно остановился на особых требованиях различных славянских рас Австрии. Богемцы, действительно, в основном выражали свою благодарность за независимость, которая теперь казалась юридически обеспеченной. Моравцы предложили соглашение, которое сочетало бы совместные действия Моравии и Богемии с обеспечением местной независимости Моравии. Галичане указали, как сильно они отстали от других австрийских провинций в борьбе за свободу, и предложили соглашение об обеспечении равенства между польским и русинским языками в Галиции и о предоставлении Галиции той же провинциальной свободы, которая уже была предоставлена Богемии. Словаки Северной Венгрии требовали защиты своего языка от попыток мадьяр вытеснить его; равного представительства в венгерском собрании; официального равенства словацкого, русского и мадьярского языков; и свободы для тех словаков, которые недавно были арестованы и заключены в тюрьму мадьярами в целях защиты своих национальных прав. Сербь, конечно, потребовали принятия программы, выдвинутой в Карловице; а хорваты - признания законности действий Еллачица и муниципальной независимости Ассамблеи Хорватии, Славонии и Далмации. Наконец, словенцы желали, чтобы провинции Штайермарк, Крайн, Каринтия и некоторые соседние районы были образованы в отдельное королевство, в котором словенский язык был бы официальным. Все славяне объединились в желании, чтобы Австрия была федеративным государством, и в протесте против поглощения Германии, страх перед которым привел к созыву Конгресса.

Но каким бы трезвым и рациональным ни был тон Славянского конгресса в целом, в Праге были беспокойные настроения, которые были полны решимости, что дело не должно закончиться мирным путем. Наиболее радикальные представители польских настроений желали отделения Польши и не одобряли любой план, который примирял бы Галицию с оставшейся частью Австрии. С другой стороны, в этот период в Праге появился авантюрист по имени Туранский,

который, выдавая себя за защитника словаков Северной Венгрии, несомненно, действовал как "агент-provokator". Таким людям, как они, было легко воздействовать на возбужденные чувства студентов, и в дальнейшем разжиганию буйных настроений способствовала забастовка среди рабочих хлопчатника, которая как раз в то время продолжалась.

Наконец, взрыв произошел 12 июня. Славянский конгресс в Праге, уже готовившийся к закрытию, собрался в тот день, чтобы отслужить последнюю торжественную мессу. Все они снова собрались перед статуей С. Венцеля, но теперь их было так много, что они растянулись по всей длине Венцелевской площади. Несмотря на мирные намерения большинства, некоторые рабочие пришли с оружием в руках. Месса прошла достаточно спокойно; но у некоторых из тех, кто присутствовал на ней, национальные чувства были возбуждены до предела; и, покидая Венцельсплац, они маршировали обратно, распевая богемские песни и понося Виндишграц. Когда они проезжали под Пульвертурмом по узкой и оживленной Зельтнергассе, ведущей к Большому кольцу, несколько солдат, как назло, вышли из соседней казармы. Дом Виндишграца находился на улице, и толпа улюлюкала в его адрес. При таких обстоятельствах столкновения было неизбежно. Солдаты разогнали толпу; некоторые студенты попытались сплотить ее и были арестованы; затем рабочие попытались спасти студентов; солдаты бросились в атаку и загнали их обратно под Пулвертурм, на более широкую улицу Ам Грабен и прямо к Национальному музею, который был штаб-квартирой Swornost. После ожесточенной борьбы солдаты ворвались в музей и взяли в плен многих студентов; но теперь паника распространилась на другие части города. Сладковский во главе рабочих ворвался на склад городской стражи и схватил оружие; в то время как другие бросились в сельские районы вокруг Праги и распространили слух, что солдаты пытаются отобрать все, что даровал император, и восстановить феодальные повинности.

Тем временем лидеры мартовского движения были сильно поражены, услышав о вспышке болезни. Некоторые из них уже были встревожены растущей тенденцией к беспорядкам в Праге; некоторые из них поспешили подавить беспорядки, а некоторые даже сражались с повстанцами. Граф Лео Тун, губернатор Праги, поспешил на Большую арену, чтобы попытаться утихомирить беспорядки; но студенты схватили его и увели пленником в иезуитский колледж близ Карлсбрюке. Похоже, у них было очень мало намерений прибегать к насилию; но они думали таким образом заручиться его обещанием помочь в мирном урегулировании спора. Однако он отказался что-либо обещать, пока его держали в плену. Некоторые студенты отправились к графине, чтобы попытаться убедить ее мужа уступить; но хотя она была так встревожена за его безопасность, что ее волосы побелели от страха, она решительно отказалась подчиниться. Тем временем один из наиболее умеренных людей отправился к Виндишграцу, чтобы умолять его выдать взятых в плен студентов при условии демонтажа баррикад. Но Виндишграц потребовал, чтобы сначала освободили графа Лео Туна. Пока продолжалась дискуссия, на Зельтнер-Гассе все еще бушевала драка; и принцесса Виндишграц, подойдя к окну, была поражена выстрелом, который смертельно ранил ее. Виндишграц поспешил в комнату, где умирала его жена, в то время как солдаты охраняли дом от дальнейших нападений. При всей своей твердости Виндишграц был совершенно свободен от кровожадности Радецкого и Хайнау; и, несмотря на эту ужасную провокацию, он, по-видимому, проявил удивительную сдержанность. Пока бургомистр и некоторые члены городского совета пытались восстановить порядок, Виндишграц прислал предложение заключить мир, если граф Лео Тун будет освобожден, если будут даны гарантии спокойствия в городе и если графу Лео

Туну и ему будет позволено вместе проконсультироваться о восстановлении порядка; и он даже пообещал дожидаться обсуждения этого вопроса в городском совете.

Но драка была настолько ожесточенной, что Городской совет в течение некоторого времени не мог принимать решения. Наконец, однако, была обеспечена временная приостановка стрельбы, и бургомистр при содействии Палацкого, Саффарика и других организовал новую депутацию в Виндишграц. Виндишграц настаивал на своих прежних условиях, и, наконец, граф Лео Тун был освобожден, дав общее обещание приложить все усилия для обеспечения мира. Студенты, однако, выдвинули условия, согласно которым Богемия должна находиться под командованием богемского командующего, который должен быть в большинстве случаев независим от Вены; что для защиты Богемии должны использоваться только богемские солдаты; что офицеры и солдаты должны принести присягу Конституции как Богемии, так и Австрии; что ворота Праги должны защищать только граждане и студенты; и, наконец, что Виндишграц должен быть объявлен врагом всех народов Австрии и предан суду богемского трибунала. Поскольку Виндишграц, очевидно, был одним из тех, кому были переданы эти условия, было маловероятно, что последняя из этих просьб будет удовлетворена. Однако он, по-видимому, все еще сохранял некоторое стремление к уступкам; и 15 июня он отвел своих солдат из других частей города на северный берег реки. Но последовали новые акты насилия, и Виндишграц начал артиллерийский обстрел города. Бургомистр снова обратился к нему, и он согласился подать в отставку в пользу графа Менсдорфа при условии, что баррикады будут немедленно убраны. 16-го числа в городе, казалось, воцарилось спокойствие; но баррикады еще не были разобраны; солдаты с негодованием потребовали, чтобы Виндишграц был восстановлен под своим командованием, поскольку условия его отставки не были выполнены; и первым действием Виндишграца по возвращении к власти была угроза бомбардировки города, если он не сдастся к шести часам утра 17-го.

Более мудрые студенты увидели бесполезность дальнейшего сопротивления и начали разбирать баррикады; но несколько случайных выстрелов солдат, случайно или намеренно, попали в мельницу возле одного из мостов; несколько женщин на мельнице подняли крик, что в них стреляют; рабочие на мельнице открыли ответный огонь, и Виндишграц сразу же начал обстреливать город. Баррикады были быстро возведены снова; в течение четырех часов продолжалась бомбардировка; и пока студенты яростно защищали Карлсбрюке от солдат Виндишграца, пожар, вызванный разрывами снарядов, перекинулся с мельницы на другие части города. У такого соревнования может быть только один результат. В течение 17-го несколько тысяч человек бежали из Праги, а 18-го Виндишграц с триумфом вошел в город и объявил военное положение.

Заговор провалился; но, за исключением Питера Фастера, бежавшего из города во время осады, ни одного из лидеров мартовского движения поначалу не заподозрили в какой-либо причастности к Восстанию. Действительно, было хорошо известно, что многие из них приложили все усилия, чтобы подавить это. Но Туранский, вышеупомянутый агитатор, внезапно сдался властям и предложил раскрыть заговор, в котором он заявил, что Палацкий, Ригер и другие богемские лидеры были замешаны. Улики опроверглись, но это послужило оправданием для продолжения осадного положения, для ареста многих невинных людей и для отказа созвать Богемское собрание, которое должно было собраться в том же месяце. Этот воображаемый заговор был использован как последний предлог для полного подавления богемской свободы. Считалось, справедливо или ошибочно, что Туранский был послан Кошутом для разжигания

восстания; то, что он желал провала движения, которое он разжег, было достаточно очевидно; и таким образом возникла невыразимая вражда между богемцами и мадьярами. Кроме того, из-за этих событий возникла еще одна причина для ожесточения между богемцами и немцами. Ибо, пока Прага все еще горела, а Виндишграц все еще вводил военное положение, группа венских студентов прибыла в Прагу, чтобы поздравить Виндишграца с его победой над свободой Богемии. Давно тлевшая ненависть между немцами и богемцами, по-видимому, достигла своего апогея в этом поздравлении; и с тех пор, каковы бы ни были политические чувства лидеров обеих сторон, совместные действия между богемцами и немцами становились все менее и менее возможными.

Что касается влияния падения Праги на положение славянских рас в Австрии, то это событие лишило их последней помощи, свободного центра национальной жизни, вокруг которого могла бы собраться их раса. Ибо Прага предоставила такой центр таким способом, каким ни одна из других славянских столиц никогда не могла предоставить его. Его слава опиралась на прошлое, которое было связано с борьбой за свободу против немецкой тирании, и ведущие факты которого были ясны и неоспоримы; в то время как его географическое положение не позволяло ему вступать в столкновение с другими славянскими расами. Аграм и Карловиц иногда могли смотреть друг на друга как на соперников; но Прага не была заинтересована в предпочтении одного другому или в уничтожении независимости кого-либо из них, в то время как языковая связь между богемцами и словаками Северной Венгрии обеспечивала симпатии первых к любым попыткам сопротивления мадьярскому господству. Наконец, поскольку Богемия зажата между немцами Австрийского эрцгерцогства и той более обширной Германией, с которой так много австрийцев желали объединиться, она никогда не смогла бы лелеять те сепаратистские устремления, которые помешали бы Лембергу, например, когда-либо стать центром австрийской славянской федерации. Таким образом, падение богемской свободы подготовило путь к полному изменению характера славянского движения. Идея федерации различных славянских рас Империи, возможно, все еще лелеялась многими славянскими лидерами; и на короткое время борьба славянских рас против мадьярского и немецкого господства могла сохранить свой первоначальный характер борьбы за свободу. Но было неизбежно, что это движение теперь постепенно скатится к признанию руководства тех придворных и солдат, которые ненавидели немцев и мадьяр как противников не славянской свободы, а имперского деспотизма.

ГЛАВА IX. РЕВОЛЮЦИЯ РАСПАДАЕТСЯ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ. АПРЕЛЬ-ОКТЯБРЬ 1848 ГОДА.

Отношение других рас к борьбе Италии.—Непоследовательность Кошута.—Позиция Временного правительства Ломбардии.—Нерешительность Чарльза Альберта.—Его два заявления о ломбардской войне.—Война, принятая Леопольдом Тосканским.—Фердинандом Неаполитанским.—Заблуждения папы Римского.—Генерал Дурандо.—Радецкий в Мантуе.—Первая битва при Гоито.—Мадзини в Милане.—Казати, Шарль Альберт и итальянские добровольцы.—Южный Тироль.—Венеция.—Ошибка Манина.—Дурандо и Манин.—Отношение Шарля Альберта к Венеции.—Трудности Папы Римского.—Энциклика от 29 апреля.—Ее влияние.—Служение Мамиани.—Влияние позиции папы

Римского на позицию Чарльза Альберта.—Падение Удине и его последствия.—Шарль Альбер и Венеция.—Казати и Мадзини.—Вопрос о слиянии.—Его влияние на общественное мнение.—Неаполитанский государственный переворот 15 мая.—Отзыв неаполитанских войск из Ломбардии.—Пепе и Манин.—Битва при Куртатоне.—"Горстка мальчишек".—Вторая битва при Гойто.—Захват Пескьеры.—Голосование за слияние.—Эмут 29 мая и его последствия.—Борьба и падение Виченцы.—Австрийское завоевание Венеции.—Голосование за объединение в Венеции.—Нападение на Триест.—Немецкие настроения во Франкфурте.—Различные трудности франкфуртского парламента.—Влияние избрания эрцгерцога Иоанна.—Антиитальянские решения.—Борьба в Италии становится все ожесточеннее.—Новые ошибки Чарльза Альберта.—Совет Мадзини правительству Ломбардии.—Чарльз Альберт в Милане.—Последняя измена.—Австрийское отвоение Ломбардии.—8 августа в Болонье.—Отпор Вельдену.—Борьба между Франкфуртом и Берлином.—Вопрос о Познани.—Шлезвиг-Гольштейнская война.—Ассамблея и король.—Перемирие в Мальме.—Роковое голосование.—Беспорядки во Франкфурте.—"Осадное положение".—Путч Струве.—Венский парламент.—Расовая борьба.—Изменение отношения к мадьярам.—Интриги Латура.—Характер и политика Фердинанда.—Джеллачич.—Конференция в Вене.—"Мы встречаемся на Дунае".—Стратимирович и Раячич.—Полковник Майерхоффер.—Мадьярская депутация.—Миссия и смерть Ламберга.—Латур и Пульски.—Убийство Латура.—Джелласич и Ауэрсперг.—Блюм и Бем.—Битва при Швехате.—Падение Вены.—Смерть Блюма.—Общие замечания.

Борьба рас, описанная в предыдущей главе, не осталась без влияния на ход событий в Италии. Те австрийцы, чьим единственным желанием было единство империи, говорили о лагере Радецкого как о единственном месте, где Австрия была действительно представлена; в то время как, с другой стороны, лидеры различных расовых движений разделились в своих чувствах по поводу итальянской войны. Немцы как во Франкфурте, так и в Вене с огорчением видели, что Ломбардия и Венеция ускользают из-под немецкого владычества; но, тем не менее, они чувствовали, что не могут полностью осудить борьбу за свободу и независимость. Богемцы, особенно в первой части борьбы, с радостью отпустили бы итальянские провинции, если бы они могли таким образом облегчить федеративное устройство остальной части Австрийской империи. Среди хорватов, по-видимому, существовало некоторое разделение мнений по этому вопросу. Гай и чисто национальная партия испытывали некоторые симпатии к итальянской свободе; но Джеллачич и та большая группа его последователей, в которых военные чувства сочетались со стремлением к независимости Хорватии, стремились продемонстрировать свою лояльность Австрийскому дому, поддержав войну в Италии; и они, более того, не забывали о соперничестве между славянами и итальянцами в Далмации и Истрии. Мадьяры в первые дни мартовского движения были более склонны, чем какая-либо другая раса в Империи, проявлять дружелюбие к Италии; и итальянские симпатии Кошута были особенно хорошо известны. Но обстоятельства изменили отношение хорватов и венгров к Италии по мере продолжения борьбы; ибо, в то время как первые желали отозвать хорватские войска из Италии для защиты своего дома, вторые все больше и больше стремились снискать симпатии императора. Желание сохранить строго правовую позицию побудило некоторых членов венгерского министерства остановиться на требованиях, предъявляемых австрийскому правительству в соответствии с Прагматической санкцией; и Кошута, не разделяя этого чувства, легко было заставить уступить своим коллегам из-за его страха перед поощрением, которое отзыв хорватских полков придаст стремлению Хорватии к независимости; и поэтому, несмотря на его

веру в справедливость итальянского дела, он решительно поддерживал использование венгерских войск для подавления свободы Италии.

Но, какой бы интересной ни была итальянская борьба для всех различных рас Австрийской империи, она все же развивалась способом, настолько отличным от австрийского или немецкого движения, что мы вынуждены игнорировать точный хронологический порядок европейских событий, чтобы понять ее полное значение; и поэтому мы должны теперь вернуться к событиям, последовавшим за мартовскими восстаниями и бегством Радецкого и Пальфи. Центр внимания по-прежнему находился в Милане, где Казати и городской совет в силу обстоятельств были преобразованы во Временное правительство Ломбардии. Эти люди продемонстрировали во время осады постоянную неуверенность в своих целях и готовность к компромиссу; и, когда Радецкий был изгнан из Милана, они проявили такую же неготовность воспользоваться своими преимуществами. Однако в народе не было недостатка в желании продолжать борьбу, и по крайней мере один генерал оказался на высоте положения. Аугусто Анфосси умер от ран во время осады, но Лучано Манара, юноша, захвативший Порто-Тоза, следил за отступлением Радецкого, расставляя стражу в деревнях и перерезая дороги. Манаре было очень трудно осуществить свои планы; отчасти из-за недоверия, проявленного к нему генералом, которого Временное правительство поставило над ним, отчасти из-за неподчинения Торреса, одного из лидеров генуэзских добровольцев, который номинально действовал под его началом, и чье неповиновение Манаре, по-видимому, было, по крайней мере, терпимо Временным правительством.

Ибо Казати и его друзья полагались не столько на каких-либо ломбардцев, сколько на помощь Чарльза Альберта. Этот принц, действительно, колебался, как обычно, до последнего момента. Когда весть о миланском восстании достигла Генуи, генуэзцы восстали и послали добровольцев на помощь повстанцам; но Карл Альберт не только запретил им марш, но и послал войска, чтобы отогнать их от границы. Студенты Турина были так возмущены этой акцией, что восстали против Чарльза Альберта и не подчинялись, пока им не разрешили стать добровольцами. Несколько офицеров даже угрожали уволиться из армии, если Австрии не будет объявлена война; Парма и Модена одновременно восстали против австрийских войск и требовали аннексии Пьемонта; в то время как Мадзини и его друзья распространяли обращения из Парижа, призывая своих сторонников поддержать Карла Альберта, если он отважится на войну с Австрией. Наконец Парето, самый демократичный из министров Шарля Альберта, заверил его, что, если он не будет действовать, в Пьемонте вспыхнет восстание; и вот, 23 марта, потребовав от австрийцев эвакуации Пармы и Модены и получив отказ, Карл Альберт приказал австрийскому послу покинуть Турин и немедленно объявил войну. Однако даже сейчас он оставлял под сомнением точную цель войны; ибо, хотя он заявил Временному правительству, что прибыл "оказать народам Ломбардии и Венеции ту помощь, которую брат может ожидать от брата и друг от друга", он объявил другим правительствам Европы, что он вмешался только для того, чтобы предотвратить восстание республиканцев. Затем он отправил генерала Пассалакву в Милан, объявив, что сам не прибудет туда, пока не одержит победу над австрийцами.

Но, каким бы нелюбезным ни был Карл Альберт, он сумел пробудить энтузиазм итальянцев к войне против Австрии. Леопольд Тосканский объявил за два дня до этого, что пробил час возрождения Италии и что его войска должны выступить к границе Тосканы; а 5 апреля он откровенно объявил о цели этого похода и приказал своим войскам помочь своим братьям-ломбардцам. Беспорядки вспыхнули как в Неаполе, так и в Риме, и австрийское оружие было

снесено. Гульельмо Пепе поспешил вернуться в Неаполь после двадцати семи лет изгнания и потребовал немедленного вывода войск в Ломбардию. Фердинанд поддался всеобщему призыву и согласился назначить Пепе генералом экспедиции. Pius IX. передвигаться было не так-то просто. Он был основательно напуган развитием событий; и хотя он согласился даровать Конституцию, во многом похожую на Конституцию других князей, он не мог примирить в своем сознании противоречия между своим положением главы католической церкви и Конституционным положением итальянского князя. Первая должность, казалось, требовала от него притязаний на абсолютную власть во внутренних делах и совершенно беспристрастного отношения к различным членам католической церкви, каковы бы ни были их расовые различия или государственное устройство. Последняя позиция, казалось, напротив, требовала, чтобы он приспособился к более свободной жизни, которая зарождалась в различных итальянских государствах, и чтобы он стал поборником итальянского единства и свободы против австрийского императора. Его собственные склонности и симпатии побудили бы его пожертвовать новой должностью ради старой. Как уже объяснялось, он был гораздо больше священником, чем принцем, гораздо больше консерватором, чем реформатором. Его священническое образование в сочетании со слабым здоровьем делало ему неприятными новые идеи; и его чувство своих обязанностей как главы католической церкви сочеталось с той самой добротой характера, которая превратила его в реформатора, заставив выступить против жестокой и опасной войны. В этих обстоятельствах он с тревогой наблюдал за новым импульсом, который Карл Альберт придавал антиавстрийским настроениям по всей Италии.

Но в данный момент он находился в руках более сильных людей, которые были полны решимости вести его вперед. Массимо д'Азельо находился в Риме, поддерживая усилия Чичеруаккио в войне; а Джованни Дурандо (брат Джакомо Дурандо, который писал об итальянском гражданстве) был назначен генералом войск, которые должны были отправиться в Ломбардию. Даже сейчас папа отказывался признавать цель их похода; и когда 24 марта войска проходили мимо него, он благословил их, но только как защитников римских территорий от нападавших; и когда молодой человек крикнул из рядов: "Святой отец, мы собираемся сражаться за Италию и за вас", он ответил: "Не за меня; я желаю мира, а не войны". Дурандо, однако, обратился к своим войскам с воззванием, в котором заявил, что, поскольку Пий IX одобрил войну, "следует рассматривать Радецкого как сражающегося против Креста Христова". Пий IX гневно отверг эту речь в Правительственном вестнике, заявив, что вскоре он выскажет свое собственное мнение и что ему не требуется выражать его устами подчиненного. Но никто не обратил внимания на этот протест, и войска двинулись маршем в Ломбардию.

Тем временем Чарльз Альберт начинал войну неудачным образом. Стремясь отличиться в сражении с Радецким, он был полон решимости выступить вслед за ним в Лоди вместо того, чтобы захватывать важную крепость Мантую. Мантуя пыталась сбросить австрийское иго в то время, когда восстали другие города Ломбардии; но желание действовать через Муниципальный совет заставило горожан колебаться в своих действиях. Отсутствие связи с другими городами не позволяло им быть осведомленными о положении австрийских войск, и вечером 22 марта Бенедек, один из австрийских генералов, смог подавить зарождающееся восстание. Но известие о наступлении пьемонтцев снова побудило мантуанцев к активным действиям; 29-го числа они снова восстали, воздвигли баррикады, организовали гражданскую гвардию и горячо надеялись, что Карл Альберт придет им на помощь. Когда Радецкий обнаружил, что Карл Альберт не захватил эту важную крепость, он воспользовался этой ошибкой, чтобы сразу же двинуться на Мантую; и 31 марта этот город снова перешел в руки

австрийцев. Эта победа сразу встревожила пьемонтцев, которые под командованием генерала Бавы 8 апреля двинулись к Гойто, деревне в нескольких милях от Мантуи. Австрийцы заняли небольшой мост через Минчо на въезде в деревню, а тирольские снайперы укрылись за гостиницей, которая стоит недалеко от моста на мантуанской стороне. Пьемонтцы, приняв каменные украшения на постоялом дворе за часовых, открыли по ним огонь; австрийцы ответили выстрелами, и последовало ожесточенное столкновение, в ходе которого несколько военнослужащих из итальянского Тироля дезертировали из австрийских рядов и присоединились к пьемонтцам. Австрийцы, почувствовав себя разбитыми, попытались взорвать мост, но им удалось разрушить только одну арку, прежде чем они были отброшены назад. Благодаря этой победе пьемонтцы получили под свое командование всю линию Минчо от Мантуи до Пескьеры и перерезали все коммуникации между двумя флангами австрийской армии, один из которых находился в Мантуе, а другой - в Вероне.

Битва при Гойто вызвала величайший энтузиазм у Чарльза Альберта; и это, к сожалению, укрепило Временное правительство Милана в их решимости полагаться скорее на него, чем на свой собственный народ. Насколько большую народную силу они могли бы приобрести в то время, показало событие, произошедшее на следующий же день после битвы при Гойто. В тот же день, 9 апреля, Мадзини прибыл в Милан. Около восьми часов вечера он появился на балконе отеля Albergo della Venezia, который находится прямо напротив места, занятого Временным правительством. Он обратился к народу с несколькими словами, размахивая трехцветным знаменем. Он горячо одобрил Временное правительство и похвалил его за то, что оно отвергло перемирие, предложенное Радецким, и за попытку обеспечить полное представительство ломбардских провинций в Ассамблее, собравшейся в Милане; и когда появился Казати, он тепло приветствовал его. Но Мадзини вскоре обнаружил, что ни в лагере Карла Альбера, ни в Милане лидеры не были расположены приветствовать помощь республиканских сил. Когда Мадзини обратился к Временному правительству с просьбой предоставить работу тем, кто уже имел опыт участия в революционных войнах, ему ответили, что никто не знает, где они находятся; и когда он ответил на это возражение, представив этих людей, в их услугах было отказано. Швейцарцы, прибывшие из кантона Тичино, были точно так же отброшены; и даже более прославленный доброволец, чем любой из них, нашел холодный прием в лагере Карла Альберта; ибо именно в этот период войны Гарибальди прибыл в Ломбардию в полном блеске репутации, которую он завоевал как борец за свободу в Монте-Видео. Но когда он предложил свои услуги Чарльзу Альберту, ему сказали, что он может поехать в Турин, чтобы узнать, *можно ли и как* его нанять.

Одним из существенных отличий политики республиканцев от политики Карла Альберта было то, что первые хотели продвинуться к Альпам и поднять восстание против Австрии среди населения Южного Тироля. Это население, несмотря на свою итальянскую кровь и язык, было лояльно Франциску Австрийскому во времена Эндрю Хофера; но неблагоприятная политика австрийского императора постепенно отбила симпатии итальянских тирольцев; и, хотя даже во Франкфурте представители Южного Тироля просили о местном самоуправлении в их собственной стране, население было готово восстать во имя Гарибальди и Манары. Но неприязнь многих пьемонтских офицеров к войне и колебания Карла Альберта между войной, дипломатией и полным отказом от дела привели к тому, что официальные лидеры ломбардского движения отвергли любое предложение о таком расширении зоны боевых действий, чтобы довести австрийцев до крайности и заставить их отказаться от дипломатического урегулирования конфликта.

Многие из тех, кого Казати и Шарль Альберт оттолкнули, отправились в Венецию, чтобы найти более щедрый прием. Чрезвычайно демократический характер венецианского восстания произвел впечатление на всех наблюдателей; и было особо отмечено, что артист по имени Тоффоли был принят во Временное правительство Венеции. Но как бы ни был искренен Манин в своем желании заручиться симпатиями всех классов, он не мог не быть венецианцем, а не миланцем. Какими бы узкими и аристократичными Казати и его друзья ни были в своих личных чувствах, они были официальными представителями города, слава которого была связана с воспоминаниями о времени, когда он возглавлял лигу свободных городов;^[14] в то время как Венецию, даже в ее долгой борьбе с турками или в ее сопротивлении папству в семнадцатом веке, никогда нельзя было считать чемпионом мира. свободное гражданское правительство. Манин и Казати, похоже, одинаково находились под влиянием этих традиций; и хотя будущий Совет Ломбардии был полностью сформирован к 13 апреля, Временное правительство Венеции согласилось разрешить городам Венеции выбирать представителей, которые должны были принять реальное участие в управлении провинцией, только 14 числа того же месяца. Последствия этой нерешительности были самыми печальными. Тревизо, Падуя, Ровиго, Виченца и Удине сформировали временные правительства еще до того, как узнали, что Венеция свободна; и тогда они с готовностью присоединились бы к Венецианской республике; но, заметив некоторую нерешительность Венеции откликнуться на их призыв, Виченца предложила себя Чарльзу Альберту. Это решение вызвало некоторое возмущение в Венеции, поскольку Манин надеялся, что старые города Венеции будут готовы, при любой форме правления, сотрудничать с главным городом; и какие бы ошибки Манин ни допустил при задержке, он был более ревностным, чем правительства Милана или Пьемонта, в защите венецианских городов от австрийских войск.

И то, что Манин не смог добиться желаемого сотрудничества между Венецией и другими венецианскими городами, не было полностью результатом вышеупомянутых колебаний. По-видимому, в гражданских правительствах, и в еще большей степени в тех офицерах, которые пришли на помощь лангобардам и венецианцам, существовала тенденция обращаться за приказами скорее к Казати и Карлу Альберту, чем к правителям Венеции; и эта тенденция еще больше усиливалась аномальным положением офицеров папских войск. Дурандо, главный из этих офицеров, отчетливо сознавал, что пришел в Ломбардию независимым путем и вопреки разочарованию папы; и, хотя он был готов сражаться за Венецию, он хотел сделать это по-своему и отказался слушать указания Манина относительно плана операций. Он не сомневался, что безопаснее подчиняться приказам авторитетного монарха, такого как Карл Альберт, чем главы "непризнанного" революционного правительства; и хотя он хотел выступить на помощь Падуе, он хотел сделать это как офицер Карла Альберта. Но те же мотивы, которые побудили Карла Альберта покинуть Южный Тироль, заставляли его, во всяком случае, колебаться относительно распространения своей кампании на Венецию. Поэтому он запретил Дурандо въезжать в Венецию и вместо этого послал его защищать герцогства Модену и Парму.

В то время как эти противоречивые интересы ослабляли усилия защитников Ломбардии и Венеции, еще одно яблоко раздора было брошено в лагерь Энцикликой папы римского. Как уже упоминалось, Пий отговаривал от похода в Ломбардию и обещал высказать свое собственное мнение вместо того, чтобы соглашаться с мнением Дурандо. Его министры, чувствуя неопределенность положения, в котором оказались папские войска, убеждали его прийти к более определенному решению по этому вопросу. Никогда еще слабый ум Пия IX не подвергался такому сильному давлению с противоположных сторон. С одной стороны, в

провинциях вспыхивали беспорядки; и негодование по поводу колебаний папы усиливалось до еще большей горечи из-за нехватки как пищи, так и работы, которая ощущалась в Риме. С другой стороны, были оказаны два мощных влияния, чтобы побудить Пия отказаться от итальянского дела. В Германии возникло сильное недовольство итальянской войной, и немецкие католики угрожали вырваться из-под папской власти. В то же время Фердинанд Неаполитанский, который никогда искренне не сочувствовал борьбе за свободу Италии, пытался внушить папе римскому зависть к замыслам Карла Альберта. По правде говоря, Фердинанд не был лишен оправдания в этом вопросе, поскольку, пока его подталкивали к объявлению войны Австрии, Сицилийское собрание низлагало его с престола Сицилии и обсуждало предложение передать их остров сыну Карла Альберта. Поэтому неаполитанскому послу было поручено использовать свое влияние на Пия IX. для продвижения союза между Римом, Неаполем и Тосканой, который должен был противодействовать могуществу Пьемонта. Таким образом, к этим соперничающим инстинктам Главы Церкви и итальянского принца были привлечены оба, чтобы заручиться противодействием папы войне; и как бы сильно он ни был напуган беспорядками в провинциях, эти беспорядки не способствовали усилению его симпатий к народному движению. Таково было его состояние чувств, когда 28 апреля его министры во главе с кардиналом Антонелли умоляли его открыто санкционировать войну. Результат этой петиции прямо противоречил желанию, выраженному подписавшими ее; ибо 29 апреля появилась папская энциклика, полностью отвергающая итальянскую войну.

В этом документе папа римский жаловался на желание агитаторов отвлечь от него симпатии католиков Германии; и он продолжил оправдывать и объяснять курс, которому он до сих пор следовал. Он ссылался на требование реформы, которое было выдвинуто во времена Пия VII, и на поддержку, которую это требование получило в программе, представленной Григорию XVI. великими державами. Эта программа включала создание Центрального совета, улучшение работы муниципальных советов и, прежде всего, допуск мирян на все должности, будь то административные или судебные. Григорий не смог полностью реализовать эти идеи; и поэтому Пий был вынужден развивать их дальше. В этом он руководствовался не советами других, а милосердным чувством по отношению к своим подданным. Но его уступки не привели к тому результату, на который он надеялся, и он был вынужден предостеречь народ от беспорядков. Эти предупреждения оказались напрасными, и он был вынужден послать войска для охраны своей границы и "защиты целостности и безопасности Папского государства". Он протестовал против подозрений в том, что он симпатизирует тем, "кто хотел, чтобы римский понтифик руководил какой-то новой Республикой, которая была бы создана из всех народов Италии". Он призывал итальянцев отказаться от всех подобных теорий и повиноваться князьям, о благосклонности которых они имели опыт; и он, со своей стороны, не желал дальнейшего расширения своей светской власти, но приложил бы все свои усилия для восстановления мира.

Эта Энциклика вызвала величайшее возмущение; но папа все еще мог найти защиту в том суеверии, которое так усердно поощрял Чичеруаккио. Снова был поднят крик о том, что кардиналы вводили папу в заблуждение, и против Антонелли были выдвинуты особые обвинения в государственной измене. Некоторые из наиболее ревностных патриотов даже поговаривали о том, чтобы перевезти папу в Милан, чтобы он мог собственными глазами увидеть истинное состояние войны. В то же время были высказаны призывы к гуманности Пия; ему было указано, что, если он отречется от своих солдат, с ними будут обращаться как с

разбойниками; приводились примеры жестокости австрийских солдат по отношению к тем, кого они взяли в плен. Отчасти движимый человеколюбием, отчасти страхом, папа, наконец, уступил; и 3 мая он вызвал к себе Теренцио Мамиани, так недавно находившегося под подозрением как наполовину амнистированный мятежник; и Мамиани быстро признал свое рвение к войне, объявив ее святым делом.

Но, несмотря на эту смену фронта, Энциклика оказала опасное влияние на ломбардскую войну; и ее первым результатом стало укрепление власти Карла Альберта, вынудив Дурандо более определенно, чем раньше, подчиняться его приказам и заставив итальянцев в целом смотреть на короля Сардинии как на своего единственного заслуживающего доверия лидера. К счастью, этот прилив сил пришел к Шарлю Альберу в тот момент, когда он выходил из состояния нерешительности, последовавшего за победой при Гойто. Это колебание, однако, дало Радецкому время укрепить Мантую сильнее, в то время как Нюджент во главе другого австрийского отряда двинулся маршем в Венецию. Венецианцы, получившие плохую поддержку, были мало способны противостоять захватчику, и важный город Удине перешел в руки австрийцев. Это поразило и Чарльза Альберта, и Казати; и, в то время как Временное правительство Ломбардии обратилось за советом к Мадзини, Чарльз Альберт наконец согласился позволить Дурандо продвинуться в Венецию. Дурандо послал перед собой своего подчиненного офицера Феррари; и 8 мая Феррари столкнулся с австрийцами при Корноте и отбросил их назад. Затем он продолжил борьбу в надежде на новые подкрепления от Дурандо; но когда Дурандо не прибыл к четырем часам пополудни, солдаты были вынуждены отступить. Затем их охватила внезапная паника, и они закричали, что либо Феррари, либо Дурандо предали их. Сознание незаконного положения, в которое их поставила Папская энциклика, еще больше усилило панику солдат; Феррари был вынужден отступить в Местре, а Дурандо - в Виченцу. В Виченце, действительно, последний защищался достаточно храбро, и народ поддержал его усилия. Женщины, старики и дети бросились тушить зажженные шары, которые враг бросал в город; и после примерно двенадцатичасового боя австрийские войска были вынуждены отступить.

Но к этому времени Карл Альберт снова раскаялся в своем вторжении в Венецию и, отказавшись прийти на помощь Дурандо, обратил свое внимание на крепость Пескьера. Рвение миланского правительства оказалось еще более недолговечным, чем у Чарльза Альберта. Мадзини предложил создать Военный совет, который должен был состоять из трех человек и сопровождаться массовым сборищем так называемых "пяти классов". Правительство согласилось созвать только первые три класса, сославшись в качестве оправдания на недоверие, которое они испытывали ко многим крестьянам. Мадзини также предложил опубликовать призыв к волонтерам и поставить свое имя первым в списке. Правительство дало согласие, но еще до того, как апелляция была подготовлена, оно изменило свое мнение и отозвало свое одобрение этого предложения. Военный совет был преобразован в Комитет обороны Венеции, затем в Комитет помощи Венеции и, наконец, вообще исчез. Секретарь Карла Альберта объявил, что король не хотел иметь в своем тылу армию врагов, а надписи на стенах Милана угрожали Мадзини смертью. Лидеры добровольцев, которые продвигались к Альпам, были обескуражены, а генерал Аллеманди, их командующий, получил настолько плохую поддержку, что подал в отставку.

Война, казалось, быстро меняла свой характер, и желания Карла Альберта, по-видимому, были более сосредоточены исключительно на расширении своего собственного Королевства. Когда

он впервые вступил в Ломбардию, и он, и миланские лидеры объявили, что форма правления не будет определена до тех пор, пока не будет одержана победа; но теперь они изменили свой тон и готовились к союзу между Пьемонтом и Ломбардией. 12 мая правительство Милана издало указ о том, что население Ломбардии должно решить путем плебисцита вопрос о том, следует ли Ломбардии немедленно присоединиться к Пьемонту под властью Карла Альберта. Республиканцы, которых Мадзини в значительной степени держал в узде, до сих пор воздерживались от придания значения своим политическим взглядам. Но теперь Мадзини считал необходимым протестовать против этого предложения; и тем более решительно, что секретарь Карла Альберта надеялся, предложив ему пост премьер-министра в будущем Королевстве Северная Италия, побудить его содействовать слиянию Ломбардии и Пьемонта. Поэтому теперь он выразил протест против проведения любого политического голосования такого рода во время войны; как потому, что это было абсурдно и неестественно само по себе; потому что это было нарушением обещаний правительства; так и потому, что это давало предлог для иностранного вмешательства, превращая освободительную войну в завоевательную. Сторонники Карла Альберта были взбешены таким противодействием; протест Мадзини был публично сожжен в Генуе; и Временное правительство Ломбардии решило продолжить плебисцит. Это решение, несомненно, привело к большой неразберихе в Ломбардии. Это ослабило симпатии тех немцев, австрийцев и венгров, которые были благосклонно настроены к борьбе Италии за независимость; в то же время это дало повод для противодействия той большей части политиков, которые колебались между либеральными принципами и национальными предрассудками и которые теперь стремились заявить, что война перестала быть борьбой за свободу Италии, а была просто задумана для возвеличивания Карла Альберта.

Но, как бы сильно ни страдали интересы Карла Альберта из-за его переменчивой политики, ему всегда помогал выйти из затруднительного положения контраст между его сомнительными поступками и несомненной дурностью какого-нибудь другого принца. Как Папская энциклика появилась в нужный момент, чтобы восстановить доверие, которое он потерял из-за своей небрежности после битвы при Гойто, так и предательство неаполитанского короля в этот кризис послужило тому, чтобы, по контрасту, пролить более благоприятный свет на амбициозные предложения о слиянии Ломбардии с Пьемонтом. Фердинанд Неаполитанский неохотно согласился участвовать в итальянской войне. Искренняя неприязнь к Свободе, которую он разделял с большинством членов семьи Бурбонов, в сочетании с его особой ревностью к Чарльзу Альберту усилили его желание отказаться от этой экспедиции. Он опасался, что создание королевства Северная Италия станет естественным результатом войны, даже если народный энтузиазм не подтолкнет Карла Альберта к планам еще большего расширения; и у него была небезосновательная обида на короля Сардинии в связи с недавним выбором сицилийцами герцога Генуэзского своим королем. Священники Неаполя, в отличие от священников Ломбардии и Венеции, интриговали от имени Австрии и распространили слух, что святой Януарий был другом австрийского императора. Несмотря на эти интриги, либеральное большинство было возвращено в неаполитанский парламент; и поэтому король решил еще больше ограничить власть этого парламента, потребовав от членов присяги, которая признала бы право Фердинанда подавлять сицилийское движение, принудила бы к полному принятию римско-католической веры и запретила бы любые попытки расширить или реформировать Конституцию.

От этой присяги депутаты отказались; но, несмотря на советы своих министров, король решил настаивать на ней. В городе поднялись беспорядки, были возведены баррикады; но депутаты,

поблагодарив народ за его рвение, призвали его сохранять спокойствие и снести баррикады. Некоторые из тех, кто принимал участие в восстании, ушли с улиц в ответ на этот призыв; но другие потребовали, чтобы королевские войска, выстроенные на площади дворца и возле церкви Сан-Франческо, были выведены одновременно. Депутаты отправились навестить короля; но пока они разговаривали с ним, они услышали первые выстрелы, произведенные солдатами по толпе. Затем Фердинанд презрительно велел депутации разойтись по домам и подумать о себе, "ибо Судный день недалек от вас". На его стороне было одно большое преимущество. Этот деградировавший класс, неаполитанские лаццарони, всегда были фанатичными сторонниками короля и святого Януария; и даже говорят, что, когда войска стреляли в народ, Фердинанд кричал лаццарони: "Вперед!" - "Неаполь ваш!" В то время как на улицах бушевали массовые убийства и возмущение, депутаты направили послание французскому адмиралу, флот которого стоял на якоре в Неаполитанском заливе, с просьбой вмешаться от имени Франции. Но он ответил, что ему было приказано не вмешиваться в дела других людей.

Затем депутаты приняли резолюцию, в которой заявили, что они не будут прерывать свои заседания, если только их не вынудят применить грубую силу. Вскоре после этого прибыл офицер, чтобы разогнать их, и после письменного протеста они уступили этому насилию. Вскоре после этого все свободы были подавлены; и, хотя еще около месяца продолжалась своего рода судорожная борьба, и хотя через некоторое время сицилийцы согласились прислать некоторую помощь повстанцам, движения были слишком плохо организованы, чтобы иметь какую-либо постоянную силу; и правительству удавалось подавлять их повторными массовыми убийствами.

Государственный переворот, *совершенный* Фердинандом, произошел 15 мая. Тем временем неаполитанские войска под командованием Пепе медленно продвигались по территории Папской области, собирая добровольцев по пути. Медлительность их продвижения была отчасти вызвана подозрительным отношением папы римского, который опасался, что неаполитанский король может захватить эти территории, которые всегда были яблоком раздора между Неаполем и Римом. Таким образом, Пепе еще не покинул папскую территорию, когда получил приказ прекратить войну и вернуться в Неаполь. В то же время ему сказали, что, если он не желает возвращаться, он может передать свое командование генералу Стателле. Пепе был полон решимости продвигаться вперед, но казалось сомнительным, насколько его авторитет перевесит авторитет короля и подчиненных офицеров, которые были на стороне короля. Болонцы, восставшие в марте, чтобы изгнать австрийские войска, задержавшиеся в Ферраре, и изгнать герцога из Модены, теперь стали настаивать на том, чтобы Пепе повел свои войска в Ломбардию. Стателла был вынужден бежать из города, а на тех солдат, которые вернулись в Неаполь, обрушились проклятия романьоли. Несколько офицеров были готовы действовать вместе с Пепе; и он прошел По с двумя батальонами добровольцев, одной ротой регулярных войск и несколькими ломбардцами и болонцами. Но многие из них покинули его даже после того, как он пересек По; и к тому времени, когда он достиг Венеции, с ним оставался только один батальон стрелков, офицер которого служил под его началом в 1815 году. Но, каким бы скудным ни было присутствие, Манин сердечно приветствовал Пепе, и вскоре после этого он был назначен главнокомандующим всеми сухопутными войсками Венеции. В их состав входили не только венецианцы и неаполитанцы, но и ломбардцы, римляне и даже швейцарцы. Неаполитанский адмирал тоже поначалу отказался подчиняться приказам короля и некоторое время продолжал защищать Венецию своим собственным авторитетом.

Тем временем, в то время как ресурсы ломбардских городов истощались для поддержки замыслов Карла Альберта, он посвятил свою энергию осаде Пескьеры. Радецкий, видя, что самая слабая часть итальянской армии расквартирована близ Мантуи, решил выступить из Вероны, которая была штаб-квартирой австрийцев, атаковать правое крыло итальянской армии близ Мантуи, оттеснить его через Минчо и таким образом выступить на помощь Пескьеру. На сравнительно небольшом расстоянии от Мантуи он добрался до небольшого скопления разбросанных домиков, которые образовывали деревню Куртатоне. Отряд из 6000 тосканцев, в основном состоящий из студентов университетов, под командованием своих профессоров, маршировал по дороге, пролегающей между Куртатоне и Монтанарой, направляясь на соединение с пьемонтской армией в Гойто. В то время по обе стороны дороги были открытые поля, простиравшиеся сплошной равниной; и никаких оборонительных сооружений не было сделано; ибо, когда Радецкий во главе 20 000 человек напал на тосканский отряд, последние были далеки от того, чтобы ожидать какого-либо нападения. Генерал де Ложье, командовавший тосканцами, решил сопротивляться, и в течение шести часов этот доблестный маленький отряд держался стойко против превосходящих сил австрийцев. Но численное превосходство и выучка, наконец, возобладали; и, сражаясь дюйм за дюймом, тосканцы были отброшены обратно в Монтанару и были либо убиты, либо взяты в плен. Тот же "фанатизм", который Радецкий наблюдал в Милане, по-видимому, проявился и здесь; и когда его офицеры после битвы вывели перед ним юных пленников, он с презрением воскликнул: "Неужели вам потребовалось шесть часов, чтобы избить горстку мальчишек?"

Но "горстка мальчишек" сделала свое дело, ибо, когда Радецкий в очередной раз прошел по мосту в Гойто со своими пленными, он обнаружил Шарля Альберта во главе своих войск, готового встретить его. Бой был ожесточенным; король и его старший сын Виктор Эммануил оба были ранены; но к концу дня новый батальон бросился вперед и вынудил австрийцев отступить. За день до этой битвы, когда тосканцы все еще сражались между Куртатоне и Монтанарой, крепость Пескьера сдалась Карлу Альберту; и пока он все еще ликовал по поводу своего триумфа, до него дошло известие, что ломбардский плебисцит был решен в пользу объединения с Пьемонтом.

Но решение было принято не без особой горечи. Протест Мадзини против предложения о слиянии был умеренным и разумным; но этого было достаточно, чтобы привлечь внимание врагов Италии; и, в то время как Джоберти приехал в Милан, чтобы вызвать сочувствие к движению за слияние, еврей по имени Урбино (который был неизвестен республиканским лидерам в Милане) воспользовался разногласиями, чтобы разжечь беспорядки против Временного правительства. 28 мая (за день до фактического закрытия избирательного участка) появился анонимный плакат с призывом к Национальной гвардии и народу собраться на площади Сан-Феделе перед офисом Временного правительства. Депутация Национальной гвардии собиралась потребовать низложения своего командира, и толпа, собравшаяся на площади Сан-Феделе, смешалась с депутацией. Один из агитаторов по имени Романи потребовал созыва Учредительного собрания и осудил предложенное голосование о слиянии. Многие даже в толпе выступали против цыган, и президент, пообещав дополнительные гарантии личной свободы, смог их разогнать. Однако на следующий день они собрались снова с криками против пьемонтцев и ворвались в гражданский дворец. Студенты слышали о беспорядках и бросились на помощь Временному правительству. Сначала Казати охватила паника, но теперь он собрался с духом и попытался обратиться к народу. Урбино попытался заглушить свой голос криком о том, что правительство ушло в отставку; и он

продемонстрировал список нового правительства, состоящего из нескольких ведущих республиканцев Милана. Казати выхватил список у него из рук и разорвал его на куски. Многие голоса в толпе осудили Урбино, и бунтовщики были быстро арестованы или рассеяны.

Нереальность этой демонстрации, как проявления любых народных чувств, была очевидна из каждого связанного с ней обстоятельства. О невинности республиканских лидеров можно было бы заключить из решительного протеста против судебного разбирательства, с которым выступил Мадзини сразу после этого; а о реальном источнике волнения можно было бы сделать небезосновательный вывод из криков "Да здравствует Радецкий", которые вырвались у некоторых менее осторожных агитаторов. Но Временное правительство либо было, либо казалось, что оно встревожено возможными последствиями беспорядков 29 мая; и Чернушки, который первым предложил О'Доннеллу делегацию, которая предшествовала Пятидневной борьбе, и который доблестно сражался во время этой борьбы, был арестован в полночь в ту же ночь, когда начались беспорядки, и отправлен в тюрьму. Вскоре после этого он был освобожден за отсутствием каких-либо улик против него; но озлобление, которое вызвал его арест у Временного правительства, не так скоро прошло.

Эта ссора между двумя секциями национальной партии в Милане привела к укреплению власти Карла Альберта. Первоначально Казати не испытывал особой симпатии к пьемонтской аристократии; но его растущее недоверие к настроениям миланцев усилило эффект, произведенный победой при Гойто и взятием Пескьеры, и побудило его возложить свои надежды на успех борьбы против Австрии исключительно на Карла Альберта и сардинскую армию. И в то время как разногласия в Милане укрепили власть Карла Альберта в Ломбардии, слабость городов Венеции, хотя и в значительной степени из-за предыдущих колебаний Карла Альберта, все же заставляла их все больше и больше обращаться к нему как к признанному лидеру самой важной итальянской силы на Севере Италии. Этой тенденции противостоял Даниэль Манин, который был категорически против объединения Венеции с Пьемонтом; и когда он обнаружил, что Шарль Альбер не желает помогать венецианцам ни на каких других условиях, он был склонен обратиться за помощью скорее к Франции, чем к Пьемонту. Но престиж побед Карла Альберта в Ломбардии привлекал Виченцу и Падую к плану слияния; и ничто, кроме доказательства того, что Венеция может спасти Виченцу, не могло противостоять этой тенденции. Манин и Томмазо настолько прониклись важностью этого пункта, что даже покинули Венецию на несколько дней, чтобы отправиться на помощь Виченце; и холодность Шарля Альберта по отношению к защите могла бы, если бы Виченца выстояла, сыграть в пользу взглядов Манина. Но Радецкий также понимал важность этой осады и решил лично возглавить атаку. Он появился перед городом 9 июня, и на следующий день ему удалось после ожесточенной борьбы занять окружающие его высоты. Оборона быстро стала безнадежной; и, хотя впоследствии Дурандо обвинили в капитуляции и даже заподозрили в измене, кажется, мало оснований предполагать, что город мог бы добиться лучших условий, чем те, которые были ему предоставлены сейчас, если бы попытался оказать более длительное сопротивление. Гарнизону было разрешено выходить с оружием и поклажей; жизни и имущество жителей должны были быть в безопасности; и должна была быть объявлена полная амнистия за прошлое; гарнизон только обязался не носить оружия в течение трех месяцев. Падение Виченцы, казалось, ознаменовало кризис борьбы в Венеции. Падуа, Тревизо и Пальмануова быстро попали в руки австрийцев; и граждане Венеции теперь начали верить, что, будучи столь далеки от возможности защитить свободу своих соотечественников, они могут надеяться обеспечить себе свободу только сдавшись Карлу Альберту.

Именно в то время, когда это чувство было на пике, Венецианская ассамблея собралась 3 июля. Манин кратко изложил обстоятельства войны. Ему не удалось добиться даже признания своего правительства Французской Республикой. Он признал рост настроений в пользу объединения; и он посоветовал своим друзьям-республиканцам на время отказаться от утверждения своего особого политического кредо и принять объединение как свою единственную надежду на безопасность. Томмазо, действительно, протестовал против этого предложения; но влияние Манина, подкрепленное растущим чувством слабости, возобладало; и 4 июля представители Венеции 127 голосами против шести провозгласили свою провинцию объединенной с Пьемонтом. Манин, однако, подал в отставку со своего поста, поскольку не мог исполнять обязанности министра при монархическом правительстве.

Но в то время как Карл Альберт, казалось, набирал сторонников в Ломбардии и Венеции из-за растущих потребностей этих провинций, он возбуждал против себя оппозицию тех, кто, возможно, когда-то был благосклонен к итальянскому делу. 16 июня сардинский и венецианский флоты атаковали Триест. Как военный инцидент в итальянской войне, это нападение, вероятно, не имело большого значения; но его влияние на отношения между немецким и итальянским движениями за свободу и единство имело гораздо большее значение, чем можно было оценить только по военным результатам. Ибо в Германии больше, чем почти в любой другой стране Европы, движение за национальную свободу и единство требовало определенного самоутверждения от той части общества, которая представляла эти идеи, что неизбежно привело его к столкновению со многими, кого оно должно было приветствовать как союзников. Как необходимость, так и желание этого немецкого самоутверждения были очевидны с момента первого открытия Франкфуртского учредительного собрания 18 мая. Даже небольшой, но колоритный инцидент, произошедший в первый день его заседания, показал силу исключительных и непокорных немецких чувств. Семидесятидевятилетний старик попытался во время первого бурного заседания обратиться к парламенту, но его голос потонул в общем гвалте. На следующий день депутат от Кельна обратил внимание парламента на то, что депутат, с которым так бесцеремонно обошлись, был поэтом Арндтом; вслед за этим все Собрание встало и выразило ему свою благодарность за его песню о немецком Отечестве.

Это желание утвердить свою позицию представителя немецких чувств было усилено в парламенте двумя признаками сопротивления его власти. Пламенные республиканцы Бадена в негодование вернулись в свое государство, когда обнаружили, что Подготовительный парламент не желает ни учредить республику, ни объявить себя постоянным; и, спровоцированные арестом одного из своих членов, они подняли открытое восстание, которому только влияние Роберта Блюма помешало распространиться на Рейнскую провинцию. И пока они готовились подавить республиканскую оппозицию, франкфуртский парламент был поражен, услышав, что в Берлине собралось Собрание, которое, как и они, называло себя Национальным учредительным собранием; и это соперничество стало еще более тревожным из-за помощи, которую прусские солдаты в то время оказывали великому герцогу Гессен-Дармштадтскому в подавлении народного движения в Майнце. Франкфуртский парламент с возмущением постановил, что "Только это Собрание Империи обладает властью, как единственный законный орган, выражающий волю немецкого народа, утвердить Конституцию Германии и принять решение о будущем положении князей в государстве". И далее они постановили, что каждый принц, который не подчинится их решениям, "должен быть лишен

вместе со своей семьей княжеского звания и должен спуститься в класс граждан, и что его корона и семейное имущество должны стать собственностью государства". Хотя они таким образом смело заявляли, что управляют внутренними делами Германии, они были столь же ревностны в отстаивании ее прав против тех, кто желал их нарушить. Их возмущало сопротивление богемии предлагаемому присоединению Богемии к Германии; и, хотя они были склонны пойти на некоторые уступки полякам Познани, они сделали их с некоторой неохотой и стремились сохранить в Германии все те провинции, которые, как они могли доказать, к их собственному удовлетворению, были германизированы.

Было очевидно, что, пока таково было их умонастроение, франкфуртский парламент будет ревниво следить за движением за свободу Италии. Действительно, они не могли отрицать, что итальянцы имели некоторые притязания на свободу; или что власть, осуществляемая Австрией в Ломбардии, была, как по своему происхождению, так и по характеру, как раз такого рода, которая больше всего противоречила идеям, воплощенным во Франкфуртском парламенте. Но крайнее желание провозгласить Австрию частью объединенной Германии, естественно, побудило франкфуртский парламент, по крайней мере, с терпимостью отнестись к особым предрассудкам венцев. В то время как их умы были таким образом разделены между принципами и предрассудками, известие о нападении на Триест было как Божий дар для тех, кто искал предлог пожертвовать своими либеральными принципами ради стремления к усилению Германии. Таким образом, парламент единогласно постановил, что любое нападение на немецкую гавань Триест является объявлением войны Германии. Резолюция такого рода, естественно, подготовила почву для более решительной враждебности к итальянскому делу; а другое решение, к которому они вскоре пришли, придало новую силу антиитальянским чувствам. Даже если некоторые венские демократы могли желать или, по крайней мере, одобрять отделение Ломбардии и Венеции от империи, не могло быть никаких сомнений в том, что члены Дома Габсбургов не разделяли этого чувства. Поэтому, когда 29 июня эрцгерцог Иоанн был избран администратором Германской империи, Франкфуртский парламент почти неизбежно отождествил себя с деспотической политикой австрийских немцев. В то время как они требовали обеспечения свободы Германии, парламент жестоко восторжествовал над падением свобод Богемии, отказал Южному Тиролю даже в провинциальной независимости и потребовал, чтобы Северная Италия осталась в составе Австрийской империи.

Трудно сказать, насколько поддержка немецкого парламента воодушевила Радецкого; но несомненно, что в июле его усилия по восстановлению своих позиций в Италии приобрели более смелый характер. Больше не ограничиваясь Ломбардией и Венецией, он ввел свои войска в Модену и попытался восстановить австрийскую власть в этом герцогстве. Карл Альберт, в свою очередь, был встревожен этим новым вторжением. Его главнокомандующий генерал Бава собрал свои силы и прогнал австрийцев сначала через По, а затем через Минчо. Эти успехи, по-видимому, внезапно изменили все чувства Шарля Альбера; отказавшись от нерешительной политики, которую он проводил в начале войны, он теперь впал в отчаяние, доходящее даже до опрометчивости; и, отвергнув совет генерала Бавы, он попытался продвинуться к Мантуе. Радецкий, пока Карл Альберт медлил и колебался, имел время укрепить свои силы, возродить дисциплину и бодрость армии, которые были полностью подорваны во время отступления из Милана, и выбрать наилучшие позиции для обороны и нападения. Поэтому 24 июля он был более чем готов к опрометчивой атаке Карла Альберта; и в битве при Сомма-Кампанья он быстро разгромил пьемонтцев и отбросил их обратно за реку Минчо. Но боевой пыл Карла Альберта еще не иссяк, и он двинулся на Валеджо в надежде отрезать

Радецкого от Вероны. В этом походе король, по-видимому, снова действовал вопреки советам своих генералов; и часть марша проходила в такую чрезвычайно жаркую погоду и при таких плохих условиях снабжения продовольствием, что многие солдаты умерли в дороге от жары и голода. Победа, одержанная генералом Бавой под Кустоццей, укрепила иллюзии Карла Альберта; но Радецкий вскоре восстановил свои позиции; поспешный марш и нехватка продовольствия ослабили силы под Кустоццей, и пьемонтцы вскоре потерпели поражение на той самой земле, на которой они только что одержали победу. Присвоение Чарльзом Альбертом военной власти и его неповиновение своим генералам привели к постоянной путанице и недопониманию. Результатом одного из таких замешательств стало то, что генерал Сонназ внезапно покинул важную укрепленную позицию по приказу, за который и Чарльз Альберт, и генерал Бава отрицали свою ответственность. Обнаружив свою ошибку, он поспешил вернуться на свою позицию и обнаружил, что она тем временем была занята австрийцами; и когда он затем попытался вернуть ее, то потерпел одно из самых тяжелых поражений в кампании.

Тем временем Временное правительство Ломбардии вызывало величайшее раздражение недостатком энергии в ведении войны и разочарованием, которое они вызывали у добровольцев. В качестве крайнего примера этой последней ошибки можно упомянуть их обращение с Франческо Анфосси. Он был братом Августы, лидера Пятидневного восстания, и с отличием служил в Брешии; однако по прибытии в Милан его внезапно арестовали без объяснения причин. Когда весть о поражении Карла Альбера достигла Милана, Временное правительство снова встревожилось и снова призвало Мадзини на помощь. Ему было очень трудно помешать некоторым из его наиболее пламенных последователей последовать примеру Урбино и организовать восстание против Временного правительства. Поэтому Казати и его друзья знали, что они могут рассчитывать на его помощь, когда бы ни попросили о ней. Его прежнее предложение о созыве Военного совета было теперь принято, и его попросили назвать граждан, из которых он должен был состоять. Из трех, кого он назвал, только один был убежденным республиканцем; в то время как один из них трудился над тем, чтобы способствовать тому слиянию Венеции с Пьемонтом, против которого выступал Мадзини. В обязанности этого Комитета входило укреплять город и снабжать армию продовольствием. Они объявили *массовую дамбу* и приготовились укрепить линии Адда. Они также произвели специальные закупки кукурузы и риса и организовали доставку значительного количества провизии из страны; хотя часть из них была потеряна из-за отказа пьемонтских офицеров выделить охрану для охраны конвоя. Затем они отправили Гарибальди набирать добровольцев; и через три дня у него было под ружьем 3000 человек, и он шел маршем на Брешию.

В разгар этих приготовлений Комитет внезапно услышал, что австрийцы переправились через Адду и что Шарль-Альберт отступает перед ними. Они послали гонцов в пьемонтский лагерь, чтобы узнать о намерениях короля, и были встревожены, получив ответ, что он намерен сам прибыть для защиты Милана. Затем они послали гонцов отозвать Цукки и Гарибальди с линии Адда для фактической обороны Милана. Но руководство обороной было теперь взято из их рук; и 2 августа Комитет был вынужден передать свои полномочия пьемонтскому генералу Оливьери. Оливьери, призывая Комитет обороны остаться на своем посту, отклонил их предложение созвать народ на баррикады. Но когда Карл Альберт подвергся нападению австрийцев под стенами Милана, баррикады были возведены вопреки Оливьери. Однако тогда было уже слишком поздно спасти пьемонтцев от поражения, и 4 августа король послал за Муниципальным советом, чтобы сообщить им, что он решил прийти к соглашению с Радецким. Рестелли, один из членов Комитета обороны, отрицал отсутствие продовольствия и денег, на

что Чарльз Альберт ссылался как на одно из оснований для капитуляции; и когда городской совет согласился с этим предложением, Маэстри, другой член Комитета, отклонил их требование выступать от имени горожан. Известие о том, что король намеревается покинуть их, привело миланцев в ярость; и 5 августа Карл Альберт письменно пообещал остаться для защиты города; а генерал Оливьери даже пообещал отправиться к Радецкому, чтобы добиться хороших условий. Но он не уехал; и Карл Альберт, после тайного соглашения с Радецким передать Римские ворота в его руки, тайно бежал из Милана 6 августа. Многие пьемонтские офицеры были так возмущены этим дезертирством, что предложили остаться в городе и принять участие в его защите; и поднялись крики "Да здравствует Пьемонт!" и "Позор Карлу Альберту!" Но сопротивление было напрасным, и 7 августа Радецкий вступил в Милан. Гарибальди, который уже был в походе на Милан, попытался с помощью генерала Медичи продолжить борьбу на берегах Лаго Маджоре; и Мадзини присоединился к этому небольшому отряду, призвал их упорно продолжать оборону и попытался, хотя и безуспешно, установить связь с защитниками Венеции. Но борьба была безнадежной. Ломбардские города быстро перешли в руки Радецкого, и 11 августа Венеция, оставшись одна в своей защите, отреклась от своей связи с Карлом Альбертом и вернула Манина к власти.

После этого поражения тысячи лангобардов покинули свою страну; и следующие выдержки из литании, составленной в этот период, лучше, чем любое простое описание, выражают их чувства по поводу этой катастрофы: "Вся Италия - наша страна; и мы не изгнанники, потому что остаемся на итальянской земле. И все же мы паломники, потому что обет обязывает нас отправиться в паломничество в Святую Землю, то есть в Ломбардию, когда она будет освобождена. Ибо сердце нашей страны - это дом наших отцов, место, где мы родились, где мы научились молиться и где нам открылась любовь, где мы оставили в покое наших умерших, наших матерей, наших сыновей и наших братьев в слезах. Кайри Элейсон" и проч.... Затем они призывают к Христу, Пресвятой Деве и Святым избавить Ломбардию от австрийцев и призывают их на помощь в память об особых страдальцах за Свободу, среди которых они особо выделяют братьев Бандьера и защитников Милана и Павии; и заканчивают они молитвой о том, чтобы они не умерли, пока не поприветствуют Италию "единой, искупленной, свободной и независимой".

Однако у Радецкого был еще один враг, которого нужно было наказать, помимо лангобардов и пьемонтцев. Действия папы, какими бы неуверенными и, можно даже сказать, нежелательными они ни были, придали силу антиавстрийскому движению, которую не смог бы придать ни один другой монарх; и пока в Папской области правили либералы, Радецкий считал свою работу незавершенной. Таким образом, примерно за три недели до капитуляции Милана отряд из 6500 австрийцев переправился через По и снова вступил в Феррару. Болонцы, всегда наиболее политически энергичные из всех подданных папы, пожелали немедленно выступить в Феррару; но сторонник легата, правивший в Болонье, попытался сдержать народное движение и отказался предпринять какой-либо более энергичный шаг, чем выпуск прокламаций. Он даже призвал болонцев вспомнить о судьбе Виченцы в качестве предостережения от бесполезной обороны. Но народ не захотел его слушать, и заявление папы о том, что он будет защищать границы своего государства, усилило их стремление к действию. Воодушевленный мирными действиями сторонника легата и ни в коей мере не встревоженный его прокламациями, генерал Уэлден 7 августа вступил во главе своих войск в Болонские ворота Маджоре. Рядом с этими воротами тропинка ведет к возвышенности под названием Монтаньола, которая покрыта травой и деревьями. К этому и направились австрийские войска; но, несмотря на предупреждения сторонника легата, требование Вельдена о заложниках было категорически отклонено. Народ

зазвонил в колокола и бросился на баррикады; оттуда вынесли старую пушку и отнесли на Монтаньола, и к шести часам вечера 8 августа у всех городских ворот были возведены баррикады. Австрийцы были изгнаны, а монсеньор Опицони, находившийся в загородном доме за городом, был спасен горожанами и доставлен в Болонью.

Мечтательный город старого света сразу же наполнился новой жизнью; соседи стекались сюда из окрестных районов; и солдаты, которые покинули город, полагая, что его невозможно оборонять, теперь вернулись к нему на помощь. Сторонник легата обратился с ободряющим обращением к горожанам, а Уэлден пожаловался, что правители Болоньи не смогли обуздать возбужденный дух города. Послы Англии, Франции, Пруссии, Дании, Швеции и даже Неаполя, проживавшие во Флоренции, протестовали против возобновления австрийского наступления; энтузиазм по поводу болоньезе распространился на Венецию, где была собрана крупная подписка для семей тех, кто пал 8 августа; и, наконец, 15 августа состоялась встреча между Вельденом и представителями папы римского, в результате которой австрийским войскам был отдан приказ переправиться через По.

Тем временем, какую бы помощь австрийские генералы ни получили с одобрения франкфуртского парламента, эта помощь, должно быть, потеряла свою ценность, поскольку позиция парламента становилась все слабее и слабее. Одной из больших трудностей, как уже упоминалось, было растущее соперничество Берлина; и это становилось тем более опасным для свободы Германии, что сторонники первоначальной борьбы за свободу продолжали терять свое влияние при прусском дворе. Кампхаузен, новый премьер-министр, отверг Мартовскую революцию так же решительно, как Шмальц отверг народный элемент в борьбе 1813 года. Принц Вильгельм Прусский, брат короля, считавшийся лидером реакционной партии, вернулся в Берлин; и, хотя теперь он заявлял, что принимает Конституцию, все считали, что он замышляет зло. Действительно, фактические свободы граждан Берлина еще не подверглись нападению, но обращение с Позеном стало предупреждением об их будущей участи. Мирославский, лидер польского движения в Познани, был с энтузиазмом принят в Берлине во время мартовского восстания; и тогда король разрешил различным провинциям Пруссии решать, следует ли им быть поглощенными новой Германией. Позенское собрание приняло решение двадцатью шестью голосами против семнадцати против предлагаемого поглощения; и в качестве средства выполнения этого решения они отстранили некоторых прусских чиновников от должностей в своей провинции. Король Пруссии сначала, казалось, одобрил это изменение и направил генерала фон Виллизена обеспечить полякам их национальные права. Но когда немецкая партия в Познани оказала сопротивление этой политике, король уступил им, отозвал генерала фон Виллизена и послал вместо него генерала фон Пфуля, который ввел в Познани осадное положение и наказал всех, кто принимал участие в польском движении.

Но какими бы тревожными ни были эти признаки для более либеральных членов Франкфуртского парламента, отношение большинства этого парламента к полякам не было настолько великодушным, чтобы оправдать их суровое осуждение прусского министерства. Именно в другой части Европы и в совершенно иной борьбе власть Франкфуртского парламента над королем Пруссии должна была быть окончательно испытана. Мартовское восстание в Дании, к сожалению, подобно восстаниям в Пеште и Франкфурте, сопровождалось желанием укрепить свою собственную страну за счет ее соседей; и Ассамблея в Копенгагене 11 марта

осудила требования Шлезвига на отдельную конституцию с таким же рвением, с каким либералы Пешта требовали упразднения Трансильванского сейма, а либералы Франкфурта - присоединения Богемии к Германии. Сословия Шлезвиг-Гольштейна, однако, сочли, что пришло время для более определенного требования независимости, и 18 марта выдвинули пять предложений, которые воплотили в петицию королю. Они сводились к тому, что представители сословий обоих герцогств должны быть объединены в одно Собрание с целью обсуждения Созыва Собрания для Шлезвиг-Гольштейна; что должны быть приняты меры, позволяющие Шлезвигу войти в Германский союз; что с учетом опасностей как изнутри, так и извне, должны быть приняты меры для всеобщего вооружения народа; что должна быть предоставлена свобода печати и свобода публичных собраний; и что премьер-министр Дании должен быть отправлен в отставку. Прибытие подателей этой петиции в Копенгаген вызвало большое возмущение среди датчан; и 20 марта было проведено собрание для принятия пяти контррезолуций в пользу притязаний Дании на Шлезвиг; о настроении собрания в достаточной степени свидетельствовал тот факт, что, хотя четыре резолюции, утверждавшие могущество Дании, были легко приняты, резолюция, предлагающая создать Провинциальное собрание для Шлезвига, была отклонена огромным большинством голосов. Герцогствам Шлезвиг и Гольштейн была объявлена война; и, чтобы помешать этим герцогствам должным образом уведомить о войне, члены депутации были задержаны в Копенгагене до фактического отплытия экспедиции. 27 марта датские войска появились перед Хадерслебеном; и вслед за этим Шлезвиг-Гольштейнские владения объявили, что герцог Шлезвиг-Гольштейнский больше не свободен, и сформировали Временное правительство.

Заседание Подготовительного парламента во Франкфурте, естественно, усилило надежды жителей Шлезвиг-Гольштейна; и они избрали семь представителей для участия в заседаниях этого парламента. Но Шлезвиг-Гольштейнский вопрос, казалось, был обречен на то, чтобы выдвинуть на первый план все трудности, которые препятствовали установлению свободы и единства Германии. Старый бундестаг еще до заседания Франкфуртского парламента заявил о своей симпатии к сословиям Шлезвиг-Гольштейна; и, хотя он выразил свое одобрение избранию представителей Шлезвиг-Гольштейна во Франкфуртский парламент, он заявил, в отличие от этого органа, о своем исключительном праве руководить федеральными силами Германии. Король Пруссии, без сомнения, был рад натравить более старый корпус на представителей новой Германии; и, по общему признанию, именно под руководством Бундестага в апреле месяце он ввел свои войска в Шлезвиг-Гольштейн. Но вскоре стало ясно, что ни представители старой Лиги князей, ни Ассамблея, олицетворявшая стремления Германии к свободе и единству, не смогут контролировать короля Пруссии. В начале июня он проявил склонность прийти к взаимопониманию с королем Дании и эвакуировать Северный Шлезвиг. Лидеры Франкфуртского парламента чувствовали, что для того, чтобы контролировать этого опасного соперника их власти, они должны создать некую центральную власть, которая была бы способна полностью заменить Бундестаг; и в значительной степени под влиянием этого чувства эрцгерцог Иоанн был избран администратором Империи.

Но, какую бы силу Франкфуртский парламент ни приобрел в Германии благодаря этим выборам, вряд ли можно было ожидать, что выбор австрийского принца приведет к более дружественным отношениям между Франкфуртом и Берлином; и в июле поползли слухи, что между королями Пруссии и Дании вот-вот будет заключено перемирие более длительного характера, в то время как король Ганновера, казалось, был склонен поддержать первого в его неповиновении Учредительному собранию во Франкфурте. Наконец, в сентябре наступил перелом в борьбе.

Тогда стало ясно, что в Мальме между Пруссией и Данией было заключено семимесячное перемирие. В течение этого периода оба герцогства должны были управляться от имени короля Дании как герцога Шлезвиг-Гольштейнского; и человеком, который был выбран действовать от имени короля, был граф Мольтке, против которого ранее протестовал народ Шлезвиг-Гольштейна из-за его тиранических действий. Он должен был осуществлять всю полноту власти, за исключением законодательной, которая, действительно, должна была полностью прекратиться во время перемирия; и ему должны были помогать четыре нотабля, двое из которых должны были быть назначены королем Дании, а двое - королем Пруссии.

Франкфуртский парламент счел, что это перемирие принесло бы в жертву всю цель войны; и по предложению Дальмана 5 сентября 238 голосами против 221 они постановили прекратить выполнение перемирия. Министерство, назначенное эрцгерцогом Иоанном, после этого ушло в отставку, и эрцгерцог уполномочил Дальманна сформировать новое министерство. В то же время сословия Шлезвиг-Гольштейна собрались и отрицали, что кто-либо имеет право распускать их против их воли, принимать законы или взимать налоги без их согласия. Открытое собрание граждан Шлезвиг-Гольштейна заявило, что они не подчинятся новому правительству; каждый из четырех знатных людей отказался сотрудничать с Мольтке; и, когда он обратился к Временному правительству за защитой, они прислали ему паспорт, позволяющий покинуть страну. Но Франкфуртский парламент очень скоро начал содрогаться от собственной дерзости; и когда Роберт Блюм убедил его в желательности скорейшего введения в действие его декрета о Шлезвиг-Гольштейне, парламент решил, что для этого предложения нет срочности; и некоторые из наиболее робких членов начали ссылаться на опасность ссоры с Пруссией. Арндт, голосовавший за осуждение перемирия, теперь перешел на другую сторону и призвал парламент принять его, чтобы убедить датчан, "что они братский народ"; в то время как даже те, кто все еще осуждал действия Пруссии, начали предлагать всевозможные компромиссы. Наконец, 16 сентября Ассамблея отменила свое предыдущее голосование, заявив 257 голосами против 236, что препятствовать выполнению перемирия нецелесообразно.

Лидеры немецких левых считали, что уступка королю Пруссии в этом споре означала принесение в жертву всей цели существования парламента; и незадолго до окончательного голосования Роберт Блюм заявил, что теперь необходимо решить, должна ли Пруссия быть поглощена Германией или Германия стать прусской. Но решение франкфуртского парламента настолько пробудило ярые демократические настроения в городе, что движение сопротивления Пруссии вышло из-под контроля Роберта Блюма и перешло под руководство гораздо более свирепых и нетерпимых настроений. Несколько тысяч демократов, принадлежащих к франкфуртским клубам, провели 18 сентября митинг, на котором они призвали членов левых покинуть Франкфуртский парламент и сформировать отдельную Ассамблею. Зитц, представитель Майнца, и девятнадцать других депутатов приняли это предложение, а тем временем франкфуртская толпа, возглавляемая человеком, носившим зловещее имя Меттерних, возводила на улицах баррикады и готовилась к регулярному восстанию. Министерство в большой тревоге послало за войсками, и баварские, прусские и австрийские генералы одинаково откликнулись на этот призыв. Роберт Блюм и Симон, депутат от Бреслау, тщетно пытались заключить мир, умоляя министерство вывести войска, а повстанцев снести баррикады. Но Министерство не захотело прислушиваться ни к каким советам, и повстанцы пригрозили Блюму и Саймону смертью. Ауэрсвальд и Лихновски, два члена Правых, были убиты во время беспорядков. Многие бежали из города; и говорят, что, когда эрцгерцог Иоанн пожелал, наконец, заключить перемирие, не нашлось ни одного члена

министерства, который подписал бы приказ о выводе войск. 19-го числа борьба продолжалась ожесточенно; но не было организации, способной оказать постоянное сопротивление солдатам; и к десяти часам вечера все баррикады были сметены; и министерство вскоре после этого объявило Франкфурт на осадном положении.

Эти события нанесли удар по надеждам на объединение немецкой свободы с немецким единством, которые они впоследствии так и не восстановили; и альтернатива, предложенная Блюмом, должна ли Пруссия быть поглощена Германией или Германия - Пруссией, с того дня должна была быть заменена вопросом, должна ли Австрия или Пруссия поглотить Германию. Однако были и такие, кто не сразу отказался от своей надежды на решение, более благоприятное для свободы, чем любая из этих альтернатив. В некоторых частях Германии республиканские настроения, казалось, росли в течение некоторого времени, и самых яростных и отважных республиканских лидеров все еще можно было найти в Бадене. Восстание, последовавшее за роспуском Подготовительного парламента, действительно, дискредитировало Геккера и его друзей среди многих более умеренных демократов; и это чувство, отдалив партию Геккера от Роберта Блюма, лишило этого способного и умеренного государственного деятеля власти, которую он мог бы обрести как глава объединенной демократической партии. Это восстание также, к сожалению, привело к столкновению между Баденом и Баварией и, по крайней мере, к возникновению чувства подозрительности между Баденом и Вюртембергом. Но, хотя демократическая партия в целом была ослаблена баденским восстанием, и хотя даже особое южногерманское движение, которое, казалось, в марте приобрело такое сильное влияние, было разобщено, все же, с другой стороны, определенная форма народного энтузиазма, несомненно, была вызвана Геккером, такого рода, который не удалось возбудить более мудрым демократам; и попытка членов Правых во Франкфуртском парламенте аннулировать избрание Геккера из-за его мятежа, выделила его как выдающегося политика. мученик за свободу.

Но когда баденские республиканцы собрались на акцию после беспорядков во Франкфурте, по какой-то неизвестной причине они предложили руководство движением Струве, а не Геккеру. Струве, по-видимому, обладал меньшими способностями к работе лидера восстания, чем его коллега. Он был, как показала его программа в Подготовительном парламенте, заинтересован скорее в удовлетворении материальных претензий, чем в утверждении конституционных свобод; и, хотя теперь он провозгласил Республику из здания городского совета в Леррахе, он основывал свое обращение к народу главным образом на том бремени, которое все еще лежит на земледельцах; и он не ссылаясь на вопрос о Шлезвиг-Гольштейне и не приводил никаких конституционных оснований для провозглашения Республики. Блюм видел, что республиканизм не был популярен в Германии; и, хотя он надеялся на Республику как на конечную цель своих политических устремлений, он чувствовал во время заседания франкфуртского парламента, как и Мадзини во время войны в Ломбардии, что любая насильственная попытка навязать республиканские взгляды была бы опасна для свободы. Действительно, было ясно, что единственная возможность хотя бы временного успеха восстания в то время заключалась бы в обращении к национальным чувствам по поводу Шлезвиг-гольштейнской войны. Таким образом, движение потерпело неудачу, и потерпело позорный провал. Против повстанцев были посланы федеральные войска; при первом столкновении последние были легко разбиты, и восстание запомнилось только как путч Струве.

Поскольку франкфуртский парламент больше не воплощал надежд либералов; поскольку восстания республиканцев казались безнадежными; и поскольку вряд ли можно было ожидать от человеческой природы, что те, кто желал установить единство Германии во Франкфурте, сразу согласятся сплотиться вокруг того прусского парламента, который помог свести на нет их усилия; взгляды всех, кто не хотел признать дело проигранным, инстинктивно обратились к Вене. Там с 10 июля заседал парламент, который, казалось, пользовался большей свободой, чем в других частях Германии. Эта безопасность была частично обусловлена влиянием того же принца, который так сильно повысил авторитет Франкфуртского парламента; ибо эрцгерцог Иоанн был единственным членом королевского дома, который искренне уважал свободу. Он согласился не только открыть Венскую ассамблею, но и, немного позже, добиться отстранения Пиллерсдорфа от должности на том основании, что тот потерял доверие народа; а в августе самого Фердинанда убедили вернуться в Вену и таким образом дать еще большее чувство безопасности сторонникам парламентского правления. Не обошелся этот парламент и без более солидных результатов, ибо он отменил в Австрии ту феодальную систему, которая уже была сметена в Венгрии.

Но, несмотря на этот очевидный успех, семена раскола и горечи были посеяны слишком глубоко, чтобы позволить Вене обрести длительную свободу. Рабочие движения, так часто приводившие к бунтам, были одной из причин слабости; но самой продолжительной и фатальной причиной была та ужасная расовая ненависть, которая больше, чем что-либо другое, погубила австрийское движение за свободу в 1848 году. Оппозиция богемии майскому восстанию в Вене усилила против них негодование, которое уже было возбуждено их отношением к Франкфуртскому парламенту; а июньское восстание в Праге было раздуть немецкими паникерами до антинемецкого "Св. Бартоломею." Когда доктор Ригер, зять Палацкого, умолял отложить выборы председателя Собрания на том основании, что богемские депутаты не успели прибыть, его освистали на улицах, и только вмешательство доктора Гольдмарка спасло его от реального насилия; и, когда Ригер протестовал против незаконного ареста и тайного суда над одним из лидеров Богемии в Праге, Бах, который теперь стал самым популярным из министров немецкой партии, уклонился от апелляции. Действительно, выступления немецкой партии в Вене были отмечены сочетанием несколько высокомерного утверждения народной власти, представленной Ассамблеей, с презрением к чаяниям других стран. Это сочетание чувств, пожалуй, лучше всего было проиллюстрировано собранием 29 июля, когда большинство Ассамблеи, призывая императора вернуться в Вену, с негодованием отвергло слово "укушенный" (умолять) из обращения и заменило его словом "фордерн" (требовать). В день этого важного утверждения народных прав известие о победах Радецкого в Италии было встречено громкими аплодисментами в Палате, и вскоре после этого в честь этих побед было объявлено торжественное богослужение.^[15]

Но каким бы оскорбительным ни казался исследователю того периода этот контраст между более вульгарной стороной демократических чувств и безразличием к свободам Италии и Богемии, было одно направление, в котором проявились более великодушные инстинкты венских демократов; хотя даже в этом вопросе принципиальное великодушие было печально омрачено жестокостью действий. Политическим вопросом, вызвавшим это лучшее чувство, было отношение Вены к Венгрии. Следует помнить, что энтузиазм по отношению к Венгрии, который был пробужден речью Кошута 3 марта, был значительно ослаблен позицией, которую заняли мадьярские лидеры по отношению к майскому восстанию в Вене; и более демократичный тон Джеллачича по этому поводу заставил венцев на некоторое время

обратиться за сочувствием к Аграму, а не к Буда-Пешу. Но никакие уступки монархическим чувствам, на которые Кошут был бы склонен пойти, не могли примирить самого влиятельного из советников Фердинанда с независимым положением, которое получили мадьярские министры. Действительно, придворные, которые помогли сформировать Камарилью, поначалу могли бы отказаться от какого-либо сочувствия к смелой и независимой позиции сербов и хорватов. Но партия в Вене, выступавшая против венгерской свободы, с марта пополнилась людьми, которые не были теоретическими противниками восстания, а просто желали, чтобы новое свободное правительство было так же сосредоточено в Вене, как это было при старой системе Меттерниха.

Наиболее важным представителем этой фазы общественного мнения был военный министр Латур. С тех пор как он вступил в должность во второй половине апреля, он пытался использовать недовольные слои населения в Венгрии, чтобы ослабить власть мадьяр и укрепить власть в Вене. Хотя ему не удалось сразу привлечь к этим интригам своих коллег по министерству или убедить придворных посочувствовать национальным лидерам в Аграме и Карловице, все же в положении дел были моменты, которые Латур смог умело использовать для достижения своих целей. Из этих обстоятельств одним из самых поразительных был характер императора. С момента своего восшествия на престол Фердинанд проявил себя как человек, стремящийся к установлению справедливости между соперничающими расами своей Империи. Огромная трудность уравновесить притязания немцев и богемцев, мадьяр, хорватов и сербов вполне могла бы озадачить более сильный мозг и ослабить более стойкую волю, чем у Фердинанда Добродушного (*der Gutige*); а если принять во внимание болезненную болезнь, которой он всегда страдал, то более удивительным покажется то, что он когда-либо придерживался твердой политической цели, пусть и на короткий период, чем то, что он постоянно колебался и менял свой курс, когда его внимание привлекали новые аспекты вопроса.

Эта путаница и ее естественные результаты хорошо иллюстрируются историей, которая, хотя и явно не поддается доказательству, тем не менее, можно предположить, что она отражает общественное мнение об этом слабом, но исполненном благих намерений монархе. История такова, что во время одной из своих бесед с сербской депутацией Фердинанд со слезами слушал описания жестокостей, творимых мадьярами; но как раз в тот момент, когда он, казалось, собирался дать им благоприятный ответ, он случайно взглянул на записку от Меттерниха, которая лежала рядом с ним на столе, и, взяв ее, он прочел эти слова: "*Die Serben sind und bleiben Rebellen*" (Сербы были и остаются повстанцами). Эта фраза лишила Фердинанда сочувствия, и он сразу же распустил депутацию с расплывчатыми словами.

Руководствуясь этим желанием воздать справедливость обеим сторонам и этой слабостью под давлением более сильной воли, Латуру было легко действовать. Конференция в Вене между представителями соперничающих рас, очевидно, была средством, которое было легко рекомендовать Фердинанду, в то время как оно давало замечательные возможности для тайных интриг. Более того, какие бы возражения ни высказывали придворные по отношению к другим лидерам славянских рас, был, по крайней мере, один, который стоял на несколько иной позиции. Джеллачич был личным фаворитом эрцгерцогини Софии, жены эрцгерцога Франциска Карла, следующего наследника престола. Он был полковником австрийской армии, и его назначение рассматривалось в Буда-Пеште не только как утверждение имперской власти, но и независимости Хорватии. С другой стороны, тот факт, что 29 июня Скупщина Хорватии наделила его почти диктаторскими полномочиями всего через десять дней после того, как

император объявил его предателем, сделал его заслуживающим доверия представителем независимых националистов Хорватии; и хотя, следовательно, Латур видел в нем подходящее орудие для своей цели, Фердинанд, естественно, надеялся, что встреча Желлачича и Баттьяни в Вене может привести к удовлетворительному урегулированию разногласий между Венгрией и Хорватией.

В этой надежде императора поддержал эрцгерцог Иоанн, предложивший себя в качестве посредника между противоборствующими сторонами. Но, к сожалению, двойная ответственность, которую эрцгерцог Иоанн взял на себя, помешала осуществлению его благих намерений; ибо, пока он настаивал на компромиссах в отношении мадьяр и хорватов, бремя его обязанностей администратора Германской империи вынудило его поспешить во Франкфурт. И таким образом Баттьяни и Желлачич остались лицом к лицу в городе, где мало кто желал их примирить, и где самые влиятельные люди желали усугубить их разногласия. Однако следует сказать, отдавая должное Желлачичу, что некоторые моменты, на которых он настаивал в ходе полемики, были несколько неправильно поняты с точки зрения их духа и намерения. Утверждалось, например, что, требуя централизации финансового и военного управления в Вене, он боролся исключительно за интересы Двора, а вовсе не за независимость Хорватии. Это, однако, едва ли справедливо; ибо у Желлачича были веские основания полагать, что славянская свобода нуждалась в защите со стороны мадьярских министров финансов и войны, поскольку в июле Кошут, как министр финансов, отказался от снабжения хорватской армии; и даже сербы, которые все еще находились в частично враждебных отношениях с Двором, обсуждали вопрос о подчинении себя министерству в Вене в качестве защиты от мадьяр. Были, однако, и другие предложения Желлачича, которые едва ли могли быть охвачены этим объяснением, такие как требование, чтобы Венгрия взяла на себя часть венского долга и чтобы в Италию было направлено больше войск; и поэтому было естественно, что Баттьяни истолковал предложение о военном министерстве и министерстве финансов скорее как удар по свободам мадьяр, чем как утверждение независимости Хорватии. Было очевидно, что с точки зрения примирения Конференция безнадежно провалилась; и Баттьяни, после тщетных уговоров Желлачича отказаться от этих предложений, поднялся с возмущенным восклицанием: "Тогда мы встречаемся на Драве".^[16] "Нет, - сказал Желлачич, - на Дунае". И вот они расстались с сознанием того, что войны больше нельзя избежать.

Но, хотя Конференция провалилась, насколько это касалось ее очевидной цели, она способствовала завершению изменения политики Суда и позиции Желлачича. С этого времени он перестал быть безоговорочным поборником хорватской свободы и стал солдатом императора; и поэтому с этого времени немецкие демократы Вены возобновили свою старую веру в Кошута и считали его врагов своими врагами. Политика Латура была принята при дворе, и Фердинанд был окружен в водовороте аристократических мнений и официальных интриг. 4 августа Фердинанд официально объявил о своем доверии Желлачичу; примерно 1 сентября венское министерство объявило венграм, что мартовские законы, которые обеспечили Венгрии ответственное министерство, недействительны, поскольку были приняты без санкции министров в Вене; и Фердинанд поддержал это мнение.

Тем временем даже сербское движение, на которое венские придворные смотрели с особым подозрением, переходило в руки, более благоприятные для власти императора. Во второй половине июля Стратимирович добился больших успехов в Банате; и его союз с сербским генералом Кничанином вселил в него надежду, что он сможет свергнуть власть как в Вене, так и

в Буда-Пеше. Но патриарх Раджачич, который с такими колебаниями вступил в восстание, видел свою единственную возможность спасения в том, чтобы передать движение под власть императора. Поэтому он выступил против влияния Стратимировича; и по возвращении из Аграма в Карловиц он смог использовать свой авторитет патриарха, подкрепленный влиянием Джеллачича, чтобы вернуть бразды правления и ограничить власть Стратимировича военными делами. Ко времени возвращения Раячича война начала затихать; но в середине августа мадьяры возобновили свои атаки и осадили сербский город Сент-Томаш. Стратимирович перешел к обороне и добился таких успехов, что некоторые мадьяры подняли крик об измене своим генералам. Поэтому генерал Кисс был ниспослан, чтобы занять место тех, кто утратил доверие общественности. Сначала исход войны был сомнительным, поскольку победы попеременно одерживали сербы и мадьяры; но, наконец, Киссу ловким движением удалось помешать Стратимировичу объединить свои силы с силами Кничанина и, таким образом, повернуть весь ход войны против сербов. Такое изменение ситуации, естественно, благоприятствовало планам Раячича; Стратимирович, обнаружив, что большая часть народных настроений оборачивается против него, сложил свои полномочия, и на его место был отправлен полковник Майерхоффер, австрийский офицер. Некоторые из солдат Стратимировича были, действительно, возмущены этой переменой; и Раячич был вынужден сделать некоторые шаги к примирению; но Супликач, воевода, поддержал Раячича в его общих планах; и с помощью их совместного влияния Латур смог превратить сербское дело в новую опору для правления императора.

Трогательно видеть, как, несмотря на неопровержимые доказательства, Фердинанд все еще цеплялся за надежду, что ему удастся примирить лидеров различных рас в своей Империи, и еще более странно видеть, как он все еще верил, что Латур будет сотрудничать с ним для достижения этой цели. Теперь он выбрал своим посредником венгра по имени Ламберг, которому поручил уладить дела между противоборствующими сторонами и восстановить порядок в Венгрии. Ламберг был известен Баттьяни и, по-видимому, в какой-то степени пользовался его доверием; поскольку Баттьяни заявил, что он сам подписал бы поручение Ламберга, если бы Латур только представил его ему вовремя. Но Латур, цели которого сильно отличались от целей его добродушного хозяина, отправил Ламберга в Буда-Пешт без санкции, которая одна могла обеспечить ему законный авторитет в глазах венгерских министров.

За несколько дней до прибытия Ламберга в Пеш было предоставлено поразительное доказательство растущей симпатии между немецкими демократами Вены и мадьярами, а также той ожесточенной расовой ненависти между немцами и богемцами, которая была вызвана обстоятельствами июньского восстания в Праге. Мадьяры направили депутацию в венский парламент в надежде возродить старый союз между Буда-Пештом и Веной. Многие недавние события вновь пробудили в венских немцах более щедрую сторону демократического духа. Даже те, кто сочувствовал отвоеванию Ломбардии, были встревожены тем типом правления, которое австрийские генералы пытались ввести в этой провинции; и один из членов Собрания спросил, что бы они подумали, если бы армия, которая сейчас находилась в Италии, стояла перед воротами Вены? Это чувство тревоги по поводу роста военной мощи, независимой от парламента, естественно, усилилось из-за подозрений в интригах Латура с сербами и хорватами. Когда затем, 19 сентября, мадьярская депутация, среди которой были Этвеш и Весселеньи, попросила аудиенции у Ассамблеи, чтобы они могли объяснить свою позицию, ведущие немецкие демократы настаивали на их приеме, но богемские лидеры протестовали против этого, осуждая мадьяр как за отделение от Австрии, так и за угнетение славян. Шуселка

попытался выступить посредником между двумя партиями, утверждая, что, хотя мадьяры совершили много непростительных поступков, все же, по справедливости, парламент должен был заслушать их петицию; но министралисты в сочетании с богемцами были слишком сильны для сопротивления; и большинством в восемьдесят голосов было решено не допускать депутацию.

Этот отказ венского парламента положил конец последней надежде на мирное урегулирование венгерских трудностей. 27 сентября Ламберг вступил в Буда-Пеш, куда к этому времени был переведен венгерский сейм. Следует помнить, что мадьяры только что были раздражены осуждением Фердинандом мартовских законов Венгрии и встревожены выражением им доверия к Желлачичу, который только что пересек Драву и вторгся в Венгрию. Когда затем Ламберг прибыл в Пеш с поручением, не подписанным ни одним венгерским министром, его прибытие, естественно, было расценено как еще одно свидетельство попытки австрийского министерства подавить свободы Венгрии. Достаточно было незначительного обстоятельства, чтобы эти подозрения переросли в панику; и известие о том, что Ламберг немедленно переправился через Дунай, чтобы посетить крепость Буда, показалось возбужденным мадьярам достаточным доказательством его опасных намерений. Был поднят крик о том, что крепость собирается быть захваченной и установлено военное положение. Пылкие ученики Пешта поспешили на улицы; и когда Ламберг возвращался по подвесному мосту в Пеш, на него напали и убили. Баттьяни, напуганный этим актом, подал в отставку с поста премьер-министра и бежал в Вену; а парламент Венгрии принял резолюцию, осуждающую убийство. Теперь Фердинанда было легче склонить к насильственным действиям. 3 октября он объявил венгерский сейм распущенным, провозгласил Джеллачича диктатором Венгрии и назначил Рекси премьер-министром вместо Баттьяни. Джеллачичу, однако, было нелегко отстаивать ту власть, которая теперь была ему дана. Он надеялся, что в неразберихе, последовавшей за смертью Ламберга, ему удастся взять Пешт штурмом; но его отбросили назад, и еще до конца октября хорваты были изгнаны из Венгрии.

Тем временем подозрения венцев росли, и 29 сентября доктор Ленер, один из первых лидеров мартовского движения, публично осудил Латура за его интриги с Джелласичем. Теперь эти интриги были вне всяких сомнений благодаря некоторым письмам, попавшим в руки венгерского министерства. Пульски, который в это время находился в Вене, воспользовался возможностью опубликовать эти письма в виде плаката, одновременно он пожаловался Латуру на разрешение, данное Джеллачичу набирать рекрутов в Вене, и пригрозил, что, если эти действия продолжатся, спровоцирует революцию, в ходе которой венские министры будут повешены на фонарных столбах. В то время в Вене действительно было достаточно революционных элементов. Дружба между рабочими и студентами привела к образованию специального подкомитета рабочих при Комитете безопасности. Этот орган фактически обязался найти работу всем, кто остался без работы, и даже выплачивать им заработную плату, пока они были без работы. Это предложение, естественно, вызвало приток рабочих в Вену со всех концов Империи. Попытка просеять и упорядочить заявки на трудоустройство привела к новому ожесточению; а требования о невероятно высокой заработной плате вызвали отпор, на который последовали угрозы насилия. Министерство пыталось побудить рабочих покинуть город, призывая их вступить в армию в Италии; но студенты пресекли эту попытку, напомнив рабочим, что война в Италии была войной против свободы. Подозрения министров были теперь направлены не только против рабочих, но и против студентов; и после беспорядков во второй половине августа Комитет безопасности был распущен, а лекционные залы университета

закрыты. Но эти репрессии, отнюдь не ослабив ожесточения в Вене, только сблизили связи между беднейшими студентами и рабочими; ибо, в то время как более богатые студенты покидали город, более бедные, которым было трудно прокормить себя после закрытия лекционных аудиторий, получали подписку от рабочих. Таким образом, подозрения, вызванные интригами Латура, были значительно усилены общим состоянием Вены в этот период.

Латур, однако, был полон решимости не уступать. Поражения, которые Джеллачич терпел в Венгрии, только усиливали необходимость того, чтобы те, кто сочувствовал ему, прислали ему помощь; и 5 октября по Вене распространилась весть о том, что австрийский полк собирается выступить в Венгрию на помощь Джеллачичу. Студенты отправились в штаб одного из гренадерских полков и убедили их не участвовать в марше. Офицер, арестовавший одного из студентов, подвергся нападению и был ранен; и когда один из гренадеров, раненный в ссоре, был отправлен в свою казарму, его товарищи, казалось, сочли это своего рода арестом и потребовали его сдачи. Национальная гвардия присоединилась к этому требованию, и, таким образом, возникло замешательство, которое позволило студентам и рабочим легко помешать маршу полков, которые отправлялись в Венгрию. Итальянский батальон отказался идти дальше, и в тот день марш был приостановлен. Но генерал Ауэрсперг, командовавший войсками в Вене, был полон решимости продолжать попытку; и поэтому на следующий день солдаты были отправлены на станцию, расположенную за Таборским мостом. Но когда они прибыли на мост, то обнаружили, что перед ними студенты и Национальная гвардия и что заграждения для них были закрыты. Ауэрсперг был встревожен таким сопротивлением и отозвал войска; но к этому времени между солдатами и жителями в других частях города произошли столкновения; ожесточенная драка бушевала на Стефансплац и даже в самой церкви.

Затем внезапно раздался крик: "Латур посылает к нам убийц 13 марта", - и все бросились к зданию Военного министерства. Несколько членов Собрания уже высказали опасения, что на Латура будет совершено личное нападение; и Боррош, один из членов немецкой богемы, Смолка, вице-президент Собрания, доктор Гольдмарк и другие поспешили защитить Латура от мести толпы. Боррош с той же гуманной изобретательностью, которую Лафайет проявил в аналогичном случае, пообещал, что Латура ждет официальный суд, если толпа пощадит его. Толпа приветствовала Борроша и его друзей, и многие из них пообещали, что защитят жизнь Латура. Боррош уехал, полагая, что Латур в безопасности; но доктор Фишхоф, чувствуя, что дело еще не в безопасности, убедил нескольких членов Национальной гвардии выступить в качестве специальных защитников Латура; и в качестве наилучшего средства для достижения этой цели около тридцати или сорока из них взялись арестовать его. Но волнение толпы возросло с новой силой, и они ворвались в Военное министерство. Затем Смолка умолял Латура уйти в отставку. Священник согласился, но страсти толпы не унимались. Несчастный попытался скрыться от их преследования, но они вытащили его из укрытия и оттолкнули его защитников. Фишхоф отразил первый удар, который был направлен в его сторону. Студент по имени Раух тоже пытался защитить его, но все было напрасно, и его потащили вниз по лестнице на площадь перед Военным министерством. С развевающимися вокруг него седыми волосами его подняли на фонарный столб, который тогда стоял на площади. Он боролся со своими врагами и заставил их бросить его один раз; но снова его подняли на столб, и на этот раз повешение было завершено, толпа сорвала с него одежду и обмакнула свои носовые платки в его кровь. Эта вспышка дикости, вместо того чтобы утолить ярость народа, усилила его жажду крови, и теперь его жажда мести была обращена против чешских депутатов. Стробах, который был избран председателем Собрания, вообще отказался проводить заседание в тот день, заявив, что

именно тогда необходимы исполнительные, а не законодательные функции. За этот отказ некоторые из депутатов хотели привлечь его к ответственности, и на галерее Собрания появились вооруженные люди, угрожавшие расправой чешским депутатам. Эти депутаты, обнаружив, что они больше не могут свободно совещаться, вскоре после этого бежали из города и выступили из Праги с протестом против правления террора, которое, как они объявили, господствует в Вене. Тем временем Фердинанд, согласившись в день смерти Латура на формирование Демократического министерства, на следующий день бежал из Вены в Шенбрунн, а вскоре после этого в Иншпрук; и вскоре он сообщил о своих чувствах венцам прокламацией, в которой он также осуждал господство насилия в Вене.

Едва венцы оправались от удивления, вызванного бегством их императора, как они услышали, что Джеллачич, отказавшись от надежды завоевать Венгрию, выступил против Вены. Генерал Ауэрсберг, который отвел свои войска в Бельведер после столкновения между солдатами и народом, по-прежнему считался венцами в некоторой степени сторонником их дела; и они умоляли его отразить атаку Джеллачича и призвать на помощь венгров. Ауэрсберг, однако, отклонил это предложение, тайно вывел свои войска из города и 11 октября открыто присоединился к Джеллачичу.

Теперь Ассамблея стремилась обратиться за помощью к Франкфуртскому парламенту и умоляла его прислать представителей в Вену. Роберт Блюм, уставший от положения дел во Франкфурте и считавший, что единственная оставшаяся надежда Германии - в Вене, согласился вместе с четырьмя другими принять это посольство. Парламент в Вене все еще воображал, что они могут придерживаться законных форм; но это желание раздражало тех пламенных политиков, которые чувствовали, что борьба теперь приняла революционный характер; и поэтому они желали свергнуть Ассамблею и учредить на ее месте более решительный орган. Но Блюм, который привык держать в узде буйных членов своей собственной партии во Франкфурте, полагал, что и в Вене он обязан противостоять революционным методам; и, хотя он был готов поддержать венцев в защите их города, он возражал против предложения о насильственном роспуске Собрания на том основании, что такая процедура дала бы тиранам повод для роспуска франкфуртского парламента.

Человек, имевший гораздо большее значение в такой осаде, чем мог бы иметь Роберт Блюм, прибыл примерно в то же время в Вену. Это был Джозеф Бем, галисиец примерно пятидесяти трех лет от роду, который служил в экспедиции Наполеона в Россию и сильно отличился в звании полковника польской артиллерии в битве при Остроленке. Он также командовал польской артиллерией во время восстания 1830 года и пытался организовать польский легион для помощи португальцам во время их борьбы против абсолютистской партии. Он был ранен в одной из таких войн, при ходьбе был вынужден опираться на посох и выглядел маленьким и хрупким. В Польше у него появились как друзья, так и враги, и он был известен своими сильными демократическими симпатиями. Хотя он не был назначен официальным главой Национальной гвардии, вскоре он стал центром и душой обороны. Но он обнаружил, что люди, с которыми ему приходилось действовать, не понимали положения, в котором они оказались; ибо, когда он попытался призвать Национальную гвардию выступить против армии Джелласича, они дважды отказались следовать за ним на том основании, что они были предназначены только для защиты города.

И если правители Вены были слабы в своем отношении к своим врагам, то они были не менее слабы в своем обращении с единственным народом, от которого они могли ожидать помощи в этой чрезвычайной ситуации. Наступление Еллачича на Вену, естественно, усилило симпатии мадьяр к венцам, и Пульски убедил последних призвать венгерскую армию им на помощь. Это официальное приглашение было тем более необходимым, что венгерские офицеры во многих случаях путались в своих представлениях о своих строгих юридических обязанностях в этой войне. Эрцгерцог Стефан, палатинский граф Венгрии, после того, как он якобы принял командование армией, внезапно бежал из страны и таким образом ослабил юридическое положение как своих подчиненных офицеров, так и венгерского сейма, номинальным главой которого он был. Фердинанд повторил свой прежний роспуск сейма в прокламации от 20 октября; принц Виндишграц, заявлявший, что действует от имени императора, издал декларацию из Праги, запрещающую венгерским офицерам сражаться против Еллачича; и вскоре после этого вслед за этим прокламацией выступил маршем на Вену. Генерал Мога, главнокомандующий венгерскими войсками, не решался сопротивляться приказам императора; но, пока генералы спорили между собой, Кошут прибыл в венгерский лагерь, чтобы призвать их к наступлению. После некоторой задержки его влияние возобладало, и 28 октября начался марш венгерской армии на помощь Вене.

Тем временем все те в Вене, кто действительно заботился о ее спасении, пытались подвигнуть своих соотечественников к действию. Роберт Блюм обратился к студентам с речью в пользу "не полуреволюции, а полного изменения системы"; и 25 октября, за три дня до того, как венгры начали свой марш, Бему удалось убедить Национальную гвардию совершить вылазку. Но за этой попыткой последовало замешательство; часть гвардейцев обратилась в бегство; других приняли в темноте за врагов, и их товарищи открыли по ним огонь. Лошадь Бема была убита под ним, и он был вынужден отступить. Виндишграц, который теперь был назначен на полное командование осаждающими силами, потребовал выдачи "польского эмиссара Бема, который совершенно неуместным образом вмешался в дела Вены". Это признание независимости польских провинций Австрийской империи не было принято венцами; они также не согласились выдать кого-либо из других людей, которых требовал Виндишграц. Бем снова поднял солдат на защиту и бранью погнал их на работу. Студенческий легион отличился своей храбростью, и некоторые рабочие храбро поддерживали их. Но Мессенхаузер, официальный лидер Национальной гвардии, заявил, что борьба безнадежна, и призвал народ сдаться.

Теперь многие были готовы отказаться от обороны, как вдруг 30 октября раздался крик о приближении венгров. Гонцы поднялись на высокую башню церкви Святого Стефана и посмотрели в сторону Швехатской равнины, где венгры и австрийцы наконец сошлись в битве. Венгерские друзья посоветовали венцам разрушить железнодорожные пути, но они пренебрегли этой предосторожностью, и, таким образом, Виндишграц смог перебросить дополнительные войска в Швехат. Но большая слабость венгров была вызвана колебаниями генерала Мого и недостатком доверия, которое испытывали к нему его подчиненные офицеры. Войскам было приказано наступать, а затем внезапно остановиться, без всякой видимой причины; несколько новобранцев разбежались; и, наконец, всеобщая паника охватила армию, и они бежали перед австрийцами, продолжая отступать даже после того, как противник прекратил их преследование.

Слухи о венгерской помощи побудили некоторых венцев выступить против сдачи своего города; и это сопротивление продолжалось даже после того, как было официально объявлено о

поражении венгров. Это расхождение во мнениях между лидерами и значительной частью народа привело к беспорядкам в различных частях города. В этих обстоятельствах Виндишграц отказался принять мирную капитуляцию, предложенную лидерами, и вместо этого обстрелял город, а затем вошел в него, пока он все еще был в огне. Бему удалось скрыться, как и трем представителям франкфуртского парламента, но Блюм и Фребель были арестованы. Было обнаружено, что последний написал брошюру, в которой выражалось желание сохранить единство Австрийской империи; и на этом основании он был освобожден. Но было доказано, что Блюм действовал как капитан одного из корпусов Национальной гвардии во время защиты; предполагалось, что его речь перед студентами о полной смене системы подразумевала стремление к республиканскому движению; и поэтому 8 ноября его приговорили к смертной казни, а 9 ноября расстреляли.

Эта казнь вызвала в Германии сильное возмущение; а непопулярность, которую франкфуртский парламент навлек на себя своим согласием на Мальменское перемирие, усилилась из-за того, что они отказались вмешаться, чтобы защитить Блюма от ареста. И все же кажется, что замечания, сделанные выше в случае с Конфалоньери, могут быть снова применены к Блюму. То, что Блюм умер, а Виндишграц восторжествовал, было, без сомнения, печально; но казнь Блюма была скорее результатом системы правления, чем особо незаконным или тираническим актом. Блюм поставил на карту свою жизнь, приехав в Вену во время осады. Если и существовала какая-либо альтернатива его смерти, то это была альтернатива, предложенная Сократом своим судьям; и в случае Блюма, как и в случае Сократа, фактический результат был наилучшим для его чести.

Но что касается самого захвата Вены, то трудно переоценить его значение в истории Революции. Как падение Милана разорвало связь итальянской борьбы с Европейской революцией, так и падение Вены разрушило звено, связывавшее все остальные части Революции воедино. Расовая ненависть и узкое понимание собственных интересов могли помешать венцам понять свое истинное положение; но маршевое восстание в Вене придало различным революциям европейское значение, которого они вряд ли достигли бы без него; и внимание каждой из борющихся рас, в свою очередь, было приковано к городу, который Меттерних сделал центром европейской системы. Еще более очевидным образом была разорвана связь между Германией и остальной Европой и, по-видимому, между самыми энергичными поборниками свободы в разных частях Германии.

Этот последний аспект падения Вены был воплощен поэтом по имени Шауффер в стихах, которые появились через год после этого события и которые также содержат достойную дань уважения тем пылким молодым людям, чья решимость и энтузиазм были в столь значительной степени причиной всего лучшего в венских восстаниях; хотя их национальные предрассудки и отсутствие самоконтроля во многом способствовали краху движения, которое они основали.^[17]

ВЕНСКИЙ ЛЕГИОН.

Их сердца бились высоко и с надеждой,
В погожие октябрьские дни;
Ни один мартовский ветерок Не
Смог бы поднять более смелый дух.
Уже не под холостые удары барабанов,
А под грохот пушек,
на охрану крепостных валов выступил
Венский легион.

Еще раз они приходят охранять ее —
свободу, завоеванную борьбой;
Еще раз сила должна победить,
Когда кровь проливается за правое дело.
Грозит стальной лес,
Прежде чем день будет выигран;
Но Отечество они спасут,
Венский легион.

И когда спартанцы бросили их
На могучую орду персов,
Они набросились на варвара,
Чтобы поразить германским мечом.
Их жизни были брошены на чашу весов
С небрежным презрением;
И победа венчает их отвагу,
Венский легион.

Так они храбро сражались,
Много дней и ночей;
Так они были раздавлены, измученные
всепобеждающей мощью тирана;
Серые воины плакали в тоске
По многим доблестным сыновьям;
И в поражении победил
Венский легион.

Их подвиги будут достойно отмечены
В славной памяти победителей;
Наша молодежь пала в битве,
Но они не сдались в тот день.
Пусть другие приседают и трепещут!
Они не получают прощенья;
Они не смеют жить в рабстве, —

Венский легион.

В дни светлого октября
Они кричали в своей гордыне;
Их удары сыпались густо и смело,
Они наносили свои удары — и умирали.
Доблестные парни пали;
В крови лежит Легион;
Но в могиле, которая скрывает их,
Похоронена Германия.

ГЛАВА X. ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА. ИЮНЬ 1848- МАРТ 1849.

Отличие прусского движения от других мартовских движений.—Силезский вопрос.— Рейнская провинция.— Берлинские рабочие.—Недовольство других прусских либералов.— Ганзема и его уступки.—Предложение рабочего парламента.— "Немецкое" движение в Пруссии.—ПадениеХансемана.—Реакция в Берлине.—Депутация в Потсдам.— "Дас Унглюк дер Кениге".—"Бранденбург в Палате, или Палата в Бранденбурге".—Борьба между парламентом и королем.—Отказ платить налоги.—Окончательный роспуск.—Значение сопротивления прусских либералов.—Предложение короны Германии Фридриху Вильгельму.—Последствия его отказа.—Отречение Фердинанда Австрийского.— Парламент в Кремсье.—Его характер.—Его роспуск.—Трудности Пия IX и его министров.— Росси на посту премьер-министра.—Противоречия в его положении.—Его неприятие итальянских идей.—Его убийство.—Восстание в Риме.—Демократическое министерство.— Бегство в Гаэту.—Теории Мамиани.—Петиция Форли.—Вызов в Римское собрание.— Леопольд Тосканский и Геррацци.—Бегство великого герцога.—Геррацци и Мадзини.— Трудности Джоберти.—Его планы по восстановлению папы и великого герцога.—Их провал.—Нарушения веры Радецким в Ломбардии.—Обращение лангобардов.— Объявление войны Карлом Альбертом.—Позиция Римского собрания.—Обращение Мадзини и его последствия.—Ошибки Карла Альбера и его офицеров.Тито Спери в Брешии.—"Поражение более славное, чем победа".—"Тигр Брешии".—Новара.— Отречение Карла Альберта.—Конец "Конституционным" усилиям по обеспечению свободы.

В то время как Франкфуртский парламент обсуждал личные свободы, конституционные устройства и отношение различных рас друг к другу; в то время как в Италии, Венгрии и Богемии вопросы национальной независимости и расового равенства отодвинули все остальные на задний план; в то время как в Вене республиканские устремления студентов, соперничество между немцами и богемцами и недовольство рабочих - все слилось в один общий элемент неразберихи, так что в конце концов правительство стало невозможным; в Пруссии положение рабочих приобрело такое первостепенное значение в период с апреля по август, что положение рабочих приобрело такое огромное значение, что затушевывать даже самые насущные

конституционные вопросы. Петиция рабочих была первым шагом в мартовском движении в Берлине, а бедствия силезского голода ускорили стремление улучшить положение бедных. Этот силезский вопрос, пожалуй, действительно можно считать главной причиной различия между прусским движением и теми, которые происходили в других странах Европы. В этой несчастной провинции аристократия, по-видимому, пыталась совместить сохранение своей старой феодальной власти с теми преимуществами, которые они могли извлечь из современных коммерческих идей. Таким образом, мельники, которые вели основную промышленность Силезии, по-прежнему платили огромные взносы землевладельцам за использование своих мельниц, в то время как в то же время землевладельцы открывали собственные мельницы, конкурируя с мельниками, которые платили им взносы; и, поскольку землевладелец был свободен от этих поборов, он часто мог разорить тех, кто был одновременно его соперником и иждивенцем. Другие сборы особого рода выплачивались за защиту, которую, как предполагалось, предоставлял землевладелец; другие, опять же, взимались под предлогом предоставления образования детям; в то же время чрезмерное сохранение дичи препятствовало естественному развитию сельского хозяйства. В то же время на западе Пруссии, в Рейнской провинции, французское влияние окрашивало чувства населения, а социалистические июньские восстания в Париже возбудили симпатии жителей Кельна.

Все эти причины в сочетании с новыми надеждами на изменение условий, возникшими в результате революции, имели тенденцию побуждать рабочих Берлина к действиям более определенного социалистического толка, чем это было возможно даже в Вене; и 21 мая берлинский союз рабочих призвал все профсоюзы рабочих по всему Королевству направить представителей в столицу. Это, естественно, привлекло внимание прусских политиков к вопросам, особенно затрагивающим рабочие классы; и Хансеман, умеренный консерватор, пообещал предложить меры для устранения страданий рабочих. В Берлине, как и везде, страдающие классы обнаружили, что эти вещи легче обещать, чем выполнить; и крушение их надежд породило постоянную тенденцию к бунту и беспорядкам.

Но недовольство, вызванное этими причинами, было значительно усилено другими жалобами иного рода. Аристократический характер прусской конституции, которая была провозглашена в апреле, вызвал возмущение у членов прусской либеральной партии, которые мало сочувствовали социалистической агитации. Возвращение принца Прусского в Берлин было расценено как признак еще более реакционных намерений со стороны правительства; в то время как более оправданное основание для жалоб, чем любое из этих двух, было найдено в жестокости, с которой генерал Пфуль подавлял в Познани движение, первоначально санкционированное прусским королем и парламентом. Он разжигал беспорядки и поощрял немцев оскорблять поляков, некоторые из которых были заклеимены и им обрили головы; их священники были убиты, а изображения осквернены. Эти жестокости и оскорбления вызывали не только гнев, но и страх, поскольку некоторые из прусских либералов полагали, что войска, которые тогда были использованы против поляков, могут закончиться попранием свобод Берлина. Если мы добавим к этим причинам недовольства тираническое поведение прусских солдат в Майнце, которое так разозлило франкфуртских либералов; явное неповиновение Французской Республике со стороны сосредоточения войск в Рейнской провинции в сочетании с пренебрежением охраной северо-восточной границы Пруссии от русских войск, которые быстро собирались там; и последнее, но не менее важное, медлительность и нерешительность, проявленные в Шлезвиг-Гольштейнской войне, мы увидим, насколько естественно горькое разочарование рабочих сочеталось с чувством подозрительности, которое они испытывали.

другими классами либералов. Берлинские студенты, действительно, пытались помешать рабочим постоянно прибегать к насилию, но они не смогли многого добиться в этом направлении. Рабочие отчаялись в мирных средствах, и 8 июня они ворвались в Собрание, напали на министров и с трудом восстановили порядок.

Такое положение вещей, естественно, вызвало общее чувство подозрительности и горечи среди всех классов; и в то время как, с одной стороны, в Берлине и некоторых других городах Пруссии началось движение в пользу более консервативного министерства, а крайние поборники реакции даже поговаривали о переносе парламента в Потсдам, бедствия Силезии и Познани настолько будоражили чувства прусских демократов, что каждый шаг в консервативном направлении, каким бы невинным он ни казался, давал повод для новых вспышек. Так, когда были возведены новые ворота, преграждающие вход в королевский замок в Берлине, они были схвачены и унесены толпой; и когда депутация из тридцати умирающих от голода рабочих, несших немецкий флаг с красным флагом сбоку, была отброшена министрами, раздался крик о всеобщем вооружении народа; и когда в этом было отказано, рабочие ворвались в оружейный склад и унесли около 3000 единиц оружия.

Министерство теперь встревожилось за спокойствие Берлина; и, несмотря на решение Ассамблеи об обратном, оно послало за тремя новыми батальонами ополчения и привлекло к ответственности людей, принимавших участие в нападении на оружейный склад. Однако время для полной реакции еще не пришло, и поэтому было неизбежно пойти на уступки столь сильному народному движению. Итак, 23 июня Кампгаузен пал; Ганземан, обещавший помощь рабочим, сформировал министерство; и в тот же день в прусском парламенте был выдвинут план отмены феодальных повинностей. Хансеман также пообещал развивать муниципальное управление; и он отверг нападки Кампхаузена на маршевое движение. Затем, с одобрения министра торговли, были выдвинуты предложения о создании Комиссии по расследованию положения силезских рабочих. Но рабочие были в значительной степени полны решимости держать дело в своих руках; и предложение о созыве конференции их профсоюзов теперь переросло в требование о создании Парламента рабочих, который должен был собраться в августе и провести в жизнь очень многие пункты современной социалистической программы, такие как гарантия работы для всех; забота государства о тех, кто был беспомощен или остался без работы; регулирование рабочего времени; и поддержка государством ассоциаций рабочих. И если программа Ганземана не мешала рабочим настаивать на своих крайних требованиях, то она не подавляла и буйных методов, с помощью которых они отстаивали свои притязания. Многие члены Ассамблеи все еще были встревожены слухами о нападениях на машины в Бреслау и демонстрациями рабочих в Берлине; и выполнение специальных работ на железных дорогах принесло столько же удовлетворения, сколько обычно приносят подобные временные меры.

Тем временем растущее столкновение между властью Пруссии и властью Ассамблеи во Франкфурте вызвало новые разногласия в Берлине. В течение июня и июля демократические чувства в Пруссии были решительно настроены в пользу Франкфурта по сравнению с Берлином; в то время как, с другой стороны, военная партия все больше и больше желала утвердить независимость короля Пруссии от любого центрального парламента, и особенно от того, который отдал свой высший пост австрийскому принцу. Таким образом, рабочее движение естественным образом начало окрашиваться стремлением более культурных либералов к объединенной Германии; и особые требования рабочих начали отходить на задний план по

мере того, как более важные вопросы свободы и единства всей страны все более выдвигались на первый план. Опасения министерства, естественно, усилились из-за этого союза; и в начале августа несколько членов прусских левых были внезапно арестованы; и среди них Родбертус, один из наиболее умеренных членов, который помог привести Ганземана к власти. Новая ссора грозила стать такой же ожесточенной, как и старая; в различных частях королевства произошли столкновения между прусскими солдатами и поборниками единства Германии; и когда члены левых начали требовать увольнения из армии реакционных офицеров и устраивать демонстрации против министерства, министры пошли им навстречу, приняв закон о запрете публичных собраний, в то время как наиболее ярые реакционеры распространили петицию в пользу назначения принца Прусского главнокомандующим вооруженными силами.

Перемирие в Мальме привело к обострению кризиса, и левые решили, что, если министерство не удалит реакционных офицеров, либеральные депутаты покинут Ассамблею. Таким образом, шлезвиг-гольштейнский кризис полностью консолидировал различные элементы оппозиции, и 16 сентября в Ассамблее был вынесен вотум недоверия министерству Ганземана. Это голосование вызвало величайший энтузиазм; членов парламента, проголосовавших за него, несли на плечах люди, и на мгновение показалось, что было найдено конституционное решение трудностей Пруссии. Но беспорядки во Франкфурте и триумф, который они обеспечили реакционной партии в парламенте, придали королю Пруссии нового мужества в противостоянии оппозиции; и он поручил формирование министерства генералу Бранденбургу, человеку более свирепых деспотических принципов, чем кому-либо из недавно занимавших этот пост. Были начаты новые судебные преследования, и впервые после мартовского восстания была изъята газета. Либералы, однако, не были расположены уступать; и, как бы желая укрепить свой союз с поборниками провинциальных и классовых свобод, они небольшим большинством голосов поддержали предложение в пользу предоставления особых прав провинции Познань и единогласно приняли отчет о поиске работы для прядельщиков и ткачей в определенных частях королевства; в то же время были проведены демонстрации в пользу отправки помощи Вене в ее борьбе против Виндишграца.

Однако падение Вены позволило королю Пруссии сделать еще один шаг к абсолютизму, и генерал Бранденбург был назначен министром, несмотря на противодействие либералов. Сам король удалился в Потсдам, и Собрание почти единогласно решило послать депутацию к королю, чтобы умолять его распустить это Министерство. Депутации пришлось долго ждать в темной галерее, король сначала отказался принять их иначе, как через министров; но прибыла министерская депеша, привлекавшая внимание к этой депутации; и таким образом сомнения короля были устранены, и он согласился выслушать их. Когда обращение было закончено, он взял его, сложил и приготовился уйти, но Иоганн Якоби воскликнул: "Мы пришли сюда не только для того, чтобы представить обращение, но и для того, чтобы объяснить Вашему величеству истинное положение страны. Неужели вы не удостоите нас благосклонного слушания? Король отказался, на что Якоби произнес памятные слова: "Несчастье королей в том, что они не хотят слышать правду". Затем Фридрих Вильгельм удалился в сильном гневе и отказался от каких-либо дальнейших контактов с депутатами. 6 ноября он объявил, что, если Собрание не примет Министерство, оно будет распущено силой; а два дня спустя он безоговорочно заявил, что должен силой переместить Собрание в город Бранденбург; или, как он эпитиграмматично выразился, выбор был между "Бранденбургом в Палате или Палатой в Бранденбурге".

Фон Унру, председатель Палаты, зачитал это заявление своим коллегам, но заявил, что не будет выполнять его без санкции Ассамблеи; и, когда генерал Бранденбург попытался выступить, чтобы распорядиться о закрытии Собрания, Председатель сообщил ему, что он не в порядке и, если он желает выступить с объяснениями, он должен попросить разрешения выступить. Затем Бранденбург объявил, что дальнейшее заседание парламента незаконно; и в сопровождении семидесяти депутатов он покинул Палату представителей. Затем Ассамблея 250 голосами против 30 приняла решение продолжить заседание. Далее они постановили, что "Ассамблея в настоящее время не находит причин для изменения места проведения заседаний; что она не может предоставить Короне право отстранять от должности, откладывать заседание или распускать Ассамблею против ее воли; что Ассамблея не считает тех должностных лиц, которые посоветовали Короне пойти на этот шаг, способными руководить правительством этой страны; и что эти должностные лица стали виновными в серьезных нарушениях своего долга перед Ассамблеей, страной и Короной ". Они также постановили, что, хотя они были вынуждены прервать заседание, Председатель и секретари должны оставаться всю ночь на своих постах в знак постоянства Ассамблеи. 9 ноября генерал Бранденбург ответил на это неповиновение письмом, в котором заявил, что эти резолюции незаконны и что он возлагает ответственность за последствия на фон Унруха и других лиц. Тем временем Бранденбург обратился к Гражданской гвардии с просьбой запретить членам Организации посещать собрания; но комендант Гражданской гвардии отказал министрам в праве направить ему этот приказ и далее протестовал против предложения перенести Собрание в город Бранденбург. Городской совет попытался примирить парламент с королем; но фон Унру, заявляя о своем желании избежать кровопролития, отрицал, что Ассамблея может уступить по какому-либо пункту, и депутаты направили обращение к стране, в котором они осудили незаконное поведение короля и его министров, но призвали народ придерживаться строго правовой позиции в защите своих свобод. Обращение завершалось такими словами: "Спокойная и решительная позиция народа, созревшего для свободы, с Божьей помощью обеспечит победу свободы".

Ситуация стала ужасно опасной; генерал Врангель вскоре после своего возвращения из Шлезвиг-Гольштейна вывел свои войска на рыночную площадь, перед зданием, в котором заседал парламент, и 11 ноября фон Унрух и другие депутаты, придя на свои заседания, обнаружили, что двери заперты, а место охраняют солдаты. Затем они удалились в Отель де Руси, где объявили Бранденбург виновным в государственной измене и призвали народ отказаться платить налоги. Прибыли депутации из Магдебурга, Бреслау и Франкфурта, заявлявшие о своем сочувствии Собранию; а Гражданская гвардия отказалась сложить оружие Врангелю. Теперь Врангель объявил запрещенными все публичные собрания, объявил, что Гражданская гвардия распущена, и объявил Берлин на осадном положении. Но обращения с сочувствием поступали более свободно, чем когда-либо; и ходили слухи, что Силезия действительно находится в состоянии восстания. Даже несколько граждан самого Бранденбурга направили обращение к Ассамблее, заявив, что будут сопротивляться переносу парламента в их город. Противостояние между буржуазией и рабочими, вызванное июньскими, июльскими и августовскими бунтами, теперь полностью исчезло в общем стремлении к конституционным свободам, и городской совет разрешил Собранию собираться в их Зале. Но даже там Врангель не оставил их в покое, и вскоре после этого они были изгнаны и из этого убежища. Даже бывший министр Хансеман стал объектом осуждения Придворной партии; и 15 ноября Ассамблея поставила на официальное голосование предложение, на которое они уже намекали, о том, что налоги больше не должны выплачиваться. Это голосование было

проведено сразу после того, как их перевезли из здания городского совета в другое место встречи. На следующий день были вызваны солдаты, которые угрожали Гражданской гвардии насилием, но в конце концов ушли без стрельбы; а некоторые солдаты и офицеры были уволены за то, что не согласились действовать против народа. В различных частях Пруссии начали отказываться от уплаты налогов, в Кельне было произведено несколько арестов, а Дюссельдорф был объявлен на осадном положении. Солдатам было запрещено читать National Zeitung; в то время как, с другой стороны, типографии и издатели предлагали напечатать постановления Собрания без какой-либо компенсации за потерю времени. Попытки добиться уплаты налогов привели к беспорядкам в Бонне и Бреслау; а в Кобленце люди напали на офицеров за то, что они злословили Национальное собрание. В некоторых случаях правительство пыталось прекратить выплату депутатам; но люди настаивали на выплате, несмотря на этот запрет; и даже правительственный чиновник в Дюссельдорфе заявил о своем убеждении, что, если бранденбургское министерство продержится еще три-четыре дня, ни одно из официальных управлений не согласится действовать. Один из римско-католических епископов Силезии призвал свою паству не отказываться от налогов, поскольку в противном случае они будут прокляты за "отказ отдать цезарю то, что принадлежало цезарю". На это обращение несколько римо-католиков Силезии ответили обращением, в котором выразили свое опасение за духовное состояние духовенства, поскольку оно вообще никогда не платило налогов.

27 ноября правительство решилось на новый акт насилия. Пока депутаты встречались в отеле "Милиус", майор фон Блюменталь вошел во главе отряда солдат и приказал депутатам покинуть зал.^[18] Джейкоби спросил его, чего он хочет. Майор ответил: "Я пришел во имя закона". Джейкоби: "Какого закона?" Майор: "Во имя высшего закона". Джейкоби: "О каком законе вы говорите?" Майор: "Я говорю от имени Конституционного закона". Якоби: "Нет закона, который запрещал бы нам встречаться в отеле в дневное время". Эльснер: "Даже прокламации Врангеля не содержат подобного запрета; мы не клуб".^[19] Майор: "Меня это не касается. Я действую по указанию моего правления". Джейкоби: "Как вас зовут?" Майор: "Я майор граф Блюменталь". Якоби: "Кто дал вам эти полномочия?" Майор: "Комиссия назначена мной". Несколько голосов: "Назовите комиссию". Майор (после паузы): "Джентльмены, не ставьте меня в неловкое положение". Якоби: "Что ж, тогда я заявляю вам, что вы действуете не во имя закона, а во имя силы; и печально, что солдаты неправильно используются для подобных актов насилия". Затем майор снова приказал им покинуть зал и забрал парламентские документы. Джейкоби назвал это изъятие ограблением и попытался сделать копию документов. Майор выхватил бумаги из рук Джейкоби, на что тот воскликнул: "Продолжайте свои грабежи и пренебрегайте всеми законами; когда-нибудь вы будете привлечены к ответственности за это". Затем депутаты, все еще отказывавшиеся покидать Зал, были изгнаны солдатами.

Тем временем представители Правых сил собирались в Бранденбурге; и, наконец, фон Унру и многие из его друзей присоединились к ним там; но в то же время потребовали, чтобы Ассамблея приняла все резолюции, принятые в Берлине между 4 и 15 ноября. Но 5 декабря король окончательно распустил парламент, объявив, что он должен собраться 26 февраля в Берлине и что тогда он примет новую Конституцию. Все члены либеральной партии съехались в Бранденбург, чтобы выразить протест против этого роспуска; и король счел необходимым подавлять собрания даже в Бранденбурге, как опасные для его власти.

В тогдашнем состоянии Германии было невозможно, чтобы какое-либо организованное восстание могло привести к удовлетворительному результату. С одной стороны,

республиканские лидеры ослабили свое дело спазматическими и бесполезными призывами к восстанию, в то время как конституционные действия были бы вполне возможны; в то время как в самой Пруссии разногласия между рабочими и буржуазией сделали постоянную сплоченность Конституционной партии почти невозможной. С другой стороны, парламент во Франкфурте, покинутый многими левыми, становился все более и более робким и не только принял резолюцию, осуждающую сопротивление прусского парламента, но даже отправил Бассермана, одного из министров Франкфурта, в Берлин, чтобы убедить парламент уступить. В этих обстоятельствах пассивное сопротивление фон Унруха и его друзей было, по всей вероятности, самым мудрым и достойным курсом, который был доступен поборникам свободы; и когда Ассамблея действительно собралась снова в феврале, лидеры левых были приняты народом с энтузиазмом, как люди, которые заслужили блага своей страны. Если бы король Пруссии искренне принял новое положение дел, он мог бы уже сейчас сделать что-нибудь, чтобы обеспечить Германии лучшее будущее, чем все, чего она достигла с тех пор; поскольку Франкфуртский парламент пришел к выводу, что единственная надежда на единство Германии заключалась в признании короля Пруссии своим главой. Они отказались от связи Германии с Австрией; эрцгерцог Иоанн подал в отставку со своего поста администратора империи; и 28 марта 1849 года они, наконец, решили предложить корону Германии королю Пруссии. Но аромат свободы и независимости, который все еще витал, даже в эти последние месяцы, во Франкфуртском парламенте, сделал это предложение неприятным для короля, чей либерализм, всегда поверхностный, теперь полностью испарился. Франкфуртский парламент был результатом народного движения; и он разработал свободную конституцию, которую он хотел рассматривать как необходимую часть предлагаемой монархии. Таким образом, при таких обстоятельствах Фридрих Вильгельм IV. отказался принять корону Германии, если только она не будет предложена ему князьями Германии; и этим отказом он положил конец надежде на то, что германский вопрос может быть решен мирным и конституционным путем.

Тем временем опыт показывал, что в Австрии было почти так же трудно, как и в Пруссии, свести парламентское правление к простому инструменту деспотизма. Члены богемской партии в венском парламенте покинули свои заседания после убийства Латура и попытались найти свободное место для обсуждения в Ольмюце. Примерно в то же время Фердинанд, уставший от борьбы партий и рас, неудовлетворенный соперничающими притязаниями Кошута и Джелласича и неспособный примириться с действиями Виндишграца или венских демократов, прислушался к совету, который давила на него окружавшая его клика, и согласился уступить свой трон не своему брату и законному наследнику, а своему племяннику Франциску Иосифу, который, будучи в то время всего лишь мальчиком, легко попал бы под власть камарильи, а также других политических сил, которые управляли Австрией. Советники Франциска Жозефа, однако, все еще думали, что они смогут сохранить видимость парламентского правления; и поэтому они созвали парламент на заседание в Кремсье в Моравии в начале декабря.

Однако вскоре стало очевидно, что люди, собравшиеся в Кремсьерском парламенте, ни в коем случае не были менее ревностными борцами за свободу, едва ли даже менее демократичными, чем те, кто встречался в Вене. Те богемские депутаты, которые возражали против господства террора в Венском собрании, даже из Ольмюца обратились к императору с призывом не обращаться слишком сурово с Веной; и теперь они показали себя такими ревностными к свободе, какими только могут быть немцы. Такие люди, как Боррош, Ленер, Шуселка и Фишхоф, которые не выступали с "богемцами" в Вене, тоже были готовы принять участие в работе парламента Кремсье. По ходатайству Шуселки, этот парламент в начале января 1849 года

отменил все привилегии ранга; было также отменено право на арест без надлежащего судебного разбирательства и обеспечен суд присяжных; в то время как действия австрийского правительства в Вене, Венгрии и Италии подвергались самой свободной критике; и Ригер особо осудил стремление министерства подавить всякое чувство к особым национальностям.

Парламент начал привлекать внимание многих, кто поначалу был расположен говорить о нем с презрением; и даже те придворные, которые надеялись использовать его как оружие против мадьяр, были встревожены его очевидными демократическими наклонностями. Действуя по их совету, Фрэнсис Джозеф 7 марта объявил, что этот парламент, на который он так надеялся, еще больше ускорил "восстановление мира, закона и общественного доверия" и вселил надежды в "еще не полностью побежденную партию беспорядков". Поэтому он распустил парламент и объявил, как это сделал король Пруссии, что он примет Конституцию без их помощи. Чешские лидеры объединились с немцами в знак протеста против этого последнего акта насилия; и так примерно на десять лет рухнули все надежды на конституционное правление в Австрии.

Тем временем события в Италии также развивались в направлении более насильственного разрешения трудностей, чем того хотелось в первые дни движения. Несмотря на его очевидный отказ от политики, воплощенной в энциклике от 9 апреля, несмотря даже на то, что он принял Мамиани на пост министра, Пий все еще колебался между двумя различными направлениями политики. Он был склонен постоянно полагаться на кардиналов, которые не сочувствовали его министрам; и он особенно стремился утверждать, что, создавая парламент, он не отказался от своей абсолютной власти папы. Этот конфликт чувств у Пия IX. привел к любопытной выставке на открытии Римского парламента 4 июня 1848 года. По этому случаю папа поручил кардиналу Альтери выступить с речью, которая не получила одобрения Мамиани. Мамиани, с другой стороны, в качестве премьер-министра зачитал Палате речь, в которой заявил, что папа предоставил мудрости депутатов заботиться о мирских делах, и говорил о том, чтобы доверить папских добровольцев в Ломбардии руководству Чарльза Альберта. Несмотря на действия Альтери, Мамиани заявил, что его речь была одобрена папой римским; но папский нунций в Вене отверг формулировки папского премьер-министра. Эта постоянная стычка между папой и его министрами, естественно, возбудила недоверие в Собрании; и когда австрийцы перешли реку По и заняли Феррару, возник призыв к войне не только в Собрании, но и на народных собраниях за пределами города; а слабость папского протеста против этой второй оккупации Феррары усилила недоверие к Папе, которое теперь росло в Риме. Наконец, в августе, Мамиани, сочтя свое положение невыносимым, подал в отставку; и на какое-то время папа принял в качестве министра старика по имени Фаббри, как своего рода временную замену. Но он тоже быстро понял, что это невозможно, и подал в отставку со своего поста.

Именно при таких обстоятельствах Пий IX призвал к себе на совет человека, которого он ранее желал нанять, бывшего посла Гизо Пеллегрини Росси. Росси был известен своими предыдущими заслугами перед делом свободы в начале века; тщательным изучением римского права и попыткой разработать Конституцию Швейцарии. Он был личным другом Пия IX и желал даже более широкой конституции, чем та, которую даровал папа. Кроме того, было известно, что он завоевал уважение некоторых итальянских изгнанников в Париже. На всех этих основаниях он, естественно, казался Пию человеком, заслуживающим доверия. Но, хотя он был человеком безупречной честности, на данном этапе он был худшим из возможных папских министров. Его друзья ожидали, что его встретят как бывшего пострадавшего за свободу Италии. Напротив, его ненавидели как друга Гизо и как бывшего представителя Луи Филиппа. Стербини, один из самых яростных демократов в Риме, заявил, что, если друг Гизо появится на

Собрании, его побьют камнями. И хотя иезуиты ненавидели его за стремление к светскому правлению и за его жену-протестантку, либералы сразу же подняли шум против его служения, когда выяснилось, что в нем участвуют два кардинала. Хотя он тоже по-своему желал свободы и независимости Италии, его путь был прямо противоположен тому, чего тогда желал народ.

Профессор Монтанелли, который был взят австрийцами в плен при Куртатоне, но которому с тех пор разрешили вернуться в Тоскану, продвигал там свой план создания Учредительного собрания, которое должно было охватить всю Италию. И это предложение, горячо приветствованное в Тоскане и принятое великим герцогом, было поддержано в Риме, особенно Шарлем Буонапарте, принцем Канинским. К этому плану Росси отнесся равнодушно, желая заменить его Лигой князей, начало которой должно было быть положено Конгрессом послов в Риме. Эта идея, нежелательная и непопулярная сама по себе, стала еще более непопулярной из-за настойчивых заигрываний Росси с Фердинандом Неаполитанским, которому он фактически согласился выдать беглецов, сбежавших от его тирании. Хотя он также пошел на эту тревожную уступку принцу, которого вполне заслуженно ненавидели во всей Италии, он позволил генералу Цукки, которого он отправил в Болонью, отказать Гарибальди во въезде в этот город по возвращении из Ломбардии; и когда Гавацци, один из самых популярных проповедников итальянской войны, запротестовал против этого акта, Росси приказал арестовать его. И как будто клерикалы, республиканцы, и те, кто ставил единство Италии превыше любых особых политических убеждений, не были достаточными врагами для одного человека, Росси продолжал, проявляя особые признаки подозрительности по отношению к Карлу Альберту, настраивать против него могущественную партию альбертистов, которые считали короля Сардинии необходимым лидером движения за свободу Италии.

Все это было сделано в самой открытой и презрительной манере. Росси высмеял предлагаемое Учредительное собрание как Совет Пьяниц и презрительно сказал Стербини, что каждый знает, "что есть похвалы, которые ранят, и порицания, которые делают честь". Поползли слухи о его намерении бомбардировать Рим, и студенты окружили его толпой на улицах. Однажды, когда они следовали за ним, он переходил мост; и, проходя мимо, он протянул сборщику гораздо большую сумму, чем ему причиталось, сказав, махнув рукой в сторону студентов: "Возьмите и для них". До него доходили слухи о заговорах против его жизни, но он отказывался обращать на них какое-либо внимание. Наконец, 15 ноября, когда он направлялся в парламент, к нему подошел священник и сказал, что он умрет, если пойдет туда. Он ответил: "Дело папы - это дело Бога. Бог поможет мне". Когда он проходил через площадь, толпа улюлюкала ему вслед. Он отогнал их своей палкой и поднялся по лестнице. Внезапно зонтик ударил его; он повернул голову, так что обнажилась его шея; и в то же мгновение его пронзил кинжал, и он упал, смертельно раненный. Так умер Пеллегрино Росси, человек, который, несомненно, заслуживал лучшей участи; но который был поставлен на должность и в то время, когда требовались гениальность и человечность; в то время как ему нечего было дать, кроме урезанных принципов, навязываемых с мужеством, которое было слишком близко к наглости.

То, что вина за смерть Росси возлагалась на разные партии разными людьми с одинаковой уверенностью, было достаточно естественно, учитывая разнообразие врагов, которых его политика и характер настроили против него; но странным фактом является то, что фактические свидетели спорят о том, было ли это воспринято народом Рима с радостью или негодованием. Однако вполне очевидно, что все чувства по поводу самого события быстро сменились паникой по поводу его последствий. Было выдвинуто общее требование о создании народного

министерства, и Галлетти, который был министром полиции при Фаббри, отправился к папе римскому просить разрешения сформировать министерство. Папа отказался, и люди, следовавшие за Галлетти, вскоре подрались со швейцарской гвардией. Гвардейцев оттеснили, и толпе удалось заполучить в свои руки пушку; но Федерико Торре встал перед пушкой, воскликнув: "Стыдно направлять пушку на людей, которые объявили нам амнистию". Пий надеялся, что некоторые жители Трастевере встанут на его защиту; но, не найдя у них поддержки, он уступил требованию о создании Либерального министерства и назначил своим премьер-министром Росмини, сторонника Карла Альберта, которого кардиналы подозревали в ереси. Мамиани, который в то время отсутствовал в Риме, был назначен министром иностранных дел, а Стербини - министром торговли и общественных работ. После отказа Росмини премьерство было передано Муццарелли. Но эти назначения, как и принятие Фердинандом Демократического служения при аналогичных обстоятельствах, не выражали истинных чувств папы. Он был в полной панике от произошедших событий и, по настоянию кардиналов и послов, тайно бежал из Рима ночью 24 ноября, переодевшись лакеем, и укрылся в Гаэте под защитой неаполитанского короля.

Мамиани неохотно согласился на пост министра иностранных дел, но он по-прежнему считал, что желательно поддерживать авторитет папы, потому что, как он выражался, "единственный выбор для Рима лежал между Пием IX и Колой ди Риенци". Его решимость не поколебалась даже тогда, когда из Гаэты пришло письмо от папы римского, в котором осуждались действия народа, отвергались его министры и назначались государственными уполномоченными люди самого яростно реакционного характера.

Но тем временем в римских провинциях росла мощная сила общественного мнения, выступавшего за выборы Учредительного собрания; и, наконец, Аурелио Саффи, который был таким известным сторонником реформ во времена Григория XVI, преуспел в том, чтобы собрать вместе в Форли представителей различных местных обществ и подготовить Обращение к министерству, в котором в сжатой форме излагались те чувства, которые витали в провинциях в то время. В этом обращении выражалось глубокое сожаление по поводу бегства папы римского, чье имя, по словам петиционеров, они привыкли чтить как "символ великодушной идеи". Однако далее они заявили, что, поскольку Пий IX. бросился в объятия злейших врагов Италии, стало необходимым предпринять шаги для предотвращения гражданской войны и анархии. Поскольку Конституционная монархия была прервана уходом папы, и поскольку было невозможно принять комиссаров, которых папа назначил после своего бегства в Гаэту, Совету депутатов было необходимо назначить Временное правительство, которое должно было издавать приказы о выборах Собрания всеобщим голосованием и должно было окончательно урегулировать политическое устройство государства, "сохраняя только права нации, объединенной в Итальянском Учредительном собрании, такие, какие были провозглашены Тосканским парламентом". Это Обращение произвело большой эффект в Риме, и Армеллини призвал своих коллег принять предложения петиционеров. Мамиани, видя, что конституционный компромисс, которого он желал, стал невозможным, отказался оставаться государственным министром. Затем было сформировано Временное правительство из восьми членов, в котором приняли участие Стербини, Галлетти и Армеллини; и 29 декабря новое правительство обратилось к римскому народу с призывом избрать Ассамблею Римского государства, которая должна была собраться в Риме 5 февраля.

Тем временем бегство папы привело в ужас других правителей Италии. Леопольд Тосканский, казалось, был более готов, чем большинство его братьев-принцев, принять конституционное правление и даже с нетерпением ждать мер по обеспечению единства Италии. Геррацци, по каким мотивам, возможно, трудно догадаться, воспротивился плану Монтанелли о созыве итальянского учредительного собрания и предупредил великого герцога, что его собственное положение будет подорвано таким учреждением. Но когда папа бежал из Рима, Геррацци задумал, что Леопольда могут избрать президентом новой Ассамблеи и что объединение Тосканы с римскими штатами могло бы сдержать честолюбие Карла Альберта. Однако Леопольдом, по-видимому, двигали совсем иные мотивы, чем те, к которым апеллировал Геррацци. Столь далекий от того, чтобы руководствоваться личными амбициями или чувством служебного достоинства, он был особенно склонен следовать примеру других принцев. Он подражал Фердинанду Неаполитанскому в провозглашении Конституционного правления; он последовал примеру Карла Альберта в объявлении войны Австрии; и он принял сначала Итальянскую лигу, а затем план Итальянского Учредительного собрания, без малейшего признака, насколько это очевидно, каких-либо других мотивов, кроме желания способствовать единству Италии. Но сама эта готовность действовать вместе с другими князьями заставляла Леопольда избегать мысли о том, чтобы оставаться в одиночестве в своей политике. Поэтому именно бегство папы, которое, как показалось Геррацци, открывало новый шанс для Тосканы, пробудило в Леопольде угрызения совести и колебания; и когда Пий выступил из Гаэты со своим осуждением предложений Римского собора, Леопольд пал духом и тайно бежал из Флоренции в Сиену, оставив письменное заявление о том, что оппозиция папы Итальянскому Учредительному собранию вынудила его отменить указ, которым он только что санкционировал это Собрание.

8 февраля известие о бегстве великого герцога было получено во Флоренции, и сразу же за этим последовало восстание, в ходе которого повстанцы потребовали назначения Временного правительства в составе Геррацци, Монтанелли и человека по имени Маццони. Примерно в то же время Мадзини прибыл в Ливорно. Геррацци, который все еще хотел действовать от имени великого герцога, попытался запретить Мадзини въезд; но ливорнцы вышли ему навстречу со знаменами с его девизом "Дио иль Пополо". Он призвал их сохранять порядок, а затем отправился во Флоренцию, чтобы призвать Тосканское министерство присоединить их страну к Римскому государству. Но Геррацци удалось помешать принятию этого предложения, и Мадзини отправился в Рим.

Джоберти, со своей стороны, был сильно озабочен новым аспектом дела. Его великое желание, чтобы папа объединил Италию, казалось, было совершенно расстроено бегством Пия из Рима и еще больше тем, что он перешел под иностранное покровительство. Ибо, хотя папа впервые обратился к королю Неаполя, Гаэта вскоре стала местом сбора послов самых влиятельных римско-католических держав; и когда Джоберти отправил гонцов в Гаэту, они обнаружили папу в окружении людей, которые не сочувствовали идеям Примата. Когда пьемонтские посланники предложили ему убежище в Ницце и пообещали, что их король присоединится к другим итальянским князьям в возвращении его в Рим, папа ответил, что он обратился к европейским державам и должен дожидаться их решения; и он далее упрекнул Карла Альберта в том, что тот одобрил идею итальянского учредительного собрания, обвинив его в интригах с теми, кто выступал против прав Церкви. Хотя Джоберти и был обескуражен этим отказом, он надеялся найти новую миссию в восстановлении власти великого герцога Тосканского, который теперь последовал за папой в Гаэту. Но в этом плане он сразу столкнулся с противодействием

Геррацци и австрийцев; в то время как его собственные коллеги были так возмущены этим предложением, что он был вынужден покинуть министерство, в которое он только что вступил.

Тем временем австрийские завоеватели Ломбардии приводили оправдания для новой итальянской войны. Капитуляция Виченцы была нарушена почти сразу же после того, как она была достигнута, вызвав новые неприятности у тех, кому было даровано добровольное помилование; за более важной капитуляцией Милана последовали аналогичные нарушения веры. Особое бремя было возложено на тех, кто принимал активное участие в борьбе против Австрии; в то время как некоторые постановления генерала Вельдена в Павии были настолько жестокими, что вызвали протест даже со стороны Венской ассамблеи. Он приказал, чтобы любой, кто разгуливает с оружием, был расстрелян в течение двадцати четырех часов, и чтобы его патрули открывали огонь по любой группе мужчин численностью более трех человек, которая будет обнаружена на улицах ночью. Поэтому Совет Ломбардии обратился к Карлу Альберту с просьбой обеспечить им правосудие, потому что Радецкий действовал "вопреки своему собственному слову, вопреки приказам своего Суверена, вопреки военным конвенциям, вопреки посредничеству Англии и Франции". Более сильные либералы Пьемонта вскоре начали призывать к войне, но долгое время Карл Альберт и его министры надеялись предотвратить военные действия и добиться урегулирования этих разногласий дипломатическим путем. Но отпоры, которые получил Джоверти, постепенно убедили их, что взывания к иностранным державам больше не помогут, и, побуждаемый сильными народными чувствами, Карл Альберт в последний раз объявил войну Австрии.

Можно было бы обоснованно усомниться в том, насколько такая война возбудила бы симпатии римлян. Пьемонтское министерство недавно попыталось подавить свободы Рима; и хотя это министерство пало, сам Карл Альберт был известен своими категорическими монархическими взглядами на римское правительство. Римское собрание, собравшееся 5 февраля, 9-го объявило папу низложенным и провозгласило Республику; естественно, они могли ожидать, что этот шаг расширит пропасть между ними и пьемонтцами. Некоторые даже были склонны думать, что Карл Альберт проявил еще один признак враждебности, проигнорировав прежний союз с Римом и объявив войну Италии без каких-либо консультаций с римским министерством или уведомления о нем. Но любым сомнениям или колебаниям относительно правильного отношения Рима к Пьемонту в этот кризис был положен конец Мадзини. Ливорно избрал его своим представителем в Римской ассамблее, и он занял свое место 6 марта, когда все Собрание встало, чтобы поприветствовать его. Затем, когда пришло известие о том, что Карл Альберт снова объявил войну Австрии, Мадзини обратился к римлянам с призывом присоединиться к борьбе. "В Италии должно быть, - сказал он, - только два типа итальянцев: друзья и враги Австрии. Республиканский Рим будет воевать на стороне монархического Пьемонта". Мадзини никогда не считал, что готовая или красноречивая речь была силой, которой он обладал; и, что более важно, некоторые из тех, кто любил его и восхищался им, придерживались того же мнения; но сила его убежденности, казалось, заменила легко находимые фразы или образы; и, когда он продолжал говорить о жертвах, которых война потребовала от всех римлян, на стол рядом с ним дождем посыпались драгоценности, которые дамы на галерее сорвали с себя в качестве пожертвований на благо своей страны. Ассамблея почти единогласно проголосовала за войну, и двенадцать батальонов Национальной гвардии были отправлены в Ломбардию.

Война была мало достойна их энтузиазма. Чарльз Альберт настолько не доверял пьемонтским офицерам, что он выбрал поляка по имени Хшановски своим главнокомандующим, в то время как вторым по старшинству был тот самый Раморино, который предал Мадзини в экспедиции 1833-1844 годов. Три или четыре дня войны были просто сценами взаимного недоверия, бесхозяйственности и, возможно, предательства; и приятно на мгновение вернуться от пьемонтских сражений к той части борьбы, которая избавила этот эпизод от полного презрения. 23 марта Брешия, из которой на некоторое время была выведена часть австрийских войск, взялась за оружие, изгнала оставшиеся войска и подняла итальянский флаг. Тито Спери, мантуанец, организовал более бедных горожан и повел их против войск Ньюджента, которые наступали на город. После ожесточенного боя брешийцы были отброшены с некоторыми потерями; но два дня спустя Спери предпринял еще одну вылазку и, хотя был атакован кавалерией, сумел отбросить их назад и занять холмы, возвышающиеся над Брешией. Теперь он попытался договориться с австрийцами; но Ньюджент ответил, что войдет в Брешию либо силой, либо по любви; на что Спери ответил: "Возможно, силой, но никогда любовью!" Ходили слухи о поражении Карла Альберта, но брешианцы отказывались в это верить, и Ньюджент был вынужден отступить из Брешии, после того как, по-видимому, заключил перемирие с горожанами. Но 30 или 31 марта Хайнау предстал перед городом; и в ответ на призыв брешийцев принять условия перемирия он заявил, что, если они не сдадутся в течение двух часов, он превратит город в пепелище. Но брешианцы были полны решимости, как гласит их собственная надпись, учить, "что поражение может быть более славным и плодотворным, чем победа", и поэтому они отказались сдаваться. 1 апреля Хайнау обстрелял город; и после ожесточенного боя у Porta Torlunga, в котором генерал Ньюджент был смертельно ранен, Хайнау ворвался в город и предал мечу мужчин, женщин и детей — жестокость его действий принесла ему среди итальянцев титул "Тигра Брешии".

Но еще до того, как пала Брешия, Карл Альберт, преданный своими офицерами, которому не доверяли солдаты и который был бессердечен, потерпел поражение при Новаре; и в ответ на требование, с которым он обратился к Радецкому о перемирии, ему предложили условия, которые он считал слишком бесчестными, чтобы принять. Однако его офицеры сказали ему, что его армия находится в слишком дезорганизованном состоянии, чтобы на нее можно было положиться, и тогда он ответил следующими словами: "В течение восемнадцати лет я всегда использовал все возможные силы на благо моего народа. Мне больно осознавать, что мои надежды обмануты; не столько ради меня, сколько ради моей страны. Я не смог найти на поле боя смерть, которой я так страстно желал. Возможно, моя персона - единственное препятствие на пути к получению справедливых условий от врага. Поскольку продолжение войны стало невозможным, я отрекаюсь от короны в пользу моего сына Виктора Эммануила в надежде, что новый король сможет добиться более почетных условий и обеспечить стране выгодный мир". Так закончилась неоднозначная карьера Чарльза Альберта, человека многих привлекательных качеств и благородных устремлений, но который из-за фатальной слабости воли, ставшей более очевидной в болезненно сложной ситуации, постоянно был втянут в акты жестокости и предательства, от которых был бы спасен человек с более сильной целью. С его падением закончилась конституционная борьба этого периода; и в течение оставшихся месяцев Революции народам Рима, Венеции, Сицилии и Венгрии приходилось полагаться в своей борьбе за свободу на силу народных чувств и на руководство тех лидеров, которых они сами поставили во главе событий.

ГЛАВА XI.

СМЕРТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЗА СВОБОДУ.—ОКТЯБРЬ 1848-АВГУСТ 1849.

Разногласия среди мадьярских лидеров.—Артур Гергей.—Причина его ссор с Кошутом.—Бем.—Добровольцы.—План обороны.—Бегство в Дебрецен—Провозглашение в Вайцене.—Действие венгерского закона о воинской повинности в Трансильвании. Пучнер и румыны.—Пучнер, наконец, принимает их Сторону.—Авраам Янку.—Саксонцы и румыны.—Бем в Трансильвании.—Его характер и работа.—Обращение к генералу Людерсу.—Русские в Трансильвании.—Взятие Германштадта.—Бем и Чаньи.—Царство террора.—Смерть Рота.—Гергей и Дембинский.—Последствия государственного переворота Франциска Иосифа.—Почему он не привел к большим результатам.—Расовая вражда.—Конституционные трудности.—Декларация независимости.—Власть Кошута и ее причины.—Борьба в Риме.—Триумвират и их трудности.—Порядок и свобода.—Опасность со стороны Франции.—Мирный кандидат.—Крах Тосканского движения.—Последняя борьба и падение Сицилии.—Французская экспедиция.—Высадка в Чивита-Веккья.—Удино и Манара.—Оккупация Чивита-Веккья.—Марш на Рим.—Герра! Guerra!—Отпор французам.—Дебаты во Франции.—Защита Болоньи.—Лессепс в Риме.—Лессепс и Удино.—Французское предательство.—Гарибальди и Розелли.—Дальнейшее предательство.—Битва при Васкелло.—Восстание Ледрю Роллена.—Последняя борьба за свободу Германии и ее провал.—Последняя борьба в Риме. —Предложения Мадзини.—Решение Ассамблеи. —Последнее усилие Гарибальди.—"Кардинал" Удино в Риме.—Борьба в Венеции.—Манин и Кошут. — Ошибка Кошута.—Политика Гергея.—Русское вторжение в Трансильванию.—Борьба на перевале Темос.—Бем и Кошут.—Отставка Кошута.—Капитуляция в Вилагосе.—Холера в Венеции.—Окончательная капитуляция. —Камень Манина.—Общая оценка борьбы и ее результатов.

Битва при Швехате высветила огромные трудности, с которыми теперь приходилось бороться венгерскому правительству. Бегство графа Палатина и отставка Баттьани передали правительство в руки Комитета обороны, над которым власть Кошута была почти безраздельной. Но, несмотря на то, что такая концентрация власти в руках самого популярного лидера, возможно, придала сил гражданской части исполнительной власти, все же революционный характер, который она придала движению, вызвал сомнения у многих военных, которые до сих пор были готовы с терпимым рвением работать на благо Венгрии. Бегство эрцгерцога Стефана лишило правительство той конституционной санкции, которая была бы получена в результате присутствия должностного лица, непосредственно представляющего императора; в то же время одобрение Фердинандом Еллачича и роспуск венгерского сейма поставили императора и мадьяр в то состояние прямой оппозиции друг другу, которого большинство мадьярских государственных деятелей желало избежать. Эта смена позиции значительно повлияла на чувства офицеров, особенно тех, кто ранее служил в австрийской армии и в ком было сильно развито предпочтение военными монархического правления. Это чувство проявилось даже во время борьбы против вторжения Джеллачича; и именно это побудило тех мадьярских офицеров, которые были дружелюбны к венскому делу, просить о прямом вызове в венский парламент, прежде чем они пересекут границу. Наконец, именно это чувство привело к появлению тех приказов и контрзаказов, а также к той общей неопределенности плана, которая погубила венгерское дело в битве при Швехате. Кошут и все,

кто хотел энергично продолжать войну, считали, что необходима смена генералов, если свобода Венгрии не будет уничтожена внутренними разногласиями в стране. Следовательно, генерал Мога должен был быть смещен; и вопрос заключался в том, кто должен был занять его место? Именно при таких обстоятельствах Кошут призвал на фронт человека, характер и действия которого с тех пор были излюбленной дискуссионной площадкой венгерских исследователей войны.[20]

Артур Гергей был лейтенантом австрийской армии и, по его собственному признанию, жил вдали от Венгрии до апреля 1848 года и был "почти незнаком с обычаями своей страны и, прежде всего, совершенно не имел даже поверхностного и общего представления о гражданской администрации". Однако летом 1848 года он был произведен в капитаны недавно сформированных полков Хонведса, или войск крайовой Венгрии. Очень скоро он начал жаловаться на людей, которые были поставлены у него над головой, и особенно на то, что однажды его заменил Мориц Персель. По отношению к Персцелю он вскоре начал проявлять то же непокорное поведение, которое всегда оставалось его характерным отношением к вышестоящим офицерам; и только заступничество друзей спасло его от расстрела за неподчинение приказам. Однако он снискал доверие некоторых наиболее ярких патриотов среди мадьяр, казнив графа Эжена Зичи, подозревавшегося в государственной измене, без суда и следствия; и этот акт, хотя и был осужден более умеренными поборниками правого дела, считался, что он настолько сильно приверг Гергея антиавстрийской политике, что можно было не опасаться отсутствия у него рвения в предстоящей борьбе. Когда затем генерал Мога показал, что либо из-за военной неспособности, либо из-за отсутствия сочувствия к делу ему нельзя доверять командование армией, Кошут обратился к Гергею и предложил ему пост, которого Мога был лишен. Гергей принял это; и тогда почти сразу же началась та длинная череда разногласий и трудностей, которая должна была погубить дело венгерской свободы.

Ссора между Кошутом и Гергеем всегда будет оцениваться по-разному военными и невоенными критиками; ибо, если отбросить те прискорбные особенности характера, которыми отличались оба этих лидера, борьба была борьбой между идеями государственного деятеля и идеями солдата. Кошут уже испытал на себе трудности, возникающие из-за доверия к офицерам, которые не сочувствуют делу, за которое они сражаются; и поэтому он особенно внимательно относился к любым признакам отсутствия сочувствия у преемника генерала Моги. Гергей, с другой стороны, придерживался убеждения, столь распространенного среди людей его профессии, что все политические вопросы в основном следует рассматривать с военной точки зрения; и что его признанное невежество в вопросах гражданского управления не лишает его права устанавливать законы по наиболее важным делам правительства. Хотя он разделял недоверие Кошута к генералу Моге, он сочувствовал предпочтению Могой монархического правления; и хотя он храбро сражался против войск Виндишграца в битве при Швехате, ранее он заявлял, что не видит солидарности между делом Венгрии и делом Вены; и он считал, что присяга, которую офицеры принесли Мартовской конституции, подразумевает их обязанность сохранять эту Конституцию в том точном виде, в каком она была первоначально предоставлена.

Но если Гергей выходил за рамки своей провинции в своем вмешательстве в дела гражданского правительства, Кошут, без сомнения, в свою очередь, препятствовал Гергею в вопросах, в которых он был обязан ему доверять, до тех пор, пока тот сохранял его за собой. Но в периоды революций всегда возникает большое количество вопросов, которые в обычное время решались бы по чисто военным соображениям, но которые при таком ненормальном

положении дел неизбежно осложняются политическими соображениями. Именно эта особенность обстоятельств, которую так трудно учитывать как государственным деятелям, так и солдатам, и которая так затрудняет справедливое суждение в таком споре, как тот, который мы рассматриваем.

Первое расхождение между Кошутом и Гергеем касалось как раз одного из тех вопросов, в которых военные и политические чувства, по-видимому, наиболее неизбежно и разумно вступают в противоречие. Это был выбор Бема в качестве генерала венгерской армии. Бему удалось тайно сбежать из Вены и прибыть в Венгрию. Он действительно предлагал свои услуги венграм в более ранний период, но Пульски убедил его, что лучше всего он может послужить делу Венгрии в Вене; и теперь, когда этот город пал, он поспешил обратно к Кошуту. Кошут и Бем, кажется, всегда признавали друг в друге ту общую веру в народ и способность вызывать народный энтузиазм, которые, по-разному, были великой силой их обоих. Поведение Бема при защите Вены стало достаточным доказательством его рвения против могущества Австрии, рвения, которое произвело такой эффект на воображение его врагов, что венские остряки говорили, будто Франциск Иосиф приказал приглушить колокола Вены, потому что они будут звонить "Бем, Бем!" Но Гергей невзлюбил Бема по той же причине, по которой Кошут одобрял его. Он считал его странствующим рыцарем, который следовал революционным методам ведения войны, которые были совершенно неизвестны опытным военным тактикам; и вскоре он обнаружил, что его собственные оценки различных офицеров под его началом были совершенно противоположны тем, которые сформировал Бем. Поэтому Кошут мудро решил, что Гергей и Бем не смогут работать вместе, и отправил Бема принять командование в Трансильванию.

По следующему обсуждаемому вопросу баланс мнений, вероятно, будет в пользу Гергея. Добровольцы, набранные национальным правительством, естественно, пользовались у них особым расположением; но в некоторых случаях они проявляли беспорядочное поведение; и этот беспорядок, без сомнения, значительно усилился возвращением на родину венгерских солдат, которые были размещены в Галиции и других частях империи. Эти солдаты во многих случаях пренебрегали авторитетом своих офицеров и отстаивали свои национальные права в ущерб военной дисциплине. Гергей попытался принять специальные меры для такого перераспределения этих новобранцев, чтобы они могли пользоваться их услугами, предотвращая при этом рост любых проявлений неподчинения, которые могли бы возникнуть в результате их предыдущего мятежа. В этих методах реорганизации Комитет обороны увидел тенденцию подавлять патриотические чувства; и Гергей обнаружил, что ему противостоят в вопросах, где, по его справедливому мнению, ему следовало бы предоставить некоторую свободу действий.

Но еще более важным вопросом, вызывавшим споры, был общий план кампании. Кошут и Комитет обороны были чрезвычайно озабочены защитой западной границы Венгрии, отчасти для того, чтобы ослабить опасения, вызванные битвой при Швехате; отчасти, как полагал Гергей, для того, чтобы было легче провести границу между Венгрией и Австрией и таким образом разорвать политическую связь между ними. Гергей, с другой стороны, считал, что, поскольку Венгрии теперь угрожали с севера, юга и запада, и поскольку армия Виндишграца была более дисциплинированной, чем венгерские солдаты, оборона границы была невозможна, и что было бы лучше отступить к Раабу и защищать основные перевалы через Белые горы, перенести резиденцию правительства за Тайсс. В этом плане он поначалу

находился в подчинении. Но его идеи получили очевидное оправдание в поражениях, которые он потерпел при Виндишграце; и 19 декабря он был фактически вынужден отступить к Раабу.

Затем последовал эпизод, который сильно дискредитировал Кошута. Он выступил с сенсационным обращением, заявив, что Комитет обороны скорее будет похоронен под руинами Буды, чем покинет столицу. Гергей высмеял идею обороноспособности Буда-Пешта; но Комитет обороны настаивал; и Гергей готовился к битве, когда в начале января 1849 года в его лагерь внезапно пришло известие, что Комитет обороны оставил Пешт, не дожидаясь начала осады, и отступил в Дебрецен. Но, если Кошут был виноват в этих более ранних разногласиях, то теперь Гергей предпринял шаг, который, безусловно, оправдывает все последующие подозрения Кошута. Гергей в это время находился в Вайцене, немного к северу от Пешта; и там он обратился к армии с заявлением, осуждающим политику Комитета обороны и призывающим офицеров заявить, что армия борется за сохранение Конституции Венгрии, санкционированной королем Фердинандом V.;^[21] что она выступит против всех тех, кто может попытаться свергнуть Конституционное правительство Венгрии. Монархия в результате несвоевременных республиканских интриг; и что она будет подчиняться только приказам, полученным от ответственного военного министра, назначенного королем.

Несколько недель спустя Гергей снова потерпел поражение от Виндишграца, который после битвы предложил ему амнистию и свободную жизнь за пределами Австрии. В ответ на это предложение Гергей прислал копию прокламации, составленной в Вайцене, заявив, что это ультиматум как его армии, так и ему самому. Этим поступком он, очевидно, привлек внимание генерала, против которого он номинально сражался, к внутрипартийным разногласиям Венгрии. Какими бы блестящими военными способностями ни обладал Гергей, и каким бы несправедливым ни было вмешательство Комитета обороны в его деятельность, неудивительно, что после этого акта предательства они смотрели на него с недоверием. В следующем месяце Гергей был лишен командования и заменен польским генералом Дембинским.

Тем временем в Трансильвании велась борьба, имеющая гораздо большее моральное значение, хотя, возможно, и меньшую ценность для военной науки. Румынское движение претерпевало те же изменения, которые уже коснулись национальных движений сербов и хорватов. Уже в июне 1848 года Хорватская ассамблея выразила свое сочувствие борьбе румын; и даже от итальянцев были услышаны некоторые высказывания сочувствия в пользу их родственников в Трансильвании. Отклонение их петиции императором и последовавшие за этим преследования со стороны мадьяр побудили румын полагаться только на себя; и побудили некоторых из их лидеров искать помощи скорее у нового государства, которое пыталось бороться за существование в Валахии и Молдавии, чем у австрийского правительства. Однако в сентябре в борьбу был внесен новый элемент, когда венгерский сейм принял закон о воинской повинности. В то время как румыны возмущались этим, как попыткой заставить их служить под военным руководством своих преследователей, они также видели, что попытка провести в жизнь закон, принятый без санкции императора, была прямым вызовом его власти; и на митинге в городе Орлат они протестовали против этой воинской повинности и заявили, что предпочитают австрийскую армию венгерской. Теперь они открыто объявили о своем отделении от Венгрии и потребовали, чтобы их превратили в независимое государство. Венгры удовлетворили это требование, уполномочив своего комиссара Берченцея вызвать секлера на

публичное собрание, номинально для планирования обороны своей страны, но на самом деле в качестве ответного удара по требованиям румын.

Но румыны чувствовали, что необходимо укрепить свои силы, обратившись к признанному авторитету; и они видели, что беспорядочной и варварской войны, которую они до сих пор вели, никогда не будет достаточно, чтобы завоевать права, на которые они теперь решили претендовать; поэтому они заигрывали с фельдмаршалом Пучнером, генералом австрийских войск в Трансильвании. Латур в течение некоторого времени пытался подтолкнуть Пучнера к действию; но Пучнер не решался прислушаться ни к австрийскому министру, ни к румынским лидерам. Он, по-видимому, был человеком гораздо более высокого типа, чем большинство австрийских генералов, участвовавших в сражениях того периода; и он в равной степени уклонялся от закулисных интриг Латура и от ужасающей жестокости румынской войны. Последнее чувство имело бы для него особую силу в тот период, потому что самые настоятельные просьбы о помощи исходили от Урбана, бывшего офицера австрийской армии, который был самым известным своими жестокостями из всех румынских лидеров. Но, хотя Пучнер не желал окончательно связывать себя с румынским делом, он выступил против безрассудного преследования, которое мадьярский комиссар Вай вел против всех, кто помогал в организации петиции румын; и Пучнер даже поехал в Карлсбург и успешно ходатайствовал об освобождении некоторых румынских заключенных. Однако он надеялся совместить эту милосердную и умеренную политику с признанием авторитета Вэя и даже с некоторым сотрудничеством с ним. Но яростно революционный характер, который венгерский сейм начал приобретать после смерти Латура, вынудил Пучнера выступить против их действий более решительно.

8 октября Кошут издал приказ по городам Венгрии, в котором он сказал им, что любой, кто не вывесит венгерский флаг и не выразит письменно свою преданность венгерскому делу и свою готовность подчиняться комитету, назначенному правительством, должен быть расстрелян как предатель; и за этим диким заявлением на следующий день последовал приказ комиссара Вэя налоговым сборщикам Трансильвании отправлять налоги больше не в центральный офис в Германштадте, а в офис в Клаузенбурге, который до сих пор считался государственным. подчиненный. Поскольку Херманнштадт был одновременно военной штаб-квартирой австрийской армии и главным городом саксонского поселения в Трансильвании, это было прямым нападением как на имперскую власть, так и на влияние саксов. Несколько дней спустя Секлер на недавно созванном собрании осудил Пучнера за его попытку помешать этой встрече и официально сложил с себя его полномочия.

Теперь Пучнер почувствовал, что пришло время действовать; и 18 октября он выпустил из Германштадта обращение ко всем жителям Трансильвании, и особенно к официальным советам. В нем он заявил, что с тех пор, как граф Палатин и его министры сложили свои полномочия, в Венгрии не было законного правительства. Правительство Кошута, которое неправомерно утверждало, что действует в интересах императора, заменило равенство террором и ложно распространило слух о том, что правительство хотело использовать румын для угнетения мадьяр и секлеров. Таким образом, чтобы положить конец анархии и защитить страну от терроризма, он, Пучнер, решил воспользоваться Императорским манифестом от 3 октября, который установил в Венгрии военное правление; и он призвал все советы действовать вместе с ним в восстановлении порядка, а добровольцев и национальную гвардию перейти под его командование.

Румыны также не удовлетворились этим официальным обращением, поскольку их собственный национальный комитет примерно в то же время под свою ответственность выпустил обращение к секлерам и мадьярам. В этом обращении они заявили, что они, подобно секлерам и мадьярам, сочувствовали мартовскому движению в Венгрии; но что фракция теперь узурпировала правительство страны и стремится немедленно лишить короля его короны, а венгерский народ - его гражданства. Они надеялись, что лучшая часть мадьяр и секлеров объединится против этой группировки; но если они этого не сделают, то румыны должны будут объявить им войну. Однако они пообещали вести войну гуманно и щадить женщин, стариков и пленных. В то же время они обратились с воззванием к своим соотечественникам, призывая их воздерживаться от жестокости на войне, поскольку подобная практика недостойна свободного народа. Саксонцы поначалу несколько не желали сотрудничать с румынами, но новое движение, казалось, открыло возможности для лучшего сотрудничества. Были сформированы совместные комитеты двух рас, и Пучнер взялся организовать солдат обеих рас.

Из румынских лидеров, которые теперь вышли на фронт, самым замечательным был Авраам Джанку.^[22] Первоначально он обучался на юриста; но после сентябрьской встречи он отправился организовывать Национальную гвардию в своих собственных горах; и, когда Пучнер опубликовал свое воззвание, Янку получил приказ оказать помощь в разоружении мадьяр. Этот процесс был начат румынами, не дожидаясь приказов, и, как следствие, сопровождался множеством актов жестокости. Поэтому Янку отправил трех трибунов с войсками для защиты мадьярских семей от насилия; и он также убедил один или два города сдаться ему, чтобы он мог тогда защитить их от жестокого обращения. Джанку также одержал несколько побед и стал настолько грозным для своих противников, что получил прозвище "Горный король". Но гуманных усилий Янку и других трибунов, поддержанных всем своим влиянием Пучнером, было недостаточно, чтобы держать в узде необузданность некоторых румынских лидеров. Жестокости, которые совершили и мадьяры, и секлеры в ходе борьбы; немедленная казнь в Клаузенбурге трех румынских вождей до того, как произошло фактическое восстание, и предполагаемое распятие другого в Мароше Васархейи довели ярость румын до высшей степени.

Самая яростная ненависть румын была направлена против Секлеров, которые были их самыми решительными врагами; и генерал Гедеон выступил против Мароша Васархейи. Его особо изолированное положение и плохие дороги по соседству делали его легкой добычей для генерала, имевшего некоторый опыт в партизанской войне. Город попал в руки Гедеона, который отомстил за обиды румын, применив все виды жестокости к жителям Секлера. Как ни был ужасен Пучнер этими жестокостями, он не вполне понимал характер людей, с которыми работал; ибо в одном из приказов, которые он издал, он дал четкое разрешение практике сжигания деревень. Похоже, он действительно намеревался использовать эту форму насилия просто как крайнюю меру в случае отступления; но румыны этого не поняли; и когда однажды Пучнер сурово упрекнул некоторых румынских лидеров за то, что они не смогли лучше предотвратить жестокость своих последователей, один из них в ответ апеллировал к этому приказу.

Помимо трудностей, возникающих в результате этих жестокостей, Пучнеру приходилось бороться с постоянным соперничеством между саксонцами и румынами. Первые относились с

презрением к своим союзникам и, согласно румынской теории, были склонны использовать нечестное преимущество румын при избрании членов Руководящего комитета. Тем не менее, помощь саксонцев, вероятно, позволила Пучнеру обеспечить более упорядоченное правительство, чем он мог бы добиться без нее; и среди других, от кого он получил такого рода помощь, был саксонский священник Стефан Людвиг Рот, который уже был известен своими усилиями по обеспечению безопасности немецких эмигрантов в Трансильвании. Пучнер назначил его управлять округом Медиаш в долине Кокельбург, где он отличился своей гуманностью по отношению к мадьярским семьям, оказавшимся под его защитой, и проявил свое великодушное сочувствие, усыновив мадьярского ребенка, которого бросили родители. Более того, епископ Шагуна, который, как следует помнить, предотвратил первые восстания румын, теперь присоединился к планам Пучнера и приложил все усилия, чтобы сдерживать насилие своих соотечественников.

Но в то время как Пучнер с помощью таких людей, как Шагуна, Янку и Рот, пытался обуздать жестокость, на которую были слишком готовы пойти его новые последователи, с другой стороны, требовалось не менее сильное влияние, чтобы обуздать дикость мадьяр и секлера. Это было тем более необходимо, что, какую бы несправедливость ни совершили эти расы по отношению к более слабым расам Венгрии, в том состоянии, в котором тогда все обстояло, дело мадьяр отождествлялось с делом европейской свободы. Только успех армий, которые Кошут пытался организовать, давал, казалось, хотя бы малейший шанс на свержение того правительства, которое подавляло жизнь Вены, которое попирало свободу Ломбардии и которое угрожало стать полным наследником старой системы Меттерниха. Но если мадьярские армии в Северной Венгрии должны были добиться военного или морального успеха, которого требовало такое дело, было необходимо, чтобы и в Трансильвании та же раса заслуживала подобного успеха и добилась его. Для этой цели им понадобился бы человек, который был бы равен Пучнеру как в полководческом мастерстве, так и в человечности. Ибо под руководством Пучнера саксонцы и румыны преуспели в военной доблести даже больше, чем в сдержанности, и Клаузенбург попал в руки имперских войск.

Таково было положение вещей, когда 15 декабря было объявлено, что Кошут назначил Бема главнокомандующим Трансильванской армией. Он немедленно собрал офицеров Армии, которой ему предстояло командовать, и сообщил им, что требует от них безоговорочного повиновения. Те, кто не подчинится, сказал он, будут расстреляны. Тех, кто повиновался, он знал, как вознаградить. Этими несколькими строгими словами он отпустил их. Очевидно, что это обращение могло быть произнесено либо простым самонадеянным тираном, либо человеком поистине гениальным и сильной воли, который понимал, какая работа ему предстояла. Прошло несколько месяцев, чтобы показать, к какому классу следует причислять Бема. Не обращая внимания на отправленного в отставку комиссара, он вооружил и переобдел свои войска; суровой рукой наказал беспорядки, но проявил такую личную симпатию к своим последователям, что стал известен как "отец Бем"; в то время как его враги вскоре научились отличать его от других лидеров по его великодушию и человечности по отношению к побежденным. Похоже, он был одним из тех прирожденных лидеров, которые понимают, когда нужно быть строгим, а когда снисходительным. Однажды офицер засомневался, сможет ли он удержать позицию. Бем сказал ему, что он должен либо удержать ее, либо быть застреленным; и она была удержана. В другом случае его войска, охваченные паникой, естественной для недисциплинированных новобранцев, бежали перед лицом врага, оставив Бема в большой опасности. Впоследствии он объявил, что ему, возможно, пришлось бы застрелить или

выпороть многих из них; но он не стал бы делать ни первого, потому что думал, что они все еще могут служить своей стране; ни второго, потому что он не стал бы обращаться с ними как со зверями; и, следовательно, он должен простить их. Что касается его военных способностей, хотя традиционные военные критики были склонны дискредитировать их, все же нельзя было отрицать, что он научил недисциплинированную толпу выдерживать огонь регулярной армии, подчиняться дисциплине и даже развить в себе мужество и способности, которые снискали особые аплодисменты и почести нации Секлер; что примерно за три месяца ему удалось полностью переломить ход войны в Трансильвании; и в более поздний период еще два месяца продержаться против мощных армий двух наций. Его личная отвага больше походила на отвагу странствующего рыцаря, чем современного генерала. Однажды, после битвы, в которой он потерпел поражение, он увидел, как несколько австрийцев уносят одну из его пушек. Он бросился вперед один, восклицая: "Это моя пушка", и так напугал своих врагов, что они сразу же сдали ее. В другой раз он послал адъютанта вызвать аррьергард своей армии и обнаружил, что все они исчезли и что он продолжает борьбу почти без сторонников.

Словно для того, чтобы обозначить дело, за которое боролся Бем, как более отчетливое, чем когда-либо, дело свободы, Пучнер начал в январе 1849 года переговоры с русскими, которые должны были окончательно придать австрийскому вторжению в Трансильванию антинациональный характер, который при других обстоятельствах борьбы мог бы стать сомнительным. В этом вопросе, как и в своем первоначальном принятии румынского дела, Пучнер, по-видимому, не столько взял на себя инициативу, сколько был поставлен на свое место неизбежными обстоятельствами. Шагуна, чья известность среди румын особенно выделяла его как объект враждебного отношения к мадыарскому правительству, бежал из Германштадта при первых известиях о прибытии Бема в Трансильванию и, как полагают, обратился с первым призывом о помощи к России. Румыны, чьи родственники в княжествах (Валахия и Молдавия) были несколько встревожены намерениями России, похоже, не очень сочувствовали этому поступку своего епископа; но саксонцы были менее щепетильны; и города Кронштадт и Германштадт направили официальное обращение генералу Людерсу, русскому командующему в Бухаресте, с просьбой прийти им на помощь. Людерс ответил, что царь сочувствует храбрым защитникам австрийского престола и хотел бы откликнуться на их призыв, но что он не может сделать этого без прямой просьбы австрийского главнокомандующего. В этих обстоятельствах Пучнер почувствовал себя обязанным уступить желаниям саксонцев; некоторые румынские лидеры присоединились к призыву; и поэтому 1 февраля было подано официальное прошение о помощи России. Русские, похоже, пришли не в большом количестве и не с тем официальным объявлением войны, которое сопровождало их более позднее вторжение в июне. Бем, во всяком случае, не потерял мужества. Хотя он недавно был отброшен Пучнером, он собрал свои силы; и 11 марта он разбил русских под Германштадтом, а вслед за своей победой захватил город. Эта знаменательная победа обеспечила на время отвоевание Трансильвании мадыарами; и, если бы Бем остался в этой провинции, вполне возможно, что он не только сохранил бы территорию под властью мадыар, но и сделал бы это правление приемлемым для саксов, а со временем и для румын.

Но за спиной Бема стояла темная фигура человека, который уже навлек позор и вред на мадыарское дело и который собирался еще больше унижить его в этом случае. Это был Ладислаус Чаньи, интриган, который привнес в выборы в округе Зала те элементы подкупа и запугивания, которые вынудили Дика отказаться от избрания. Теперь Чаньи хотел предать Германштадт мечу; но вмешался Бем, и саксы до сих пор чтят его память как память человека,

который спас их соотечественников от резни и их главный город от разрушения. Полный решимости противодействовать, насколько это было возможно, жестокой политике Чаньи, Бем объявил всеобщую амнистию тем, кто выступал против мадьярского правительства; но, к сожалению, это правительство посчитало, что военные таланты Бема им нужны больше, чем его гражданская мудрость; и они отправили его в Банат, чтобы очистить и эту провинцию от врагов мадьярского правления. Итак, в то время как Бем добивался успеха в битве в Банате, Чаньи сводил на нет свою работу в Трансильвании. С одобрения, по-видимому, Кошута, Чаньи полностью отменил амнистию Бема и учредил в Трансильвании трибуналы для суммарной казни своих врагов и конфискации их имущества.

Была одна жертва этого правления террора, чей характер и страдания выделяются таким образом, что бросают ореол на дело саксов. Стефан Людвиг Рот, как упоминалось выше, отличился своей гуманностью при управлении правительством Медиаша при правлении Пучнера; и мадьярские чиновники города Елизаветштадт прислали ему благодарственный адрес за защиту их города от разграбления. Но его ненавиделиярые сторонники мадьярского правления как наиболее яркое воплощение чувств в пользу независимости Саксонии; и его попытки способствовать иммиграции немцев в Трансильванию были восприняты против него теми, кто хотел подавить в Венгрии все национальные чувства, кроме мадьярского. Бем был настолько хорошо осведомлен о ненависти, которую возбудил Рот, что счел необходимым дать ему, в дополнение к общей амнистии, особые гарантии его безопасности. Полагаясь на эту безопасность, Рот удалился в свой приход Мешен и жил без какого-либо видимого страха, когда там его внезапно арестовали солдаты Чаньи и после некоторой задержки доставили в Клаузенбург. Там его держали в тюрьме, и, хотя поначалу с ним обращались снисходительно, через некоторое время ему запретили общаться со своими друзьями. Тем временем трибуналу, который должен был решить его судьбу, не было позволено прийти к свободному решению. Толпа мадьяр из Клаузенбурга собралась вокруг суда и потребовала его смерти; и даже те судьи, которые были убеждены в его невиновности, в ужасе проголосовали за его осуждение. Его друзья взывали к Чаньи о пощаде, но он с негодованием отклонил все ходатайства, заявив, что Рот заслужил десять смертей.

После своего осуждения Рот отправил своим детям следующее письмо:—

"Дорогие дети, меня только что приговорили к смертной казни, и еще через три часа приговор будет приведен в исполнение. Если что-то причиняет мне боль, так это мысль о тебе, оставшейся без матери, и которая сейчас теряет своего отца. Но есть хорошие люди, которые посоветуют и помогут тебе ради твоего отца. Я умоляю вас продолжать заботиться о венгерском подкидыше, которого я усыновил; только если этого захотят его родители, у них есть более близкие права. Кроме этого, у меня больше ничего нет в этом мире. О детях моей церкви в Мешене и о моем нимишском народе я думаю с любовью. Пусть Бог сделает так, чтобы эти общины обогатились плодами благочестия, подобно фруктовым деревьям, чьи налитые ветви свисают до земли! На моем письменном столе лежат проспекты школьной и церковной газеты, которая должна быть опубликована. Тело нации разорвано на куски. Я больше не верю ни в какое соединение ее членов. Тем больше я желаю сохранить живым дух, который когда-то жил в этих формах. С этой целью я умоляю моих братьев-священнослужителей, которых я оставляю здесь, позаботиться о продолжении этой газеты, чтобы сохранить характер, чистые манеры и честность воли нашего народа. Но, если по воле Истории суждено, что оно должно погибнуть, пусть оно погибнет так,

чтобы не опозорить своих предков! Время летит незаметно. Я не знаю, сможет ли мое больное тело достойно поддержать мой усердный дух. Всех, кого я оскорбил, я сердечно прошу о прощении. Со своей стороны, я оставляю мир без ненависти и молю Бога простить моих врагов. Так пусть же наступит конец во имя Бога!

"Клаузенбург, 11 мая 1849 года.

"Я должен добавить, что ни при жизни, ни после смерти я не был врагом венгерской нации. Пусть они поверят в это по слову умирающего человека в тот момент, когда все лицемерие исчезнет!"

Вскоре после этого его вывели на казнь. Когда ему зачитали приговор, в котором его обвиняли в том, что он взял меч вместо Библии и повел на себя орды саксов и валлаков, он возмущенно воскликнул: "Это неправда. Я никогда не носил меча. Он отказался, чтобы ему связали руки; и, повернувшись лицом к солдатам, он упал после третьего выстрела. Капитан, командовавший солдатами, был настолько впечатлен этим зрелищем, что воскликнул: "Солдаты, учитесь у этого человека, как умирать за свой народ".

Но задолго до того, как террор Чаньи достиг своего апогея, положение дел в других частях Венгрии претерпело важные изменения. Смещение Гергея и назначение Дембинского вызвало большое раздражение среди друзей первого. Это раздражение можно было бы отчасти извинить тем фактом, что с момента, когда Гергей отправил свое воззвание Виндишграцу, и до его отстранения от командования прошел почти месяц; и это отстранение даже приобрело видимость несправедливости и трудностей из-за его объявления в тот момент, когда Гергей только что одержал победу. Но противодействие этой смене командования было бы почти столь же очевидным, если бы смещение произошло раньше и при других обстоятельствах. Это было расценено политиками Буда-Пешта как удар, нанесенный армейским политикам; и назначение иностранца добавило элемент национального предубеждения к вспышке профессионального раздражения. Более того, Дембинский, похоже, был именно тем офицером, которого Гергей больше всего не любил. Его репутация основывалась на некоторых блестящих подвигах в партизанской войне во время польского восстания 1830 года; и, конечно, Гергей и его друзья, возможно, были правы, думая, что такой человек плохо подходил для ведения более регулярных боевых действий, которые были необходимы для разгрома Виндишграца. Но, какие бы оправдания у них ни были для несогласия с назначением, они явно ставят себя в неловкое положение своей очевидной решимостью не дать Дембински справедливого шанса. Гергей, действительно, поначалу делал вид, что препятствует протестам против назначения Дембинского; но язык, в котором он это сделал, был настолько явно вызывающим по намерениям, что вызвал порицание со стороны его личного друга, военного министра Месароша; прошло совсем немного времени, прежде чем Гергей сбросил даже эту тонкую маску и открыто бросил вызов авторитету Дембинского.

Фракция Гергея среди офицеров была настолько сильна, а неприязнь к Дембинскому - настолько общей, что командиры дивизий, наконец, согласились потребовать отставки своего начальника. Кошут приехал в лагерь, чтобы разобраться в обстоятельствах; и он обнаружил, что чувства к Дембински настолько сильны, что согласился на его высылку. Гергей, по-видимому, воспользовался этой возможностью, чтобы еще раз обсудить политическую ситуацию с Кошутом; и, как ни странно, он сделал ему то самое предложение, которое Баттьяни отверг,

когда оно было выдвинуто Джеллачичем; а именно, что военное министерство и министерство финансов должны быть переведены в Вену. Если бы это предложение не было удовлетворительным, когда Вена была свободна, а Фердинанд на троне, оно могло бы звучать как измена делу Венгрии, когда Вена находилась под абсолютным правлением Виндишграца; и поэтому неудивительно, что, хотя Кошут был готов сместить Дембинского, он предпочел назначить генерала Веттера главнокомандующим, а не доверить руководство Гергею.

Именно во время этого кризиса произошло событие, о котором говорилось в предыдущей главе и которое ускорило заключительную фазу движения. Воодушевленный, как полагал Гергей, победами Виндишграца, Фрэнсис Джозеф и его советники внезапно распустили парламент в Кремсье и по этому случаю провозгласили конституцию "октройе". Венгры всех партий осудили этот акт как нарушение их старых законов и обычаев и утверждение произвольной воли суверена. Ибо, действительно, вызванное теперь недовольство исходило далеко не только от мадьяр; и было бы странно, если бы было иначе. Роспуск парламента Кремсье был, даже независимо от всего, что последовало за ним, самым неприкрытым актом деспотизма, который был совершен со времен мартовских восстаний предыдущего года. Даже Фердинанд Неаполитанский мог бы заявить, что баррикады были возведены на улицах перед *егогосударственным переворотом* 15 мая. Неудачное июньское восстание в Праге дало благовидный предлог для предотвращения заседания чешского парламента; убийство Ламберга, без сомнения, казалось Фердинанду Австрийскому по крайней мере смягчающим обстоятельством для роспуска венгерского сейма; убийство Латура и преследование чешских депутатов предоставили Виндишграцу достаточный аргумент в пользу лишения Вены ее свобод; и даже насильственный разгон депутатов Берлина мог быть защищен королем Пруссии ссылкой на предыдущие августовские беспорядки. Но ни одно оправдание такого рода не могло быть приведено с малейшей долей правдоподобия в защиту роспуска парламента Кремсье. Действительно, Фрэнсис Джозеф продемонстрировал слабость своей позиции, сославшись в свою защиту на характер вопросов, которые обсуждались в парламенте; и он даже не мог притворяться, что парламент либо превысил свои полномочия, либо использовал их беспорядочно.

И Конституция, предложенная в качестве продолжения этого роспуска, не была более приемлемой, чем сам роспуск; и всеобщий протест прозвучал почти от каждой расы в Империи. Как бы сильно венцам при других обстоятельствах ни нравилась Конституция, централизованная в Вене, никто из них не приветствовал бы ее, когда она была объединена с правлением Виндишграца. Богемские лидеры чувствовали себя вдвойне оскорбленными: во-первых, роспуском парламента, которому они особенно доверяли в вопросах правосудия; и, во-вторых, отказом Богемии в какой-либо реальной провинциальной независимости. Хорваты с негодованием осудили восстановление военного правления на границе и последующее отделение от Хорватии славян, населявших приграничный район. Сербь, начиная с января, жаловались на усиление военного правления в сербских округах и постепенное ослабление власти воеводы; и теперь они чувствовали, что все их местные институты были в еще большей опасности из-за централизации новой Конституции. Некоторые из самых ожесточенных протестов исходили от румын. Большинство империалистических офицеров с самого начала относились к ним с величайшим презрением; и сразу после взятия Германштадта Бемом они внезапно оказались покинутыми австрийскими войсками, которые были отведены в Валахию. Пока они все еще страдали от этого предательства, до них дошла весть о новой Конституции; и они обнаружили, что как никогда далеки от создания той отдельной национальной

организации, к которой они так долго стремились; в то время как часть Баната, которую они считали специально румынской, должна была по новому соглашению перейти под власть сербов.

В этом состоянии всеобщего недовольства могло показаться, что у Кошута был бы прекрасный шанс объединить вокруг себя все народы Империи в общем стремлении к местной независимости и общей враждебности к правлению Франциска Иосифа. Но разногласия и взаимные подозрения между различными расами Империи зашли слишком глубоко, чтобы допустить это изменение. Что касается сотрудничества между богемцами и немцами, то даже если бы такое сочетание было возможно после различных причин ожесточения, упомянутых в предыдущих главах, мало что хорошего могло быть от него в условиях нынешнего кризиса, когда и Прага, и Вена были во власти завоевателя. Важным вопросом, следовательно, было отношение к новой Конституции различных рас в Королевстве Венгрия; и здесь следует признать, что не только Кошут был виноват в том, что ему не удалось объединить их в этой чрезвычайной ситуации.

Многие как хорваты, так и сербы открыто выражали свое недовольство обращением, которому они подверглись со стороны Австрийского дома, но и хорваты, и сербы были парализованы лидерами, которых они приняли. Банальный совет[23] Хорватии протестовал против публикации новой Конституции; но Джеллачич заявил, что он обязан проследить за тем, чтобы она была опубликована, и что Совет должен был только выполнять его приказы. Аналогичным образом многие из ведущих сербов протестовали Раячичу по поводу его принятия расплывчатых обещаний, которые были заменой в новой Конституции тех древних свобод, на которые сербы претендовали как на должное. Но Раджачич сохранил свою власть над своими соотечественниками и занял место в более полном подчинении австрийскому генералу, чем то, которое он занимал до сих пор. С другой стороны, Кошут, по-видимому, пренебрег возможностью, предоставленной общим чувством недовольства, которое преобладало в то время среди сербов и хорватов; и только несколько месяцев спустя, доведенный до отчаяния, он предложил пойти на эти уступки, которые к тому времени потеряли всякую привлекательность. По отношению к румынам Кошут, действительно, казался склонным к уступкам, которыми он надеялся отвлечь их от саксов; и он выбрал посредника, который, по его мнению, хорошо подходил для этой цели. Но Янку не доверял эмиссару Кошута, а возможно, и самому Кошуту; и поэтому переговоры сорвались.

И если Кошуту не удалось собрать вокруг себя в этот кризис различные расы, недовольные новой Конституцией, то гораздо более странным фактом было то, что он не смог сохранить союз между различными партиями в самой мадьярской нации. Это было тем более странно, что как раз в это время как личные, так и политические причины разногласий между Кошутом и Гергеем, казалось, внезапно исчезли. Каким бы глубоким ни было раздражение Гергея по поводу назначения Веттера, оно, естественно, было сведено на нет внезапной болезнью, которая отстранила Веттера от командования, и за которой 31 марта последовало назначение Гергея временным главнокомандующим; в то время как что касается политических взглядов, Гергей и Кошут были единодушны в осуждении обстоятельств, при которых Франциск Йозеф был возведен на трон Венгрии, а также характера и происхождения Конституции, которую он только что издал. При таких обстоятельствах казалось, что больше не может быть оснований для

раскола между военной партией, последовавшей за Гергеем, и большей частью мадьяр, которые признали Кошута своим лидером. Но вскоре оказалось, что это не так.

Кошут и его друзья, естественно, утверждали, что, поскольку единственный член Дома Габсбургов, претендовавший на трон Венгрии, по общему признанию, находился на нелегальном положении, единственным логичным ходом было свергнуть Дом Габсбургов с трона Венгрии; и что, поскольку единственная Конституция, по которой правители Австрии согласились бы связать себя с Венгрией, была, по общему признанию, незаконной Конституцией, единственным логичным ходом было отделение Венгрии от Австрии. С другой стороны, Гергей и его друзья с ужасом отшатнулись от мысли сражаться без королевской власти. Они поклялись повиноваться Фердинанду и принять Конституцию марта 1848 года; поэтому они настаивали на игнорировании отречения Фердинанда и отмены этой Конституции и продолжали бороться во имя короля, который не хотел царствовать, и во имя Конституции, которая прекратила свое существование. Кошут и его друзья, однако, были полны решимости отстаивать свои принципы; и 14 апреля они опубликовали знаменитую "Декларацию независимости".

Строго юридический и исторический характер, которым было отмечено все венгерское движение со времен заседания сейма в 1825 году, все еще проявляется даже в этом полуреволюционном документе. Декларация восходит к первой связи Дома Габсбургов с венгерским тронem и заявляет, что ни у одного Дома никогда не было таких хороших шансов успешно управлять страной, и он так злоупотреблял ими. После упоминания некоторых тираний предыдущих королей этого Дома в Декларации подчеркивается тот факт, что, хотя Венгрии часто приходилось сражаться за свою свободу, она всегда была настолько умеренной в своих требованиях, что сложила оружие, как только король дал новую клятву сохранить ее свободу; но эти клятвы так и не были выполнены, и в течение трехсот лет эта политика никогда не менялась. После каждого обещания люди с преувеличенным великодушием забывали о ранах прошлых лет; но теперь пришло время разорвать союз. Дом Габсбургов объединился с врагами народа, с грабителями и агитаторами, чтобы угнетать народ. Она напала на тех своих подданных, которые не захотели объединиться против Конституции, которую она поклялась защищать, или против независимой жизни нации. Оно совершило насильственное нападение на целостность страны, хотя и поклялось защищать ее. Оно использовало иностранную державу для убийства своих собственных подданных и подавления их законной свободы. Любое из этих преступлений было достаточным основанием для лишения династии трона. Далее в Декларации рассматриваются оправдания, которые Династия предлагала для своего поведения. Что касается независимости, обеспеченной Венгрией в марте 1848 года, то это было лишь подтверждением старой традиции; ибо Прагматическая Санкция показала, что ни Венгрия, ни какая-либо из связанных с ней провинций никогда не были поглощены Австрией. Иосиф II. единственный проигнорировал этот факт, и поэтому его имя никогда не появлялось в списке королей Венгрии. Что касается законов, принятых сеймом в марте, то Фердинанд санкционировал их, но теперь он хотел их отменить. Тем не менее, венгры не воспользовались беспорядками в различных частях Австрийской империи, чтобы обеспечить себе большую независимость, но остались довольны тем, что было предоставлено в марте. Они поддерживали монархию, но Фердинанд попытался нарушить свою клятву, как только она была принесена. Правительство в Вене сначала пыталось действовать через графа Палатина; но, поскольку эта комбинация ослабила их власть, они постепенно отнимали у него все больше и больше власти. Они пытались ввести таможенные пошлины, которые отрезали бы Венгрию от остального мира; и когда этот метод потерпел

неудачу, они попытались настроить различные национальности против венгерского министерства. Далее в прокламации говорится, что даты и документы доказывают, что эрцгерцог Людовик, эрцгерцог Франциск Карл и эрцгерцогиня София спровоцировали восстания в Хорватии и Славонии. Они связывают первое разоблачение Фердинандом Джеллачича как предателя с трудностями, вызванными войной в Италии; но они обвиняют его в том, что он играл двойную роль, как в Хорватии, так и в Славонии, и в том, что он помогал хорватам и сербам деньгами и боеприпасами в то самое время, когда он объявлял их повстанцами. Они обвиняют сербов в том, что они совершили большие жестокости во время своего восстания. Они осуждают как незаконное рассредоточение венгерских войск по разным провинциям Австрийской империи и заявляют, что именно в результате этого соглашения они не смогли спасти Фиуме от Джеллачича. Они жалуются на приказ, отданный солдатам и командирам крепостей не подчиняться венгерскому министерству и выполнять приказы только из Вены. Они жалуются, что император произвел в генералы славянского священника, возглавлявшего восстание словаков в Северной Венгрии. Они жалуются на дезертирство эрцгерцога Стефана после его обещаний поддержки и на интриги Латура с Джеллачичем и другими генералами против свобод Венгрии. Наконец, они жалуются на отречение Фердинанда в пользу Франциска Иосифа. И все же они приняли бы даже Франциска Иосифа, если бы он заявил о своих правах законным образом; но он угрожал завоевать Венгрию силой и для завоевания Трансильвании призвал на помощь тех русских, которые подавили свободы Румынии. Далее они заявили, что, хотя сначала венгры были отброшены назад, теперь они восстановили свои позиции в Трансильвании, очистили Север Венгрии от врагов, подавили восстание сербов и разгромили австрийцев в пяти битвах. В этих обстоятельствах они объявили Венгрию независимой от Дома Габсбургов и назначили Кошута своим президентом.

Господство Кошута в Венгрии было важным фактом на протяжении значительного времени и было обусловлено не только его личными качествами, но и постепенным уходом из общественной жизни большинства ведущих государственных деятелей, которые играли определенную роль на ранних этапах борьбы против правящих сил в Вене. Баттьяни отказался от всякой прямой инициативы в венгерской политике с момента своей отставки с поста премьер-министра и лишь пытался выступить посредником между противоборствующими армиями, что было презрительно отвергнуто Виндишграцем. Дик с самого начала объявил, что он непригоден для революционной пропаганды; и, посвятив себя в первые дни мартовского министерства составлению свода законов и административной работе в своем ведомстве, он постепенно занял ту же должность посредника, о которой мечтал Баттьяни, и с таким же недостатком успеха. Весселеньи был теперь стар и слеп; и, хотя он согласился отправиться с Этвешем в составе той депутации на Венское собрание, которая была отклонена чешскими депутатами, ни он, ни Этвеш теперь не принимали сколько-нибудь регулярного участия в государственных делах. Сечени, ужаснувшийся результатам, которые, как он считал, были результатом его раннего поощрения мадьярских чувств, потерял рассудок и в это время находился в стесненных условиях. Таким образом, из государственных деятелей, занимавших видное место в Венгрии во время борьбы с Меттернихом, Кошут был единственным, о ком все еще можно было сказать, что он находится перед публикой.

Непревзойденное красноречие Кошута и его острое сочувствие как к интенсивности, так и к ограниченности мадьярских чувств придали ему силу, которой никогда не обладал ни один из других лидеров движения; а его открытие военного гения Бема обеспечило ему влияние в Трансильвании, что значительно укрепило его позиции. С другой стороны, его нетерпимое

отношение к подчиненным расам Венгрии особым образом выделило его как объект их ненависти; в то время как его презрение к обычным военным порядкам, его растущее недоверие к Гергею и последнее, но, возможно, не менее важное, убеждение многих военных в том, что ему не хватает физической храбрости, имело тенденцию укреплять против него грозную партию в армии, которая в конечном итоге оказалась слишком сильной для него. Но, если бы раздвоенное состояние венгерских чувств создало огромные трудности на пути Кошута, он мог бы найти компенсацию в состоянии противостоящих ему сил. Военные критики, похоже, не считали Виндишграца выдающимся генералом. Стратимирович, какими бы военными качествами он ни обладал, постоянно находился в узде из-за осторожной политики Раджачича. Пучнер, который преуспел в придании такой силы румынскому восстанию, становился объектом подозрения более консервативных австрийских генералов и вскоре должен был быть удален из Трансильвании; в то время как причину слабости, которая была, возможно, еще более важной, можно было найти в выводе из страны большого отряда австрийских и хорватских солдат, которые направлялись против нового правительства римских государств.

Ибо и в Италии борцы за свободу готовились к своей последней борьбе, хотя и под эгидой, несколько отличной от той, под которой она велась в Венгрии. В тот самый день, когда в Венгрии была опубликована Декларация независимости, Мадзини, Саффи и Армеллини, которые были избраны триумвирами Римской республики после провала последней войны Карла Альберта, впервые появились в Ассамблее в своем новом качестве. Перед ними стояла нелегкая задача. Помимо врагов, угрожавших Республике извне, существовали опасности, связанные с чувствами различных партий внутри Римского государства. Низложение папы Римского, несомненно, вызвало шок в чувствах многих сильных либералов, гораздо более острый и, если можно так выразиться, более понятный, чем низложение Дома Габсбургов могло бы вызвать у любого венгерского лидера. Даже Каstellани, посол Венецианской республики, не решался отождествлять интересы своего города с интересами противников папы римского; в то время как настроения священников римских государств были продемонстрированы грозным заговором в Имоле и Асколи. Генерал Цукки, принимавший участие в этом заговоре, даже пытался силой вторгнуться на неаполитанскую территорию, чтобы перейти под власть папы римского. Гарибальди разгромил эту попытку, и Цукки был отправлен в качестве пленника в Рим; но заговор не был забыт; и когда триумвиры пришли к власти, они обнаружили, что эти вспышки сопротивления священников провоцировали жестокие репрессии со стороны республиканцев.

В то время как Саффи был всего лишь министром внутренних дел, а Мадзини - всего лишь частным членом Собрании, они оба предупреждали правительство о вероятности этой опасности; и теперь они обнаружили, что в Анконе образовалось Общество, которое угрожало смертью врагам либерализма. Триумвиры сначала послали двух офицеров, которые попытались организовать местных лидеров в комитет по охране общественного порядка; но, хотя их эмиссары были удовлетворены своими действиями, триумвиры были менее довольны. Феличе Орсини был послан со всеми полномочиями для подавления восстания и, в случае необходимости, для объявления Анконы на осадном положении. Он немедленно арестовал двадцать человек, вызвал Национальную гвардию, силой подавил сопротивление и увез своих пленников в Рим, где их заперли в замке Святого Ангела. Из Анконы Орсини отправился в Асколи, где приговорил к расстрелу трех наиболее опасных лиц и наложил арест на имущество кардинала, который разжег восстание клерикалов. Но австрийские войска теперь продвигались на римскую территорию, и Орсини был вынужден отступить в Рим.

Даже в столице триумвирам пришлось прибегнуть к решительным мерам, чтобы обуздать ожесточенное отношение к священникам. Это чувство только что было поднято на необычную высоту особыми открытиями жестокости священников. Уничтожив различные нерегулярные трибуналы, выросшие при папской тирании, триумвиры должны были решить вопрос об инквизиции. Они приспособили бывшие служебные помещения этого знаменитого учреждения под жилища для бедных; но, отдавая здания для этой цели, они открыли потайные подземелья и обнаружили заключенных, которые медленно умирали от своего заточения. Один епископ, который оставался там со времен Льва XII, совершенно потерял способность ходить. Ужасные орудия пыток, которые были найдены в том же месте, еще больше возбудили негодование народа; и это чувство нашло еще новый повод для своего выражения, когда в библиотеке инквизиции была обнаружена книга, содержащая секреты знатных семей Италии, которые были получены благодаря откровениям исповедников. Несколько самых свирепых духов в Риме сразу же напали на кафедры и исповедальни и сожгли некоторых из них на Пьяцца дель Пополо. Эти беспорядки были сурово пресечены триумвирами, и им удалось защитить от народной мести монастырь, в котором жил главный инквизитор. Но, защищая личность и частную собственность священников, они присвоили большую часть церковных земель для поддержки бедных, договорившись, что каждая семья из трех человек должна иметь столько земли, сколько может выдержать пара волов. В то же время юрисдикция духовенства над университетами и школами была отменена.

В то время как внимание правительства, таким образом, было сосредоточено на восстановлении внутреннего порядка и проведении необходимых реформ, оно не пренебрегало энергичными мерами, которые были необходимы для сопротивления внешним врагам. Силы, которые были довольно небрежно разбросаны по отдаленным провинциям Римского государства, были сосредоточены триумвирами близ Болоньи. Этот доблестный маленький город находился в состоянии тревоги с начала февраля, когда австрийские войска снова атаковали Феррару; и трудности сообщения между этими двумя городами усилили тревогу болонцев, хотя это также усилило их стремление к сопротивлению. Но еще до этого австрийского вторжения римские республиканцы были встревожены угрозами, исходившими от другой Державы. Через три дня после бегства папы генерал Кавеньяк объявил во Французском собрании, что он направил три фрегата в Чивита-Веккью для обеспечения безопасности Его Святейшества. Эта экспедиция вызвала сильное противодействие во Франции; и во время последующей борьбы за пост президента один из кандидатов направил редактору французской газеты следующее письмо:

"Господин Редактор,

"Зная, что мое согласие проголосовать за экспедицию в Чивита-Веккью было отмечено, я считаю себя обязанным заявить, что, какое бы решение ни было принято относительно мер, подходящих для обеспечения свободы и власти верховного понтифика, тем не менее, я не могу одобрить своим голосованием военную демонстрацию, которая представляется опасной как для священных интересов, которые они якобы защищают, так и для того, чтобы поставить под угрозу мир в Европе.

"С уважением,
Луи Наполеон Бонапарт".

"2 декабря 1848 года".

Поскольку этот миролюбивый кандидат вскоре после избрания был президентом Французской Республики, казалось, не было особых опасений, что Франция снова предпримет экспедицию, "ставящую под угрозу европейский мир"; и Гора Французского собрания недавно направила Римской Республике приветствия.

Поскольку с тех пор непосредственная опасность для Рима, казалось, исходила скорее с Севера, чем с Запада, триумвиры с большой тревогой наблюдали за нерешительной позицией Геррацци и тосканского правительства. Лидеры Римского собрания так стремились к союзу между Тосканой и римскими государствами, что даже предложили Монтанелли и Геррацци места в первом триумvirате, который был сформирован до того, как Мадзини и Саффи были призваны к власти. Геррацци, однако, отказался принять это предложение; и, заявляя о своем желании союза с Римом, он заявлял о своей неспособности найти средства для осуществления этого союза. Действительно, Геррацци занимал почти невозможное положение. Хотя он и не мог решиться принять республиканское правительство, он все же был полон решимости противостоять любому вмешательству, будь то со стороны пьемонтцев или австрийцев, в пользу бывшего правительства Тосканы. И хотя он, казалось, все еще лелеял итальянские идеи, он чувствовал, что поражение Карла Альберта лишило надежды на сколько-нибудь удовлетворительное продолжение войны за независимость. В этих обстоятельствах сторонники реставрации великого герцога, естественно, укрепили свои позиции в Тоскане. Геррацци, которому в равной степени не доверяли республиканцы и роялисты, не смог ни противостоять этому движению, ни направлять его в соответствии со своими собственными теориями; и 12 апреля муниципалитет Флоренции забрал этот вопрос из рук Геррацци и Собрания и постановил отозвать великого герцога.

Эта катастрофа, хотя и вызывала сожаление, вряд ли могла вызвать большое удивление у руководителей Римской республики. Чувство гораздо более глубокой боли, должно быть, было вызвано окончательным провалом самой ранней из всех битв за свободу того периода. *Государственный переворот* в Неаполе 15 мая 1848 года, хотя и разрушил надежды неаполитанцев, только усилил рвение сицилийцев в их борьбе против Фердинанда. Поскольку они только что свергли его с трона и провозгласили герцога Гenuэзского своим королем, они считали себя в безопасности от восстановления неаполитанского правления; и послы Франции и Англии пытались убедить короля Неаполя не посылать экспедицию на Сицилию. Однако он отказался прислушаться к этим увещаниям; экспедиция отплыла; и своей бомбардировкой Палермо Фердинанд завоевал для себя на всей Сицилии титул Бомбардира, который быстро сократили до Бомба. Руджеро Сеттимо, принимавший участие в боевых действиях 1812 и 1821 годов, был поставлен во главе правительства Сицилии, а Гарибальди был приглашен прибыть для защиты острова. Гарибальди, однако, не прибыл; и главная оборона острова была поручена польскому генералу Мирославскому, который, не сумев спасти Позен от рук пруссаков, стал своего рода странствующим рыцарем свободы в других частях Европы. Однако он принес мало пользы делу, которое защищал. Он ссорился с итальянским генералом Антонини и так часто терпел поражения, что сицилийцы начали опасаться предательства и в конце концов вынудили его сложить командование. Борьба фактически стала безнадежной, и 17 апреля 1849 года парламент Сицилии решил больше не собираться. Тогда Руджеро Сеттимо созвал своих друзей и заявил, что готов снова пережить все свои неприятности, если они решат продолжить соревнование. Но они считали, что теперь положение безнадежное, и проголосовали за мир. Тогда Сеттимо посоветовался с Национальной гвардией, но тоже напрасно; и, обнаружив, что любые дальнейшие усилия бесполезны, он сложил с себя полномочия президента и покинул

остров. Разрозненность сицилийского движения, без сомнения, в какой-то степени уменьшила значение этого поражения; но доблесть их борьбы возбудила большое сочувствие в Риме, и их падение освободило неаполитанские силы для действий против Римской республики.

Это дополнение к опасностям, преследовавшим Республику, возможно, не было бы столь грозным, если бы в то же время новый и более важный враг не начал проявлять признаки враждебности. Избрание Луи Наполеона президентом Французской Республики было встречено с некоторым удовлетворением как в Венеции, так и в Риме; и после установления Римской республики в Париж были отправлены два посланника, которые напомнили президенту о том участии, которое он принимал в одном из восстаний против Григория XVI. Луи Наполеон ответил, что время Григория XVI. в Риме прошло, и что его юность тоже прошла. Оба замечания, несомненно, были правдивы и сами по себе не вызывали особой тревоги; но Ледрю Роллен, один из немногих французов, действительно симпатизировавших Италии, предупредил Мадзини о надвигающейся опасности; и характер этой опасности вскоре стал очевиден. 16 апреля Одиллон Барро внес во Французское собрание предложение о выделении тысячи двухсот тысяч франков на экспедицию в Италию; экспедиция, по его словам, была направлена не на восстановление Папы Римского, а на защиту свободы и человечности. 20 апреля генерал Удино принял командование экспедицией и сказал своим сторонникам, что его целью является сохранение старого законного французского влияния и защита судеб Италии от засилья чужаков и партии, которая на самом деле находилась в меньшинстве. Тон французского министерства по отношению к римлянам был настолько любезным, что полковник Фраполли, один из посланников Римской республики, получил разрешение президента Франции организовать французский легион, который должен был сражаться для защиты Рима, и которым должен был командовать Пьер Бонапарт. Но Пьер Бонапарт внезапно сложил с себя командование; префекту было приказано воспрепятствовать отправке легиона; и большой запас мушкетов, купленных Римской республикой, был конфискован французским правительством. Тем временем Удино отплыл и 24 апреля предстал перед Чивита Веккья.

Примерно в то время, когда высаживались французские войска, в то же самое место прибыли совсем другие силы. Лидером этих сил был Лучано Манара, который так доблестно сражался в "Пяти днях" Милана и которому впоследствии Казати и Чарльз Альберт так мешали в его попытке спасти Южный Тироль от австрийского владычества. Он, как и другие, был разочарован провалом последней войны Карла Альберта; но он отказался присоединиться к генуэзскому восстанию, последовавшему за поражением при Новаре, и предпочел отправиться с 8000 человек на помощь Римской республике. Однако трудности, возникшие на пути их похода, были настолько велики, что к тому времени, когда Манара достиг Чивита-Веккии, у него осталось всего 600 человек. Удино с необычайной дерзостью оспаривал право лангобардов вмешиваться от имени Рима; и он даже пытался убедить их, что дело Рима настолько отличается от дела Ломбардии, что лангобарды могут последовательно объединять свои силы с французами против Рима. Манара с негодованием отверг это предложение; и тогда Удино тщетно пытался добиться обещания, что ломбардские войска не будут действовать против него до 4 мая. Манара, отказавшись от этого дальнейшего требования, Удино был вынужден пропустить лангобардов; и Манара отправился в Рим, чтобы рассказать римлянам, как Французская Республика готовится защищать дело "свободы и человечности".

Несмотря на это явное свидетельство своих намерений, Удино все же попытался сыграть свою двойную роль; и, поскольку его высказывание о правительстве партии меньшинства

встревожило жителей Чивита-Веккья, он уполномочил секретаря Дипломатической миссии заявить о симпатиях французов к римлянам и заверить граждан Чивита-Веккья, что французская армия пришла только для того, чтобы защитить их от австрийцев. Маннуччи, губернатор Чивита-Веккья, хотел воспротивиться первой высадке французов; но его переубедили Торговая палата и Муниципальный совет, которые были убеждены, что французы на самом деле не могли намереваться уничтожить свободу, которой они, по их словам, так дорожат. Однако, как только Удино совершил высадку, он объявил, что не будет защищать анархическое правительство Рима, которое никогда не было официально признано. Муниципалитет встревожился, и Удино снова изменил свой тон и заявил, что французы будут уважать мнение большинства населения и не желают навязывать имкакую-либо особую форму правления. Несмотря на предупреждения, содержащиеся в предыдущем заявлении Удино, муниципальный совет согласился впустить его в город; и, как только он оказался там, он разоружил батальон, который должен был защищать город; и еще больше продемонстрировал свое рвение к интересам "Свободы и человечности", закрыв типографию в Чивита-Веккья, потому что там недавно было напечатано обращение, в котором осуждалось папство.

Тем временем новость распространилась по Риму, и Собрание обсуждало, как им следует принять Удино. Убежденность французов в реальности стремления к свободе была настолько глубокой, что Армеллини фактически предложил принять Удино как друга. Но пока Собрание обсуждало этот вопрос, Мадзини вошел в зал и объявил, что полковник ле Блан признался, что экспедиция была отправлена для восстановления папства. Вслед за этим Ассамблея проголосовала за то, чтобы триумвиры имели право противостоять силе силой. Но возникла другая трудность; офицеры Национальной гвардии заявили, что они не верят, что их солдаты будут сражаться. Вслед за этим Мадзини приказал, чтобы на следующее утро батальоны гвардии дефилировали перед Квириналом, где заседала Ассамблея; и, когда гвардейцы проходили мимо, он задал им вопрос, за мир они или за войну. Громкий крик "Гуэрра, гуэрра!" был ответом на его апелляцию, и защита была немедленно принята.

В каждом округе главы народа и представители Ассамблеи должны были организовать защиту каждой пяди земли. Были возведены баррикады; всем людям должно было быть роздано оружие, а муниципалитет обязался обеспечить их зерном, мясом и другими съестными припасами. В то же время все иностранцы, и особенно все французы, живущие в Риме, должны были находиться под защитой нации. Любой, кто причинил им вред, должен был быть наказан как посягнувший на честь Рима. Что касается собственно солдат, которые должны были быть задействованы в первой обороне города, они были распределены следующим образом: —1-я бригада под командованием Гарибальди охраняла линию за стенами, которая простирается от Porta Portезе до Porta Сан-Панкрацио. 2-я бригада под командованием полковника Маси была выстроена перед воротами Кавалледжьеры, Ватиканом и портой Анжелика. 3-й полк под командованием полковника Савини стоял в резерве на Пьяцца Навона. Полковник Галлетти командовал 4-м полком, который дислоцировался на площади Чезарини; в то время как резервные силы под командованием генерала Галлетти, в состав которых входили Манара и его ломбардские добровольцы, пока оставались в стороне, чтобы подойти в случае необходимости. Всеми войсками командовал генерал Авеццана, который организовал восстание в Генуе после поражения при Новаре и который теперь, по-видимому, действовал одновременно как военный министр и главнокомандующий.

29 апреля Авеццана повел свой штаб к Монте-Марио, откуда он мог видеть французскую армию, наступающую из Чивита-Веккьи. Шагая по дороге, французы повсюду видели странные надписи, нарисованные на стенах и столбах. Они гласили следующее: "Статья 5 преамбулы Конституции Франции. Французская Республика уважает иностранные национальности так же, как она намерена уважать свою собственную. Она не ведет никаких завоевательных войн. Она никогда не будет использовать свои собственные силы против свободы какого-либо народа ". То ли в качестве своеобразного ответа на этот вызов, то ли в знак презрения к нему, Удино объявил своим войскам, что они пришли освободить Рим от фракционной партии, которая изгнала папу и которая ответила на его слова о примирении непродуманными провокациями.

Это было в 11.30 утра 30 апреля, когда французская и римская армии впервые столкнулись. Гарибальди выступил из Porta San-Pancrazio навстречу французам, которые входили на территорию Виллы Памфили и которые, услышав, как городские колокола зазвонили, призывая к атаке, предположили, что вспыхнуло восстание в пользу папы римского и что их ждет легкая победа. Гарибальди, однако, отразил их после ожесточенного боя и взял 300 пленных. Но основная атака французов тем временем была направлена против Porta Анжелика. Там один из французских капитанов надеялся провести колонну в Рим тайным путем недалеко от Ватикана. Но по наступающей колонне из папских садов был открыт огонь, в то время как войска из Монте-Марио атаковали их с тыла. Бой длился четыре часа. Французскому капитану Пикарду сначала удалось оттеснить университетский батальон; но по мере его продвижения полковник Арчиони во главе полка ломбардских изгнанников атаковал его с одного фланга, а Галлетти во главе Национальной гвардии - с другого; наконец, Гарибальди, расправившись со своими первоначальными противниками на Вилле Памфили, атаковал французские войска и вынудил их сложить оружие.

Эта битва ознаменовалась несколькими актами особой доблести. Один офицер по имени Монтальди, попав в окружение французов, был поставлен на колени и продолжал сражаться, от его шпаги остался только обломок. Он сражался под командованием Гарибальди при Монте-Видео и был генуэзцем по происхождению. Уго Басси^[24] отличился, разъезжая верхом по полю, призывая римлян к битве. Его лошадь была убита под ним, и, когда он со слезами обнимал ее, подошли французы и взяли его в плен. Сам Гарибальди был ранен, но не хотел, чтобы об этом стало известно до окончания битвы, когда он частным образом послал за врачом.

На следующий день сражение возобновилось; народ устремился на защиту стен, и французские стрелки были окончательно изгнаны из садов Памфили. Гарибальди теперь смог бы отрезать французам путь к отступлению и уничтожить их армию; но триумвиры, хотя и не верили обещаниям Удино, верили, что, если с французами поступить великодушно, республиканские чувства снова пробудятся во Франции и свергнут правительство или расстроят их планы; но что, если они будут доведены до крайности, французское тщеславие помешает даже самым последовательным республиканцам выступить против войны. На этих основаниях они позволили французам отступить, предоставили им короткое перемирие и освободили захваченных пленных.

Но вскоре выяснилось, что надежда на какое-либо изменение настроений французов была совершенно напрасной. Действительно, вскоре после отплытия экспедиции во Французском собрании начались дебаты, и был назначен Комитет для выяснения цели экспедиции; но Жюль Фавр, председатель этого Комитета, сообщил, что правительство не имело намерения

привлекать Францию к свержению Римской Республики; и что оно вмешалось только для того, чтобы под французским флагом уважалась человечность; и что притязаниям Австрии можно было бы положить предел. Таким образом, несмотря на противодействие Ледрю Роллена, за выделение денег на экспедицию проголосовали 325 человек против 283. Но даже Жюль Фавр не мог быть полностью ослеплен подобными фразами, если рассматривать их в свете действий Удино; и 8 мая Национальное собрание предложило правительству без промедления принять необходимые меры для предотвращения отклонения экспедиции в Италию от возложенных на нее задач; и поэтому они решили послать Фердинанда Лессепса для переговоров с триумвирами об условиях мира.

Тем временем Римская республика поняла, что ей нужно защищаться от двух других врагов. 2 мая было обнаружено, что неаполитанская армия находится на пути в Рим. 4-го числа Гарибальди двинулся маршем к Палестрине и с помощью Манары и его ломбардского батальона наголову разгромил неаполитанские войска. Как раз в то же самое время болонцам стало известно, что угроза нападения австрийцев вот-вот станет реальностью. Феррара была оккупирована 7 мая; но, даже несмотря на присутствие в городе австрийских войск, муниципальный совет Феррары проголосовал тридцатью семью голосами против трех в пользу Римской республики. Такой протест, несомненно, был полезен для доказательства серьезности намерений римских провинций выступить в поддержку нового правительства. Но от такого героического в своих традициях города, как Болонья, ожидалось нечто большее. 6 мая президент муниципалитета объявил, что в память о 8 августа 1848 года будут розданы медали. 8 мая было объявлено, что австрийцы наступают на Болонью. В этом городе, как и в Риме, внутренняя оборона была организована в особых районах под руководством особых руководителей, в то время как Национальная гвардия и университетский батальон должны были сражаться бок о бок с регулярными войсками. К девяти часам утра 8-го австрийцы были у ворот Болоньи, а еще до одиннадцати часов произошли ожесточенные бои у ворот Галлиера, Porta Сан-Феличе и порта Сарагоцца. Народ с негодованием отвергал все предложения о капитуляции, и около четырех часов австрийцы начали бомбардировку города. К концу дня президент подал в отставку, полагая, что сопротивление бесполезно; но муниципалитет тщетно пытался добиться условий, на которые они надеялись, штурм возобновился, и австрийцы выпустили по городу ракеты с колокольни францисканского монастыря. Для продолжения борьбы была назначена специальная комиссия, и оркестр одного из полков, стоявший под деревом Свободы на площади Сан-Петронио, подбадривал сражающихся музыкой и песнями. Борьба, однако, была отчаянной, и 10 мая снова пришлось послать депутацию с просьбой о перемирии. Но вскоре бой возобновился, и болоньезские войска так рвались в атаку, что генералу пришлось предостеречь их от ненужной стрельбы из своих орудий. Кондитерам было приказано приостановить производство простых кондитерских изделий, чтобы у защитников города было больше хлеба, а из сельских районов Романьи ожидалось подкрепление. Генерал Вимпфен, возглавлявший австрийские войска, осудил оборону как "глупую работу слепой фракции"; но Временное правительство ответило, что прокламация, подписанная маршалом Вимпфеном и препровожденная им магистратам, поскольку пришла без каких-либо сопроводительных документов, не могла быть получена ими. Устав действовать только в обороне, болонцы предприняли вылазку из Porta Маджоре, отразили атаку австрийцев и преуспели в соединении с отрядом романьоли, который шел на выручку городу. Но шансов на объединение с внешним миром становилось все меньше и меньше, ибо австрийские войска все плотнее окружали город, и 15-го числа бомбардировка возобновилась. Затем несколько

граждан попросили разрешения съездить в Рим, чтобы выяснить, как там обстоят дела, чтобы они могли знать, что от них все еще требуется в штаб-квартире. Но это предложение, по-видимому, было просто выражением отчаяния, поскольку 16-го числа стало необходимо отказаться от обороны и договориться об условиях капитуляции.

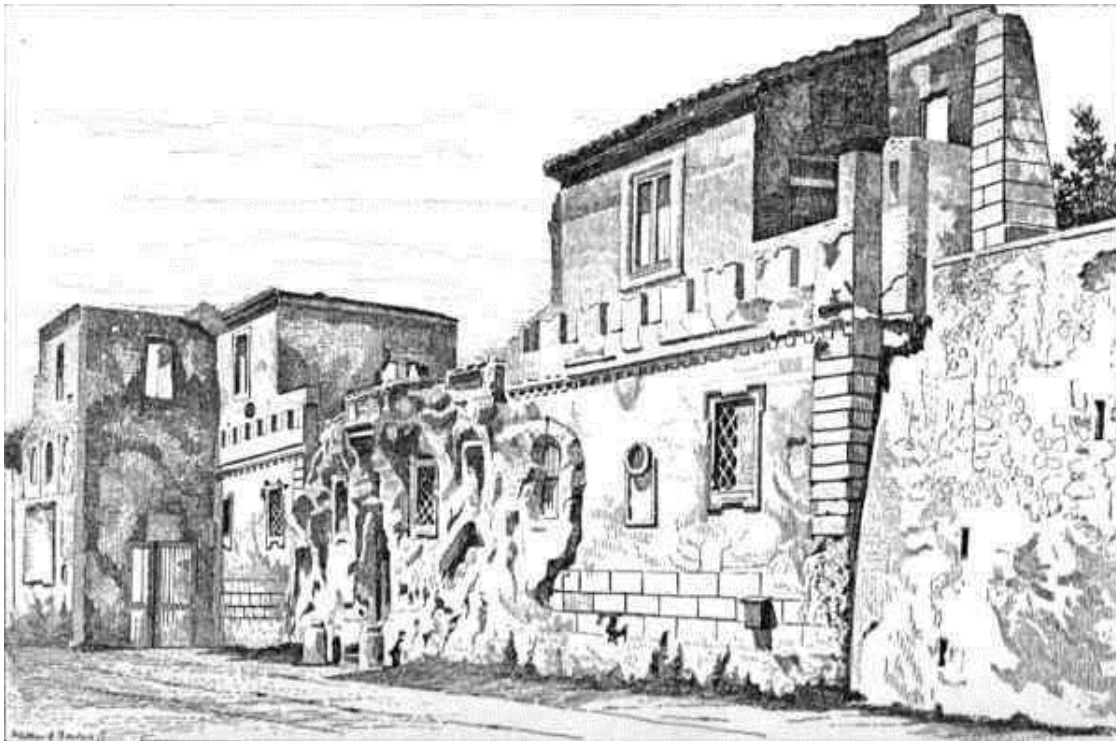
Пока болонцы вели эту отчаянную борьбу, Фердинанд Лессепс прибыл в Рим и быстро пришел к убеждению, что республиканское правительство является свободным выбором народа и что оно способно поддерживать порядок лучше, чем папство; в то время как беседа с Мамьяни показала ему, что даже так называемые умеренные либералы не желают действовать против Республики. Но, хотя Лессепс был достаточно честен, чтобы признать эти факты, его тщеславие, как личное, так и национальное, помешало ему сделать естественный вывод, что ни он, ни Удино не нужны в Риме. Поэтому он предложил, чтобы римские государства обратились за отеческой защитой к Французской Республике; чтобы римское население свободно высказывалось о своей форме правления; чтобы Рим принял французов как своих друзей; и чтобы римские и французские войска действовали сообща для защиты города. Ассамблея отклонила эти предложения на том основании, что Рим не нуждался в защите и что название Римской республики не упоминалось в переговорах; и они далее жаловались, что 19 мая, когда перемирие все еще было в силе, французские солдаты перешли Тибр. Затем триумвиры, в свою очередь, предложили, чтобы Римская республика признала помощь, предложенную французской нацией против иностранной интервенции; чтобы Конституция, принятая Генеральной Ассамблеей, была утверждена всенародным голосованием; чтобы Рим приветствовал французских солдат как братьев; но чтобы они оставались за пределами города, пока Римская республика не призовет их. Эти предложения были приняты Лессепсом с некоторыми изменениями во время перемирия; и он покинул Рим, вполне довольный Мадзини, а еще больше - самим собой.

Велико, однако, было негодование этого несчастного дипломата, когда, добравшись до лагеря Удино, он обнаружил, что генерал, не дожидаясь истечения срока перемирия, внезапно занял Монте-Марио! Лессепс разрывался между своими чувствами человека чести и нежеланием выступать против своих соотечественников. Сначала он пригрозил, что, если приказ о штурме не будет отозван, он сам вернется в Рим и поднимет тревогу; но когда по его возвращении в город триумвиры спросили его о нарушении перемирия, он заверил их, что Монте-Марио был занят только для того, чтобы предотвратить его попадание в руки французского подкрепления, которое направлялось в Рим. Факт заключался в том, что Лессепс с начала и до конца был одурачен беспринципными людьми, правившими Францией. В то время как ему было поручено вести явно мирные переговоры, Удино были отправлены секретные инструкции следующего содержания: "Скажите римлянам, что мы не желаем объединяться с неаполитанцами против них. Продолжайте ваши переговоры в смысле вашего заявления. Мы посылаем вам подкрепление. Ждите их. Сумейте войти в Рим по соглашению с жителями; и если вы будете вынуждены штурмовать его, делайте это таким образом, чтобы с наибольшей вероятностью обеспечить успех". Удино полностью понял его инструкции. 31 мая он с презрением отверг конвенцию, которая была принята Лессепсом; и в тот же день Лессепс получил отзыв в Париж, а Удино получил приказ взять Рим силой.

Тем временем досадное происшествие привлекло внимание к другой опасности, угрожавшей Римской республике. Генерал Розелли теперь был назначен главнокомандующим римской армией; но ему было очень трудно контролировать Гарибальди. После поражения

неаполитанских войск Гарибальди хотел продвигаться к Веллетри. Роселли запретил ему это делать, но Гарибальди ослушался приказа своего начальника и двинулся вперед. Часть войск, следовавших за ним, не научилась выдерживать огонь и обратилась в бегство при первой же атаке. Гарибальди был в такой опасности, что был вынужден послать в Роселли за свежими войсками. С помощью этих подкреплений Гарибальди отбросил неаполитанцев; но затем он во второй раз не подчинился приказу Роселли, двинулся вперед к Веллетри и вступил в него 20 мая. Последовали ожесточенные взаимные обвинения между друзьями Гарибальди и Розелли; Гарибальди и его друзья утверждали, что, если бы не промедление Розелли, победа была бы более полной; сторонники Розелли заявляли, что, если бы не опрометчивость Гарибальди, сам Фердинанд и большая часть его армии попали бы в руки римлян. Роселли далее потребовал, чтобы Гарибальди предстал перед Военным трибуналом за его неподчинение приказам. Но триумвиры почувствовали, что в таком испытании была бы определенная неуместность, которая могла привести только к беде, и они убедили Роселли отказаться от своего предложения. Влияние Гарибальди, действительно, было сильным не только среди его солдат, но и среди членов Ассамблеи; и Стербини, который, похоже, в целом подозревал все существующие правительства, потребовал, чтобы Гарибальди стал диктатором, а Роселли отнял у него командование. Это предложение, однако, Ассамблея отклонила и 3 июня провозгласила себя постоянной.

В тот же день Удино привел еще одно доказательство своих своеобразных представлений о французской чести. За день до этого он пообещал отложить атаку до 4 июня. Территория виллы Памфили расположена недалеко от Порта Сан-Панкратио и тогда была более густо поросшей лесом, чем сейчас. В ночь на 2 июня они были заняты тремя ротами болонцев. Эти солдаты, доверившись чести Удино, мирно спали, как вдруг в лес вошли две французские дивизии. Они окружили и взяли в плен 200 солдат; но оставшиеся 200 отступили с боем перед 8000 французами. Гарибальди поспешил с подкреплением, и бой продолжался с 14:00 до 18:00 3 июня. Четыре раза дома на территории виллы Памфили проигрывали и выигрывали. Стены сотрясались от грома французской и римской артиллерии, а дома были заполнены убитыми и ранеными обеих армий. Но предательство Удино увенчалось успехом и обеспечило ему столь выгодное положение, что дома в конце концов остались в руках французов, хотя и были настолько разрушены, что давали им очень мало защиты.

Иль ВАСКЕЛЛО, РИМ (взят после осады).

Эта борьба, казалось, только подстегнула энергию римлян к новым усилиям. Между виллой Памфили и воротами Сан-Панкратио стоял старый дом, который из-за своей формы был известен как Васкелло, или маленький корабль; и именно у стен этого дома почти месяц с тех пор генерал Медичи и Гарибальди держались против численности, выучки и вероломства французов. Ничто не могло сравниться с энтузиазмом римлян в защите своего города. Во время сражения стены были запружены народом; юноши, еще не способные носить оружие, ринулись в гущу сражения. И девушки отправились, пока пушки еще стреляли, искать мертвых, подбадривать сражающихся и лечить раненых. Но предательство неуклонно побеждало доблесть. Энрико Дандоло, молодой капитан полка Манары, собирался атаковать роту французов, когда французский капитан крикнул: "Мы друзья!" Дандоло приказал приостановить атаку и подошел к французу, протягивая руку. Французы сразу открыли огонь, и Дандоло и более трети его роты упали замертво. Удино, однако, переоценил доверчивость римлян; 12 июня он потребовал, чтобы его впустили в Рим на том основании, что его намерения были неправильно поняты и что он хотел обеспечить свободу Рима. Однако, когда ему напомнили о нарушении соглашения Лессепса, он продемонстрировал свое рвение к свободе Рима, продолжив бомбардировку города.

Но все же были некоторые французы, которые придерживались иных взглядов, чем Удино, на вопрос о чести своей страны. В тот самый день, когда началась бомбардировка Рима, Ледрю Роллен и его друзья, тщетно пытавшиеся добиться осуждения римского похода Французской ассамблеей, взялись за оружие в последней попытке отстоять честь Франции от ее вероломных правителей. Но революционные силы Франции были растратчены впустую в социалистическом восстании предыдущего года, и после доблестной борьбы поборники французской чести и свободы были подавлены генералом Шангарнье. Провал этих усилий, без сомнения, должен был вызвать ужасное разочарование у тех римлян, которые до последнего надеялись, что

Франция сумеет оправдаться перед теми, кто ее бесчестил. И, словно для того, чтобы показать римлянам, насколько изолированным становилось их положение защитников свободы, вскоре после этого до них дошла весть об окончательном падении германской свободы.

С 24 апреля, когда король Пруссии отказался от короны Германии, он неуклонно придерживался курса противодействия либеральным движениям в поддержку единства Германии; и 24 мая он отозвал прусских депутатов из Франкфуртского собрания. Это побудило других князей Германии распустить свои местные парламенты и отозвать своих подданных из парламента Франкфурта; в то время как усиление войск под Франкфуртом, казалось, ограничило свободу дебатов среди немногих оставшихся депутатов. Наконец, 6 июня немногие оставшиеся представители немецкого единства решили перенести место своей встречи из Франкфурта в Штутгарт. Баденские республиканцы тем временем избрали более решительный курс, в последний раз призвав к восстанию; но как конституционная, так и революционная попытка спасти свободы Германии оказалась безнадежной. 18 июня остатки германского парламента были разогнаны вюртембергскими солдатами; баденское восстание провалилось в значительной степени из-за ссор между польским генералом Мирославским и баденским генералом Сигелем; и прусские солдаты растоптали последние остатки немецкой свободы.

Тем временем австрийцы захватывали город за городом в римских провинциях, а французы подбирались все ближе к городу. Но энтузиазм римлян не ослабевал. Когда Гарибальди проходил по госпиталям, чтобы навестить раненых, несколько страждущих вскочили со своих постелей, чтобы обнять его колени с криками "Папа, папа"; а женщины галантно старались облегчить страдания раненых. Французы даже сейчас не казались абсолютно уверенными в победе; ибо, когда вылазка, запланированная Гарибальди на 22 июня, закончилась фиаско, некий мецье Корсель попытался возобновить дипломатические переговоры. Но Мадзини, предупрежденный своим опытом общения с Лессепсом, решительно отверг все предложения о переговорах; и борьба возобновилась. Однако положение Римской республики было действительно отчаянным. 24 июня пришло известие, что после двадцатипятидневной борьбы Анкона попала в руки австрийцев, которые почти сразу же нарушили соглашение, на основании которого она была сдана.

Тем временем французы медленно продвигались вперед в борьбе при Васкелло, Медичи постоянно оттеснял их назад. Многие дома были разрушены, но триумвиры предоставили жителям новое жилье в опустевших домах кардиналов. Когда французы снесли часть стен, горожане подобрали камни, чтобы починить их. Однако, наконец, 29 июня Удино решил предпринять последнее усилие и направил свои силы против дома Гарибальди, который был известен как Вилла Спада. Дважды захватчики атаковали этот дом, и дважды они были отброшены. Затем им удалось захватить баррикаду, возведенную перед домом; но римляне снова отбили ее. Гарибальди сражался среди своих сторонников, распевая боевую песню; и более сотни его солдат пали вокруг него. Семь раз баррикаду брали и отвоевывали; доблестный Манара был убит; и наконец, после двенадцатичасового боя выяснилось, что ворота Сан-Панкрацио больше неприступны.

30 июня собралось Римское собрание, и Мадзини предложил им три альтернативы. Либо они должны были продолжать оборону, что теперь казалось невозможным; либо они должны были полностью сдаться; либо, в-третьих, они должны были прорубить себе путь в провинции и продолжать борьбу там. Мадзини настоятельно настаивал на третьем варианте. Пока дебаты

все еще продолжались, Гарибальди в своей красной рубашке, заляпанной грязью, ворвался в Собрание. Он заявил, что дальнейшая оборона невозможна, если только они не будут готовы оставить Трастевере и разрушить мосты. В этих обстоятельствах он поддержал рекомендацию Мадзини о том, что они должны проложить себе путь в провинции и продолжать борьбу там. Чернушки, однако, предложил следующую резолюцию: "Римское учредительное собрание отказывается от обороны, которая стала невозможной, и остается на своем посту". Это предложение было принято; триумвиры передали свой пост муниципалитету, и был избран новый триумвират для выполнения условий мира.

Затем Гарибальди созвал своих последователей на площадь Сан-Пьетро и обратился к ним со следующими словами: "Мне нечего дать вам, кроме голода, страданий и битв; голая земля вместо вашего ложа и палящее солнце для вашего отдыха. И все же пусть тот, кто еще не разуверился в удаче Италии, следует за мной". Затем он вышел из порта Сан-Джованни в сопровождении 4000 человек. Они пробились в северную часть Римских государств, но после долгих страданий и лишений были вынуждены отказаться от борьбы. Уго Басси и другие попали в руки австрийцев и были расстреляны. Гарибальди и небольшой группе его последователей удалось бежать из страны.

Тем временем римский муниципальный совет попытался заключить соглашение с Удино; но, обнаружив невозможность добиться почетных условий, они заявили, что уступают только силе. 3 июля французские войска вошли в Рим; и, проходя маршем по городу, они обнаружили, что все магазины закрыты, и со всех сторон раздавались крики: "Смерть кардиналу Удино! Смерть солдатам папы! Смерть хорватам Франции!" В тот же день Римское собрание провозгласило с трибуны Капитолия Конституцию Республики. На следующий день полк французской пехоты силой распустил Ассамблею, и вскоре после этого для управления Римом была назначена Комиссия из трех кардиналов.

Надежды Италии теперь были сосредоточены на Венеции, где с тех пор, как Карл Альберт оставил Милан в августе прошлого года, республиканское правительство в одиночку боролось с Австрией. Отношение Чарльза Альберта к Венеции вызвало столь бурные чувства, что Манину потребовалось все его влияние, чтобы воспрепятствовать жестокой атаке на комиссара Сардинии. Сардинский адмирал, действительно, сначала попытался пренебречь приказами Карла Альберта и продолжить оборону Венеции, но через некоторое время он был вынужден отступить. Манин, однако, стремился заручиться иностранными союзниками для Венеции; и вскоре после того, как Карл Альберт покинул его, он обратился за помощью к Франции. Французское правительство отвечало этими туманными и дешевыми обещаниями, которые ничего не значили; в то время как английский консул в Венеции пытался сформировать в городе австрийскую партию; а лорд Пальмерстон беспокоил Манина всевозможными бесполезными предложениями о дипломатических компромиссах. Но если Манин не получил большой помощи от иностранных правительств, то он получил большую поддержку от тех итальянцев, которые еще не отчаялись в своей стране. В сентябре 1848 года 1200 солдат, служивших под командованием Дурандо, прибыли в Венецию, а 3 октября судно доставило из Генуи 6000 пушек. Австрийская блокада, действительно, становилась все плотнее, и 10 октября она стала настолько плотной, что в город нельзя было доставлять продовольствие. Но Манин так мало унывал, что 11 октября заявил Ассамблее, что Венеция находится в лучшем состоянии для обороны, чем когда в августе была установлена диктатура; и Ассамблея, в свою очередь, проголосовала за то, чтобы Манину и двум коллегам, которые были назначены ему в помощь,

было поручено ведение всех политических переговоров, за исключением ратификации Ассамблеей окончательного договора. Взаимное доверие между Манином и беднейшими слоями Венеции было настолько велико, что в январе 1849 года ему в помощь в правительстве были выбраны два гондольера.

Провозглашение Республики в Риме возбудило как симпатии, так и опасения Манина; ибо, хотя он видел в этом шаг к Итальянской республике, в котором Венеция могла бы принять участие, он также видел, что это может ускорить австрийское вмешательство в римские государства. Провал последней попытки Чарльза Альберта в апреле 1849 года настолько встревожил венецианцев, что Манин начал размышлять о желательности признания австрийского принца конституционным сувереном Ломбардо-Венеции. Но Провозглашение независимости Венгрии вновь возродило его надежды, и с этого времени его единственной целью во внешней политике было обеспечение и укрепление союза между Венецией и Венгрией. И все же май, в который был заключен этот союз, казался одним из самых отчаянных периодов в судьбе Венеции. Крепость Мальгера, расположенная на острове в лагунах, примерно в двух часах езды на гондоле к западу от Венеции, была ареной одной из самых ожесточенных битв между австрийцами и венецианцами. Генерал Хайнау высадился на этом острове и попытался захватить крепость; но венецианцы со своей стороны спустили воду, чтобы затопить австрийские траншеи, послали лодки под огонь австрийцев, чтобы доставить продовольствие защитникам, и предприняли экспедиции, чтобы угнать волов даже из страны, уже оккупированной австрийцами. Соппротивление было настолько отчаянным, что Радецкий расценил попытку Хайнау как неудачу и послал генерала Турна занять его место. Но, частично нарушив перемирие, частично благодаря численному превосходству, австрийцам удалось выстоять в этот день; и 26 мая, когда крепость была превращена в руины, венецианцы были вынуждены оставить Мальгеру и отступить на несколько островов ближе к городу. В следующем месяце Манин снова попытался вступить в переговоры с Радецким; но письмо Кошута побудило его быть твердым; и он выдвинул такие требования о независимости, что австрийцы с презрением отвергли их.

Однако, несмотря на поддержку, которую он послал Манину, положение самого Кошута становилось все более опасным. За провозглашением независимости от 14 апреля последовала отставка нескольких венгерских офицеров; и Гергей, хотя и неохотно сохранял за собой командование, становился все более и более враждебным в своем отношении к Кошуту. Это взаимное недоверие было одной из главных причин шага, не очень похвального ни для одной из сторон, который военные критики считают одним из самых неудачных в войне. 26 апреля Гергей и генерал Клапка отчаянным маршем освободили крепость Коморн от австрийцев; и Клапка и другие полагали, что, если бы Гергей развил этот успех, двинувшись на Рааб, он, возможно, смог бы возобновить сообщение с Веной. Кошут, однако, был озабочен тем, чтобы Буда-Пеш не остался в руках австрийцев, и поэтому он хотел, чтобы Гергей направил свои силы на освобождение столицы. Гергей, как и все военачальники, считал это предложение ошибкой; но он откровенно изложил свои причины, по которым он с готовностью подчинился приказам Кошута. Если бы он воспользовался своими преимуществами и вошел маршем в Австрию, в Венгрии, по его мнению, была бы провозглашена Республика; и компромисс с австрийским правительством стал бы невозможным; тогда как, заняв Буда-Пеш, он думал, что получит выгодную позицию, которая позволила бы ему убедить обе стороны принять измененную Конституцию Венгрии, которую он желал. Таким образом, большая часть мая была занята осадой крепости Буда, в то время как Гергей интриговал с противниками Кошута в сейме,

а австрийцы укрепляли позиции в Венгрии. И хотя Кошут с трудом сдерживался от интриг Гергея, он был встревожен известием о том, что на сцене снова появился более грозный враг.

1 мая австрийский император официально обратился к русским с просьбой оказать ему помощь в борьбе против его венгерских подданных; а в июне русские войска начали собираться у перевалов Карпат. 17-го полковник Сабо столкнулся с русскими близ перевала Темос. Когда он впервые двинулся им навстречу, он полагал, что имеет дело всего лишь с некоторыми перестрелочными отрядами, подобными тем, с которыми он имел дело ранее. Но в атаку бросалось все больше и больше солдат, и Сабо был вынужден отступить. Два дня спустя полковник Кисс во главе отряда секлеров выступил вперед, чтобы оказать сопротивление захватчикам; и, в то время как те, кто был на холмах выше, швыряли в русских камни и дерево, солдаты внизу, хотя их было всего 400 человек, сопротивлялись так храбро, что русские сначала бежали перед ними. В конце концов, однако, Кисс был лишен чувств выстрелом, а его солдат охватила паника, и они в беспорядке бежали.

Бем, вернувшийся в Трансильванию примерно в конце мая, теперь пытался сплотить секлеров, вдохновенно апеллируя к воспоминаниям об их прежней борьбе. 25 июня он отбил саксонский город Быстриц, а затем столкнулся в открытом поле с объединенным корпусом русских и австрийцев. Семь часов он держался против них, но подошло новое подкрепление, и он был вынужден отступить. Огромное количество русских, похоже, произвело впечатление на последователей Бема и усилило их первоначальную панику. Страна была захвачена врагом; Германштадт был взят и отбит, и когда 5 августа он наконец попал в руки русских, Бем чудом избежал смерти. Даже тогда он хотел продолжить борьбу, но 7 августа Кошут вызвал его в Северную Венгрию, чтобы посоветоваться с ним в его трудностях с Гергеем.

После попытки Месароша заменить Гергея Кошут был вынужден позволить первому вернуться к командованию; но он никоим образом не восстановил к нему доверия и чувствовал себя готовым ухватиться за любое предложение, которое помогло бы ему и его стране выбраться из возникших трудностей. Среди других предложений он предложил предложить Янку и румынским лидерам независимое командование венгерской армией и уступить им большинство пунктов, из-за которых они сражались. С этой целью он даже начал переговоры с Джанку; но Бем упорно выступал против этого плана, и переговоры ни к чему не привели. Но Кошут очень надеялся заменить Гергея Бемом. Однако против этого предложения выступил не только сам Гергей, но и Чаньи, который, похоже, во всем симпатизировал Гергею, а не Кошуту. Поэтому Бем вернулся на войну. Кошут, оставшись без поддержки, становился все более и более встревоженным. Чаньи и Гергей настаивали на его отставке; и, пока он сомневался, он получил известие, что Бем был опасно ранен в бою. Слухи, действительно, были преувеличены, и Бем написал письмо, чтобы заверить Кошута в незначительности его ранения и побудить его держаться стойко. Но это письмо так и не дошло, и следующей новостью, которую получил Бем, было то, что Кошут отрекся от престола, а Гергей был объявлен диктатором Венгрии. Бем написал Кошуту письмо с протестом и в то же время двинулся маршем в сторону Лугоса, в Банате, навстречу русским. Дембинский, который теперь служил в армии Бема, ослушался его приказа, и Бем потерпел поражение. В тот же день, 13 августа, Гергей сдался в Вилагосе со всеми своими силами русскому генералу.

В настоящее время считается, что эта капитуляция была необходима по военным соображениям. Успехи, достигнутые австрийцами во время осады Буды, и завоевание русскими

Трансильвании отдали Венгрию на милость завоевателя. Тем не менее, не подлежит сомнению, что ссора между Гергеем и Кошутом и фракции, которые первый возбудил в армии, в значительной степени способствовали достижению такого результата; в то время как что касается условий капитуляции, генерал Гергей так и не смог объяснить, как получилось, что, в то время как амнистия по отношению к нему так скрупулезно соблюдалась как австрийцами, так и русскими, генералы, единственная вина которых заключалась в том, что они служили под его началом, были безжалостно казнены Хайнау. Как бы то ни было, какими бы ни были оправдания этому поступку, капитуляция Вилагоша привела к поразительному завершению венгерской войны. Бем, действительно, поспешил обратно в Трансильванию и попытался поднять на ноги своих бывших сторонников; а генерал Клапка продержался в Коморне еще месяц. Но усилия Бема не увенчались успехом; защита Клапки лишь способствовала установлению более выгодных условий; и оба этих генерала, а также Кошут были вынуждены укрыться в Турции.

Известие о капитуляции Вилагоса достигло Венеции только 20 августа. Там Манину было очень трудно сохранять контроль, который был необходим для руководства делами; и 6 августа меньшинство из 28 человек в Ассамблее протестовало против его повторного назначения диктатором. К прочим ужасам осады добавилась холера; провизии становилось все меньше, и поэтому известие о капитуляции Гергея стало последней каплей, разбившей надежды защитников Венеции. Таким образом, 22-го числа правительство согласилось уступить. Манину удалось предотвратить беспорядки, которые, казалось, могли вспыхнуть при известии о капитуляции; и 30 августа окончательная капитуляция Венеции австрийцам положила конец долгой борьбе за свободу, начавшейся с сицилийского восстания 1848 года.

20 декабря 1849 года в швейцарской газете появилось следующее заявление: "Перед дверью Манина был установлен камень, на котором было выгравировано его имя. Австрийцы разломали его на куски, но мельчайшие его фрагменты были собраны венецианцами как священные реликвии".

Так закончился революционный период 1848 и 1849 годов. Эти революции показали невиданным ранее образом силу и слабость национального принципа. Энтузиазм по поводу свободы и способность к великодушному самопожертвованию, разжигаемые чувством общего языка и общих традиций, проявлялись в каждой из революций; и они наносили удар по чисто дипломатическим и военным соглашениям государств, которые производили длительный эффект. Но, с другой стороны, вместе с любовью к людям той же расы и того же языка во всех этих нациях со страшной силой пробудились ненависть и презрение к людям других рас и языков; и таким образом, в то время как лидеры движения учили тиранов об их опасности, они в то же время давали им защиту от этой опасности — еще одно оправдание старой максимы тиранов: "Разделяй и властвуй". Таким образом, работа революционеров не провалилась, но все же она не смогла достичь всех благородных целей, для которых была предназначена.

Время, последовавшее за поражением революционеров, должно было показать как их неудачу, так и их успех. Ни один здравомыслящий человек не мог бы ожидать, что мрачный период реакции с 1849 по 1859 год продлится долго. Но время пробуждения не было похоже на время первого рассвета надежды. Работа, которая была облагорожена мыслью Мадзини, мечом Гарибальди, государственной мудростью Манина и красноречивым энтузиазмом Чичеруаккио, должна была быть доведена до конца интригами Кавура и заинтересованными предположениями Луи Наполеона. На смену мудрости Роберта Блюма и дикой народной

энергии Геккерена должна была прийти суровая жесткая политика "крови и железа"; и, поскольку Германии не удалось поглотить Пруссию, Пруссии предстояло в конце концов поглотить Германию. Ошибки и предрассудки лидеров Венской революции должны были быть воспроизведены Шмерлингом без их самопожертвования или великодушия. Но в то же время Фрэнсис Дик, мудрый государственный деятель, который стоял в стороне из-за неприязни к более жестокой и беспринципной политике других мадьярских лидеров, должен был постепенно восстановить для своей страны свободу, которую она на время утратила в ходе революционной борьбы. Расовая борьба в Австро-Венгерской империи должна была возобновиться в более мягкой форме, а решение ее трудностей было отложено на отдаленное будущее; в то время как еще более опасные проблемы социализма, которые столь несвоевременно обрушились на граждан Вены и Берлина, должны были постепенно приобретать все большее значение в делах Европы. Таким образом, будет видно, что революции 1848-49 годов были лишь кульминацией движений, конца которых мы еще не видели; но, к добру или ко злу, они оставили след в Европе, который, вероятно, никогда не будет полностью стерт.

КОНЕЦ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЧИЗВИК ПРЕСС": К. УИТТИНГЕМ И КОМПАНИЯ, ТУКС КОРТ,
ЧАНСЕРИ ЛЕЙН.

СНОСКИ.

1. Корсиканец благородного происхождения, покинувший свою страну после того, как она перешла под власть Франции, и чье влияние использовалось Александром для поощрения его в проведении либеральной политики.

[1]

2. Популярное и патриотическое общество, обучающее немцев сопротивлению французскому игу.

[2]

3. Он поздравил меня с тем фактом, что обстоятельства избавили меня от ужасных испытаний, которым я обычно подвергаюсь; и, видя, что я улыбаюсь этому, он строго спросил меня, что бы я сделал, если бы от меня, как от других, потребовали выстрелить себе в ухо из пистолета, который предварительно зарядили у меня на глазах. Я ответил, что мне следовало отказаться, сказав инициаторам, что либо внутри пистолета был какой-то клапан, в который попала пуля, — в таком случае это был фарс, недостойный нас обоих, — либо пуля действительно осталась в ложе: и в таком случае мне показалось несколько абсурдным призывать человека сражаться за свою страну и считать своим первым долгом вышибить те немногие мозги, которыми Бог удостоил его". *Жизнь и сочинения Мадзини, том I.*

[3]

4. В качестве примера того, как он реализовал эту идею, можно упомянуть его чувство к Савойе. Он чувствовал, что по расе, языку и, возможно, симпатиям Савойя естественным образом тяготеет к Франции, в то время как ее географическое положение и образ жизни ее жителей естественным образом связывают ее со Швейцарией. Поэтому он желал, чтобы путем преднамеренного голосования избранного Собрания, а не фиктивного наполеоновского плебисцита Савойя решила вопрос о своей связи с Италией, Францией или Швейцарией. Мадзини выразил надежду, что суд примет решение в пользу Швейцарии.

[4]

5. "Mais M. Bulwer parler de faire la guerre, et faire la guerre sont choses bien différentes."

[5]

6. Document 158 to Gualterio Gli Ultimi Rivolgimenti Italiani.

[6]

7. Я чувствую, что необходимо какое-то объяснение отказа от того, что когда-то было одной из наиболее глубоко укоренившихся традиций среди всех либералов, интересовавшихся политикой того периода. Поэтому я должен заявить, что моим главным авторитетом в моем рассказе о параличе австрийского правительства во время восстания в Галиции и, как следствие, об их непричастности к какой-либо организованной резне является доктор Хербст, хорошо известный лидер немецких либералов в австрийском рейхстаге, который находился в Галиции во время восстания.

[7]

8. Я не знаю, в каком отношении он находился к более знаменитой Санта-Розе 1821 года.

[8]

9. Слово "Аншлюс", по-видимому, едва ли подразумевает столь полный союз, к которому впоследствии стремилась немецкая партия в Вене.

[9]

10. Эта петиция должна быть подробно изложена для того, чтобы изучающие Революцию могли осознать особый характер богемского движения, поскольку это единственное мартовское восстание, в ходе которого требование угнетенного народа жить в условиях мирного равенства рядом со своими бывшими угнетателями было на тот момент успешно подтверждено.

[10]

11. Ракоци до сих пор в значительной степени является национальным героем среди мадьяр, о чем свидетельствует название "Марш Ракоци", данное одному из национальных гимнов; ибо мадьяры в семнадцатом и начале восемнадцатого веков были готовы рискнуть отделением Трансильвании от Венгрии, если бы таким образом они могли обеспечить независимую основу для своей борьбы за свободу против Австрии, подобно тому, как венецианцы в 1859 году были

благодарны за освобождение Ломбардии от Австрии, хотя это и повлекло за собой потерю Венецией товарищей по несчастью под австрийским гнетом.

[11]

12. Эта сцена может напомнить английским читателям о тех жарких дебатах по поводу Великого протеста, когда члены Палаты общин "вложили бы свои мечи в ножны друг другу в животы, если бы пронизательность и великое спокойствие мистера Хэмпдена, произнесшего короткую речь, не предотвратили этого".

[12]

13. В результате различных усилий римских католиков вернуть греков в лоно Римской церкви возникло сообщество под названием Объединенные греки, которое признало власть папы Римского, сохраняя при этом греческий ритуал.

[13]

14. Чтобы избежать ненужных споров, я могу добавить, что мне прекрасно известно о тирании Милана над Лоди и другими маленькими городами; но факт остается фактом: реальная сила Ломбардской лиги в ее борьбе против Барбароссы заключалась в *равноправном* союзе крупных городов Ломбардии.

[14]

15. Следует признать, что некоторые члены парламента выразили протест против восстановления Радецким герцога Моденского; но тогда герцог Моденский не подчинялся Венскому парламенту, и Радецкий, восстанавливая его, действовал без их полномочий.

[15]

16. Пограничная река между Хорватией и Венгрией.

[16]

17. Также стоит отметить, что первой публикацией венской свободной прессы в марте 1848 года было стихотворение Л. А. фон Франкла, восхваляющее заслуги студентов перед делом свободы; но, хотя это стихотворение приобрело некоторую известность в то время, оно не так легко поддается переводу, как переведенное выше.

[17]

18. Следующий диалог взят из "Новой рейнской газеты".

[18]

19. Имеется в виду роспуск нескольких клубов по приказу Врангеля.

[19]

20. Я должен признать, что моя оценка Гергея во многих отношениях ниже, чем у людей, чьи возможности наблюдения за фактами и общая прямота суждений дают право на большое

уважение к их мнению. Я могу только заявить, что самые суровые суждения, которые я вынес о нем, основаны на его собственных мемуарах, то есть частично на фактах, изложенных в них, а частично на тоне, в котором они написаны.

[20]

21. Это был титул императора Фердинанда в качестве короля Венгрии.

[21]

22. Следует отметить, что румыны использовали, где это было возможно, старые римские титулы, чтобы подчеркнуть свою связь с древним Римом.

[22]

23. Совет, который рекомендовал Запретить.

[23]

24. Болонский священник, который следовал за Гарибальди частично в качестве капеллана, а частично в качестве адъютанта. Смотрите "Учеников" миссис Э. Х. Кинг.

[24]

Примечания переписчика.

Многие старые варианты написания были сохранены; в частности, написание многих славянских имен с буквой "ч" было оставлено без изменений. Были исправлены очевидные орфографические и пунктуационные ошибки, а тире, обозначающие диапазоны, были упорядочены как конечные (—), а не как исходные (—).

Дополнительно:

"Райзенштадт" и "Райценштадт";

"Voyvodschafft" и "Voyvodeschaft";

"Windischgräts" and "Windischgrätz";

"Буда-Пест" и "Буда-Пест";

"Krudener" and "Krüdener";

"Прессбург" и "Пресбург";

"Гаэта" и "Gaeta";

и "Црноевич" и "Црноевич" в каждом случае были приведены к последней форме. Буквы "утра" и "вечера", написанные заглавными буквами на странице 482, были переведены в нижний регистр ("с 14:00 до 18:00").

Все ссылки на мадам де Крюденер были упорядочены как "М^я", именно эта форма использовалась в основном тексте. Индексная запись де Крюденера на странице 505 была перемещена в соответствии с алфавитным порядком.

И "Даниэле Манин", и "Даниэль Манин" были использованы в тексте и не были изменены.

Дублированное слово на странице 319 ("оспаривается право сербов на пребывание в Венгрии") удалено.